

Введение

Предлагаемая книга рассматривает историю незакрепощенных крестьян Русского Севера XVII в. На основании обширного комплекса крестьянских документов и законодательства, относящегося к черносошному землевладению, автор исследует экономическое и правовое положение черносошных крестьян и их борьбу за сохранение своего статуса.

Изучаются все отрасли крестьянского хозяйства: земледелие, животноводство, промыслы. Охарактеризованы тягло-волостная жизнь и социальное расслоение крестьянства.

Издание рассчитано на историков.

Рецензенты: Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ и А. Л. ШАПИРО

АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ КОПАНЕВ

Крестьяне
Русского Севера
в XVII в.

Утверждено к печати

Ленинградским отделением Института истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства Р. К. Пазгале

Художник М. О. Разулевич

Технический редактор Ф. А. Юлиш

Корректоры И. А. Корзункина, Э. Г. Рабинович, К. С. Фридлянд

ИБ № 20852

Сдано в набор 05.08.83. Подписано к печати 13.03.84. М-10800. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага для множительных аппаратов. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15^{1/4}. Усл. кр.-отт. 15^{1/4}. Уч.-изд. л. 18.93. Тираж 1500. Тип. зак. 663.
Цена 3 р. 20 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение.

199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

Ленинское положение, что на XVII в. примерно падает начало нового периода русской истории, обусловило внимание советских историков к изучению XVII в.¹ Так как новый период, по мысли В. И. Ленина, характеризуется развитием в недрах феодальной формации капиталистических элементов, оказывающих влияние на усиление обмена, на рост товарного обращения в стране и на складывание всероссийского рынка, то и главное направление исторических исследований и публикаций источников шло по линии изучения социально-экономических проблем. Зарождение и развитие русской мануфактуры в XVII в., развитие ремесла, рост вольнонаемного труда, углубление специализации отдельных районов — вот темы, которые освещались в отдельных монографиях историков, а также в обобщающем труде «Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в.», вышедшем в 1955 г. Новые явления в социально-политической жизни развивались в обстановке обостренной классовой борьбы. Советские историки показали, что борьба народных масс в форме ли крестьянских войн (Болотникова и Разина) или городских восстаний, восстаний в национальных или казацких районах всегда была направлена против крепостнических отношений, тормозивших развитие общества, стеснявших рост тех новых явлений, которые рождались в экономике России. Правда, среди советских исследователей нет единогласия в вопросе о времени развития новых явлений (т. е. буржуазных отношений). Отдельные историки считают, что в век торжества крепостничества, узаконенного Уложением 1649 г. в качестве государственной системы, еще невозможно говорить о развитии в России сколько-нибудь заметных элементов капитализма ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве. Такие явления, как развитие мануфактур, применение наемного труда, рост торговли, еще не меняли сущности феодально-крепостнического строя или, как предпочитают говорить ученые этого направления, «укладывались в рамки феодально-крепостнической системы». «Укладывались», и это правильно, так как они развивались в недрах феодально-крепостнической системы, «не меняли сущности этой системы» — тоже верно, она укреплялась в XVII в. политически. И все же зарождение новых элементов в экономике (мануфактур, вольнонаемного труда, тор-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153—154.

говли) в их количественной определенности свидетельствовало о возникновении антагонизма в недрах господствующей системы. Очевидным выражением этого внутреннего антагонизма является классовая борьба, взрыв которой падает на XVII в. Движущей силой классовых выступлений были крестьяне и посадские люди, т. е. те социальные слои, где в результате внутреннего расслоения выкристаллизовывались элементы буржуазии, с одной стороны, и эксплуатируемого рабочего люда, с другой. Требования, выдвинутые во время восстаний, по вопросам торговли, пошлин, налогообложения, ограничения торговых прав иностранцев и т. д. выражали интересы торговых и промышленных людей. Правительство, как известно, не было глухо к этим требованиям: оно во многих случаях шло на уступки торгово-промышленной верхушке, предоставляя ей различные привилегии. К последним можно отнести покровительственный тариф Новоторгового устава 1667 г.

Итак, некоторые особенности классовой борьбы в XVII в. отражают назревающие противоречия в экономике крепостнической России — противоречия между нарождающимися новыми элементами и старым строем.

Новый материал по дискутируемой проблеме может дать изучение экономического и правового положения северного крестьянства в XVII в. — крестьянства в основном черносошного. Два обстоятельства благоприятно влияли на хозяйственное развитие черносошного крестьянства: оно было свободно от личной власти помещика и являлось собственником средств производства — земли. Как лично свободный, незакрепощенный человек и как собственник средств производства, черносошный крестьянин мог проявить инициативу не только в хозяйственной, но и в политической, и общественной областях. Известно, что в XVI в. под давлением крестьянских миров правительство проводит земскую реформу, определившую почти на полтора столетия формы крестьянского самоуправления на Севере, действовавшее с опорой на волости, т. е. на исторически сложившиеся общественные организмы. Уже в XVI в. в крестьянской среде благодаря активной мобилизации земель и промысловых угодий выделилась заметная экономически могущественная верхушка, сосредоточившая в своих руках значительные земельные и промысловые угодья, которые эксплуатировались с применением вольнонаемного труда. Крупные земледельческие и промысловые хозяйства втягивались в торговлю. В северной деревне XVI в. зарождались, по замечанию Н. Е. Носова, явления «предбуржуазного характера».² Нет сомнения, что их развитие продолжалось и в XVII в. Изучить это развитие и является задачей нашей работы.

Хотя XVII век и не представляет собой некоего этапа в развитии северного крестьянства, но выделение данного столетия для

исследования вполне обосновано и общими историческими соображениями, и состоянием историографии.

Оформление крепостничества в XVII в. как общегосударственной системы не могло не коснуться в какой-то мере и черносошного крестьянства. Влияние крепостничества на его развитие с наибольшей убедительностью раскрывают материалы XVII в. Особенно наглядно источники XVII в. запечатлели борьбу черносошного крестьянства против наступления крепостнического государства на их права, прежде всего на право свободного распоряжения землями. Стремление крестьян отстоять свои права на землю было формой борьбы за свободу. В XVII в. черносошный крестьянин сумел ее отстоять.

В обширной исторической литературе истории северного крестьянства в XVII в. посвящен ряд исследований.³ М. М. Богословский обстоятельно изучил земское в своей основе крестьянское самоуправление в Поморье XVII в. Рисуя организацию и деятельность самоуправления, Богословский привел значительный материал о крестьянском хозяйстве и внутренней жизни черносошных волостей Севера. П. И. Иванов исследовал поземельные отношения в северной деревне XVII в. преимущественно на материалах района Пинеги. З. А. Огризко в книге «Из истории крестьянства на Севере феодальной России XVII в. (Особые формы крепостной зависимости)» изучила положение одной группы северного крестьянства — половников — по богатому комплексу порядных Троице-Гледенского монастыря. Материалы XVII в. привлекались и в общих работах по истории северных крестьян А. Я. Ефименко, М. А. Островской и др., в которых рассматривались судьбы русской деревни, русской волости в хронологических рамках нескольких веков — обычно в XVI—XVIII вв. В обобщающем труде П. А. Колесникова о северной деревне XV—XIX вв., посвященном общей социально-экономической истории Севера, развитию агрикультуры и крестьянского хозяйства по XVII в. приводятся лишь отдельные данные, преимущественно статистического характера.⁴

Итак, как в специальных работах о северных крестьянах XVII в., так и в общих трудах разработаны отдельные вопросы: самоуправление, землеустройство, история отдельных категорий крестьян.

³ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909, т. I; 1912, т. II; Иванов П. И. Поземельные союзы и пределы на севере России в XVII в. у свободных и владельческих крестьян. — В кн.: Древности: Труды Археогр. комиссии Моск. археол. о-ва, 1902, т. II, вып. II; Огризко З. А. Из истории крестьянства на Севере феодальной России XVII в. (Особые формы крепостной зависимости). М., 1968; Ефименко А. Я. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере. — В кн.: Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884, с. 185—382; Островская М. А. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII вв. СПб., 1913.

⁴ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в. Вологда, 1976.

² Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969, с. 241.

Изучить внутреннюю жизнь северного крестьянства в XVII в., т. е. вскрыть социально-экономическое развитие его за столетие, и пытается автор в предлагаемой книге. Направление исследования определило и главное содержание книги: крестьянское землевладение, социальное расслоение и правовое положение крестьянства.

Здесь привлечены в основном источники, аналогичные тем, которые были использованы в нашей монографии «Крестьянство Русского Севера в XVI в.»⁵ Это прежде всего крестьянские поземельные акты, волостные учетные и делопроизводственные документы (веревные книги, разрубные списки, платежные отписи, судные дела, волостные челобитья в правительственные органы и т. д.). В соответствии с хронологическими рамками настоящей работы мы привлекаем документы почти исключительно XVII в. Лишь один документ XVI в. — Судебник 1589 г. — широко используется нами, так как он действовал на Севере в XVII в. и отражал правосознание черносотных крестьян.⁶

Большая часть крестьянских поземельных актов извлечена нами из архивов монастырей и церквей Подвинья.⁷ Документы подвинских монастырей пополнены актами вятских монастырей XVII в. и Вятского архиерейского дома. Нами учтены также актовые материалы Холмогорско-Важской и Устюжской епархий, напечатанные в томах «Русской исторической библиотеки». Большое число источников опубликовано в изданиях Вологодского объединения по изучению крестьян и Северной археографической комиссии. Особую ценность для нас представляли напечатанные П. А. Колесниковым итоговые поуездные дапные писцовых книг XVII в., публикации волостных документов Ю. С. Васильева, материалы по истории сельских поселений Н. П. Воскобойниковой, Я. Е. Водарского и др.⁸ Ограниченное значение для изучения истории северного крестьянства имеют переписные книги XVII в. (1646 и 1678 гг.), сохранившиеся по северным уездам. По своему содержанию (в них описывается мужской состав двора) они позволяют лишь выяснить структуру и численность крестьянской семьи и ее работоспособный потенциал. В последнее время такую попытку предприняла Е. Н. Бакланова по Вологодскому уезду.⁹

⁵ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.

⁶ Характеристика названных источников применительно к XVI в. дана нами в книге «Крестьянство Русского Севера в XVI в.» (с. 12—29). Она вполне подходит и к источникам XVII в., аналогичным по социальной природе и условиям возникновения.

⁷ Перечень архивов и фондов см.: Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 12—13, примеч. 31.

⁸ Характеристику изданий см.: Копанев А. И. Публикация и изучение источников досоветского периода по аграрной истории Европейского Севера за последнее десятилетие и их перспективы. — В кн.: Археография и источниковедение. Сыктывкар, 1977, вып. 4, с. 64—73.

⁹ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. М., 1976, с. 10 и сл.

При изучении крестьянства Севера в XVII в. мы исходим из того положения, что черносотный крестьянин по своей социальной природе принципиально отличен от частновладельческого крестьянина: он не закрепощен, он собственник своей земли, которая является основой его относительной свободы как мелкого производителя, ведущего личным трудом независимое индивидуальное хозяйство. Хотя эта точка зрения и подвергается в настоящее время критике, но именно с этой позиции возможно объяснить многие факты хозяйственной и общественной жизни черносотных крестьян XVI и XVII вв.¹⁰ (поземельная мобилизация среди крестьян и возникновение крупных крестьянских владений, свобода хозяйственной деятельности, как земледельческой, так и промыслово-торговой, и некоторые особенности правового положения). Культурный феномен Севера — высокое развитие архитектуры, письменности, народного творчества — объясняется также особенностями социальных условий — отсутствием крепостничества в широком регионе Севера.

Данную книгу мы рассматриваем как непосредственное продолжение нашей монографии «Крестьянство Русского Севера в XVI в.». Здесь изучаются те же проблемы истории черносотного крестьянства, но применительно к XVII в. Это позволило нам сократить историографические экскурсы, считая, что основной историографический материал приведен в предыдущей книге.

¹⁰ А. Д. Горский и А. М. Сахаров в своих статьях о феодальной собственности на Руси в XIV—XVII вв. отрицают за черносотными крестьянами право собственности на их земли и считают эти земли собственностью государства — всего класса феодалов вместе. Однако превращение аллодальной крестьянской собственности в феодальную авторы представляют себе по-разному. Для Горского уплата дани крестьянином в Древнерусском государстве уже свидетельствовала об отсутствии у него права собственности, ибо дань-налог есть рента, в которой реализовалось право собственности государства. Обрабатывающий земли крестьянин был лишь эксплуатируемым держателем. Следовательно, по Горскому, отношения государственного феодализма возникли еще в Киевский период. Для Сахарова отнесение крестьянской собственности к феодальной обусловлено не уплатой поземельного налога, а личной зависимостью производителя — вот критерий для отнесения данного вида собственности к феодальной. Проанализировав закрепостительные меры правительства по отношению к владельческим и черносотным крестьянам, Сахаров приходит к выводу, что черные крестьянские земли стали превращаться в феодальную собственность с конца XV в. и стали таковыми окончательно лишь с изданием Уложения 1649 г., т. е. с установлением государственной системы крепостного права. Тогда же, т. е. с XV в., развивается и система государственного феодализма (Горский А. Д. К вопросу о сущности черного землевладения на Руси в XIV—XV вв. — В кн.: Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979, с. 25—54; Сахаров А. М. Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI—XVII вв. — Там же, с. 55—108).

Крестьянское землевладение на Севере

Крестьяне Севера вступили в XVII в. при неблагоприятных условиях. Неурожайные годы начала века, зеленые, как их называли на Севере, а затем грабительские набеги отрядов интервентов нанесли урон крестьянскому хозяйству. Описывая результаты таких набегов, каргопольцы сообщали в челобитной царю 1619 г.: «Во 127-м году приходили в наш Каргопольский уезд польские и литовские люди, полковник Якуш Шаш войною и стояли, государь, в нашем Каргопольском уезде 4 недели, и ездили, государь, по деревням и по лесом, и сыскивая, многих людей посекали, и хлеб молоченой и немолоченой скормили, и лошадей вывели, а коров и овец выбили, а жен и детей позорили, а иных в полон свели».¹

Такие разгромы, под корень сметающие результаты многолетнего труда крестьянина,² происходили и в других районах Севера. Двинской летописец сообщает, что в 1613 г. «по взятии Москвы русскими людьми» на Вагу пришло около 7 тыс. интервентов, которые «многих мучаху, побиваху и животы их грабляху». Потерпев неудачу под Холмогорами, в декабре 1613 г. польско-литовские шайки «побежали назад на Вагу, а инни в Низовские волости и в Поморье, и тамо русских людей множество жгли, и мучили, и грабили, и побивали».³ Как видим, ареал грабежа распространился на все течение Двины и частично Ваги. Поморские селения были разорены захватчиками, осаждавшими в 1613 г. Сумской острог, хотя острог и не был взят. Еще несколько лет разрозненные шайки интервентов бродили по Северу, опустошая районы Белоозера, Устюга и Двины.⁴ Наблюдение Ю. В. Готье, что

¹ Веселовский С. Б. Акты писцового дела. М., 1913, т. I, с. 130.

² Крестьяне Тавренской волости писали в челобитной царю в 1621 г. о разбитых разбойниками деревнях. Стали они «пусты, жильчишка порознь разбрелися и скитаются в мире», а другие «рассечены и сожжены», пашни пусты, в деревнях жильцов нет, «пахать и твоих государевых податей платить некому». Тавренцы просят дать эти деревни на льготу (ГПБ, РО, ф. 759, Тавренские акты, № 33).

³ ИСРЛ. Л., 1977, т. 33, с. 152.

⁴ О положении на Двине в эти годы свидетельствует челобитная крестьян Двинского уезда Волока Пинежского от 10 мая 1614 г. Челобитчики жалуются, что двиняне «от польских и от литовских людей и от государевых изменников стояти не пособляют», что им, пинежанам, при-

разорение было сильнее «в местностях, ближе лежавших к большим торговым путям страны»,⁵ вполне подтверждается материалами Севера. Именно по рекам Ваге, Двине, Онеге двигались интервенты, именно здесь были более запустошенные земли.⁶ Но разорение Севера не шло ни в какое сравнение с запустением замосковных уездов. Наоборот, некоторые районы Севера даже пополнились жителями в эти годы. Например, в 1617 г. в Вильегоцкую волость Соли Вычегодской был послан подьячий о дозоре «прибыльных земель, которые в Вильегоцкой волости прибыли после писца ис пуста в живущее». Впрочем, такие «прибылые» земли, а значит, и население оказались не в одной волости, а во всем Соливычегодском уезде, как об этом свидетельствует дозор 1614/15 г., показавший прибыль в уезде в 6½ сох.⁷ Прилив населения наблюдается в 20-х гг. и в других восточных уездах. Так, по писцовой книге 1623 г., в Мезенском уезде починки («живущие» и обрабатываемые наездом) составляли около 20%.⁸ Выше процент починков в юго-восточных уездах Поморья — в Хлыновской округе. В пяти уездах ее (в Хлыновском, Орловском, Котельническом, Слободском и Шестаковском), по писцовым книгам 1628—1629 гг., числилось 1436 деревень и 1218 починков.⁹ Починки, селения, возникшие какой-нибудь десяток лет назад, составляли более 40% всех живущих поселений. Это указывает на приход сюда населения из районов, подвергшихся разорению в центре и на западе страны.¹⁰

ходится «на засеки» и «по лесам» ставить ратников «зиму всю, а сами, государь, своими головами с ними же». «А женишка наши и детишка, — пишут челобитчики дальше, — по лесам забут и скотишко наше з голоду померло» (Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1909, с. 100). Поручные 1613 г. двинских крестьян по людям, идущим в Емецкий стан «на засеки», сохранились в собрании Лихачева (Архив ЛОИИ СССР, собр. Лихачева, № 67/1).

⁵ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. М., 1937, с. 137.

⁶ О разорении Чароды, стоящей на Онежском пути, интервентами свидетельствует дозор посада 29 июля 1614 г. (АЮБ, т. II, с. 45—52). О разорении на Двине говорят и запустевшие дворы в Двинском уезде: в первой четверти XVII в. здесь их было 13,1%. Вряд ли прав П. А. Колесников, объясняющий пустоту отливом населения в восточные уезды. Если он и был, то, видимо, как следствие разбоя интервентов (Колесников П. А. Митрадия северного крестьянства в XVI—начале XVIII в. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вологда, 1970, вып. I, с. 353—358).

⁷ Веселовский С. Б. Акты писцового дела, т. I, с. 36—38.

⁸ Колесников П. А. Северная Русь. Вологда, 1971, с. 145. — В соседнем с Мезенью Кеврольском уезде починки составляли в это же время едва 3%: на 417 жилых деревень 13 починков (Воскобойникова Н. П. К истории заселения Кеврольского уезда в XVII—начале XVIII в. — В кн.: Социально-экономические отношения и классовая борьба в дореволюционной деревне. Калинин, 1970, с. 29).

⁹ Подсчитано по: Колесников П. А. Северная Русь, с. 150—187.

¹⁰ Выводу о притоке населения в вятские уезды не противоречит тот факт, что эти же писцовые книги засвидетельствовали здесь значительную дворовую пустоту (от 12,2% в Орловском до 31,8% — в Слободском).

Итак, степень запустения Поморья шла по убывающей с запада на восток.

Ни в начале XVII в., ни позднее не изменилось социально-экономическое состояние Поморья. В отличие от Замосковного края, где в XVII в. были полностью уничтожены черные земли — поглощены феодальным землевладением,¹¹ Поморье оставалось черносошным. Только в двух северных уездах — Вологодском и Белозерском — черные земли были розданы помещикам, в остальных уездах поместных раздач не было.¹²

Захват монастырями черных земель в поморских уездах не привел к изменению социального облика этих уездов. По данным М. М. Богословского, с 20-х до 70-х гг. XVII в. доля церковных земель в Двинском уезде возросла с 14 до 20%, в Кеврольском — от нуля до 2, в Яренском — с 5 до 6, в Соликамском — с 4 до 6, в Устюжском — с 7 до 10%; в Сольвычегодском уезде доля церковных земель в 70-х гг. оставалась на уровне 20-х гг. — 13%; в Заонежских погостах в 40-х гг. — 32%, в Каргопольском уезде — 3%; в Вятской земле в 70-х гг. — 24%. В остальных уездах монастырских земель не было или они составляли ничтожный процент.¹³ Светских феодальных владений в северных уездах, за исключением Вологодского (80,1%) и Соликамского (47%), не было.

Хотя Север в XVII в. оставался черносошным, в статусе черносошных земель и населяющих их крестьян произошли некоторые изменения.

В литературе отмечено, что в XVII в. власть государства над черносошными землями усилилась. Именно в XVII в., по мнению Н. Н. Покровского, государство преуспело в борьбе «за монопольное владение правом распоряжения двинскими черными землями».¹⁴ А. Л. Шапиро, придерживающийся теории «разделенной собственности», указал на правительственные законы XVII в., ограничивающие свободную мобилизацию черных земель, как на свидетельство усиления власти феодального государства.¹⁵

П. А. Колесников (Миграция северного крестьянства в XVI—начале XVIII в., с. 358) по этому поводу писал: «Видимо, хлынувшие массы мигрировавших крестьян из центрального и западного Поморья в эти перевалочные уезды на пути в Зауралье и Сибирь содействовали возникновению новых поселений. Но этот же поток, продолжая двигаться дальше, подхватывал не только непрочные осевшие контингенты пришлого люда, но и старожилов».

¹¹ Готье Ю. В. Замосковный край в XVII в., с. 230. — О «расхищении дворцовых и черных земель и угодий» правительствами смутного времени говорит и С. Б. Веселовский (Семь сборов..., с. 6, 7).

¹² Седашев В. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в. М., 1912, с. 6.

¹³ Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. I, Приложение II, с. 64—65.

¹⁴ Покровский Н. Н. Государственный феодализм двинской деревни перед началом освоения Сибири поморами. — В кн.: Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVI—XIX вв.). Новосибирск, 1968, с. 15.

¹⁵ Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л. О формах черного крестьянского землевладения XIV—XVII вв. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, с. 18—19.

А. М. Сахаров, считающий, что земельная собственность становится феодальной лишь с потерей свободы ее владельцем, т. е. черносошным крестьянином, видел в XVII в. в связи с закрепощением черносошных крестьян окончательное оформление государственной собственности на черные земли. И как следствие этого в черносошной деревне, по мнению Сахарова, складываются отношения государственного феодализма, развивавшиеся с конца XV в. На государственных землях господствуют, пишет Сахаров, «феодално-крепостнические формы эксплуатации» крестьян.¹⁶

Как видим, изменения в черносошном землевладении и социальном положении самих крестьян историки объясняют мерами правительства по ограничению прав крестьян на их землю и свободу, приведшими к закрепощению. Крестьянин выступает в трудах историков как объект правительственной политики, а не как субъект, который определенным образом влияет на политику господствующего класса и в конечном счете на осуществление его намерений.

Законодательство о черных землях

Источники позволяют выявить весьма активную позицию крестьянства к правительственным мерам по крестьянскому землевладению.

В. Седашев справедливо видел в дозорах черных земель в северных уездах 1613 г. проявление заботы правительства о сохранении этого фонда земель.¹⁷ Исторически выяснилось, что черные земли в Поморье поглощались церковной вотчиной, поэтому с начала XVII в. и на протяжении всего столетия правительство и общими указами, и частными предписаниями местным властям стремилось предотвратить переход черносошных земель в руки церковников. Если законы XVI в., ограничивавшие церковное землевладение, имели целью защитить феодальную вотчину, то законы XVII в., относившиеся к Поморью, оберегали от попользования старцев крестьянскую вотчину. Поскольку черносошные крестьяне свободно распоряжались своими землями (продавали, дарили, закладывали и т. д.), то правительственные указы формулировались не только как запрет церковникам приобретать земли, но и как запрет крестьянам отчуждать свои земли. Конечно, такая забота правительства о сохранении черных земель диктовалась не крестьянолюбием, а реальными интересами феодального государства: налоги и повинности черносошных крестьян составляли главную статью бюджета страны. Стремясь сохранить тяглица, правительство пыталось поставить заслон переходу черных земель не только к церковникам, а и к другим категориям нетяглого населения.

¹⁶ Сахаров А. М. Феодальная собственность на землю..., с. 103, 105.

¹⁷ Седашев В. Очерки и материалы..., с. 14—15.

Первые указы, запрещавшие монастырям и церквям приобретать черные земли, упомянуты в памяти двинского воеводы А. В. Хилкова заказному целовальнику Степанке Майкову с товарищами от 25 февраля 1621 г., где говорится, что в 1619—1620 гг. из Новгородской чети воеводе было писано: «Не велено на посадах посадским людям, а в волостях волостным крестьяном дворов своих и государевых оброчных и черных тяглых деревень и земель и всяких угодий в монастыри и к церквям в заклад отдавати и продавати».¹⁸ Заказной целовальник должен был довести это предписание до волостных жителей своего округа, обязав их выполнять закон под страхом смертной казни. В воеводской памяти говорилось, что наблюдение за «ослушниками» должны были вести «волостные люди», обязанные сообщать о них властям.

Как мы увидим, ни категоричность указов 1619—1620 гг., ни обращение к волости не изменили положения черных и оброчных земель: те и другие продолжали переходить в руки церковников.¹⁹ Правительство увидело причину этого в свободе распоряжения чернососных крестьян своими землями. В наказе Устюжской чети писцу Н. Вышеславцову повторяется строжайший запрет «под смертной казною» посадским и волостным людям отчуждать свои земли «в монастыри» «без государева указа», как целые вотчинные их деревни, так и отдельные угодья (сенные покосы, пожни и т. д.), принадлежащие этим деревням. Вместе с тем наказ запрещает приобретать угодья у деревень и «иным неким людям», и «прожиточным людям».²⁰ Если под «иными некими людьми» следует понимать, по свидетельству царской грамоты от 12 мая 1624 г., людей «нетяглых»,²¹ то под «прожиточными людьми», — конечно, местных богатеев, которые «у своей братии у крестьян» земли скупают. Итак, наказ 1623 г. идет дальше ука-

¹⁸ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 71. — Писцы 1623 г., ссылаясь на закон, аннулировали ряд приобретений Антониево-Сийского монастыря. Например, купленную игуменом Иной половиною дер. Еремеевской (у трех крестьян) они перевели в черные волости, «потому что они купили ту полдеревню в монастырь после государеву указу, а у ково они ту полдеревню купили и у тех по купчей велено взяти деньги» (ЦГАДА, ф. 1209, п. к. № 10, л. 647). Если монастырскую землю, купленную еще до указа, писцы переводили по тем или иным соображениям в черные волости, то в подобных случаях давалась замена. Так, о жеребье дер. Марковы, купленной в 1616/17 г. у московских торговых людей — у Р. Д. Щепоткина с братией, писцы записали: «Быть в государевых в черных волостях, а игумену Ионе с братиею в то место дано из черных волостей в отмен» (там же, п. к. № 9, л. 633); так же поступили писцы с куплей Антониево-Сийского монастыря 1617/18 г.: взяли в черные волости и дали в «отмен» (там же, л. 484); в отношении половины деревни, купленной монастырем в 1600/01 г., тоже получен «отмен» (там же, п. к. № 11, л. 3).

¹⁹ В царской грамоте 1624 г. констатировалось, что на Устюге крестьяне и посадские люди «угодья многие и ныне продают и закладывают, и по душам в монастыри и церквям отдают» (Веселовский С. В. Акты писцового дела, т. I, с. 279).

²⁰ Там же, с. 214.

²¹ Там же, с. 279.

зов 1619—1620 гг. Он запрещает не только отчуждение земель церковникам и беломесцам, но и сделки между крестьянами, считая, что скупка земли одними вредит хозяйствам других и приводит к падению тяглоспособности. Постановления устюжского наказа имели общее значение. В соответствии, вероятно, с таким же наказом писцы И. С. Благово и В. Архипов, описывавшие Сольвычегодский уезд в 1624 г., аннулировали все сделки крестьян на землю, совершенные в последнем году, и запретили «впередь волостным крестьянам ... меж себя деревень и пожен продавать и закладывать».²²

Попытка ограничить обращение земли между чернососными крестьянами шла вразрез с вековой практикой свободной мобилизации земли в северных уездах. В том же 1624 г. земские власти Устюжского уезда от имени посадских и всех волостных крестьян обратились к царю с челобитной, где опротестовали новый порядок. Как старинное состояние («изстари то ведется») характеризовали они право крестьян распоряжаться своими землями: «На посаде и в волостях деревни и угодья друг другу продавали и покупали, и закладывали», — писали устюжане в челобитной. При этом они утверждали, что такой земельный оборот поддерживал тяглоспособность крестьян. «А ныне без продажи и без закладу деревень и угодий на посаде и в волостях друг другу ссуды не стало, и многие де посацкие люди и волостные крестьяне в наших податях и в заемных деньгах стоят на правежи и в тюрьме, сидячи, помирают голодною смертию, потому что в наших податях и в заемных долгах искупиться нечем».²³ Вероятно, не столько доводы устюжан, сколько их единодушие и поддержка этого требования от других уездных миров побудили правительство отступить: «Устюжского уезда земских судеек, и старост, и целовальников, и посацких людей, и волостных крестьян, — писалось в царской грамоте 1624 г., — пожаловали, велели им меж себя деревни свои продавати и покупати, и в заклад давати тутошным тяглым людям».²⁴ Итак, не прошло и года, как запрещение поземельного оборота в крестьянской среде было отменено, оставалось в действии лишь предписание не отчуждать земли нетяглецам и церковникам. Это следует рассматривать как результат крестьянской борьбы за сохранение прав крестьян на землю, как одного из сословных прав чернососного крестьянства. И крестьяне пользовались этим правом, совершая сделки на землю не только в своей среде, но и отчуждая свои земли церковникам и беломесцам. Об этом свидетельствуют не только сохранившиеся поземельные документы, но и ход общего законодательства о чер-

²² Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. I, с. 59; грамота из Устюжской чети в Сольвычегодск о запрете посадским людям отдавать вкладом или закладывать дворы в монастыри датирована тем же 1624 г. (Веселовский С. В. Акты писцового дела, т. I, с. 283).

²³ Аналогичное челобитие подал, например, Сольвычегодский мир (Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. I, с. 59).

²⁴ Веселовский С. В. Акты писцового дела, т. I, с. 279.

носных землях. Запрет продавать тяглые земли нетяглым был включен в наказания писцам 20-х гг. XVII в. Так, в наказе вятским писцам 1628 г. было предписано земли, купленные монастырями, писать «особно» и указано: «А вперёд посадским и волостным людям заказати накрепко под смертной казнью, что б они вперёд в монастыри деревень своих и всяких угодей без государева указу не продавали и по душам не отдавали». ²⁵ Та же формула (с пропуском слов «без государева указу») повторена писцам Заонежских погостов 1628 г. ²⁶ В январе 1636 г. в Устюг была послана грамота, запрещающая давать деревни в монастыри и продавать или закладывать «гостиной и суконой сотен торговым людям». ²⁷ Аналогичный указ был издан 19 апреля 1645 г. ²⁸ Далее запрет был включен в наказ писцам 1646 г. ²⁹ В середине века, в 1651 г., был издан новый указ, запрещающий во всем Поморье отчуждать черные земли монастырям, церквам, подьячим съезжей избы и

²⁵ Там же, т. II, вып. 1, с. 70.

²⁶ Там же, с. 83.

²⁷ Там же, с. 381.

²⁸ Там же, с. 445. — Авторы коллективной монографии «Эволюция феодализма в России», оспаривая наше положение о том, «что черные крестьяне полностью и без всяких ограничений, бесконтрольно распоряжались своими участками», утверждают, видимо, имея в виду указанное законодательство XVII в. о запрещении крестьянам отчуждать земли в монастыри и нетяглым посадским людям, что и в XVI, и в XVII вв. «черносошные крестьяне могли заключать земельные сделки только между собой, из их контрагентов исключались даже посадские люди поморских городов». «На практике, — признают далее авторы, — это нередко нарушалось, и администрация постоянно стремилась пресекать подобные нарушения» (Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980, с. 42). Ряд утверждений здесь можно оспорить. Во-первых, о каких-либо запретах XVI в. отчуждать крестьянам свои земли кому-либо ничего не известно, тысячи актов XVI в. показывают, что крестьяне совершали сделки и с монастырями, и с посадскими людьми. Во-вторых, практика XVII в., а именно она и важна для историка, свидетельствует о той же «свободе распоряжения» крестьян землей, и не только «между собой», что вынуждены признать и авторы, но и с монастырями, и с посадскими. Оборот крестьянских земель в крестьянской среде («между собой») имел важнейшие социальные последствия. И, наконец, в-третьих, «об административном запрете». Документы показывают, что он был малодейственным. Применять на практике указы с запрете докупать земли нетяглым людям пытались в 1641 г. писцы Устюжского уезда. Подьячий Павел Давыдов писал, что он, следуя указам, хотел угождать и деревни, купленные нетяглыми людьми, «отписывать на ... государя», но «сильные и богатые люди, и горлавы, и лбедники за то меня и не взлюбил и всякие составы составляют на меня ... чтобы им дело замаять», и вынужден был просить об отставке. Богатей-землевладельцы, как видим, вели объединенную борьбу против царских указов (Веселовский С. В. Акты писцового дела, т. II, вып. 1, с. 379). Не является ли столь противоречивое положение закона и практики выражением «противоборствующих линий развития» (феодално-крепостнического и буржуазного) России в XVII в., о котором так правильно написано в другом месте монографии (Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России, с. 8).

²⁹ Седашев В. Очерки и материалы..., с. 102—103.

гостиной сотни торговым людям и вообще всем нетяглым людям. ³⁰ Указ категорически запрещал площадным подьячим и деревенским дьячкам писать крепости на тяглые земли, а священникам — руки к таким документам прикладывать. ³¹ Сохранились грамоты о рассылке указа в Устюг, Архангельск, Соль Камскую, Пермь, Сольвычегодск, что свидетельствует о всеобщности вводимой нормы. ³² В уездах указ доводился до местного населения. В грамоте от 4 июня 1651 г. на Двину предписывалось указ прочитать волостным людям «по многие дни». Воеводам грозили опала и отнятие вотчин и поместий, если они указ «утаят». ³³ Двинской воевода, столкнувшись с заявлениями ненюкшан, что они «указ не ведают», что «будто бы земские судейки им указ не объявляли», вновь (уже в 1670 г.) приказывает «памяти послать и прочитать вновь» указ царя, списать в книги и «держат церковным старостам в церквах», передавать при выборах нового старосты «с роспискою», а вновь избранным старостам и судейкам его зачитывать. ³⁴ Приведенное распоряжение воеводы показывает, как важны были для статуса черносошных земель нормы указа 1651 г., законодательно закрепившего поземельные сделки лишь в тяглой крестьянской среде. Именно на этот указ всегда ссылались местные власти при проведении всевозможных розысков о черных землях, попавших в руки монастырей и церквей. Например, в 1651 г. в Устюжском уезде осуществлялась конфискация черных земель, приобретенных монастырями, церквами и нетяглыми людьми. ³⁵ Такая мера проводилась в начале 50-х гг. в Двинском уезде и позднее, например в 1670 г. ³⁶

³⁰ Категорическое запрещение нетяглым людям владеть землями в волостях ослаблялось правительственными мерами. Так, когда были взяты в вотчину архиепископа Загорский стан и Чухченемская волость, то к архиепископу отошли и земли, купленные здесь людьми гостиной сотни, подьячими и «иных всяких чинов». Вопреки запретам, в данном случае нетяглые люди получили право «приписывать земель же инде из наших государских оброчных земель» (Сб. ГРЗ, т. II, № 92, с. 199).

³¹ ДАИ, т. III, № 88.

³² АИ, т. V, № 198.

³³ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 182.

³⁴ Там же, ф. 5, карт. 20, № 51. — Не только в Неноксе, но и в ряде волостей Двины об указе не знали. Так, во время розыска в середине 60-х гг. о черных землях, проданных церковникам, в трех из шести двинских волостей крестьяне заявили, что «государева указу» о «тяглых вотчинах» «не слыхали», а в трех — что им тот заповедный указ «ведом». При этом они заявили, что тот указ «для ведома в книги записали» (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 215).

³⁵ Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. I, с. 59. — В описании Вологодской губернии 1829 г. приводится царский указ от 8 июня 1652 г., по которому «отымаемые» у посадских и уездных людей деревни (полученные ими по купчим и закладным) возвращались им обратно «с хлебом и сенами, и скотиной, и со всякими вотчинами, и с садовыми заводами» с условием уплаты налогов «по волостным и пососным их разрубам с чернослободными тяглыми людьми в ряд, сколько по разводу на их деревню придетца» (Архив ЛОИИ СССР, кол. 11, № 32, л. 102 об.).

³⁶ В памяти от 7 марта 1670 г. двинской воевода предписывает подьячему съезжей избы Михалыцину ехать в волости, в приходы и монастыри

М. М. Богословский отметил особенности в законодательстве в западных уездах Поморья. В черносотном Заонежье указ от 20 июня 1649 г. запрещал земельные сделки между крестьянами и предписывал возвратить отчужденные земли прежним владельцам.³⁷ В 1652 г. аналогичный указ был издан по Каргопольскому уезду. Тот и другой указы были оспорены населением. Относительно Обонежья Боярская дума в сентябре 1649 г. отменила постановление о возврате земель прежним владельцам, мотивируя это тем, что «они (покупатели. — А. К.) на них живут многия лета и построились».³⁸ Каргопольский указ был несколько смягчен: покупатели или закладчики при возвращении земель должны были получить деньги, затраченные ими при покупке или при закладе.³⁹ Хотя постановление о запрете поземельных сделок в крестьянской среде было подтверждено и обонежским, и каргопольским указами, но о применении его на практике мы не имеем данных. Да и вряд ли запрет на сделки мог действовать в двух районах Поморья, когда его не было для всей северной области.

Отношение крестьян к законодательным запретам

Обычай распоряжаться своими землями был столь вековечен и привычен, что крестьяне постоянно нарушали запреты передавать свои земли в монастыри и церкви. На это были и экономические причины. Ненокшане, которые, по словам воеводской отписки, «свои вотчины ... продают бельцам», сказали на допросе, что «продавали они и закладывали тяглые земли и промыслы в монастыри и к церквям для своей скудости, а в миру у них тех тяглых земель и промыслов никто не купил»,⁴⁰ т. е. ненокшане нарушали запрет, выискивая платежеспособного покупателя. Точно так же заболоцкий дьячок, продав в 1668 г. «тяглые своей вотчины санные покосы» местной церкви, заявил, что продал церкви «для своей скудости, потому что ... из их мирских людей никто той земли не купил».⁴¹ Нарушения запрета были, видимо, во второй половине века так многочисленны, что в 1690 г. был издан новый указ. Л. Г. Дубинская в обзоре материалов Устюжской четверти 1675—1700 гг. приводит грамоту, разосланную из Устюжской четверти по городам в 1690 г. Она гласила: «Поморским посадским людям и уездным тяглым ... своих земель и деревенских участков и всяких угодий ... архиереям в дом и в монастыри и к церквям и церковным при-

«для распросу, кто и где купил» землю и промыслы вопреки царскому указу (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 51).

³⁷ Памятники русского права. М., 1963, вып. VII, с. 39, 130.

³⁸ Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. I, с. 60.

³⁹ Там же, с. 61, прим. 1.

⁴⁰ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 51.

⁴¹ Там же, кол. 47, оп. 2, № 215, сстав 3.

четникам и монастырским слухам и именитым людям Строгановым и гостем и гостиною сотни и всяким чинов торговцам не продавать и не закладывать, и во всякие крепости не укреплять».⁴² В конце XVII в. повторяется дословно тот закон, который издавался и в первой четверти, и в середине века. Черносотные земли попадали в руки беломесцев несмотря на запреты. Дубинская, исходя из документов последней четверти XVII в. центрального учреждения, ведавшего Севером, приходит к выводу: «Источники дают право говорить о свободном фактическом распоряжении крестьянами землею, находящейся в их владении, — продаже земли и закладах».⁴³ Изучив архив крестьянской семьи Артемьевых—Хлызовых, Н. П. Воскобойникова заключает, что черносотные крестьяне «свободно распоряжались находившимися в их пользовании земельными участками при условии передачи земли другому тяглу».⁴⁴

Как видим, веками бытовавший взгляд крестьян на свои земли как на свою вотчину проявился в XVII в. с особой силой в сопротивлении крестьян попыткам правительства ограничить их право распоряжения своими вотчинными землями.⁴⁵ Наименование «вотчина» в отношении крестьянского владения постоянно в крестьянских документах и довольно часто в правительственных актах.⁴⁶ Вотчиной признает крестьянское владение и суд,

⁴² Дубинская Л. Г. Материалы Устюжской четверти 1675—1700 гг. по истории северных уездов. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вологда, 1970, вып. 1, с. 500—501; РИБ, т. 12, ч. 1, № 215.

⁴³ Дубинская Л. Г. Материалы Устюжской четверти..., с. 499.

⁴⁴ Воскобойникова Н. П. Родовой архив крестьянской семьи Артемьевых—Хлызовых. — Археограф. ежегодник за 1966 г. М., 1968, с. 384.

⁴⁵ В царской грамоте от 30 июня 1622 г. по поводу передачи (продажи) владений Ивана Кобелева в Неноксе его женой Парасковьей Аптониево-Сийскому монастырю вслед за утверждением, что соляные варницы «за Иваном Кобелевым были на оброке, а не в вотчине», сказано: «А вотчинных земель в Двинском уезде, оприч монастырских вотчин, ни за кем нет и быть непригоже». Эта формула не относится к крестьянским землям, так как их правительство никогда не причисляло к разряду оброчных, что вытекало бы из контекста грамоты. Появление этой формулы в царской грамоте объясняется тем, что на промыслы Ивана Кобелева претендовал его зять Максим Лихарев — служилый человек, получивший их «по приказу» тестя, и как служилый человек мог их трактовать как свою вотчину. Чтобы пресечь эту попытку, и появилось утверждение, что на Двине вотчин служилых людей нет, есть только монастырские (Сб. ГРЭ, т. I, № 516, с. 578).

⁴⁶ Например, царская грамота 1678 г., присланная в Устюг воеводе, называет «вотчинными деревнями» владение крестьянина Даниила Иванова с Гнидина, которые были еще за дедом этого крестьянина и «крепки» ему по «писцовым книгам и по родству». Хотя вотчинные деревни рода крестьян Гнидиных находились около 40 лет в руках гостиною сотни торгового человека Никифора Ревякина, а потом гостя Василья Шорина, они решением правительства были возвращены крестьянину как его вотчина (ГПБ, РО, ф. 759, Тавренские акты, № 178). Два крестьянина Койдоурской волости добились возвращения им их «старинной пустоши За-теплиевской», которую писец Вельяминов ошибочно записал «за всеми крестьянами волости», именно как их вотчину (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5).

когда он решает дела о черносошных землях на основе глав XVI и XVII Уложения, посвященных феодальному землевладению.⁴⁷

Признание крестьянского владения вотчиной с правом владельца распоряжаться ею без какого-либо контроля со стороны государства позволяет заключить, что приведенные выше высказывания историков о некоем монопольном праве государства в распоряжении черными землями в XVII в.⁴⁸ или о значительном усилении власти государства над черными землями не соответствуют действительности, как она рисуется в разобранных законодательных памятниках.

Законодательство об оброчных землях

В XVII в. государство было озабочено также охраной оброчных земель от освоения их крестьянами как своей собственностью. Оброчные земли считались землями и угодьями великого князя, царя, т. е. государственными землями. Внешне это выражалось в актах сдачи таких земель крестьянам и в переоброчке их. Если акт сдачи путем оформления особой оброчной грамотой, где определялись границы угодья и размер оброка, представлял собой как бы пожалование, то институт переоброчки предполагал срочность оброчного владения. При переоброчке правительство как бы проводило торг оброчными угодьями и они переходили к тому, кто больше «наддаст», т. е. предложит более

высокий оброк.⁴⁹ Но переоброчки проводились редко и случайно. Но и тогда, когда они были всеуездным фактом, например во время описаний первой четверти XVII в., они сводились лишь к фиксации более высокого оброка — без изменения владельца. Таким образом, срочность владения для оброчных земель отсутствовала и крестьянин, получив раз на оброк землю, владел ею из поколения в поколение и уже не отличал от своих собственных земель, считал ее своей собственностью. Да и сам характер оброчного владения (пожни, наволочок, росчисть, сенной покос, присадная земля, присадный остров и т. д.), возникавшего в результате трудовой деятельности крестьянина, способствовал утверждению воззрения на него как на собственность разработавшего угодье владельца.⁵⁰

Эти воззрения крестьян выражались в практике свободного распоряжения и оброчными землями. Против свободного распоряжения и восстало правительство. В грамоте от 11 сентября 1625 г. из Устюжской четверти в Сольвычегодск писцам излагается запрос последних о противозаконных действиях крестьян с оброчными землями: «Наехали в Усольском уезде в станах и в волостях — кто возмет на льготу или на оброк деревню или сенной покос, или иное какое угодье, да те угодья, подержав

⁴⁹ Особое положение занимали оброчные земли на Вятке. Административные единицы — станы — делились на две части: на стан оброчный и стан тяглый, причем крестьяне тех и других составляли особые общины со своими старостами и целовальниками. Они описывались отдельно в писцовых книгах, хотя не составляли сплошной территории, а образовывались из земель, лежавших чересполосно. Крестьяне тяглых станов облагались тяглом, оброчных — оброком. Хотя оброк был несколько легче, принципиальной разницы между тяглом и оброком, как постоянными налогами, не существовало, поэтому М. М. Богословский и А. А. Спицын не увидели никакого существенного различия между тяглыми и оброчными станами (Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. II, с. 116—117; Спицын А. А. Земля и люди на Вятке в XVII в. Вятка, 1887, с. 5—6, 13—14). К тому же, по наблюдениям Т. А. Ряпухиной, оброчные крестьяне «владели оброчными наделами на том же праве, что и тяглые крестьяне. Право же черносошных крестьян Поморья на землю в XVII в. приближалось к праву частной собственности, хотя верховным собственником земли являлось феодальное государство» (Ряпухина Т. А. Оброчные земли на Вятке в XVII в. — В кн.: Русское государство в XVII в. М., 1961, с. 42). Ряпухина связывает появление оброчных земель на Вятке с активной колонизацией края в конце XVI—начале XVII в. Давая земли на оброк, правительство способствовало приливу сюда поселенцев (там же, с. 46—47).

⁵⁰ Даже оброчное держание монастырских земель, если оно было длительным, давало, по мнению крестьян, определенные преимущества. Это очевидно из челобитной группы крестьян палеостровцев на имя игумена Антониево-Сийского монастыря Феодосия об ограждении их от захватнических действий другой группы палеостровцев во главе с неким Калиной Лениным. Челобитчики свое право на оброчные земли обосновывали старинной — владением ими еще дедами и отцами. Они просят игумена им, «прежним владельцам по прежнему своему отеческому благословению и милости твоей теми оброчными землями для старинного владения и росчистями сродичев наших владеть по прежнему без всякие обиды» (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 313).

карт. 11, № 39). «Вотчинные своей покосы... в пяти местах лоскуты» продает крестьянин монастырю в 1662 г. (Сб. ГРЭ, т. II, № 185). В актах 70-х гг. упоминается вотчина Лагуновская, которой владел Лука Афанасьев с. Лагунов и продавал ее по частям (там же, № 191, 192).

⁴⁷ Так, в 1664 г. двинской воевода предписал земскому судейке отвести Антониево-Сийскому монастырю Савинской Починок, так как землевладелец, заложивший Починок монастырю, не уплатил долга. При этом воевода сослался на ст. 196 гл. X Уложения, в которой трактуется как раз случай просрочки залога (Сб. ГРЭ, т. II, № 36); другая память двинского воеводы от 11 мая 1675 г. разрешает крестьянину Прилуцкой волости Гаврилу Юрьеву обменять сенокосы с Антониево-Сийским монастырем на основании статей 2, 3, 4 гл. XVI Уложения, в которых помещикам разрешается обмен поместьями «четверть на четверть, и жилое на жилое, и пустое на пустое» (там же, № 53).

⁴⁸ Прежде чем вынести решение о передаче земли новообразованному монастырю, правительство выясняло, не принадлежит ли эта земля тяглым крестьянам. Так, в 1615 г. воевода Кеврольского и Мезенского уездов И. Нестеров в памяти предписал крестьянам Устьвашской волости выяснить, действительно ли земли, о которых просил священник Иов (основатель Рождественского Ущельского монастыря), находились в безоброчном «самовольном» владении крестьян и не вернулись мирской веревкой (Сб. ГРЭ, т. II, № 176). Когда данные монастырю островки «водой спесло», воевода утвердил за ним пожню Кимпавну, положенную в монастырь одним из крестьян (там же, № 177). В дальнейшем Ущельский монастырь расширяет свои владения за счет покупок и закладов, совершавшихся и во второй половине XVII в. вопреки запрету Уложения 1649 г. (там же, № 178, 183, 185, 187, 189—192, 198).

за собою, продают и закладывают, и те оброчные грамоты называют у себя крепостями, а кому продадут и заложат, тому и оброчную отдадут. А только сыскивать лет за 70 или за 100, и те деревни и пожни у них все так укреплены в вотчины». Отметив укрепление оброчных угодий крестьянами в историческом плане, писцы продолжают: «Да и ныне у них все так же ведетца — кто возмет на оброк или на льготу, да и продаст тою землю или деревню, и с тех земель со всех тягло тянут и оброк платят, а называют их своими купленными».⁵¹ Следовательно, грамота запрещает такую практику и в качестве санкции определяет: «Те земли у тех людей, кто продавал и покупал или в заклад имал, имать на нас и отдавать потому ж на оброк охочим людям, тем, кто больше оброку даст, потому что изстари те земли были наши, а отдавая они были на льготу и на оброк, а кому даваны и те люди, подержав за собою, продавали и закладывали наши земли, а им было те земли не для того даны, что им продавать и закладывать меж себя».⁵²

⁵¹ Веселовский С. Б. Акты писцового дела, т. I, с. 397.

⁵² Там же, с. 399. — Сохранилось большое число грамот о продаже и купле оброчных земель. Вот примеры наиболее ранних грамот. 11 июня 1602 г. Харитон и Иван Терентьевы покупают оброчные земли на Налбеевском острове, ранее купленные продавцами. 14 июня они же совершают другую купчую на оброчные земли в том же месте (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 6, № 58а). 4 декабря 1602 г. крестьяне продали Антошино-Сийскому монастырю две деревни, находившиеся «на оброке», и передали при этом 32 купчие грамоты (там же, № 66а, 67). 27 мая 1602 г. матюгорец Нечай отступился «г. ц. и в. к. земли, а своего владения» — пожню в Свиновце «по государевым оброчным грамотам и по своим купчим грамотам, что Нечай купил» у прежних владельцев. При сделке покупатель получил 2 купчие грамоты, одну закладную и государственную оброчную грамоту (там же, № 55а, сстав 11). В 1603 г. две оброчные пожни, ранее купленные продавцом, проданы владельцу, который их в 1617 г. продал в Антошино-Сийский монастырь (там же, № 78 и 78а). В 1611 г. один холмогорец продал другому оброчное место в Гавриловской деревне, которое было куплено братом продавца, и передал покупателю старые купчие грамоты, оброчную грамоту и дельную грамоту (оброчное место было поделено между братьями) (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 44). В том же году покупатель отдал это оброчное место Николо-Корельскому монастырю (Сб. ГКЭ, т. I, № 424). В 1615 г. крестьянин отступился ц. и в. кн. земли оброчной другому владельцу по оброчной и по дельной грамотам, взяв «на своем посыле» 6 алтын 4 деньги (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 6, № 78а, сстав 10). В царской оброчной грамоте 1622 г. сказано, что о-в Тыра, передаваемый Козьмеручьевскому монастырю, был «в купле за разными оброчниками» (Сб. ГКЭ, т. I, № 514). В 1628 г. Л. А. Пупцов заложил Антошино-Сийскому монастырю долю «пустоши по писцовым книгам» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 6, № 66а, сстав 12). В 1630 г. Третьяк Лентьев заложил Николо-Корельскому монастырю половину Прилудского острова, которую купил у двух дочерей Игнатия Лентьева по писцовым книгам, по оброчной грамоте и по старым письменным крепостям (Сб. ГКЭ, т. I, № 552—553). Царская грамота 1631 г. разрешает Антошино-Сийскому монастырю взять оброчный островок Жаровинед у подьячего Григория Маркова за его долг монастырю 100 руб. Островок подьячий держал по трем оброчным грамотам 1614—1620 гг. и

Однако категоричность решения ослаблялась предписанием оставлять за владельцами оброчные земли, если они ими владели более 40 лет. Это предписание подтверждало устойчивость владения оброчными землями в чернососной среде. Но правительство стремилось к утверждению понятия срочности оброчного владения. Для этого, а также чтобы увеличить оброчную сумму, оно прибегало к переоброкам. Иногда, как мы говорили, переоброку проводили писцы, но были попытки вызвать население на эту акцию. В 1647 г. царской грамотой было повелено в Двинском уезде «биричем кликати по многие дни»: «будет кто похочет государевых оброчных земель, и рыбных ловель, и мельниц, и санных покосов или иных каких угодий взять на оброк из наддачи, и они бы били челом г. ц. и в. к., а в Съезжую избу воеводам и дьяку об оброчных землях, и рыбных ловлях, и о мельницах, и о санных покосах, и о других угодьях, кто у кого ведаст безоброчно или на малом оброке». Челобитчики, продолжает грамота, получают «из наддачи» эти угодья «на урочные годы, а не впрок», без права продажи и заклада. Если оброчные земли числятся за монастырями или иноземцами, а «будут о них бить челом государевы крестьяне из наддачи», то они отбираются у монастырей и иноземцев и передаются крестьянам. «А вперед в монастыри и иноземцам оброчных земель и никаких угодий на оброк отдавать не велено, чтобы государевым крестьянам от монастырей и от иноземцев в земле и угодьях обид не было».⁵³ Как видим, верное своим установкам — преградить поступление оброчных угодий беломесцам — правительство выступает защитником инициативы чернотяглых крестьян. Стремится оно укрепить и идею срочности оброчного вла-

по писцовой книге с уплатой 2 рубля 11 алтын 4 деньги оброка (там же, № 555). По данной 1635 г. Иван Жданов передает «оброчные покосы» Козьмеручьевскому монастырю, указывая, что оброчная грамота хранится в съезжей избе (там же, № 583). В 1658 г. вдова в Вятке продает тяглу человеку «пожню свою оброчную, а не печишную». Печишной называлась тяглая земля (Труды Вятск. арх. ком. 1907 г. 1908, вып. II, № 56). В 1681 г. такая же купчая на землю («пожню... оброчную, а не печишную») была совершена по старой купчей в Хлынове (там же, 1908, вып. III, № 99).

⁵³ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 156. — На практике это постановление не всегда соблюдалось, о чем свидетельствуют многочисленные грамоты об отдаче монастырям оброчных земель и угодий в течение всего XVII в. Монастыри, как и крестьяне, владели оброчными землями вечно. Например, царская грамота от 1630 г., которой Антошино-Сийскому монастырю отдавался на оброк отнятый у крестьян Куростровской волости и холмогорцев о-в Свиновец, получила подтверждение и в 1683 г. (Сб. ГКЭ, т. I, № 549, 554). Правительство подозревало, что в волостях существует своего рода договор не переоброчивать земли из наддачи. В 1628 г. в 7 волостях Чароидской округи был проведен специальный сыск-опрос. Хотя крестьяне и ответили однообразно, «что записей у нас (в такой-то) волосте меж собою з зарядом, что друг у друга оброчных земель не перенимать из наддач и из доходов, нет», однако сам запрос на эту тему выявляет вышеуказанные подозрения правительства (Сенигов О. И. Памятники земской старины. СПб., 1903, с. 20—24).

депия. В царской грамоте от 19 апреля 1672 г. на Двину «урочные годы» ограничивались двумя, тремя или «по самой большой мере» пятью годами. «А больше пяти лет на оброки отдавать не велено», — говорит грамота. Но действительность была другой. В той же грамоте констатируется, что двинские крестьяне всякими угодьями «владеют без переоброченно многие годы, лет по 10, 15, 20 и больше, а иные крестьяне многие оброчные угодья меж собою продают и купят самовольством, а переоброчивать не хотят».⁵⁴ Практику наследования оброчных угодий запрещает царская грамота от 14 мая 1678 г., посланная на Вятку: «Оброчные всякие статьи по родству против купленных вотчин не отдаются, хто переоброчит, за тем те оброчные статьи и бывают».⁵⁵

Однако переоброчка, имевшая результатом смену владельца, встречала, как правило, протест со стороны тех, кто терял оброчную землю. Сохранилось большое число челобитных, в которых крестьяне жаловались на такую переоброчку. Например, бьет челом крестьянин Матигорской волости С. Климентьев «на двинянина» Замятинку Павлова, ибо он, Замятинка, «ложно» получил оброчное угодье — пожню Батюрмолу с леском, наддав 10 алтып. Оказывается, прежний владелец — челобитчик — эту пожню купил у четырех владельцев по «их купчим и по закладным земельным крепостям, и по оброчным грамотам, и по указной грамоте 130 г.». Купив оброчное владение, т. е. получив его не в результате переоброчки, крестьянин Климентьев хозяйство вал на нем, «работных людей на тое пожню наймовал ... великою ценою» и «от потравы берег». Челобитчик оспаривает переоброчку и просит оставить за ним оброчную пожню, соглашаясь добавить к прежнему оброку «наддачу», которую дал Замятинка. Правительство удовлетворило просьбу Климентьева.⁵⁶

⁵⁴ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 225. — В заключении к грамоте вновь повторяется норма указа 1647 г. об отдаче оброчных угодий «на урочные годы», рекомендуется устраивать «торги, хто больше оброку наддаст», и предписывается с тех, которые, «взяв оброчные угодья на урочные годы на 2, 3, 5 лет, а после урочных лет владели многие годы, и вы бы на те годы оброчные деньги велили на тех людех допра- едв ли применялась на практике, по крайней мере у нас нет сведений о «доимании» оброка за старые годы на уровне новой наддачи. Да и о тор- гах объявления почти не встречаются. Как правило, спор об оброчном угодье начинался с челобитных заинтересованных сторон. Переоброчка писцами производилась обычно назначением новой суммы старому оброчнику.

⁵⁵ Труды Вятск. арх. ком. 1907 г. 1908, вып. III, № 92, с. 154.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 137, Архангельск, № 23, л. 131 об.—136. — В 50-х гг. крестьяне Застровского стана просили аннулировать сделку переоброчки, так как переоброчники «тою наддачею те ренца и селные покосы у них отняли, а их деревни без селных покосов стали пусты и скотины кормить нечем» (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 393). В 1648 г. крестья- нин Петр Романов жаловался на подьячего съезжей палаты, что он «ложно» завладел Ельнинскою пустошью и утверждал, что он (Петр) «тем оброчным местом владел исстари по крепостям и в писцовых книгах то место

так как признавало куплю и продажу оброчных угодий вполне законной. Двинские писцы 1622—1623 гг. принимали и заносили в книги множество крестьянских актов, фиксировавших сделки на оброчные земли. Так, при описании оброчных угодий Курес- ской волости писец указал, что ими крестьяне владели в одном случае по двум купчим 50-х гг. XVI в., да по купчей и об- рочной 1555/56 г., по оброчной 1628 г., в другом — по двум куп- чим и по государственной грамоте 20-х гг. XVII в., в третьем — по государственной грамоте и по купчим конца XVI—начала XVII в.⁵⁷ Как видим, купчие 20-, 30- и даже 70-летней давности при- нимались в расчет, что доказывает нахождение оброчных угодий в руках одной семьи нескольких поколений.

Рассмотренный законодательный материал выявляет тенден- цию в политике феодального государства — «сохранить фонд чер- носопных земель в Поморье от расхищения их церковниками и беломесцами». Попытки ограничить обращение земель в кре- стьянской среде не имели успеха.

приписано к печищу их дер. Боровые горы» (там же, № 169). В 1644 г. устюжский воевода отдает крестьянам на оброк «без перекупки» жеребий починка Пронина, «потому что та их земля старинная, купленная» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 17, № 56).

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 1209, п. к. № 40, л. 47. — Однако, проводя классовую по- литику защиты интересов феодалов, правительство иногда совсем забы- вало о правах крестьян на оброчные земли, протекающие из их крепо- стей. Так, в отводной 1630 г. Антониево-Сийскому монастырю отписы- ваются оброчные земли на Свиновце, которые, по писцовым книгам Ми- рона Вельяминова, «написаны за посадскими людьми и за волостными крестьянами селные покосы и пашины и ренца на оброке по крепостям и по купчим». В данном случае ни запись в писцовые книги, ни крепости не обеспечили крестьянское владение. В царской грамоте от 26 февраля 1630 г. объяснялось, что лишение крестьян угодий на Свиновце обуслов- лено тем, что крестьяне из своей доли $\frac{2}{3}$ острова заходили за монастыр- скую межу и причиняли вред (у монастыря была $\frac{1}{3}$ острова). Здесь на- личио карающая политика государства (Сб. ГРЗ, т. I, № 549, 554).

⁵⁸ А. Я. Дегтярев, следуя за сторонниками так называемой теории раз- деленной собственности (А. Л. Шапиро и др.), наметившими эволюцию «от безраздельного права общинников на землю через разделенную соб- ственность (с государством. — А. К.) к ликвидации крестьянской земель- ной собственности», видит четкий переход «от второго к третьему аvenu» именно в разобранных нами указах. Насколько такое представление про- тиворечит действительному положению, мы стремились показать выше. Автор считает ликвидацию захватного права важным этапом в разви- тии крестьянского землевладения. «Крестьяне, — пишет А. Я. Дегтярев, — постепенно теряют право на производство свободных расчисток на лесу», его аннулирует ст. 239 X главы Уложения. Все это привело «к ликвида- ции захватного права крестьян» и ограничивало их инициативу (Дегтя- рева А. Я. Русская деревня в XV—XVII веках. Л., 1980, с. 167—168). Да, конечно, с усилением власти на местах (воеводского правления) уси- лился контроль за всеми сторонами жизни деревни, в том числе и земле- пользованием. Однако упоминания «росчистей» в крестьянских докумен- тах XVII в. говорят, конечно, о продолжении захватного права, потому что никаких разрешений на это не имеется. Далее, огромное число починков, особенно в восточных областях Севера, основанных безо всяких разре- шений, говорит о том же. Автор признает и само существование захват- ного способа, когда оценивает «непрерывное возникновение новых посе-

Мобилизация крестьянских земель

Более конкретно обрабатываемость крестьянских земель можно рассмотреть по данным поземельных актов XVII в., которые фиксировали сделки на землю или между крестьянами, или с участием крестьян в качестве одного из контрагентов.

Мы собрали свыше 850 таких актов XVII в., среди которых половину составляют купчие, около 200 — грамоты закладные, 170 — данные и небольшое число меновных, дельных и духовных (около 30 в каждой группе). Конечно, указанное число актов, относящихся к обширному району и к столетнему периоду, не позволяет раскрыть полную картину обращения крестьянских земель, однако они дают представление о главных формах поземельных сделок на крестьянские земли в XVII в. На первом месте стоит купля-продажа, на нее падает 50% сделок. Какие последствия для крестьянского землеустройства имели эти сделки, можно заключить из того, что в 50-х гг. XVII в. за 19 устюжскими купцами (братья Босые, братья Усовы, Ревякин и др.) числилось на 15 523 руб. купленных у крестьян сел и деревень, да «прожиточные и семьянистые крестьяне» накупили себе у одновосельчан земельных угодий на 1348 руб.⁵⁹ Столь значительные суммы предполагают многие сотни сделок купли-продажи, следовательно, и поземельных актов. Экономические причины отчуждения крестьянами своих земель, конечно, очевидны: нужда заставляла крестьянина продавать свои земли.

Как показывают собранные нами грамоты, заклад имел также большое значение в деле отчуждения крестьянских земель. К нему прибегали и купцы, и деревенские богатеи, но особенно заклад как средство захвата крестьянских земель использовали монастыри. Конечно, под заклад земель крестьяне брали деньги опять-таки в пору большой нужды. Обычно заклад превращался в продажу, а закладная — в купчую, что нашло отражение в ее формуляре.⁶⁰

лений» в качестве «ведущего способа хозяйственного освоения» (там же, с. 55). Наконец, и ст. 239 X главы Уложения не имеет прямого отношения «к захватному способу», а наоборот, она защищает межи бортовых, рыбных и сенокосных угодий от вторжений соседей, рекомендуя при этом заросшие сениные покосы «росчищать», разумеется, «в своих межах». Комментаторы ст. 239 в VI томе ПРП не отметили совсем того содержания статьи, которое усмотрел историк (ПРП, т. VI, гл. X, ст. 239 и с. 160—161). Свободу займки в XVII в. признает и П. А. Колесников (Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 45). На Вятке, по словам Т. А. Ряпухиной, «нельзя преувеличивать» роли властей (Приказной избы) в регулировании раздачи «пустых и неосвоенных земель». Черносошные крестьяне, как правило, самочинно захватывали и распахивали «землю из-под черного леса», не сообщая «об этом воеводе» (Ряпухина Т. А. Оброчные земли на Вятке в XVII в., с. 46—47).

⁶⁰ Как первый восточный человек...

⁶⁰ Как пример превращения залога в куплю приведем данные о по-
земельных операциях Черногорской пустыни. 3 февраля 1646 г. двинскому

Значительная доля данных грамот говорит еще об одном пути перехода крестьянских земель в руки феодалов. Хотя по данной грамоте крестьянская земля передавалась монастырю или церкви по внешне свободному волеизъявлению владельца, данные часто содержали условие о пострижении «за вклад» и содержании в монастыре в старости, о житие дарителя на своей земле «до живота», о погашении старых долгов и т. д. Следовательно, дарителями двигали не только религиозные чувства, но и определенные материальные расчеты. Меновые, дельные, духовные, хотя их и немного, свидетельствуют тем не менее о различных формах свободного распоряжения землей в черносошных волостях. Отметим еще один побочный показатель, имеющийся в актах: указание на земельные сделки, предшествующие данному акту. Оказывается, такие указания есть примерно в 30% купчих, в 11% закладных, в 12% данных. В некоторых актах сообщается о двух и даже трех последовательных сделках на одну и ту же землю. Например, в 1601 г. крестьянин Хаврогорской волости продал соседу часть деревни, которую он купил у Максима Оптинина, а последний ее купил у двух крестьян.⁶¹ Число передаваемой приобретателю земли документов (или перечисляемых в акте, если они оставались на хранении у отчуждающего) также показательно для характеристики живости обращения земель. Так, в купчей 1602 г. на доли двух деревень на Лисеострове продавцы передали приобретателю — мона-

воеводе строитель этого монастыря предъявил 14 закладных, данных крестьянами окрестных деревень. Под заклад своих участков крестьяне брали значительные суммы в долг (от 6 до 160 руб.), однако долг не возвращали, хотя сроки прошли (просрочки от 2 до 5 лет). На место был отправлен подьячий Яков Львов, чтоб допросить займщиков, «отступаются ли они от своих земель», а в случае, если займщики сбежали, то не хочет ли волостной мир выкупить их участки. Оказалось, что все займщики отказались выкупить земли, отказался выкупать и мир за двух отсутствующих (один сошел в Сибирь, другой — умер). Получив такой доклад, воевода приказал (5 марта 1646 г.) земским судейкам отвести заложенные земли монастырю, чтобы они уже в 1646 г. «в пусе не лежали». Старцев не удовлетворяло то неопределенное право «землю владеть, орати и сеяти и всякое руно сымати самому на себя и до выкупа», подтвержденное каждой закладной, им пужла была санкция воеводы, чтоб всякая тесть крестьянских претензий была снята с заложенных земель (Сб. ГКЭ, т. I, № 618). Санкции властей на переход заложенных земель в собственность залогодателя — обычная процедура. Так, в 1649 г. царская грамота предписывает двинскому воеводе передать Антониево-Сийскому монастырю сенные покосы на Луготине, заложенные ему четырьмя владельцами и невыкупленные ими (Сб. ГКЭ, т. II, № 2, 11). От 1680 г. сохранились две челобитные крестьян Яренского уезда «об укреплении» за ними Яренской Приказной дабой «просроченных» из заклада земель (Архив ЛОИИ СССР, кол. Лихачева, № 41/14, сстав 18—20).

⁶⁾ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 6, № 29. — В купчей 1634 г. указывается, что продавец купил землю у Карпа, Карп — у Ивана Давыдова с. Овчинника, Овчинников — у Ивана Шешенна, а последний — у Кузьмы Савина. Каждая сделка оформлена купчей, которые передаются при продаже земли в 1634 г. (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 114, сстав 11).

стырю — по 16 купчих на каждую деревню.⁶² Точно так же в купчей 1614 г., фиксирующей продажу земельных участков в трех деревнях, указано 10 документов (менных и купчих) для первой, 8 — для второй и 9 — для третьей.⁶³

По свидетельству Н. П. Воскобойниковой, продавцы земель в Заакакурскую пустынь в 60-х гг. в одном случае передали ей «старых путей письменных на ту деревню 17», а в другом — даже 45 («старых путей всех письменных крепостей купчих и закладных и менных на тое деревню и на все угодья»).⁶⁴ 13 купчих передал церковному старосте продавец половины деревни Ермолинской в 1671 г.⁶⁵ В том же году в Березницкой волости егорьевский церковный староста, купив землю, получил пять купчих и другие документы на нее.⁶⁶ Анализируя факты передачи старых документов при сделках черносошных крестьян Кеврольского уезда, Воскобойникова справедливо заключает, что крестьяне «свободно распоряжались своими дворами, пахотными землями, сенокосами и другими угодьями».⁶⁷

Чтобы наглядно представить, как часты были сделки на одну и ту же землю, рассмотрим отмеченный выше пример передачи с землей 13 купчих. В 1671 г. Никита Борисов с. Шняков продал за 21 руб. свою долю Ермолинской деревни (в Троицкой волости) церковному старосте. Вместе с землей продал хоромы, путики и ловища. При чем часть его владений (сенные покосы) уже была заложена в 4 руб. Сенные покосы должен был выкупить церковный староста в счет покупной цены. Никита Борисов передал при сделке 13 купчих грамот, отразивших историю его владений (табл. 1).⁶⁸

Как видим, с 30-х до 70-х гг. дер. Ермолинская (в какой-то ее части) была предметом покупок и продаж. Никита Шняков, продавец деревни, в 1671 г. купил ее части у четырех владельцев. Последние приобрели земли у 7 владельцев, а следующий ряд покупателей приобрел земли у 6 владельцев. В купчей Карпа

⁶² Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 6, № 66а, состав 1—2.

⁶³ Воскобойникова Н. П. Материалы по истории землевладения о землепользовании черносошных крестьян Кеврольского уезда XVI—XVII вв. — В кн.: Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР: Северный археографический сборник. Вологда, 1979, вып. VII, № 16.

⁶⁴ Там же, с. 124.

⁶⁵ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 114, состав 1—2.

⁶⁶ Там же, № 277. — В крестьянских домах скапливалось иногда значительное число документов. Так, при оценке имущества одного из крестьян Чухченемской волости в 1648 г. обнаружено в коробе «в пяти колодах письменные крепости, деревенские купчие и отписи и выборы, да церковные росписи и книги» (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 176). Широкий репертуар документов в коробах (выборы, отписи, книги) объясняется тем, что оценке подлежало хозяйство бывшего волостного данного целовальника. (Колода — долбленный ящик с крышечкой. В. И. Малышев разыскал несколько таких колодок, которые хранятся в Древлехранилище Пушкинского Дома).

⁶⁷ Воскобойникова Н. П. Материалы..., с. 124.

⁶⁸ Все купчие находятся в свитке (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 114).

Таблица 1

История сделок на землю крестьянина Н. Б. Шнякова

Кто и что приобрел	Первый продавец	Второй продавец	Третий продавец	Четвертый продавец	Читая и последующие продавцы
В 1663 г. «осмину обожженую» в дер. Ермолинской, «оприч двора, хомов» и «выходных земель».	У Степана Петрова с. Титова.	Степан купил у Терентия Васильева с. Шнякова.	Отец Ивана и Аврама приобрел Новинку у Тита Корнильева.		В 1653 г. Потап продал Новинку, которую он приобрел у Ивана и Аврама Федоровых, некоему Стефану Оспову Языкову, но к 1661 г. Новинка вернулась к нему. Иван Исаков купил у Завьяла Сакина.
В 1661 г. Новинку в дер. Ермолинской.	У Потапа Никифорова с. Лыжина.	В 1639 г. Потап купил третью Новинку у Ивана Федорова Лыжина. В 1639 г. Потап купил 2 доли Новинки у Аврама Федорова Лыжина. В 1635 г. Потап купил у Карпа Катасова в дер. Ермолинской «все без вывета».	Карп купил в 1634 г. у Андрея Иванова с. Опекалово. Карп купил в 1633 г. у Ивана Давыдова Овчинникова.	Опекалов купил ранее у того же Карпа. Иван Давыдов купил у Ивана Исакова.	
В 1656 г. — 16-ю долю дер. Ермолинской. В 1648 г. — 9-ю долю дер. Ермолинской, «оприч» того, что продано Войцикову, Федору Языкову, и двора, продавшего Давыду Титову. В 1651 г. — двор с подворною землей.	У Терентия Васильева с. Шнякова.	Терентий приобрел ее по купчей. Терентий приобрел у Карповой дочери и у ее детей.	Отец Фетилья Давыдова купил у пропавшей Домны Карповой.		

Катаева 1633 г. указаны еще три владельца, которые продали часть деревни. Следовательно, здесь угодья, пока они попали в руки церковного старосты, смелили за какие-либо 40 лет 8 владельцев.

Такая мобильность крестьянского владения наблюдается в истории многих деревень Поморья. Вот, например, дер. Чучепальская. Из отписи 1595 г. узнаем, что уже тогда имелось 6 купчих грамот, относящихся к этой деревне, которые взял «на соблюдение» Иван Губа Тимофеев сын и обязался «давать» 4 братьям Иевлевым (Титу, Юрию, Григорью и Тимофею) эти «пути» отдельно и вместе.⁶⁹ В 1604 г. Тит и Тимофей Иевлевы продали свои доли Петру (по прозвищу Первому) Филиппову с. Малетинскому. Из купчей узнаем, что другие братья получили себе земли в другой деревне — Кузминской, а две сестры их, дочери Иева, свои доли продали братьям во время раздела.⁷⁰ В 1605 г. Первый Малетинский продал купленную у Тита и Тимофея землю жителю этой же деревни Андрею Иванову с. Губина за 19 руб.⁷¹ Но через 6 лет, в 1611 г., за ту же цену Андрей Иванов «отступился и продал» все, что купил у Первого Малетинского, ему же — Малетинскому.⁷² Видимо, Андрею Губе понадобились деньги для покупки владения его братьев Тихона да Григорья, которые успели заложить свои земли за 12-рублевый долг у Логина Корелина. Андрей Губа дает братьям 5 руб. и уплачивает залоговую сумму.⁷³ Через год, 26 мая 1612 г., Первый Малетинский покупает и эту землю у Андрея Губы за 28 руб.⁷⁴ Однако Малетинский не смог удержать за собой дер. Чучепальскую. Сначала части ее он закладывает крестьянам (за 56 руб. по одной закладной и за 15 руб. — по другой), а в 1641 г. закладывает всю деревню за 160 руб. старцам Черноторского монастыря.⁷⁵ Закладная была написана на годовой срок, но и через 5 лет — в 1646 г. — на запрос подьячего съезжей избы, думает ли он выкупать дер. Чучепальскую, Первый Малетинский вместе с другими должниками Черноторского монастыря ответил: «У их, займщиков, денег нет и выкупать закладов своих нечем».⁷⁶ В 1651 г. сын и внук Малетинского подтвердили отказ от выкупа, деревня оказалась окончательно в руках монастыря.⁷⁷

Перипетии дер. Чучепальской в первой половине XVII в. выявляют оживленный оборот ее земель, в котором преобладают купля, залог и раздел между братьями и, наконец, очевидные эконоимические причины земельного оборота. Скупивший деревню

Малетинский не смог обойтись без залога сначала части деревни, а потом всей деревни.

Не менее показательна история дер. Алексеевской. Из документов конца XVI—начала XVII в. (из вкладной 1598 г.,⁷⁸ купчей 1612 г.⁷⁹) узнаем, что в дер. Алексеевской земли приобрели отец (Фома) и два его сына (Григорий и Юрий), отец — у брата своего Обакума, а сыновья — у других владельцев. Во вкладной старца Германа (в мире Григория) Николаевскому Моржегорскому монастырю сообщается, что свою куплю он «оставил в вотчину» детям Ивану, Осипу и Константину, а себе взял для вклада лишь сенокосные угодья. В 1612 г. сын Григория Константин продал священнику Андрею Иванову «половину своей деревеньки» (т. е. деревенского владения) по купчим деда и отца.⁸⁰ В 1615 г. сыновья Осипа Григорьевы продали тому же Андрею Иванову часть своих владений (в отцовской «в пятой доли треть» и др.).⁸¹ Три месяца спустя, в марте 1615 г., другие дворовладельцы дер. Алексеевской — Лука Степанов и три брата Русиновых — продали Андрею Иванову в половине деревни шестую часть, а в другой половине — восьмую.⁸² В октябре того же года остальную часть — полдеревни — Андрей Иванов покупает у Константина Григорьевы и тем самым завладевает всем деревенским участком этого крестьянина.⁸³ 22 января 1616 г. Андрей Иванов совершает две купчие: по одной ему продает Некрас Кузьмин «деревеньку свою в Алексеевской деревне», которая составила из купленной Некрасом земли (у Петра Афанасьева) и доставшейся ему от отца и матери,⁸⁴ по другой Андрей Иванов покупает у Меньщика Иванова с. Соколова «землю» в Алексеевской деревне, которую Меньщик купил ранее у Феофила Кузьмина.⁸⁵

На покупку земли в дер. Алексеевской за четыре года (с 1612 по 1616 г.) Андрей Иванов израсходовал значительную сумму — 90 руб. В писцовой книге 1623 г. в дер. Алексеевской описаны жеребьи Николаевского Моржегорского монастыря и церкви Иоакима и Анны, крестьянских же дворов тяглых всего два — двор Андрея Иванова и Кондрата Рыкалова, за тяглыми дворами числилось около 20 дес. пахотной земли и 3 дес. передела,⁸⁶ т. е. на двор приходилось почти в три раза больше пахотной земли, чем в соседних деревнях, что объясняется приобретательской деятельностью Андрея Иванова. Но крупное крестьянское (хотя он и был попом, но состоял в тягловом отноше-

⁶⁹ Сб. ГРЗ, т. I, № 350.

⁷⁰ Там же, № 395.

⁷¹ Там же, № 398.

⁷² Там же, № 420.

⁷³ Там же, № 422.

⁷⁴ Там же, № 430.

⁷⁵ Там же, № 598.

⁷⁶ Там же, № 618, с. 827.

⁷⁷ Там же, т. II, № 6.

⁷⁸ Там же, т. I, № 362.

⁷⁹ Там же, № 429.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же, № 446.

⁸² Там же, № 451.

⁸³ Там же, № 456; Константин Григорьев в 1623 г. проживал в дер. Родоновской, как свидетельствует писцовая книга.

⁸⁴ Там же, № 458.

⁸⁵ Там же, № 459.

⁸⁶ ЦГАДА, ф. 1209, л. к. № 10, л. 699—699 об.

нии наряду с крестьянами) владение Андрея Иванова распалось: оно было разделено между его двумя дочерьми и сыном, тоже попом, Иваном Андреевым. В 1626 г. две дочери попоа Андрея заложили свою долю дер. Алексеевской в Николаевский Моржегорский монастырь.⁸⁷ В 1637 г. их брат, Иван Андреев, дал вкладом часть своей земли в тот же монастырь.⁸⁸ В 1640 г. Моржегорский монастырь купил долю Алексеевской деревни у Третьяка Никитина с. Рыкалова, которая ему досталась от брата Кондрата.⁸⁹ Такова история дер. Алексеевской, доли ее активно скупались, закладывались и постепенно переходили в руки монахов.

Еще один пример о сделках, теперь уже пинежских крестьян на деревни и земли на Труфановой горе. В XVI в. путем купли и продажи отдельных участков здесь образовалось, видимо, крупное владение крестьянского рода Поршневых.

В 1602 г. один из представителей этой семьи — Семен Игнатьев с. Поршневы с детьми — продал племянникам Фоке и Федору Григорьевым детям свою долю Оксовской деревни, которую получил в результате раздела с братом Григорием. В купчей он называет ее «своей вотчиной», записанной в сотной грамоте («прадед наш и дед и батько описаны в сотных на Труфановой горе дворами и на деревнях на земле жильцами»). Кроме Оксовской деревни, он продает четверть дер. Кондратовской. За все было взято 16 руб. без 10 алтын. В 1606 г. Фока и Федор Григорьевы дети продают уже всю деревню Оксовскую, «землю отчину... отца своего статки и свое владение», с прикупными землями и угодьями «складнику своему» Окулу Семепову с. Овдеева. Продажа совершается «без выкупа и без отнятки» за 74 руб. В подтверждение своих владельческих прав продавцы перечисляют 9 купчих и одну меновную, в результате которых земли перешли в продающий род. Итак, земельные владения прапрадедов (что засвидетельствовано купчей 1602 г.) нисходящими наследниками в четвертом поколении продаются в другой род. Продавцы (1606 г.) остаются хозяйствовать в данной местности: они снимают с проданной земли рожь и перепосят на другое место одну непроданную постройку, у них, видимо, оставалась еще земля. Но покупатель Окул Семенов с. Овдеева держал деревню около четырех лет. В 1610 г. он продал все, что купил у Фоки и Федора, Ивану Карпову и его детям, взяв при этом 50 руб. Характерно, что продавец в данном случае называет землю не своей вотчиной, а лишь своим владением. В 1621 г. Иван Карпов в свою очередь продает эту землю братьям Василию и Никифору Ивановым детям Либорова и берет уже 85 руб. Он не перечисляет все передаваемые с землей доку-

менты, а в купчей только констатирует: «А старые все земные крепости введены в той Фокинской и Федоровской введены и вписаны», т. е. указаны в купчей 1606 г. Хотя во всех купчих на землю на Труфановой горе отмечается, что это «земля царя и великого князя», но распоряжаются ею на правах собственников (вотчинников или купивших) сами крестьяне, без какого-либо вмешательства верховного собственника.⁹⁰

Сделки крестьян с землей определяли само формирование деревни. Яркий пример тому являет история села Великое Пачеозеро, как она изложена в Сольвычегодской писцовой книге 1678 г. «Прежние владельцы, которые написаны в прежних писцовых приправочных книгах (перечислено 8 дворохозяев), все померли в разных годах», из наследников остались лишь двое: один, сын половника, половничает в другой деревне, другой ушел на посад. Село заустало. Как же оно сформировалось к 1678 г.? В 1678 г. писцы записали, что «владеют тем селом»: один — «по духовной тестя» 1649 г., двое — «по писцовой книге» 1645 г., один — «по отводной воеводы» 1662 г., один — «по меновой» 1671 г., двое посадских людей — один «по купчей» 1672 г. и «по закладной» 1677 г., другой — «по меновой» 1671 г. Из 7 владельцев только двое имеют земли «по писцовой книге», остальные 5 — по поземельным актам. Владение землей было основанием для эксплуатации одних дворохозяев другими: в селе насчитывалось 5 половников, трое из них сидели на земле посадских людей, один — на церковной земле и один — у крестьянина, кроме того, в селе было три захребетника.⁹¹

Поземельный оборот в деревне обуславливал явления социального расслоения.

Приведенные примеры обращения земельных участков в отдельных деревнях иллюстрируют те выводы, к которым мы пришли при рассмотрении более или менее значительной совокупности поземельных актов. Соотношение сделок купли и продажи, заклада и дарения, обнаруживающиеся в общем комплексе актов и в приведенных примерах, очень близкое, а это доказывает, что примеры отражают общие явления в крестьянском земле-владении. Одно из таких явлений — право крестьян распоряжаться своими землями. Считая свободу распоряжения атрибутом права собственности, мы и на материалах XVII в. приходим к заключению о поземельной собственности черносотных крестьян.⁹²

⁸⁷ Ивановский А. А. Отчет о поездке в Архангельскую губернию летом [1910 г.], № 21—24.

⁸⁸ Колесников Н. А. Северная Русь, с. 90—91.

⁸⁹ О крестьянской собственности в XVI в. см.: Попов А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 45—63. — В исторической литературе по этому вопросу нет единого мнения. Вопрос Н. М. Карамзина: «Неужели никогда не бывало в России крестьян-владельцев?» — остался им нерешенным (Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892, т. VII, с. 132). Во второй половине XIX и в начале XX в. при введении в научный оборот огромного количества источников по крестьян-

⁹⁰ Сб. ГИЭ, т. I, № 531.

⁹¹ Там же, № 588.

⁹² Там же, № 594. — По писцовой книге 1623 г., сам Третьяк Никитин жил в дер. Чернытинской. Родовая земля находилась и в дер. Алексеевской, где жил его брат Кондрат.

Землевладение приходских церквей

Крестьянскому землевладению присущ «компромисс между общинным и частным землевладением».⁹³ Как член волостной общины или более узкой деревенской общины крестьянин имел право в соответствии со своим наделом пользоваться общинными угодьями: выгонами, лесами, рыбными ловлями, местами охоты и т. д.⁹⁴ Отстаивая свои права на личный надел, крестьянин боролся также за право владения и эксплуатации общинных угодий — право, которое автоматически переходило к приобретателям крестьянских земель и никогда не оспаривалось общинами.

В северных волостях, помимо исконных угодий общего пользования, в XVII в. продолжали существовать и искусственно созданные общинные владения — земли приходских церквей. Поставленные, как правило, по инициативе волостян, приходские церкви в материальном отношении зависели полностью от прихожан. Волость, обращаясь к духовным властям за разрешением поставить церковь, обязывалась обеспечить ее землей, необходимой для содержания служителей церкви. Зависимость клира от волости объяснялась и тем, что его представители выбирались волостью из своей же среды. Выбор лишь утверждался духовными властями. Так, в отписке воскресенского попа из Кольского острога сообщается, что прихожане 21 апреля 1687 г. выбрали в дьяконы коляшину посадского человека Ивана Петрова и вместе с «выбором» отправили в Холмогоры на «поставление».⁹⁵ Через 2 года, в мае 1690 г., к церкви Воскресенья «поставлен» был священник, выбранный также прихожанами.⁹⁶ Клер обеспечен-

скому землевладению (труды А. Я. Ефименко, М. М. Богословского, П. И. Иванова и др.) господствующим стало мнение, что черпосопные крестьяне обладали «реальной собственностью» на землю (выражающейся в праве распоряжения), но «при верховной собственности государства» на нее. Однако некоторые историки видели лишь верховного собственника земли. Например, В. О. Ключевский, столкнувшись с многочисленными актами, фиксировавшими отчуждение крестьянами своих земельных участков, тем не менее утверждал: «... продавали собственно не землю, которая была казенная, а хозяйственные постройки, приспособления и инвентарь» (Ключевский В. О. Происхождение крепостного права в России. — В кн.: Ключевский В. О. Опыты и исследования. М., 1912, с. 282). Однако Ключевский ошибается: в подавляющем числе актов речь идет о землях, реже — о землях и постройках, еще реже — только о постройках и уже совсем не говорится ни о «приспособлениях» и «инвентаре».

⁹³ Ленинский сборник, XIX. М.; Л., 1932, с. 31.

⁹⁴ Общинные угодья волость иногда увеличивала, откупив угодья у крестьян. Так, в 1677 г. чухченемский земский судейка, сотский «и все крестьяне той волости» купили «перелог земли сенокосное место» у трех владельцев, получивших его по памяти съезжей избы (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 243).

⁹⁵ Там же, № 321.

⁹⁶ Там же, № 332: в 1684 г. крестьяне одной из волостей чароидской округи выбрали в попы «церковного дьячка... к церквам Преображения и Николая» и предписали «ему Гаврилу к церквам божим подвижнику и к болям и рожеицам такоже быти подвижнику» (Гос. архив Вологод. обл., ф. 1260, л. 74).

вался землей, причем волость сама определяла размеры владений отдельных членов клира.⁹⁷ 20 июня 1647 г. церковный приказчик и представители крестьян трех пинежских волостей (Чушельской, Петрогорской и Юрольской) написали «поровенную роспись» и поделили церковную деревню Николы Холмовского между попом и дьячком, определив первому две доли, второму — одну долю. Описав точно все участки («поля») пашни, перелога и сенокосных пожен (у попа оказалось 13 полей, 3 участка перелога, 8 пожен), крестьяне записали: «Тех никольских земель без нашего мирского ведома никакими делы промеж собою не переделывать и не переравнивать по сим нашим межам».⁹⁸

«Роспись» была положена в казну и служила тем волостным документом, которым определялась хозяйственная жизнь приходских служителей. Клер обеспечивался и жильем «за счет волости».⁹⁹ Волость стремилась «обелить» церковные земли. Так, в 30-х гг. лодомцы просили обелить дер. Павракульскую церкви Георгия, так как она загустела, «потому что ту землю орамую и сennie покосы водою снесло и песком замыло», и церковникам налоги «платить нечем»... «помирают голодной смертию».¹⁰⁰

Иногда на такой же основе строились мирские монастыри, которые содержались волостью. Примером подобного мирского монастыря может служить Лявлин монастырь.¹⁰¹

⁹⁷ Так, в 1614 г. архиепископ Вологодский и Великопермский по челобитию волостян Лодьмы разрешил поставить церковь Богоявления на волостной земле (РИБ, т. XXV, Лодом. акты, № 273, 274).

⁹⁸ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 172. — Эти земли, т. е. земли, представляемые клиру и занимаемые самой церковью и погостом, волостные документы именуют казенными землями. Так, в веревной книге 1678 г. Звонской Никольской и Коскошинской волостей отмечено 88½ сажень «Никольской волости казенные земли» и 81 сажень «Коскошинской волости казенной земли» (ГПБ, РО, ф. 1074, собр. Конищева, № 26, л. 25 об.—26, 51).

⁹⁹ В 1601 г. поп Лодомской церкви особой записью удостоверял, что взял 1 руб. церковных денег «на перестановку избы» (РИБ, т. XXV, Лодом. акты, № 256); 4 марта 1655 г. церковный староста Тавренской волости Максим Лукия получил 3 руб. «на церковное строение» (ГПБ, РО, ф. 759, Тавренские акты, № 66).

¹⁰⁰ РИБ, т. XXV, Лодом. акты, № 280, 285. — В 1620-х гг. крестьяне Куростровской волости просили обелить земли церкви, так как «тое церковные земли написал в черные сохи в тягло» писец Вельяминов (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 70).

¹⁰¹ Борясь против захватнических устремлений Антониево-Сийского монастыря в отношении Лявлина монастыря, крестьяне Княжеостровской волости, доказывая принадлежность монастыря волости, в челобитной царю писали, что он «исколивек, как Двинской уезд, зачался, более полтретых сот лет» «прародителю наших и наше мирское строение и владение всея Княжеостровской волости крестьян»... «постройки, и образы, и книги, и свечи, и колокола, и всякое церковное и монастырское строение наше мирское». Именно материальные затраты волости на церковное обзаведение в сознании крестьян были основанием считать их собственностью мира (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 17, № 175). Лявлин монастырь был приписан к Сийскому монастырю царской грамотой 1632/33 г., подтвержденной царем в 1653 и 1684 гг. (Сб. ГИЗ, т. 11, № 14).

Первоначально волость выделяла землю для самой церкви, дворы церковников — под погост.¹⁰² Земельные владения церквей со временем увеличивались за счет личных вкладов волощан, а иногда и за счет покупок.¹⁰³ Некоторые церкви имели по несколько деревень или жеребьев в отдельных деревнях, крестьянские дворы, по все это в очень небольших размерах. Так, по переписной книге 1678 г., в Двинском уезде приходским церквям, стоявшим на 42 погостах, принадлежали 94 деревни и жеребьи в двух десятках деревень, где числился 141 крестьянский двор, т. е. менее чем по полтора двора на деревню. Показатель, явно говорящий о незначительности церковных владений. С 20-х гг. XVII в. владения приходских церквей почти не увеличились. По писцовым книгам Вельяминова 1623—1625 гг., за 37 погостами (где было 66 церквей) числилось 19 деревень «белых» и 75 тяглых, где, помимо дворов клира, находилось 136 крестьянских дворов. Наибольшее число деревень, как по писцовым книгам 20-х гг., так и по переписным книгам 1646 и 1678 гг., имели церкви Ухтоостровской волости: Троицкая — 8, Богоявленская — 15. Но эти деревни в середине и в конце XVII в. были одноподворными. В них было 20 крестьянских дворов — церковных порядчиков.¹⁰⁴ У церквей 7 погостов Кеврольского стана, по книге 1623 г., ни у одной не было крестьян. На погостской земле жили причт и бобыли. Причт обрабатывал две или три церковные деревни.¹⁰⁵ Как размеры земельных владений приходских церквей, так и статус их (распорядителем их был приход, оп же вел церковное хозяйство через избираемых им церковных старост) не позволяют трактовать землевладение приходских церквей как феодальное, а церковных приказчиков — как «кор-

¹⁰² В памяти хлыновского воеводы говорится, что прихожане «воздвигли ... на оброчной земле храм ... попа и дьяка и пономари призывали, да росчитали ... им всеми приходскими людьми подле р. Моломы ... наволочек на сеной покосец». Воевода запрещает кому-либо вступаться в эту землю, ибо в противном случае «поп и крылошаны хотят отойти проч.» (Труды Вятск. арх. ком. 1907 г. 1908, вып. II, № 15).

¹⁰³ Например, Порфирий Дерягин дал волостной церкви четверть своих земель в Терехове и на Вильятове, что ранее приобрел его отец (РИБ, т. XXV, Лодом. акты, № 256, 259, 286); в 1671 г. крестьянин дер. Зубакинской «поступился» церкви Тавренской волости землею с засеянной рожью, так как сам «пошел в деревни ради хлебные скудости в мире прокормитца» (ГИБ, РО, ф. 759, Тавренские акты, № 108). В том же году крестьянин Кондрат Деписов продал церковному старосте Борецкой волости «и всем крестьянам, в церковную казну», «вотчинную свою деревню» — горные земли и новины с засеянной рожью и со всеми постройками (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 276). Сохранились купчие грамоты церковных старост Борецкой волости и за более ранние годы. Например, в 1625 г. у Харлампия Филимонова по прозвищу Седьмого куплены участки земли в трех деревнях (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 83).

¹⁰⁴ ЦГАДА, ф. 137, Архангельск, № 1, л. 311 об., 326 (переписная книга 1646 г.); № 15051, л. 30, 31 (переписная книга 1678 г.).

¹⁰⁵ Материалы по истории крестьянского хозяйства и новинностей XVI—XVII вв. М.; Л., 1971, вып. II, с. 153—156.

порацію эксплуататоров-феодалов».¹⁰⁶ Следует согласиться с мнением М. М. Богословского: «Земля мирской приходской церкви была одним из видов мирского имущества».¹⁰⁷ Этого же мнения придерживалась А. Я. Ефименко: «Находясь в зависимости от мира, разделяя с ним его чернотяглую судьбу, церковь (приходская. — А. К.) не успела развить в себе тех специальных землевладельческих свойств и тенденций, которые развили в себе монастыри».¹⁰⁸ Конечно, это заключение относится только к приходским сельским церквям. Крупные городские церкви, например собор в Холмогорах или Николо-Великорецкий собор в Хлынове, как раз были феодальными вотчинниками. Так, холмогорский Спасо-Преображенский собор в 1678 г. владел в двух станах и в девяти волостях нижнего течения Двины 23 деревнями, в которых насчитывалось 55 крестьянских и 4 бобыльских дворов. Вотчина была обелена и наподобие монастырской управлялась через посельских.¹⁰⁹ Архиепископ Афанасий, расширив владения собора за счет включения в его вотчину Загорского стана и Чухченемской волости (всего 28 деревень по описи 1678 г.), превратил владения собора в свою домовую вотчину.¹¹⁰

Документы приходских церквей не оставляют сомнения в полной зависимости церковного земледельческого хозяйства от волости.¹¹¹ Ведавший хозяйством церковный приказчик, избираемый волостью на год, действовал от имени волости.¹¹² Он вместе с «прихожанами» или «волощанами» принимал земли от вкладчиков, покупал или продавал их и совершал другие операции,

¹⁰⁶ Огризко З. А. Землевладение севернорусских волостных церквей в XVII в. — История СССР, 1961, № 3, с. 79.

¹⁰⁷ Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. I, с. 62.

¹⁰⁸ Ефименко А. Я. Исследования народной жизни, с. 267—268.

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. 137, Архангельск, № 15051, л. 723—732.

¹¹⁰ Сб. ГРЭ, т. II, № 68.

¹¹¹ Другие хозяйственные отрасли приходские церкви обычно не заводили. Как правило, по многочисленным счетным спискам, зерновые культуры, сено, которые церковь получала от порядчиков, шли на уплату церковных нужд, или продавались. Примерно из 150 порядных грамот приходских церквей, доступных нам, лишь в одной (1671 г.) на порядчика возлагалось: «С казенным скотом зиме и лете ведатца, кормить и поить, сено церковное тому скоту в церковный двор возити, а весной скот отдавать за пастуха», которому порядчик «третник» предоставляет корм и платит. Порядчику дается право доить коров «про себя». Тут же поставлено правило: «телят молоком кормить 6 недель» (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 279). Итак, у Троицкой Ухтоостровской церкви, видимо, заведено было и животноводство. В других документах этой церкви животноводство не упоминается.

¹¹² Вновь избранный церковный приказчик принимал от старого приказчика церковь (строения, утварь, книги) и другое хозяйство в присутствии волостных крестьян. Так, в июне 1629 г. память о «досмотре» Лодомской церкви составляла в присутствии 6 волощан (РИБ, т. XXV, Лодом. акты, № 292). В 1675 г. церковный приказчик одной из церквей Устюжского уезда продал церковную деревню «по велению» прихожан (Архив ЛОИИ СССР, кол. Лихачева, № 65/30, 31). В писцовой книге 1623 г. помечено, что церковную деревню Ракульской волости «после писцов церковный староста продал в черные волости... и писана та деревня в черных деревнях» (ЦГАДА, ф. 1209, п. к. № 10, л. 555 об.).

например поряжал подрядчиков на церковные деревни. Приходо-расходные книги, куда церковный приказчик тщательно заносил все расходные и приходные статьи, были настоящим зеркалом его финансовой деятельности. В конце выборного срока специальная счетная комиссия сверяла документы расхода — прихода, перемеривала наличный хлеб в церковных амбарах, пересчитывала деньги в церковной казне, церковную утварь и книги и выносила решение, признать ли приказчика чистым от претензий или «на нем надлежало взять начет». Из огромного числа примеров приведу несколько. В октябре 1627 г. богоявленский староста Давыд Максимов принял у прежнего старосты Семена Прокофьева казенного жита 528 мер, а, закончив старошение, сдал следующему старосте Якову 549 мер жита «едреного» и 23 меры зеленого. Приход хлеба за этот год (от подрядчиков) несколько превысил его расход. Счет был волостью принят.¹¹³ Другой результат имел счет троцкого приказчика Афанасья в феврале 1677 г. С него волость «допала» 39 рублей 26 алтын. Судя по росписям, неудачливый староста выплачивал эту сумму три года, причем часть денег внес сын приказчика Назар Афанасьев.¹¹⁴ Другой приказчик выплачивал начет в течение 10 лет.¹¹⁵ По другому счету наследники приказчика выплачивали его волостной долг через 30 лет.¹¹⁶

Строгий учет деятельности церковного приказчика свидетельствует о живой заинтересованности волостного мира в земледельческом хозяйстве церкви. Община оплачивала хлебом строительство и ремонт церквей, содержала причт и т. д., а часть хлеба продавала. Деньги использовала также волость. В приходской казне, судя по счетным спискам, лежали мирские заемные записи и часто на значительные суммы.¹¹⁷ Таким образом, церковь была и кредитным учреждением.

Волость стремилась увеличить церковные земли и защищала их. Так, Ровдогорская волость еще в XVI в. присоединила к своей приходской церкви Петра и Павла пустующую монастырскую деревню Молевскую, прилегающую к волостной земле. Крестьяне сумели даже записать ее в писцовые книги Звенигородского 80-х гг., получили сотную грамоту и уплачивали десятилетиями все государственные налоги. Только в 1612 г. Троице-Сергиев-

ский монастырь через суд вернул эти деревни себе, представив старинные крепости на ее владение.¹¹⁸

Судебное разбирательство показывает, что защита церковной земли была делом волости. Крестьяне воспринимали захваченную ими землю как общинную собственность.

Итак, любой разряд земель, который находился в сфере крестьянского землепользования, будь то личные наделы, земли, взятые на оброк, или общинные угодья — все они традиционно осознавались черносошными крестьянами как их собственность, которой они пользовались и распоряжались по своему усмотрению. Крупнейший знаток северной деревни П. А. Колесников пишет, что в XVII в. «широко практиковалось право крестьян распоряжаться своими земельными участками. Черносошный крестьянин считал себя собственником освоенных земельных площадей, которыми он мог распоряжаться, не испрашивая разрешения верховных властей, свободно-явочным порядком выбирать в лесах удобные участки и расчищать их под пашню и сенокосы».¹¹⁹

Обрацаемость крестьянских земель была важным явлением в истории черносошного землевладения на Севере и в XVII в. Она, во-первых, облегчала феодальным корпорациям и монастырям, церквям, архиерейским домам хотя и незначительно, но постоянно увеличивать свои вотчины, во-вторых, создавала условия для сосредоточения крестьянских земель в руках зажиточной волостной верхушки.

Захват феодалами крестьянских земель

Царское правительство в XVII в. не производило сколько-нибудь массовых раздач черносошных земель на Севере. Правда, в первой половине столетия Варзуга, Кереть и другие черные поморские волости¹²⁰ были отданы патриарху и монастырям, в 1658 г. епископу Вятскому и Великопермскому были переданы Бобинский оброчный стан и Лекомская волость,¹²¹ а в 1682 г. архиепископу Холмогорскому и Важскому пожалован Загорский стан и Чухчнемская волость.¹²² Однако это были разрозненные пожалования. Не склонное обогащать населенными землями владения духовных феодалов, правительство совсем не скупилось на раздачу им оброчных угодий или пустующих земель. Вятские

¹¹³ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1403, оп. 1, № 1.

¹¹⁴ Там же, ф. 1404, оп. 1, № 28.

¹¹⁵ Там же, ф. 1403, оп. 1, № 122.

¹¹⁶ Там же, № 53. — В результате счета куростровского дмитровского приказчика Василия Игнатова с него было взыскано 26 рублей 1 алтын и 4 деньги, 11 мер жита и 3½ четверика, которые он уплатил спустя десятилетия — в 1700-м и даже в 1706 г. (Архив ЛОИИ СССР, ф. 77, № 35).

¹¹⁷ Так, например, при счете церковного старосты Якова Митрофанова в 1629 г. в церковной казне обнаружена кабала в 20 руб. «на земского судью, и на сотного, и на волостных крестьян, что займовали у церкви Богоявления». Тут же находилось еще 7 кабал на «прошлых» земских судей и сотских на сумму 100 руб. (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1404, оп. 3, № 1).

¹¹⁸ Сб. ГРЭ, т. I, № 431, 433.

¹¹⁹ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 45. — Колесников, признав фактическую собственность черносошных крестьян на землю, которой они лишились впоследствии, XVII в. рассматривал как время «борьбы между крестьянами и государством за право владения землей». Отзвуки этой борьбы он видит в разобранном законодательстве.

¹²⁰ Сб. ГРЭ, т. II, № 143, 150, 159.

¹²¹ Книга отказная в Архиерейский дом на Бобинский оброчный стан 1658 г. — Труды Вятск. арх. ком. 1908 г., вып. II, с. 12—55.

¹²² Сб. ГРЭ, т. II, № 68.

монастыри и Архиерейский дом (домовая церковь Николая Великоречецкого) на протяжении всего столетия брали необжитые земли «рамецыя», расчищали их и, сажая крестьян, расширяли свои вотчины. Большое количество оброчных царских и воеводских грамот получили двинские монастыри, как старые, так и новообразованные. Из последних по числу сохранившихся оброчных грамот выделяется Черногорский монастырь, находившийся на р. Пинеге.

В августе 1606 г. грамотой царя Василия Шуйского предписывалось земскому судье Волока Пинежского отвести попу Макарию место, годное для монастырского строения «словес Черная гора», которое «от людей отдалело», с обязательством Макария построить здесь церковь и «называть братию».¹²³ 27 декабря того же года судья в дозорной памяти сообщает, что он землю отвел. Оказалось, что к этому времени Макарий уже построил церковь «до развалу», «трапезу» и 2 кельи, собрал братию — трех человек да трех трудников. Земли годной, по оценке судьи, десятиц десять, причем половина ее распаханна — «чищена прогалинами промежу лесом».¹²⁴

В 1631 г. по челобитью игумена Макария была дана новая царская грамота, в ней закреплялись владения монастыря, собравшего уже 9 «братов» и несколько трудников и распаханного около 28 дес. У монастыря появился починок, где жили три крестьянина. Владения феодала сомкнулись с землями окружающих крестьян.¹²⁵ В 1634 г. новая царская грамота подтвердила права монастыря на земли в связи с попыткой порядчика монастыря Ивана Афанасьева освоить монастырскую землю путем записки починка Васильевского (где он был порядчиком) в писцовые книги Вельяминова, что ему и удалось. Однако предъявление монастырем двух порядков: первого порядчика Василия (1615—1616 г.) и второго — Ивана Афанасьева (1622—1623 г.) — решило спор в пользу Черногорского игумена Макария.¹²⁶

В 1646 г. по царскому повелению Черногорскому монастырю передаются заложенные ему крестьянами по случаю хлебного недорода на Пинеге земли окрестных деревень, всего 17 верей.¹²⁷ В 1652 г. монастырь получает на оброк вновь объявившийся после писцов «среди Пинеги реки», «против Черногорского монастыря», «новоприсадной островок».¹²⁸ В 1654 г. царской грамотой подтверждались все оброчные угодья, которыми монастырь будет владеть «без переоброчки».¹²⁹ В 1661 г. двинской воевода даст монастырю сенокосные угодья, ранее паходившиеся в оброчном держании за крестьянином соседней деревни Завьялкой Созо-

новым, которому в пих было отказано.¹³⁰ В 1662 г. тот же воевода дал на оброк мельницу на речке Чушеле «со всяким мельничным заводом, и с двором, и с пашенными землями, и с рыбными ловлями», которые были отпаты у крестьян дер. Селюшинской.¹³¹

Тогда же монастырь получил на оброк Сояльское озеро с речками.¹³² В 1666 г. к этому были добавлены сennie покосы по р. Сояле, данные монастырю на 10 лет.¹³³ Такое распространение оброчных владений шло в ущерб владениям черносошных крестьян. Об этом свидетельствуют четыре мировые грамоты крестьян Сояльского стапа от ноября—декабря 1667 г. с монастырем, в которых крестьяне обязуются «на тех згодьях» без согласия монахов «впредь не владеть и не промышлять».¹³⁴ В конце XVII в. оброчные угодья Черногорского монастыря появились на Кулое¹³⁵ и Загубском берегу.¹³⁶

Аналогичным способом складывались владения Козьеручьевской пустыни, возникшей во втором десятилетии XVII в. в Ухтостровской волости.¹³⁷ Царская грамота 1622 г. закрепила за пустыней оброчный остров Тыр на Двине, против речки Вождорми, отпятый у холмогорских подьячих, владевших им по оброчным грамотам. Основанием к этому послужило то, что о-в Тыр был дан в пустынь еще в 1619—1620 гг. оброчниками, владевшими им по оброчной грамоте царя Федора Ивановича.¹³⁸ В 1624 г. писец Мирон Вельяминов дал пустыни на оброк пожню в Вашкарапской Юрмоле, которую еще в 1620—1621 г. завещал старцам ухтоостровцев Якимка Александров.¹³⁹ В 1628 г. царской грамотой Козьеручьевской пустыни даны оброчные угодья в Ухтостровской волости (присадное место, росчисть, ловчий песок) и в Налееострове (пашни худые на Плоском берегу), которые были прежде отчасти за подьячим Григорьем Ефремовым, отчасти за крестьянином с Ухтоострова Пронькой Онтоновым.¹⁴⁰

В 1646 г. Козьеручьевский монастырь «для рыбной скудости» получил по царскому распоряжению на оброк две тони на Зимней стороне — Травной ручей и Закошение, которыми владели

¹²³ Там же, т. I, № 403.

¹²⁴ Там же, № 408.

¹²⁵ Там же, № 556.

¹²⁶ Там же, № 573.

¹²⁷ Там же, № 618.

¹²⁸ Там же, т. II, № 8.

¹²⁹ Там же, № 15.

¹³⁰ Там же, № 25.

¹³¹ Там же, № 30.

¹³² Там же, № 38.

¹³³ Там же, № 39.

¹³⁴ Там же, № 41—44.

¹³⁵ Там же, № 78, 86.

¹³⁶ Там же, № 121.

¹³⁷ В 1620 г. в монастыре было 14 братьев, и он получал от царя на оброк на Двине «новорошчистое место, что они росчистили, и на том месте церковь воздвигнули, и землю распахану», хотя крестьян и бобылей у монастыря не было «ни одного человека» (Сб. ГРЗ, т. I, № 585, с. 753). Данная 1619 г. ухтоостровца Неронки Иванова называет пустынь «новопачальным местом... Прилуцкой пустыней Козья ручья» (там же, с. 755).

¹³⁸ Сб. ГРЗ, т. I, № 514.

¹³⁹ Там же, № 525.

¹⁴⁰ Там же, № 540.

по оброчным грамотам крестьяне.¹⁴¹ В мае 1681 г. царь Федор Алексеевич укрепил за монастырем земли и угодья, которые в писцовых и оброчных книгах за ними написаны, и тех «земель никому из оброку из наддачи отдавать не велено».¹⁴² В марте 1689 г. эта грамота была подтверждена царями Иваном и Петром.¹⁴³

Старые монастыри в XVII в. продолжали выпрашивать у правительства новые оброчные угодья. Однако главной их заботой было удержать в своем владении ранее полученные оброчные статьи. Характерна в этом плане царская грамота двинскому воеводе от 13 марта 1651 г. В ней после изложения жалобы Николо-Корельского монастыря на то, что «по ненависти ... сторонние всякие люди, хотя их изобидить и изгнать, бьют ... челом ... о тех их вотчинных угодьях на оброк из наддачи и отнимают оброком новою наддачею безденежно». Идя навстречу старцам, царь предписывает владеть им своими вотчинами «на старом оброке без перекупки», так как «от перекупных оброков чинитца им великая обида и продажа и утеснение».¹⁴⁴ Это постановление о запрете перекупки оброчных статей неоднократно встречается в частных, оброчных и общих грамотах, выданных Антониево-Сийскому, Архангельскому и другим монастырям. Перед феодальными держателями оброчных угодий правительство отступало, не настаивая на обязательных и регулярных переоброчках, заявленных в законодательстве. Шло оно на уступки феодалу и в случаях пожалования целых земельных комплексов, передавая при этом не только тяглые крестьянские земли, но и оброчные угодья. Так, в Загорском стане и в Чухченемской волости, перешедших архиепископу Афанасию, царской грамотой от 16 октября 1687 г. было предписано передать Афанасию все оброчные угодья, принадлежавшие оброчникам из других волостей.¹⁴⁵ Следовательно, и здесь у оброчных крестьян и посадских были отняты их оброчные угодья в угоду знатному феодалу.

Церковники увеличивали свои земельные владения не только за счет правительственных пожалований, но и благодаря инициативному стяжательству. Об этом свидетельствуют собранные нами акты. В 30% купчих покупателями земли выступают церковники, в 53% закладных кредиторами являются они же, в 100% данных речь идет о передаче земли исключительно в монастыри. Во второй половине XVII в. сделки церковников на крестьянские земли были мелкими: редко приобреталась деревня, чаще доли деревни, отдельные участки, полосы и т. д.

О результатах стяжательской деятельности монастырей на Севере можно судить по затраченным некоторыми из них средствам. В 50-х гг. XVII в. за Архангельским Устюжским мона-

стырем в купле и закладе было земель на 7968 руб., за Гледенским Великоустюжским — на 4114 руб., Ивановским — на 985 руб., Прилуцким Вологодским — на 1076 руб., Телоговым — на 268 руб., Введенским Сольвычегодским — на 200 руб., Коржемским — на 100 руб., за соборной Благовещенской церковью в Сольвычегодске — на 390 руб.¹⁴⁶ Изучив развитие Соловецкой волости в XVII в., А. М. Борисов устанавливает, что земельные владения монастыря «росли главным образом за счет общинных крестьянских земель путем скупки и заклада под кабальные ссуды». Этим способом росла вотчина и после Уложения 1649 г., которым «рост землевладения не приостановился».¹⁴⁷

Массивное, несмотря на законодательные запреты, наступление церковников на крестьянские земли встречало со стороны крестьян упорное сопротивление.

Борьба черносошных крестьян за землю

Разбирая законодательство, относящееся к черносошному землевладению, мы стремились выявить активное сопротивление крестьянства мерам правительства. Еще очевиднее активность крестьян выступает при рассмотрении борьбы крестьян в отстаивании своих земель от конкретных попыток захвата их феодалами. В борьбу включаются отдельные волости, группы волостей и целые станы.

Обычно крестьяне выступали с требованием о возврате захваченных феодалами земель в черносошные земли. Длительную борьбу под этим требованием вели крестьяне Емецкого стана: речь шла о возврате в «черные сохи» земель, полученных Антониево-Сийским монастырем в обмен на удаленные от монастыря деревни (за 100 и более верст), произведенный еще при Иване Грозном в 1578 г. Стремление крестьян вернуться в черносошное состояние проявлялось в течение десятилетий то в актах неповиновения монастырским властям, то в прямых обращениях к верховной власти аннулировать некогда произведенный обмен, вернуть их в «черные сохи».

О примечательном факте борьбы крестьян сообщает царская грамота двинскому воеводе от 5 декабря 1607 г. Крестьяне, жившие в некогда вымеченных деревнях, «учинились» Антониево-Сийскому монастырю «сильны»; они, по словам цитируемой в грамоте челобитной игумена Ионы, «дани и оброку и третного хлеба им в монастырь не платят... монастырского изделия не делают... игумена с братиею не слушают». Царь предписывает воеводе

¹⁴¹ Там же, № 617.

¹⁴² Там же, т. II, с. 215.

¹⁴³ Там же, № 96.

¹⁴⁴ Там же, № 4.

¹⁴⁵ Там же, № 88.

¹⁴⁶ Введенский А. А. Дом Строгановых, с. 142.

¹⁴⁷ Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI—XVII веках. Петрозаводск, 1966, с. 145—146.

И. В. Милюкову усмирить крестьян.¹⁴⁸ Тот факт, что «непослушными» оказались крестьяне некогда черносошных вымененных деревень, свидетельствует, что здесь причиной выступления было желание крестьян вернуть свой черносошный статус. Это подтверждается дальнейшим ходом дела, как он рисуется в одной позднейшей, от апреля 1649 г., челобитной крестьян Емецкого стана.¹⁴⁹

Оказывается, в 1608 г. от крестьян царю Василию Шуйскому было послано челобитие о насильствах монастыря. Крестьяне утверждали, что монастырь завладел их землями ложно, так как в обмен своих земель не дал, а, получив деревни, стал брать с них вдвое и втрое больше поборов, чем они платили, находясь на положении черносошных крестьян. Крестьяне жалуются, что игумен Иона запретил «деревень ... своих продавать, и покупать, и закладывать», т. е. лишил крестьян их вечнонаследственного права. На этот раз челобитие крестьян было удовлетворено, тот же воевода И. В. Милюков получил приказ отвести земли «из-за Сийского монастыря в тяглые черные сошки по своим вотчинным деревням», что воевода и сделал.¹⁵⁰ Но победа крестьян не была полной. Пользуясь тем, что «литовские люди заняли дороги и к Москве было ехать не можно» (с жалобами), игумен Иона повел себя как светский человек, не духовный, а воин. Он послал слуг, старцев и одного стрельца, чтобы расправиться с непослушными: их били, дворы ломали, сжигали, из изб двери выставляли, хлеб и сено увезли в монастырь, а крестьянина Митьку Крюкова убили. В 1610 г. крестьяне били челом царю на эти «насильства», в результате чего на Двигу была послана грамота таможенному голове Филиппу Зиновьеву.

Отписка Филиппа Зиновьева, опубликованная Н. Часвым, дает представление о ходе сыска и его результатах.¹⁵¹ Из нее мы узнаем, что челобитие царю доставили «Емецкого стану посыльщики» Шумилко Иванов да Носпелко Васильев «во всех крестьян место». В ней описывались «насильства» игумена Ионы в тех же выражениях, что и в приведенной выше отписке крестьян. Существенно одно добавление: «а от иных де крестьянских деревень тот игумен Иона з братею лутчие напешные земли и сенные покосы поотнимал и привел к своим монастырским землям», т. е. совершил действие, которое не соответствовало статусу черных

земель.¹⁵² Сыск Зиновьева подтвердил жалобы крестьян. Опрошенные ответили: их земли были «в черных сошках», и крестьяне платили налоги государю; игумен совершал «насильства». Крестьяне представили и крепости на свои вотчинные деревни. Обыск и документы убедили Зиновьева в правильности «отвода» земель челобитчиков в черные сохи, что он и сделал. Результаты сыска были зафиксированы в царских грамотах, утвердивших отвод земель от Сийского монастыря.¹⁵³ Три года — с 1610 по 1613 г. — крестьяне, как они писали в своей поздней челобитной, «деревнями владели ... дань и оброк платили в Новгородскую четверть ... и службы служили с мирскими крестьянами».¹⁵⁴

Феодал — Антониево-Сийский монастырь, — конечно, не смирился с этим. С восшествием на престол царя Михаила, отцу которого игумен Иона оказывал помощь во время нахождения его в ссылке в Антониево-Сийском монастыре, возможности закончить спорный вопрос с крестьянами в свою пользу у монастыря явно возросли.¹⁵⁵ В 1613 г. монастырь отправил челобитие царю, что обмененные деревни отнюдь не отведены от монастыря и что крестьяне уклоняются от платежа налогов. Двинской воевода Н. Пушкин послал в вотчину воинскую силу — 100 стрельцов, «перенимал крестьян», заковав «в железы», свез в Архангельск. Здесь, по словам крестьянской челобитной, «по научению игуменскому воевода и дьяк били нас, сирот твоих, кнутом и отдали без сыску за тот же Сийский монастырь».¹⁵⁶ После расправы с крестьянами игумен Иона берет с них особые записи (сохранилось 33 записи),¹⁵⁷ в которых крестьяне называют свои челобитные ложными и обязуются далее дел о возврате земель не возбуждать и во всем игумена слушаться. В цитированной крестьянской челобитной эта деятельность игумена оценивается следующим образом: «Имал с мучением поручные записи, что нам, сиротам, к Москве не ходить и государю челом не бить» и «вотчинниками на те свои вотчинные деревни не называтца».¹⁵⁸ Однако и эти

¹⁵² Там же, с. 37. — Схожую аргументацию выдвинули пенокшане, протестуя против передачи Неноксы Кириллову монастырю: «А за Кирилловым монастырем, государь, жити нам невозможно и с отчин своих от старцев и от слуг быть нам изгнанным» (Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 57).

¹⁵³ Эпизод с выдачей царской грамоты о возврате крестьянам емецких деревень игумен Феодосий в челобитной царю от 9 января 1649 г. излагал так: во время прихода польско-литовских людей под Москву «тех отменных деревень крестьяне своим воровством игумена с братею слушать не учали и дву старцев убили», служек побили, казну грабили, хлеб и сено свозили «спьяно» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 19, № 33).

¹⁵⁴ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 19, № 28.

¹⁵⁵ Во взаимоотношениях игумена Ионы и Филарета Н. С. Часов видит причину успеха Ионы не только в разрешении этого поземельного спора, но и хозяйственного расцвета монастыря в первом 30-летии XVII в. (Часов Н. С. Из истории крестьянской борьбы за землю..., с. 27—30).

¹⁵⁶ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 19, № 28.

¹⁵⁷ Три из них опубликованы Н. С. Часвым (Из истории крестьянской борьбы за землю..., с. 46—49).

¹⁵⁸ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 19, № 28.

¹⁴⁸ Часов Н. С. Из истории крестьянской борьбы за землю в вотчинах Антониево-Сийского монастыря в XVII в. — Истор. архив, 1936, т. I, с. 35—36.

¹⁴⁹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 19, № 28. — Частично челобитная включена в выписку по спорному делу, составленную в Новгородской четверти (Часов Н. С. Из истории крестьянской борьбы за землю..., с. 55—57).

¹⁵⁰ Эта грамота царя Василия не сохранилась, но она была «отыскана» в «Съезжей избе» в 1647 г. воеводой Ю. П. Буйновым-Ростовским и процитирована в выписке из дела «о насильствах» Антониево-Сийского монастыря в волостях Емецкого стана, составленной в Новгородской четверти (Часов Н. С. Из истории крестьянской борьбы за землю..., с. 49).

¹⁵¹ Часов Н. С. Из истории крестьянской борьбы за землю..., с. 36—46.

записи не помогли. Крестьяне продолжали «искать» свои земли. Под влиянием их настойчивости, а может быть, и как отражение общей линии на ограничение монастырского землевладения в 1647 г. на Двину воеводе Ю. П. Буйносову-Ростовскому дядьку Калистрату Жохову специальной царской грамотой было предписано «на Двине про крестьянские про всякие владения, которыми владеют монастыри, по купчим или по ложному челобитию и насильством и про те все земли и угодья сыскать и распросить, и распросные речи прислать ко государю к Москве».¹⁵⁹ Следствием этого был розыск в Емецком стане, где 12 крестьян во главе с Гришкой Трофимовым «во всех крестьян место» повторили обвинение в адрес Антониево-Сийского монастыря и изложили общий ход дела.¹⁶⁰ Указали они и на непомерный рост монастырских поборов, которые были подняты монахами в 1646—1647 гг. до 17 руб. с сошки вместо прежних 7 руб., взимавшихся с 1613 г.

В духе крестьянских ответов на воеводском расспросе в апреле 1649 г. была составлена новая челобитная царю — «челобитная мирского посыльщика». Тот же Гришка Трофимов,¹⁶¹ пазывая себя «мирским челобитчиком», обращается к царю «во всех крестьян место» Ровдогогорской, Паволоцкой, Ваймужской и Задворской волостей с просьбой «вели нам, крестьянам твоим, быть на твоих государевых черных тяглых деревнях, а на своих старинных прежних вотчинах, и владеть по купчим, и по всяким письменным крепостям, и денежные доходы, дащые и оброчные деньги платить в твою государеву казну, и службы служить, и отпуски отпускать с твоими государевыми черными тяглыми крестьянами в ряд».¹⁶² Челобитная заключается просьбой все доку-

¹⁵⁹ Чаев Н. С. Из истории крестьянской борьбы за землю..., с. 49.

¹⁶⁰ Там же, с. 50—52.

¹⁶¹ В помощь Г. Трофимову в Москву был направлен крестьянин Паволоцкой волости Дементий Фаддеев. 13 февраля 1649 г. он дал на себя порядную запись, в которой сказал: «приговорился» де он «в московские челобитчики». Дементий обязался от крестьян «ехати» в Москву к «прежнему мирскому челобитчику к Григорию Трофимову» и с ним «бить челом о их вотчинных деревнях... о указе, чтоб государь нас пожаловал велел быть за собою государем в черных вытах... а за Сийским монастырем по прежнему быти государь не велел». Дементий получал найму по 2½ руб. на месяц «на московскую волокиту, и на подводы, и на хлеб» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 19, № 12).

¹⁶² Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 19, № 28. — Сыскной приказ откликнулся на прошения крестьян. В 1649 г. на Двину из Сысского приказа была прислана грамота, которой предписывалось на Двине, в Холмогорах и уезде «сыскивать накрепко всякими сыски про богородные монастыри и про старинные тяглые черные деревни, и всякие угодья и про монастырское насильство и обиды и ложное челобитие и проестия». В Емецкий стан был отправлен осадный объезжий голова Яков Тургенев, которому вновь и вновь крестьяне жаловались, что они, крестьяне черные, «государевы», а «не монастырские» (там же, № 98). Яков Тургенев, видимо, встал на сторону крестьян, так как в челобитной игумена Феодосия от 19 июня 1650 г. он изображается как насильник, берущий деньги и имущество «грабежом» (там же, № 137). К этому времени относится новая жалоба крестьян Емецкого стана на игумена Феодосия, что он не дает им пред-

менты (обыска) «перенести» из «Новгородской четверти в Новый сысский приказ перед боярином Ю. А. Алексеева», на который крестьяне возлагали какие-то надежды. Но надежды крестьян не оправдались. В мае 1649 г. царская грамота воеводе В. Г. Ромодановскому предписала отдать земли Емецкого стана во владения Антониево-Сийского монастыря. В грамоте опровергалось утверждение крестьян-челобитчиков, что монастырь якобы не дал в обмен свои деревни. Оказывается, деревни монастыря, взятые в 1578 г. в «черные деревни, и те деревни по двинским и по каргопольским, и по мезенским писцовым книгам 130го и 131го и 132го году написаны в черных деревнях».¹⁶³ Крестьян, «которые от монастыря оттягивались», приказано было наказывать. Наказанию подверглись прежде всего ходоки и посыльщики. Из поручной от 2 мая 1649 г. узнаем, что три емецких посыльщика — Григорий Трофимов с. Патрикеев, Семой Петров с. Пантелеев и Дементий Фаддеев с. Харлампьев — были «отданы» игумену Сийского монастыря «головой». Они поручились «друг по другу», что «им итти вместе», а на Вологде «дождаться игумена Феодосия и не сбежать».¹⁶⁴ Из челобитной посыльщиков царю узнаем, что они в Холмогорах были брошены в тюрьму, а привезены в Холмогоры «в железах». Игумен Феодосий «забрал» с Емцы большое число крестьян, бил, мучил и «вымучил заемную кабалу в 100 р.».¹⁶⁵ Так закончилась упорная борьба бывших черносотенных крестьян, превратившихся в результате акции правительства в крестьян монастырских. Утверждение крестьян, повторяемое во всех челобитных, что в 1578 г. Андрей Толстой «их крестьянские деревни ему, игумену з братьею, отдал, а им, крестьянам, против тех деревень монастырских земель в отмен не дал», выявляет осознание крестьянами своего положения как свободных землевладельцев. При обмене именно они, крестьяне, должны были получить землю вместо отнятых у них земель в монастырских деревнях. Отписка нескольких монастырских деревень в черные волости в обмен на превращение черносотенных деревень Емецкого стана во владельческие — вполне естественная про-

ставить в суд крепости на свои вотчины (там же, № 171). О результатах сыска 1650 г. по грамоте из приказа Сысских дел сообщает царская грамота от 9 февраля 1654 г. относительно оброчных угодий Черногорского монастыря. В ней говорится, что старцы Черногорского монастыря прислали в Москву в Сысский приказ основание своего владения — «с наших грамот и с отводных ламитей, и со всяких монастырских письменных крепостей» списки. Грамота свидетельствует, что на основе этих документов «их монастырские земли не отняты» (Сб. ГРЗ, т. II, № 15, с. 38). Вероятно, такое решение Сысского приказа было вынесено и относительно вотчин других северных монастырей: никаких данных об отнятии вотчин у каких-либо монастырей в результате сыска 1650 г. у нас нет.

¹⁶³ Чаев Н. С. Из истории крестьянской борьбы за землю..., с. 59—65; Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 19, № 33.

¹⁶⁴ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 19, № 29. — Заметим, что мирской, видимо главный, посыльщик Григорий Трофимов не смог подписаться на обороте поручной, так как «грамоте не умеет».

¹⁶⁵ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 19, № 98.

педура с точки зрения правительства — активно отвергалась крестьянами. Они десятилетиями вели борьбу за свой черносошный статус.

Окончательное решение правительства относительно обменных деревень не привело к ослаблению борьбы черносошных крестьян за свои земли от захватов монастыря.

В соответствии с упомянутой грамотой Алексея Михайловича двинскому воеводе Буйносову-Ростовскому (1647 г.) на Двине проводится общий «сыск» о монастырских землях. Крестьяне разных волостей выступили с жалобами на захваты их земель. В декабре 1647 г. сотский Погостской сотни Максим Зпновьев, земский судья Роспутка Молоков и волостные крестьяне составляют «Роспись» крестьянских земель, насильственно захваченных игуменом Антониево-Сийского монастыря. Из «Росписи» видно, что только во время игуменства Ионы в разных волостях Емецкого стана было захвачено около 30 деревень и много сенокосов. Например, участки Большого села Ивана и Кузьмы Павлова перешли в монастырь не путем покупки или заклада, а «сильно», в результате «воздействия» старцев на наследников умерших владельцев. Другой участок Большого села Гаврилы Панкова был захвачен таким же путем. Дер. Фадеевская перешла к монастырю по сфабрикованной закладной, в которой фактический долг в 7 руб. был представлен фиктивной суммой в 30 руб. По мнению крестьян, за неэквивалентную сумму долга перешла в монастырь дер. Максимовская. Дер. Селивановская освоена старцами «сильно». Деревней Кожинной Горой игумен Иона завладел «сильно неведомо почему». Многие земли монастырь приобрел в голодный год «по нужде», за заведомо низкие суммы. Крестьяне Хаврогорской волости жаловались, что сийские старцы захватили в разных волостях сенокосы на 300 копен вильных.¹⁶⁶ Все эти жалобы побудили воеводскую администрацию продолжать сыск о землях. 5 октября 1649 г. подьячий съезжей избы Алексей Яковлев «у волостных крестьян допрашивал и обыскивал... которых монастырей игумены, и старцы, и строители, и помещики, и закладчики, и ипоземцы, и всякого чина люди» незаконно приобретали земли.¹⁶⁷ Несколько позже, 7 ноября того же года, в ответу в Холмогорской съезжей избе перед воеводой В. Г. Ромодановским и дьяком Г. Угловым предстал

¹⁶⁶ Образцов Г. Н. Крестьяне вотчины Антониево-Сийского монастыря в XVI—XVII веках. Диссертация. ЛГУ, 1951, с. 81—83. — В отрывке «Обыска Сийской сотни» указаны монастырские захваты земли (при игуменах Ионе и Феодосии) в 13 деревнях, составившие 8 веревков пашенной земли и 530 куч сена. Среди приемов насильственного захвата крестьяне указали обмен (дер. Фатьяновская), вклад (деревни Степановская и Менишниковская), заклад (деревни Менишниковская и Болотная), «по каким крепостям неизвестно» (дер. Ивановская), в остальных случаях указано кратко — «насиловством». Монастырские операции заклада, обмена и вклада крестьяне трактовали как незаконные в свете указанных выше законов о запрете передавать черносошные земли в монастыри (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 17, № 253).

¹⁶⁷ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 19, № 69.

игумен Антониево-Сийского монастыря Феодосий. Его допрашивали «против распросу земских людей и волостных крестьян», т. е. в присутствии заинтересованной стороны, о том, на каком основании монастырь владеет пашнями, сенокосами и другими угодьями. Феодосий предъявил основания владения: писцовые книги, купчие, закладные. Однако, по подсчетам Г. Н. Образцова, свыше 30% владений монастыря оспаривались крестьянами: «а мирские люди сказали: сильно», «а мирские люди сказали: ложно», т. е. объявили владения монастыря насильственным захватом по ложным документам.¹⁶⁸ В качестве такого ложного документа крестьяне Ухтоостровской волости признали «оборонное письмо» игумена Сийского монастыря, выданное закладчиком Шмаковым. Два брата Шмаковы и их дядя в 1645—1646 гг. заложили за 55 рублей 32 алтына 2 деньги сеной покос на Луготине. Крестьяне сочли, что это действие «мимо твоей государевы указные грамоты» (т. е. запрета отдавать земли в монастырь). Но еще более, по крестьянскому мнению, противоречит царскому установлению письмо оборонное игумена, в котором говорилось, что если игумен по закладной у крестьян сенокосов «не отоймет», то возвратит их безденежно и оборонит «своим игуменским челобитием и монастырскою заступкою» крестьян (залогодатчиков) от «государевы пени» — от наказания, что они отчуждали землю в монастырь.¹⁶⁹ Крестьяне разоблачили фактивные поземельные операции монастыря. Так, в явочной челобитной 1675 г. в Холмогорскую съезжую избу крестьянин Прилуцкой волости Х. Федоров с. Быков сообщал, что один из крестьян — Гаврила Данилов — в 1673—1674 гг. «покупал мирские тяглые сенокосные земли... игуменскими деньгами, а купчие имал подставные... на свое имя». Чтобы передать земли монастырю, покупатель променял их игумену «на три кучи волоковых вильных», т. е. совершил фиктивный обмен, взяв при этом с игумена «себе окуп великой». Тут же сообщалось, что игумен завладел «сильно... мирской тяглою землей по Ваймуге реке... орамой и кошебною», пожней Бориса Суботина и пожней Рыбихой. Волость смирилась, видимо, с утратой черных земель, ибо в явочной челобитной Быков просил только освобождения от уплаты тягла с земель, захваченных монастырем.¹⁷⁰ О такого рода ложных сделках и говорили земские люди на расспросах.

Игумен отправлял ложные челобития в Москву. Об одном из них сообщают княжеостровские крестьяне в своем прошении царю Алексею Михайловичу. Они утверждают, что игумен Иона, стремясь захватить Лявлин, их волостной монастырь, в своем челобитие «оболгал» дьяков Приказа Большого двора, сообщив о постоянных вкладах Антониево-Сийского монастыря в Лявлин монастырь и о якобы неполадках в его управлении. Введенные

¹⁶⁸ Там же, № 77; Образцов Г. Н. Крестьяне вотчины Антониево-Сийского монастыря... с. 85—86.

¹⁶⁹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 19, № 174.

¹⁷⁰ Там же, карт. 30, № 257.

в заблуждение власти предписали воеводе В. А. Черкасскому передать Лявлин монастырь Антониево-Сийскому монастырю, «ведати во всем и оберегать». «Обережение» это обернулось грабежом. Было взято 128 руб. казны, церковный приказчик Федька Пошехон был «пойман» и свезен на Сийский двор в Холмогорах. Там, «сковав его в железа в ручные и ножные», «мучили его на правеже босово по три дни» и «вымучили у него того Лявлипа монастыря на деревни положенные и всякие письменные крепости». Деревни, принадлежавшие ранее Лявлину монастырю, платят теперь не только чернососшные палог, но и большие оброки в пользу монастыря-вотчинника. «И тех деревень крестьяне, — пишут крестьяне-княжеостровцы, — не измогая их лишних налогов платить, деревни пометали в пуге, а сами врозь разбрелись». Разбрелась и по миру ходит братия Лявлина монастыря. Крестьяне просят отписать монастырь вновь в чернососшное состояние, вернуть обратно казну, книги, иконы и колокола. Но, как отмечено выше (см. с. 33), попытки княжеостровцев не имели успеха.

Итак, потеря чернососшного статуса даже для волостного мирского монастыря и переход его в собственность феодала-монастыря приводили к пагубным последствиям, против чего и боролись крестьяне.

В связи с учреждением трех северных епархий: в 1658 г. Вятско-Великопермской, в 1682 г. — Холмогорско-Важской и Великоустюжской — чернососшные крестьяне столкнулись с новыми могущественными феодалами. Как уже указывалось, епископ Вятский и Великопермский Александр при учреждении епископии получил оброчный Бобинский стан, в котором, по переписным книгам Отяева 1646 г., числилось 103 деревни с 209 дворами и 1055 людьми.¹⁷¹ В 1669 г. по повелению патриарха Иосифа вятский воевода отписал епископу Александру вотчину хлыновской Никольской Великоречной церкви, которая стала домовою соборной епископской церковью. По переписным книгам Василия Отяева 1646 г., владения Никольской Великоречной церкви состояли из 48 деревень и починков, насчитывающих 152 двора. В результате наряду с вятскими монастырскими вотчинами здесь создалось большое феодальное епископское владение.¹⁷²

Чернососшные крестьяне, превращенные в частновладельческих, заявили свой протест. В 1667/68 г. в челобитной царю они просили, чтобы их «из за Вятского епископа взять и переписать в тягло», т. е. вернуть их чернососшный статус. Это челобитие в 1669 г. было отвергнуто. Через 10 лет вятчане Прохор Суслопаров и Андрюшка Окунев с товарищами вновь обратились с челобитием о переводе в чернососшное состояние тех крестьян, которые в вотчине епископа поселились «от отцов дети, от дядей племянники». Они не были записаны в писцовых книгах «к со-

борной церкви Николая», а «отцы их и деды написаны на Вятке» в писцовые книги разных станов «за государем» («за нами», по выражению царской грамоты, излагающей челобитие крестьян). Стремление «выйти за государя» крепло в крестьянах как ответ на все возрастающую эксплуатацию и насилие со стороны феодала. «А ныне, — писали крестьяне, — епископ... доходы, тягло и хлеб берет не в силу и не против их мочи, и на изденье посылает». Челобитчиков «с Москвы свозят на Вятку, сковав сильно, и человек де с 30 и больше бито кнутом, до смерти убито 2 человека», и сейчас многие «заточены в железо и сидят в тюрьме, чтоб от них... челобитья не было».¹⁷³ Желая облегчить тяжелое хозяйственное положение и избавиться от издевательств феодала, крестьяне и добивались возвращения в чернососшное состояние.

Под стать своему вятскому коллеге действовал на Двине архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий. Как уже указывалось, получив в качестве царского пожалования Загорский стан и Чухченемскую волость (116 крестьянских дворов),¹⁷⁴ архиепископ добился передачи ему всех оброчных угодий этих местностей, отняв их у крестьян.¹⁷⁵

Архиепископ не упускал случая, чтобы завладеть и небольшими участками чернососшных земель. Так, в споре с крестьянами Матигорской волости Семеном и Кириллом Климентьевыми Афанасий сумел с помощью властей завладеть новочищенными землями к пожне Батюрмолу. Дело в том, что еще в 20-х гг. в результате двух сделок Климентьевы приобрели пожню Батюрмолу. 2 ноября 1632 г. Климентьевы получили царскую грамоту, которой пожня переводилась в тягло на $\frac{1}{6}$ выти. Владельцы расчищали прилегающий лес, причем делали это не сами, а нанимали окрестных крестьян. С апреля по сентябрь 1633 г. было заключено 7 договоров, в каждом из которых говорилось: такой-то «нанялся у Сеньки да у Кирилка... расчищать лес за их, Сенкиною и Кирюшкиною, тяглою пожнею Батюрмалою, в их пожнях под пашню и под сеньные покосы». В каждом договоре определялись число дней работы нанявшегося (всего 78 дней) и оплата (всего 5 рублей 31 алтын 2 деньги). Крестьяне около 60 лет владели расчищенными землями. Но 5 февраля 1689 г. архиепископ Афанасий обратился с челобитием к царю, в котором утверждал, что все расчищенные земли лежат на его десятинных лесах и поэтому должны принадлежать его дому, а крестьяне завладели ими «самовольством своим сильно». Стремясь сохранить за собой расчисти, крестьяне не хотят «ко святой церкви быть в послушании». Архиепископ просил защитить его «от повошения», «упичижения», «от бесчестия», от «ложного» «ябеднического» челобития крестьян, добивающихся закрепления за собой расчищенных земель. Правительство удовлетворило

¹⁷¹ Труды Вятск. арх. ком. 1907 г. 1908, вып. II, № 55.

¹⁷² Там же, № 68.

¹⁷³ Там же, 1908, вып. III, № 94, 97.

¹⁷⁴ Сб. ГРЗ, т. II, № 68.

¹⁷⁵ Там же, № 88.

просьбу архиепископа. Сама пожня Батюрмола была оставлена за крестьянами, ибо она в 30 копнах записана в писцовых книгах Вельяминова, по расчищенные земли отдавались архиепископу на том основании, что в писцовых книгах леса к пожне Батюрмоле не указаны.¹⁷⁶

Таким образом феодал завладел черными пашнями и сенокосами, разделанными крестьянским трудом. Характерно, что настоятельные просьбы крестьян архиепископ расценивал как антицерковные выступления. Как и Александр, епископ Вятский Афанасий прибегал к прямому насилию: наезжал на землю, бил крестьян «плетми», отлучал их от церкви.¹⁷⁷ Так же действовал духовный феодал в своих посягательствах на Малеевы островки, которыми владел матигорский крестьянин Федька Бессонов. Упорствующего крестьянина архиепископ «в дому у себя держал скована безвинно, а сына его... бил шелепами на смерть». Хотя архиепископ и отрицал это, однако действия крестьянина, по словам архиепископа, уничтожали «святую церковь», челобитья его были «злоковарны» и «ложны» и подлежали суровому наказанию властями. Дело в том, что Федька Бессонов продолжал владеть Малеевыми островками, хотя они были отписаны вместе с Загорским станом в 1682 г. в вотчину архиепископа. По челобитьям архиепископа царской грамотой 1689 г., подтвержденной в 1690 г., предписывалось землей владеть архиепископу, крестьянину отказать с запрещением «впредь вчинать и бить челом». Грамота угрожала наказанием, «чтоб впредь так иным бить челом и наших государских иманных указов и боярских приговоров спорить было не повадно».¹⁷⁸

З. А. Огризко отметила обостренную борьбу черносошных крестьян за самостоятельность своих волостных церквей.¹⁷⁹ Архиепископы обеих северных епархий — Великоустюжской и Холмогорско-Важской — требовали подчинения церковных старост священникам, запрещали старостам распоряжаться церковными землями и денежной казной. Это нашло отражение даже в изменении формуляра документов: в них всегда на первом месте теперь пишется священник приходской церкви, а затем уже церковный староста. Даже прием порядка на церковную деревню ранее всегда был делом церковного приказчика и «всех крестьян», а теперь мог совершаться лишь с разрешения архиепископа или его аппарата. Для учета церковных земель и имущества в 1686 г. была проведена опись владений приходских церквей Великоустюжской епархии. В эти же годы архиепископ

Афанасий приказывает вервить церковные земли. Такое вмешательство духовного феодала встретило протест со стороны волостей. В архивах Холмогорской и Устюжской епархий сохранились данные о неповиновении церковных старост, отстаивавших свое право самостоятельно распоряжаться церковными землями. Например, церковному старосте котласской церкви с крестьянами архиепископ запретил «рядить» порядки по своей воле на церковную деревню. В течение тринадцати лет, с 1687 по 1699 г., шла тяжба между устюжским архиепископом и крестьянами. Последние обвиняли архиепископа в том, что он «вступает в церковное казенное мирское строение».¹⁸⁰ Правительство приняло сторону крестьян. 19 мая 1687 г. прихожанам и старостам устюжских церквей было предписано как «на Устюге на посадке и в Устюжском уезде... в государевых волостях церкви божии строить и считаться в церковных доходах и в расходах... меж собою самим по приходам».¹⁸¹ Этот указ был подтвержден 19 мая 1697 г.

Итак, крестьянские миры отстаивали от захватнических попыток феодалов и общинные земельные владения, каковыми являлись земли приходских церквей.

Сохранившиеся в значительном количестве судные дела между черносошными крестьянами и монастырями показывают обостренную борьбу за землю между двумя антиподами феодального общества.

В 1612 г. разбирался спор между крестьянами Равдогорской волости и Троице-Сергиевым монастырем. Крестьяне еще в XVI в. припустили к своей церкви Петра и Павла запустевшую деревню Чухченемского Никольского монастыря. А так как Чухченемский монастырь в 1611 г. был отдан в ведение Троице-Сергиева монастыря, то последний потребовал деревню (Молевскую) и добился изъятия ее у крестьянской волости.¹⁸² В 1612 г. Троице-Сергиев монастырь отсудил у крестьянина Куростровской волости дер. Бороздинскую, ранее принадлежавшую Чухченемскому монастырю и захваченную крестьянином Евсеем Неумоиным.¹⁸³

Много судебных дел с окрестными крестьянами возникло у Черногорского монастыря. Основанный в центре черносошного района Пинеги, он в любом своем земельном приобретении сталкивался с черносошными волостями. Крупным делом был спор монастыря с крестьянами Валдокурского погоста. В 1648 г. они были обвинены в захвате земли Черногорского монастыря. Царские грамоты, писцовые книги, показания окрестных жителей — все мобилизовал монастырь, чтобы выиграть процесс. Права монастыря на эти земли были очень сомнительны, потому что еще в 1630-х гг. игумен монастыря Макарий «искал» на волошанине на Ивашке Пыхе те же земли, но был «обвинен», т. е. проиграл

¹⁷⁶ Там же, № 100, 102, 104.

¹⁷⁷ «Запретил им от церковного входа, отлучил их три дома третий год и ни с какою требою священником входить в дома не велит», так что «двое младенцев умерли без молитвы и не крещены» (Сб. ГКЭ, т. II, с. 246).

¹⁷⁸ Сб. ГКЭ, т. II, № 92, 97, 101.

¹⁷⁹ Огризко З. А. Землевладение севернорусских волостных церквей XVII в., с. 79—80.

¹⁸⁰ Там же, с. 79.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Сб. ГКЭ, т. I, № 433.

¹⁸³ Там же, № 431.

дело.¹⁸⁴ Попытки крестьян Валдокурского погоста во главе со своим сотским Филькой Мироновым перевести землю Черногорского монастыря — починок Васильевский — к своей черной деревне Малетинской были пресечены властями. В изображении монастыря «освоение» крестьянами земли шло следующим образом. Еще в 1614 г. спорная земля была сдана порядчику Васье Панфилову (он лес расчистил, хоромы поставил), затем в 1623 г. на нее порячился на 15 лет Ивашко Афанасьев Сыч. Но прожив здесь недолго и воспользовавшись отъездом игумена, Сыч перед писцом Вельяминовым записал эту землю как починок Васильевский и взял его на оброк, т. е. скрыл монастырскую принадлежность земли. Однако в 1635 г. особой царской грамотой права монастыря были восстановлены. Ивашко Сыч в 1636 г. вместе с детьми порячился вновь на 15 лет на эту землю, обязавшись «в монастырь с той земли давать всякого деревенского доходу треть». Но вот на Двине крестьяне узнали об указе 1647 г. двинскому воеводе В. Г. Ромодановскому и дьяку Г. Углеву, чтоб «из за всех монастырей посадских людей и пашенных крестьян взять и посадить на старые их места, где хто прежде сего жил». Побужденные этим повелением, крестьяне Валдокурского погоста во главе с земским судьей Демкой Григорьевым «назвали тот монастырский починок тяглым местом деревни Малетинской и монастырского порядчика Ивашка Сычева назвали тяглым крестьянином». Монахи в действиях крестьян увидели заговор с целью «Черногорский монастырь разорить и их строителя, и старцев от того обещания своего разгонить». Но попытки крестьян не увенчались успехом. Воевода, сославшись на то, что в указе от 14 июня 1647 г. не было предписано «земли у монастырей отымать и тяглым людям отдавать», отверг претензии черной волости — земля осталась за монастырем.

Из этого спорного дела видно, что в борьбе за землю волость выступала единым фронтом во главе с выборными властями.¹⁸⁵ Именно такое единодушие крестьян отмечает царская грамота от 16 марта 1649 г. и предписывает воеводе «тех волостей от крестьян и от всяких воровских людей Черногорский монастырь и строителя старца Сергия з братиею оберегать, чтоб тот монастырь от тово не запустел». ¹⁸⁶ Грамота царя Алексея Михайловича от 9 февраля 1654 г., напомнив о грамоте 1649 г., закрепляет за Черногорским монастырем все земли, которые старцы распахивали «своими силами и монастырскими работниками». ¹⁸⁷ Грамота упрекает местные власти (воеводу и дьяка), что они на «монастырские земли и всякие угодья» призывают охотников из волостей и те их «монастырские земли и всякие угодья у них» отнимают и отдают «тяглые в тягло, а оброчные на оброк из

наддачи сторонним людям». ¹⁸⁸ Как видим, администрация сделала слишком прямолинейные выводы из постановления Уложения (ст. 42 гл. XVI) о запрете увеличивать монастырские владения, а крестьяне воспользовались этим, ведь несомненно по их инициативе происходило «отымание» монастырских земель.

В 90-х гг. постоянные столкновения происходили между черносопными крестьянами Сояльского стана и Пинежского волока с Черногорским монастырем. 19 ноября 1691 г. в Приказной палате перед воеводой были челом крестьяне Сояльской волости Васька Захаров и Митька Мысов с товарищами (одиннадцать человек) и заявили, что монастырь завладел угодьями, которыми «исстари, с прошлых годов, владели деды и отцы их и они... по своим старинным крепостям и по деловой росписи, и по писцовым, и веревным книгам». ¹⁸⁹ Однако просьба крестьян вернуть им угодья (сенокосы) была отвергнута воеводой. Тот же результат имело ходатайство перед воеводой от 4 и 14 декабря 1691 г. крестьянина Волока Пинежского Юшки Рослякова о покосах, данных Черногорскому монастырю воеводами. ¹⁹⁰ Не прошло и двух лет, как игумен монастыря вновь жаловался царю, что «их оброчными угодьями завладели Сояльского стану крестьяне Васка Мысов с товарищи да Пинежского Волоку крестьяне ж и владети им не дают». Царская грамота от 31 января 1693 г. запрещает крестьянам «вступаться» в земли монастыря и одним из доводов выдвигает записи 60-х гг., данные крестьянами Ермолкой Мысовым и др., в которых они обязывались в оброчные угодья монастыря «не вступаться и не владеть». ¹⁹¹ В подкрепление запретов 12 апреля 1693 г. в памяти двинского воеводы Андрея Матвеева вновь перечислялись все оброчные угодья Черногорского монастыря, указывался размер оброка и опять предписывалось «прежним владельцам, которые теми угодьями владели», отказать. ¹⁹² 12 декабря 1693 г. воевода вновь подтверждает весь объем оброчных угодий монастыря по случаю челобитий крестьян «прежних владельцев», составивших группу в 60 человек во главе с братьями Поряднинными. ¹⁹³ 18 декабря того же года воевода приказывает отвести монастырские угодья от крестьянских оброчных статей. ¹⁹⁴ Так закончилась борьба пинежских крестьян с вклинившимся в их владения в XVII в. феодалом. Лейтмотивом борьбы крестьян было возвращение черносопных земель, захваченных феодалом.

Долгие годы волновал волость Уйму ее спор о землях с Антониево-Сийским монастырем. В челобитной царю от 9 августа 1699 г. сотский Ивашко Ортемьев и все крестьяне Уемской волости жаловались на архимандрита Антониево-Сийского мо-

¹⁸⁴ Там же, № 623.

¹⁸⁵ Там же, № 624. цит. с. 846, 847, 849.

¹⁸⁶ Там же, т. II, № 1.

¹⁸⁷ Там же, № 15.

¹⁸⁸ Там же, с. 38.

¹⁸⁹ Там же, № 106.

¹⁹⁰ Там же, № 107.

¹⁹¹ Там же, № 108 (записи опубликованы — № 41, 42, 43, 44).

¹⁹² Там же, № 113.

¹⁹³ Там же, № 115.

¹⁹⁴ Там же, № 116.

настыря, что он «владеет своею в. к. тяглою землею сильно, а нашим бедных сирот твоих владением извечным», и просили вернуть их земли. Но спор тянулся долго. Еще в 1681 г. игумен Феодосий жаловался на уемских крестьян, что они монастырские земли и луга вервили ложно, хотя это крестьянам было запрещено воеводской памятью от 6 сентября 1679 г., а десятилетием ранее — царской грамотой. Свернув земли, крестьяне, по словам челобитной игумена, «с той земли правят... на монастырских крестьянах мирское тягло», что незаконно, так как монастырь особо платит подати в казну государя. Из челобитной ярко выступают черты захватнической политики старцев. Оказывается, в 1619/20 г. по инициативе Филарета царь Михаил Федорович дал монастырю разрешение поставить на р. Уйме мельницу «для молотья монастырских всяких запасов» и к той мельнице дал «землю слободку пустое место» для поставки «мельничных хоромов» «для населения жильцов». В свое время эти земли отвели по памяти из съезжей избы сами волостные крестьяне. После описания 1623 г. по обе стороны р. Уймы были поселены монастырские крестьяне и проводилась расчистка лесов «под пашню... санные покосы и выгонные и покотинные места». Одновременно в 30—40-х гг. монастырь заключил 6 сделок с уемскими крестьянами, употребив на это 63 руб. В результате монастырь получил несколько «новорошчистных» пожен и сенокосов. Так монастырь расширил свои владения за счет волостных земель.

Посланный в ответ на челобитие крестьян подьячий Приказной избы Иван Филатов в сентябре 1699 г. допрашивал крестьян Уемской, Заостровской и Лисеостровской волостей о спорных землях. Но «наровя» монастырю он усмотрел противоречия в показаниях крестьян и, сославшись на то, что спорные земли не записаны в писцовой книге 1623 г. (за крестьянами была записана лишь одна тonya Пошлавая) и что монастырь получил здесь земли до Уложения, решил дело в пользу монастыря.

Так закончился поражением длительный спор черносотных крестьян за свои земли с всеильным феодалом Двиги.¹⁹⁵

В 80-х гг. возникло дело между крестьянами центральных волостей Подвинья и Соловецким монастырем за важные в промысловом отношении земли на Орлеце. Крестьяне Ступинской и Паниловской волостей расчистили «в дачах Соловецкого монастыря» на Орлеце санные покосы. Монастырь получил определенный участок на Орлеце еще от царя Федора Ивановича, чтобы «камень белой ломать, и дрова сечь, и известь жечь для их монастырского церковного и городского дела и всякого монастырского каменного строения». В 1684 г. Соловецкий монастырь просил царя закрепить этот участок земли, на котором находились каменоломни для нового каменного строения, и оградить владения от крестьян соседних волостей. Царская грамота от

¹⁹⁵ Судное дело сопровождается чертежом (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 369).

31 марта 1686 г. подтвердила права монастыря,¹⁹⁶ а отвод в августе 1686 г. закрепил границы монастырского владения на Орлеце.¹⁹⁷

Значительное число монастырских вотчин пахотилось в Важском уезде. Богословский, Введенский Уздренский, Клоновский и другие старые монастыри почти все получили от правительства Михаила Федоровича Романова жалованные грамоты на свои владения, в которых подтверждались их права на земли и различные льготы.¹⁹⁸ Все эти грамоты преследовали одну цель — оградить феодальные владения от крестьянских притязаний. Однако и в Важском уезде возникали открытые судебные дела между монастырем и крестьянами. Еще в 1586 г. по грамоте боярина и конюшего Бориса Годунова Агапитовой пустыни были даны порожние земли, которые тянулись на 3, 4 и 5 верст от монастыря в разные стороны. Эти земли «к волости нигде не приписаны».¹⁹⁹ Крестьяне окрестных Шебенской, Шевденицкой и Озерецкой волостей в 1618 г. подтвердили, что местность, занятая Агапитовой пустыней, не принадлежит никому, «крестьянских никаких угодий нет», а починки монастыря (9 починков) «стоят на черном лесу».²⁰⁰ Однако прошло 20 лет. Агапитова пустынь увеличила свои владения путем выставления новых починков и «столкнулась» с крестьянами. Царская грамота от 10 мая 1641 г. предписывала важскому воеводе расследовать, почему крестьяне Шебенской и Шевденицкой волостей «вступаются» в монастырские владения, и оградить от них монастырь.²⁰¹

Судебных дел о землях между черносотными крестьянами и монастырями сохранилось значительно больше, чем указано выше. Но и приведенные дела показывают классовую суть феодального суда и мер администрации: они почти всегда выносили решения в пользу феодала. Правда, в длительных тяжбах о земле иногда побеждали крестьяне. Например, в споре крестьян Емецкого стана с Антониево-Сийским монастырем крестьяне не раз получали от верховной власти грамоты, подтверждающие их права, но, как правило, они оспаривались игуменом и аннулировались той же верховной властью. Даже в мелких спорах, заканчивавшихся обычно мировыми сделками между старцами и крестьянами, первые чаще одерживали верх, чем вторые. Однако это не снижает общественной значимости крестьянских выступлений. Мелкие нарушения межи феодальной вотчины в полях (перепашка) и лугах (перекос), захватное пользование лесными и водными угодьями, споры о деревне или группе деревень со стороны целой черной волости — все это сплачивало крестьянскую массу в противостоянии феодалу. Крестьяне составляют челобит-

¹⁹⁶ Сб. ГКЗ, т. II, № 83.

¹⁹⁷ Там же, № 84.

¹⁹⁸ Там же, № 205, 215, 218 и др.

¹⁹⁹ Там же, № 206.

²⁰⁰ Там же, № 213, 214.

²⁰¹ Там же, № 233.

ные, собирают соответствующие поземельные документы, обращаются к прецедентам прежних разбирательств, участвуют во всевозможных «распросах» представителей властей, и все это развивало правосознание и правотворчество крестьянской массы.

Добиваясь своих погранных прав на землю, черносотные крестьяне каждый раз демонстрировали собственные поземельные права и на отдельный надел, и на общинные земли. Отстаивая свой черносотный статус, крестьяне как бы подтверждали исконные права «быть „черными“, свободными, ничейными».²⁰²

Правовое положение черносотного крестьянства

Поземельные отношения в черносотной среде, характеризующиеся реальной собственностью крестьянина на свой надел, и связанное с этим пользование общинными угодьями, обуславливали его свободную хозяйственную деятельность, а также являлись базой его относительной свободы в правовом отношении (имею в виду его свободу от крепостничества). Последнее выразилось в том факте, что ст. 1 гл. XI Уложения 1649 г. не была осуществлена в отношении черносотного крестьянства.

В обзоре юридического содержания Уложения 1649 г. А. Г. Маньков, основываясь на ст. 1 гл. XI Уложения, заявляет: «Закон о прикреплении Уложение распространяет на все категории крестьян и бобылей». Как и в отношении частновладельческих крестьян, Уложение провозглашало также «закон о прикреплении черносотных крестьян к своим наделам». «Основанием прикреплении тех и других, — пишет далее Маньков, — становились писцовые книги 1626 г.», руководствуясь которыми возвращали крестьян, «бежавших как с черносотных, так и с частновладельческих земель». Поскольку «возврату подлежали одновременно жены и дети беглых», то «Уложение, следовательно, закрепило потомственную крепостную принадлежность»²⁰³ не только частновладельческих, но и черносотных крестьян. Если согласиться с Маньковым, что «прикрепление к наделу» возможно вывести из слов закона: «свезить... на старые их жеребьи» (впрочем, в другом месте автор говорит о прикреплении черносотных крестьян «к волостным общинам»²⁰⁴) — и считать малоподходящим выражение в отношении черносотных крестьян «крепостная принадлежность» (кому?), то изложение им нормы обеих статей гл. XI Уложения можно признать точным.

Так как нормы ст. 1 гл. XI Уложения, касающиеся черносотных крестьян, и нормы ст. 2, относящейся к частновладельческим,

почти идентичны, то для составителя обзора вполне возможно было бы все крестьянство России изобразить как единую и правовом отношении категорию. Если же сравнить всю совокупность крепостнических норм кодекса и особенно исторические условия существования обеих крупных категорий крестьянства России, то можно увидеть между ними существенную, а бы сказал принципиальную, разницу. Юридическая норма, отражающая волю господствующего класса, не была проведена в полном объеме в жизнь в силу упорного классового сопротивления того черносотного крестьянина, которого стремились закрепить. Несомненно, что в отношении черносотных крестьян Уложение условиям жизни черносотных крестьян очевидно из их (норм) содержания.

А. Г. Маньков отмечает, что постановления Уложения регулируют «правовые взаимоотношения феодалов по вопросам владения»²⁰⁵ крепостными, т. е. они почти исключительно относятся к частновладельческим крестьянам. В самом деле, разве к положению черносотных крестьян могут быть применены нормы Уложения о порядке полюбовных сделок о крестьянах между владельцами, в том числе и о беглых; об уступке крестьян одного владельца другому без земли и с землей; о правилах перевода крестьян из поместий в вотчины и обратно; о вотчинном суде; о привлечении крестьян к уплате долгов владельца; о запрещении владельцам кабалить своих крестьян; о запрещении кабалить наймитов, крестьян других владельцев; о процедуре исков об имуществе возвращаемых крепостных, в которой главную роль играет иск помещика-владельца и т. д.? Даже статьи, которые можно истолковать как относящиеся и к черносотному населению, например о возврате бежавших девок и вдов (статьи 3, 12—18 гл. XI), так как бежать могли крестьянки и из черносотных деревень, сформулированы с упоминанием только феодальных владельцев.

Итак, нормы Уложения, охватывающие все стороны жизни феодального владения, обеспечивали владельческие права феодалов над крестьянами и легли в основу все развивавшегося крепостничества, обусловившего и хозяйственную, и бытовую жизнь крепостного в поместье и вотчине.

История законодательства второй половины XVII в. о сыске беглых крестьян, исследованная А. Г. Маньковым, показывает, что законодательные меры в этой области принимались правительством по последовательно поступающим челобитьям дворян, требовавшим улучшения организации сыска. Результатом этих мер были не только эффективность сыска, но и распространение его на районы украинских городов и Дона. Разумеется, и в челобитных, и в принятых указах речь идет не о черносотных крестьянах, а о крестьянах владельческих.²⁰⁶

²⁰² Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 45.

²⁰³ Маньков А. Г. Уложение 1649 г.: Кодекс феодального права России. Л., 1980, с. 96.

²⁰⁴ Там же, с. 109.

²⁰⁵ Там же, с. 93.

²⁰⁶ Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.; Л., 1962, с. 22—178.

Этот же аспект развития крепостного права выявляет и история крепостного акта, обстоятельно изученная А. Г. Маньковым.²⁰⁷ Крепостительное значение писцовых книг 20-х гг. и переписных книг 1646 г., определенное Уложением, отнюдь не исключало возникновения новых актов крепости. Владельцы, реализуя право собственности на личность крестьянина, совершали различные сделки: продавали своих крепостных, дарили, меняли, давали в приданое, поступались ими за долг и даже закладывали под взятую сумму денег. И так, акты, фиксирующие эти сделки (купчие, раздельные, выводные замуж, приданные, мировые, даные, поступные), становились юридическим основанием закрепощения крестьянина. Существенное значение для развития крепостного права имела государственная регистрация сделочных записей на крестьян. «Регистрация сообщала, — писал Маньков, — сделочным записям официальную силу крепостного акта». Автор подчеркивает значение указа 30 марта 1688 г., санкционировавшего «все виды сделок на крестьян без земли, включая сделки в отношении крестьян, находящихся в беге».²⁰⁸ Разумеется, все эти крепостные акты не могли возникнуть в черносошной деревне, да и не возникали: их нет ни в одном волостном архиве. Акты, закрепощающие пришлых в вотчины и поместья свободных людей (жилые, порядные, ссудные и поручные записи), заключались феодалами и имели целью увеличить крепостное население вотчины и поместья.

Порядные записи, заключавшиеся в черносошной среде в течение всего XVII в., не имели закрепостительного значения. Порядчик, садившийся на земле крестьянина или на земле волостной церкви, не превращался в крепостного. Порядок здесь был деформированным наймом.

Итак, как крепостнические нормы Уложения и последующего законодательства, так и юридическая практика свидетельствуют о развитии и углублении крепостного права именно в секторе частновотчинно-феодалного землевладения. Именно во второй половине XVII в. русский крестьянин стал крепостной собственностью владельца.

Крепостничество как система коснулось и черносошного крестьянства, так как крепостнические порядки пронизывали все сферы жизни государства: экономику, политику и культуру. Однако гнет крепостничества на черносошное крестьянство был не прямым, а лишь опосредованным. Прямое отношение крепостнические нормы, основой которых было право собственности крепостника на личность крестьянина, к статусу черносошного крестьянина не имели. Он был гражданином государства, в пользу которого платил налоги и нес различные повинности.

Именно в платеже налогов и в выполнении повинностей, объединенных единым понятием тягла, и видело правительство

основную обязанность черносошных крестьян. С возрастанием налогов и повинностей в XVI в. и с еще большим увеличением их в XVII в. со стороны крестьян-плательщиков поднимается бурный протест против эксплуатации. Он выражался чаще всего в побегах.

Еще в XVI в. правительство было завалено челобитными волостных общин с просьбами о сложении тягла ввиду запустения земель, обычно обусловленного или уходом, или вымиранием населения. Правительство неоднократно снимало налоги с пустых земель. В этих условиях и зарождается идея об удержании населения на месте, где его застал оклад. Это происходит задолго до Уложения. Сначала сыск черносошных крестьян предписано было проводить по отдельным уездам. В марте 1621 г. подобная грамота была послана чердынскому воеводе и повторена в 1629 г.²⁰⁹ В 40-х гг. практика сыска черносошных крестьян приняла всеобщий характер. В указе от 23 марта 1641 г. мы читаем: «За государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, в ево государевы, дворцовые села и в черные волости беглых крестьян и бобылей имати, и из ево, государевых, дворцовых сел и из черных волостей отдавати по суду, и по крепостям, и по сыску, за десять лет».²¹⁰ Указ, как видим, не знает территориальных ограничений, крестьян, бежавших из черных и дворцовых волостей, а также укрывшихся здесь, можно было возвращать в течение 10 лет с момента бегства в те селения, откуда они сбежали. Как можно заключить из Тотемского наказа писцам 1646 г., введение этой пормы в отношении черносошных крестьян диктовалось финансовыми соображениями. Уход черносошных крестьян приводил к повышению налогов с оставшихся на местах тяглецов, что вызывало не только массовые жалобы, но и дальнейший разброд населения. Особенно страдала казна от ухода тяглецов на монастырские и церковные земли, т. е. на более легкое тягло. Наказ 1646 г. предписывает писцам пресекать такие попытки. Если по сыску окажется, что тяглецы, переселившиеся на монастырские и церковные земли, «преж сего бывали тяглые государевы посадские и волостные черных деревень, а не старинные монастырские и церковные, и из за государя будет вышли за монастыри и за церкви после писцов, и писцом да подьячему тех людей из за церкви вывести по прежнему за государя на старые их жеребьи... и тем всем людям велеть жить в тягле по прежнему на старых жеребьях».²¹¹ Возвращению не подлежали крестьяне, спешившие в тяжелые для Севера годы — 1609—1611 — нашествия интервентов. Бежавшие до и после этих лет разыскивались и возвращались обратно. Тотемским писцам предписывалось сноситься с воеводами Устюга и Сольвычегодска для розыска крестьян. Видимо, большого успеха в деле возвращения беглых волостных крестьян правительство не ожидало.

²⁰⁷ Там же, с. 179—247.

²⁰⁸ Там же, с. 245.

²⁰⁹ АИ, т. III, № 286, 350.

²¹⁰ ПРП. М., 1959, вып. V, с. 365.

²¹¹ Седашев В. Очерки и материалы..., с. 25—26.

В том же наказе писцам предписывалось называть на пустые жеребья новых жильцов «со стороны — охочих людей: от отцов детей, и от братии братно, и от дядь племянников, и подсоседа-ников, и захребетников непашенных и не тяглых, и не крепостных людей», им писец мог дать податную льготу до 10 лет.²¹² Итак, главной заботой писца по Наказу 1646 г. было, чтобы крестьянин «жил в тягле», а «житье» на «прежних жеребьях» было обеспечением тяглоспособности его. Повторение в Уложении нормы Наказа о возвращении черносошных крестьян на прежние жеребья позволяет видеть и в его норме лишь стремление сохранить тяглеца, ибо прикрепление к наделу черносошного крестьянина фактическими условиями его существования не подтверждается.

Как уже отмечено, освободиться от своего жеребья крестьянин имел право и возможность и широко пользовался этим. Правительство, заботясь о сохранении тягла, лишь запрещало переход черносошных земель в руки нетяглецов. Но переход земли к эвентуальным нетяглецам (монастырям, церквям, посадским) не сопровождался автоматическим освобождением ее от тягла. Приобретатели, пока они не добьются от правительства (от писца, местного воеводы, а то и от центральных властей) обеления земли, продолжали платить с нее все налоги и несли повинности наряду с черносошными крестьянами и обычно через волости. Этим отчасти и следует объяснить снисходительное отношение правительства к сделкам по отчуждению крестьянской земли монастырями и церквями на протяжении всего XVII в. Практика отчуждения крестьянами своих земель (разрешенная в тяглой среде и запрещенная в нетяглой среде) свидетельствует об отсутствии некой крепости крестьянина «к своему наделу».

Не проявляло настойчивости правительство и в деле возвращения черносошных крестьян на свои «старые жеребья». Такая крупная акция, как возвращение в 50-х гг. 580 крестьянских семей, вышедших из заонежских и лопских погостов, объясняется тем, что эти крестьяне являлись пашенными солдатами, т. е. были обязанными военной службой, и возвращение их в канун войны с Польшей диктовалось потребностями обороны.²¹³ Не были действенными меры правительства по возвращению поморских крестьян из Сибири. А. А. Преображенский показал, что правительство во второй половине XVII в. в ряде указов и в предписаниях сибирским воеводам стремилось препятствовать уходу поморских крестьян в Сибирь.²¹⁴ В 1671 г. был проведен специальный сыск на выходцев из поморских уездов. Он охватил большую территорию Сибири, но по конечным результатам был малоуспешным. Отправка крестьян на прежние места оказалась незначительной. Во-первых, сопротивлялись крестьяне, во-вторых, правительственные местные власти не были заинтересованы в уменьшении

населения вновь колонизируемых районов, в-третьих, возвращение крестьян в свои волости не требовали как раз сами волости. В большинстве челобитных волощане, жалующься на уход налогоплательщиков, просили не о их возвращении, а о сбавке тягла. Более того, мирские общества иногда сами содействовали переселению крестьян в другие волости и отдаленные места. Преображенский обнаружил отпускные письма общин, своеобразные договоры, по которым уход крестьян становился в глазах мирян законным делом.²¹⁵ В этих фактах с очевидностью проявилось сознание крестьянина о своем праве на свободу передвижения. Запись в писцовую книгу он ничуть не рассматривал как «прикрепление» к наделу, что было в частновладельческих землях решающим доказательством крепостного состояния крестьянина. Обычная угроза крестьянских миров «разбрестись розно», если их просьбы о той или иной льготе не будут приняты правительством, могла осуществиться лишь при условии свободы передвижения. П. А. Колесников обратил внимание на то, что писцы и переписчики, проводившие описание северных уездов XVII в., «объясняя причины пустоты и выбытия людей из деревень, не употребляли термин „бежал“, „в бегах“ и т. д., а описывали это явление словами: „сшел“, „съехал“, „сбрел“, „покинул“ и т. д.»²¹⁶ В переписной книге 1646 г. то и дело встречаются выражения: «сшел безвестно в 142 г.», «сшел в Сибирь в 142 г.», «сшел в 150 г. в мир, кормится христовым именем», «сбрел безвестно», «разбрелись по уездам и в Сибирь» и т. д. Точно такими же выражениями пестрит и переписная книга 1678 г. Двинского уезда в отношении причин запустения более чем 500 дворов, отмеченных писцом. Здесь же указания об уходе в Сибирь, в Верховские города, а также в соседние волости. Причины выбытия крестьян: «хлебная скудость», «подати», стихийное бедствие, уничтожившее хозяйство, и т. д. Колесников, анализируя причины ухода населения из своих мест по 16 поморским уездам (анализ охватывает 60 748 душ м. п.) в конце XVII—начале XVIII в., пришел к выводу, что 85,1% переселившихся сделало это из-за экономической неустойчивости. Причем 1/3 из них осталась в своем уезде, а 2/3 ушли в другие уезды.²¹⁷

²¹⁵ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в. М., 1972, с. 57—81.

²¹⁶ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 251. — Однако не все писцы следовали твердо такой терминологии. Так, в писцовой книге 1629 г. Слободского и Шестаковского уездов употреблялись объяснения пустоты двора — «бежал» и «сшел» — почти равномерно. Например, при описании тяглого Холуницкого стана употреблено 52 раза «умер», 41 — «бежал» и 32 — «сшел», при описании Сырьянского стана — соответственно 35, 37 и 57 (Труды Вятск. арх. ком. 1916 г. 1917, вып. III—IV, с. 134—174, 207—229).

²¹⁷ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 243—249. — На с. 266 Колесников сообщает, что из Кеврольского и Мезенского уездов с 1639 по 1645 г. ушло и не возвратилось 1295 человек. Оказывается, 46,3% из них вышло в Сибирь.

²¹² Там же, с. 26.

²¹³ ДАИ, т. III; № 82.

²¹⁴ Преображенский А. А. Сыск беглых на Урале в 1671 г. — В кн.: Из истории Урала. Свердловск, 1961, с. 89—90.

Итак, переписные книги и до Уложения, и после него уход крестьян со своих жеребьев фиксировали объективно спокойно, не считали это бегством и оценивали как необходимость. Волость или однодеревенцы знали о планах ухода того или иного крестьянина, но не задерживали его. Например, в январе 1671 г. крестьянин Тавренской волости Петр Ерофеев, отступаясь своей земли приходской церкви, сообщал в поступной грамоте о своих планах: «а яз Петрушка пошел з деревни ради хлебные скудости в мире прокормитца» — и обязался перед приходом (т. е. перед волостью) уплатить «от Ильина дни» палог за рожь, если он ее снимет.²¹⁸ Ясно, что волость разрешила Петрушке уйти в мир, а он не отрывался совсем от волости. Волость старалась хотя бы часть заброшенных земель обработать. В переписной книге 1678 г. отмечено, что из 24 пустых дворов Пингшской волости земля 10 дворов пахалась миром,²¹⁹ в Сие, Челмохте и в Пукшенге из 31 двора земли трех дворов пахнут отдельные крестьяне, 9 — пахнут миром, причем об одном дворе сказано — «земли пахнут по жеребьям миром»,²²⁰ в Хаврогорах из 38 дворов пахнут миром землю 20 дворов.²²¹ Примерно такое же соотношение и по другим волостям. Обработка миром земли ушедших крестьян свидетельствует, что уход каждого воложанина совершался с согласия или по крайней мере с ведома мира и не рассматривался ими в качестве противозаконного действия. Крестьянские документы зафиксировали уход крестьян в «гульбу». Например, в дельной трех братьев Шевкуновых на «статки» отца замечено: «А что у нас четвертой брат Иев гуляет по шестому году, и будет брат пах Иев, придет к нам на Вятку и нам (братьям) брата своего, Иева, наделити сопча по жеребьям».²²² Как видим, крестьянин «гуляет» и при благополучном хозяйстве и не теряет прав на надел.²²³

²¹⁸ ГПБ, РО, ф. № 759, Тавренские акты, № 107.

²¹⁹ ЦГАДА, ф. 137, Архангельск, № 15051, л. 563—570.

²²⁰ Там же, л. 562—572.

²²¹ Там же, л. 572—583. — В августе 1682 г. вятский воевода отдал на оброк «пустой пай» дер. Кирилловской, который «покинул Иванко Лютого». На земле той деревни есть «жерновые каменья», их следует «поискать» и «делать беспечно» (Труды Вятск. арх. ком. 1907 г. 1908, вып. IV, № 147).

²²² Труды Вятск. арх. ком. 1914 г., вып. I, с. 219—220.

²²³ Аналогичный факт зафиксирован в данной от 26 июля 1644 г. Отдавая своему племяннику половину дер. Баталовской (оброчной земли), Григорий Семёнов Ругуевской оговаривает: «А как брат мой Микифор из гульбы придет к нему, Ивану, та моя половина оброчной земли отдать брату моему Микифору» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 17, № 58). В 1645 г. унанин Гаврило Гордеев с. Заслонов, переданная варницю Антонове-Сийскому монастырю, поясняет причину записи варниццы писцом Вельяминовым за другими владельцами тем, что во время переписи «вотчинников у нас на тое варницю при писце стать было некому, что яз Гаврило в тое пору был в гульбе, а отец мой Гордей пострижен был в Кириллове монастыре» (там же, № 118, 119).

Значительный рост наемного труда в XVII в., конечно, не мог удовлетвориться контингентом «гулящих» людей, хотя последние составляли известную часть рабочих людей.²²⁴ Главным источником наемной рабочей силы был самый большой разряд населения — черносошные крестьяне. По подсчетам Г. Н. Лохтевой, среди наемных людей Гледенского монастыря в XVII в. 63,3% являлись черносошными крестьянами. Как по существующему законодательству, так и на практике они оставались свободными. Проследив судьбу 659 паймитов монастыря, Лохтева обнаружила лишь двоих, превратившихся в зависимых от монастыря людей. Даже очень длительный срок пребывания в паймитах не крепостил крестьянина.²²⁵

Итак, черносошный крестьянин уходил со своих паделов в наем, и это было нормальным явлением.²²⁶

Распространение порядка в северных уездах также противоречит представлению о крепостном состоянии черносошных крестьян. Ни в законодательстве, ни на практике нет ни одного намека на то, чтобы уход черносошного крестьянина со своего падела в порядчики как-либо затруднялся. Потеряв свою землю или желая увеличить ее, крестьянин свободно, по договору переходил на чужую землю, жил на ней оговоренный при заключении порядка срок и уходил, если порядок не возобновлялся.²²⁷ Питательной средой порядка на Севере было черносошное крестьянство. Порядчики селились на землях монастырей, церквей и богатых крестьян. По данным Огризко, число порядчиков Гледенского монастыря за счет черносошных крестьян выросло в XVII в. в 4 раза: в 1623 г. за монастырем числилось 30 дворов половников, в конце 70-х—начале 80-х гг. — 113, по переписи 1701 г. — 128 дворов.²²⁸ Значительное число половников-порядчиков отмечают писцовые книги. Так, по описанию 1623—1626 гг., в Сухонской трети Устюжского уезда на 616 крестьянских дворов приходилось 176 половничьих, т. е. почти 1/3. Во всех же станах

²²⁴ В царской грамоте воеводе Сольвычегодска от 2 марта 1633 г. предписывается набирать стрельцов не из посадов и волостей, а из «издольных и гулящих людей» (Архив ЛОИИ СССР, собр. Лихачева, № 206/27).

²²⁵ Лохтева Г. Н. Наемный труд в монастырском хозяйстве XVII в. — В кн.: Русское государство в XVII в. М., 1961, с. 216, 225.

²²⁶ Насколько массовым был уход крестьян из одной волости в другую, можно судить по тому, что в Судебнике 1589 г. есть специальная статья, регулирующая налоговые обязанности этих крестьян: «А где кого застанет дань, тут с него имати, тут с него поголовное дасть, чем мир осудит». Поголовное платилось, как показывают документы, теми, у кого в волости не было ни земли, ни хозяйства («животов»). Их обкладывала волость «по головам». Появление специальной статьи в крестьянском судебнике, касающейся именно припавших людей в волость, отражает реальное положение — присутствие таких людей здесь (Судебники XV—XVI вв. М.; Л., 1952, с. 414, 560—561).

²²⁷ В «сказках» 1721 г. половники говорили: «В прошлых годах по обыновению дешпей поморской страны крестьянам с Устюга Великого на Тотьму и с Тотьмы на Устюг для половничества переходить было не запрещено» (Огризко З. А. Из истории крестьянства на Севере..., с. 10).

²²⁸ Огризко З. А. Из истории крестьянства на Севере..., с. 15.

Устюжского уезда по тому же описанию числилось 5895 крестьянских дворов и 1189 половничьих.²²⁹

Массовость перехода крестьян в половники-порядчики отнюдь не свидетельствует о прикреплении крестьянина к наделу. Он мог лишиться своего надела и пойти на землю другого владельца. Попытка правительства, нашедшая выражение в Наказе от 19 апреля 1645 г., вернуть половников «за государя на посад и в волости в черные деревни попрежнему и сажать их в тягло на посад и в волости, ис которых волостей они вышли и где кто написан в писцовых книгах»,²³⁰ не привела к каким-либо результатам. Половничество во второй половине XVII в. продолжало численно возрастать. К категории крестьян, потерявших свою землю, относятся многочисленные подсоседники и захребетники, жившие в чужих дворах, что едва ли совместимо с прикреплением крестьянина к наделу.

Как черносотные крестьяне стремились избежать закрепощения в феодальной вотчине, показывают весьма любопытные договоры крестьян с архиепископом Вятским. В 1686 г. в особой записи Осип Гулин с товарищами заявляли, что они по данной грамоте Приказной избы поселились на раменье, «не ведаючи, что та земля домовая вотчина преосвященного архиепископа», и были сведены с земли царским указом. Однако впоследствии они договорились, что будут жить «на тех новоросчистных домовых местах», землю пахать и уплачивать определенный оброк архиепископу (ржи по куннице, овса по полукуннице).

Два важных обстоятельства оговорены крестьянами: право уходить на свободу и право продавать и покупать земли. «А не захотят жить Осип с товарищами» в вотчине архиепископа, то ему их крестьян «с той земли... на волю отпускать» «в государевы волости». Землю же, которую крестьяне расчистили, они могут купить и продать. «А кто из нас похочет те домовые новоросчистные починки купить или продать, и нам Осипу с товарищи в том нашем посилье дать свободу, чтобы посилье продавать или покупать безпенно». Крестьяне оговаривают также право отдавать часть раменья «сторонним людям» «припрятчикам» на 2—3 года для расчистки, с них не должен браться «в припрятные годы» оброк в пользу архиепископа.²³¹ В сентябре 1686 г. подобный договор был заключен с вятчанином Игнатием Бакулиным с товарищами, которые поселились в Косинском раменье, «не ведая, что та земля домовая вотчина... архиепископа».²³² В сентябре 1687 г. крестьяне Окатьевской волости Котельничского уезда Игнатий Чащин с товарищами, приобретя покупкой Юферевское раменье («починки и заимочки»), оказавшиеся «святительской вотчиной», заключили договор: они будут

жить на этих землях, что им вольно «починочки и заимочки менять, и покупать, и закладывать», а при нежелании крестьян жить в вотчине их «отпускать жить на волю».²³³

Оказавшись на земле феодала, крестьяне превращаются в своеобразных порядчиков, живущих в вотчине на условиях, определенных договором. Они могут прервать это состояние и беспрепятственно выйти на свободу. Крестьяне в договорах закрепляют за собой право распоряжения землями, считая их своими расчистками, своими посильями, своей собственностью. Но если крестьяне выходили из вотчины архиепископа, то по условию договоров им запрещалось навсегда называть эти земли своими.

Как видим, черносотный крестьянин имел свободный выход в государеву волость и такой переход считал выходом на волю. Вековечное право распоряжения землями черносотный крестьянин распространяет и на вотчину архиепископа. Такова сила традиции.

Приведенные договоры крестьян с феодалом показывают, что черносотные государевы волости представлялись для них «волей» и «свободой» по сравнению с режимом сениории.

Не вяжется с представлением черносотного крестьянина как крепостного и развитое крестьянское самоуправление: суд через выборных судей и старост, соблюдение общественного порядка через выборный полицейский аппарат сотского.

Итак, норма Уложения о прикреплении черносотных крестьян «к наделам», «к волостям», «к тяглу» (у разных авторов различные статьи закрепощения) не была проведена в жизнь. Как уже говорилось, только в ст. 1 гл. XI Уложения черносотный крестьянин поставлен на один уровень с частновладельческим в отношении его возвращения на прежние жеребьи. В других статьях черносотные крестьяне совсем не фигурируют или упоминаются как носители прав, отличных от прав крепостных крестьян.

Одним из таких прав было право черносотных крестьян уйти в посад, следовательно, порвать со своим хозяйством, своей землей, со своим неотторжимым якобы наделом. Помещичьим крестьянам такой переход был полностью запрещен. Другим важным правом черносотных крестьян было право брать на откуп таможенные и кабацкие сборы и другие статьи государственных доходов, чего полностью были лишены владельческие крестьяне. Разумеется, правом брать откуны могли пользоваться лишь богатые крестьяне — те, хозяйство которых могло материально обеспечить казенный интерес в случае убыточности того или иного откупа. Казна взыскивала «недобор», как известно, на откупщика. Конечно, крупные статьи могли брать только очень богатые представители торгового капитала. Например, таможни Устюга и Холмогор «ведали гости», однако более мелкие статьи доставались

²²⁹ Подсчитано по: Колесников П. А. Северная Русь, с. 72—79.

²³⁰ Веселовский С. Б. Акты писцового дела, т. II, вып. 1, с. 445.

²³¹ Труды Вятск. арх. ком. 1907 г. 1908, вып. III, № 119.

²³² Там же.

²³³ Там же, вып. IV, № 128.

крестьянам и посадским. Предоставление черносотным крестьянам права брать откуны и отказ в этом владельческом крестьянам объясняются различиями в их хозяйственном положении. Черносотный крестьянин был полным собственником всего своего хозяйства, оно могло быть привлечено к покрытию казенных убытков, хозяйство же владельческого крестьянина не было его полной собственностью. За спиной владельческого крестьянина всегда стоял помещик или вотчинник, власть которого над личностью крестьянина распространялась и на его хозяйство. А. Г. Маньков, разбирая статьи Уложения в отношении частновладельческих крестьян, показывает «неразрывную связь крестьянина с имуществом как исходного условия его производительной деятельности». Однако «неразрывная связь», необходимая для производства, скажем, «связь» с сельскохозяйственным инвентарем или тягловым скотом еще не означает его полной собственности на этот инвентарь или скот. Ведь известно, что владелец уже в XVII в. мог продать отдельного члена семьи или всю семью, заложить их, поступиться без земли. «Связь» сразу же нарушалась. Именно такое правовое и фактическое положение хозяйства частновладельческого крестьянина и определяло норму Уложения, запрещающую давать откуны владельческим крестьянам. Не мог владельческий крестьянин в обеспечение тех или иных платежей положить свой земельный надел. Земля фактически принадлежала крестьянину, пишет А. Г. Маньков, он имел «право владения и пользования» ею. И оказывается, «особенно ясно это обстоятельство прослеживается на черносотных землях в период развитого феодализма». Судя по ссылке в этом месте, Маньков имеет в виду широкую практику отчуждения земли черносотными крестьянами и в XVI, и в XVII вв.²³⁴ Думаю, что Маньков неправ, когда он подтверждает земельные «права» частновладельческих крестьян ссылками на земельные права черносотных крестьян. Ведь крестьянское владение и пользование землей в частновладельческом имении осуществлялось по милости феодала, в интересах феодала и не сопровождалось и тенью права распоряжения землей. Владение землей черносотного крестьянина было основано на праве его собственности, главным атрибутом ее было право черносотного крестьянина распорядиться ею по своему усмотрению. Крестьяне, как мы показали выше, этим правом широко пользовались. Неоправданное уравнение поземельных прав владельческих и черносотных крестьян, допущенное Маньковым, мне кажется, выявляет бесперспективность попыток рассматривать все крестьянство России XVII в. как единую крепостную массу.

²³⁴ Маньков А. Г. Уложение 1649 г., с. 103.

Глава II

Деревня

Дворность, населенность двора

Деревня, по определению А. Я. Ефименко, «есть обособленная земельная единица, в центре которой стоит двор или небольшая сумма дворов... к которым тяготеет известная совокупность земельных угодий, притянутая к этому центру трудовым захватом».¹ Эти слова в известной мере определяют и план исследования деревни XVII в. Дворность и численность населения, земельный фонд и распределение его между дворовладельцами — вот главные темы последующего изложения.

А. Я. Дегтярев, написавший интересное исследование истории русской деревни XV—XVII вв., пришел к выводу, что «лицо расселения в XV—XVI вв. определяли мелкие деревни». По его мнению, именно мелкими селениями «к середине XVI в. была усеяна вся страна».² Несмотря на последующие годы кризиса и иностранной интервенции, обусловивших исчезновение тысяч и тысяч населенных пунктов, «лицо расселения» в северных уездах XVII в. по-прежнему определяли малодворные поселения.³ Конечно, среди них было меньше однодворных или двухдворных деревень, преобладавших в XVI в., однако и крупных деревень было еще ничтожное число.⁴ Это очевидно из обобщающих данных о количестве поселений в конце первой четверти XVII в. в различных районах Поморья, приведенных П. А. Колесниковым. Оказыва-

¹ Ефименко А. Я. Исследования народной жизни, вып. 1, с. 206.

² Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV—XVII веках: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980, с. 53.

³ По подсчетам П. А. Колесникова, на Европейском Севере писцовые книги 20-х гг. XVII в. зафиксировали 22 226 жилых селений и 6210 запустевших. Предположив, что последние в XVI в. были «деревнями живущими», можно считать, что в этом столетии на Европейском Севере находилось около 29 тыс. селений (Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 80).

⁴ В середине XVII в. В. Золотарев, посланный в заонежские погосты, писал: «А в погостах, государь, деревни все мелкие, редкая деревня дворов 10 или 15, или хотя и больше, и то наредка... А то, государь, в деревне двора по 2, и по 3, и по 5» (Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. 1, с. 147).

ется, к этому периоду в Центральном Поморье⁵ насчитывалось 737 сел, селеч, слобод, 12 655 деревень, 252 починка; в Северо-Западном Поморье⁶ села, сельца и слободки отсутствовали, было 3313 деревень и 9 починков; в Северо-Восточном Поморье⁷ — 2 слободы, 1022 деревни, 94 починка; в Вятской земле⁸ — соответственно 4 села и слободка, 1434 деревни, 1616 починков; наконец, в приуральских уездах⁹ сел и слободок не было, насчитывалось 306 деревень и 213 починков. Исходя из числа селений и дворов в них, П. А. Колесников установил средний размер поселений: в первом районе — 3.8 дворов, во втором — 3.8, в третьем — 4.5, в четвертом — 2.3, в пятом — 7.2.¹⁰ Средняя дворность не оставляет сомнения, что в своей массе селения на Севере были и в XVII в. малодворными. Относительно высокий средний размер селений в Северо-Восточном районе объясняется наличием здесь (хотя и небольшого по числу) многодворных поселений. По нашим подсчетам, на Пинеге и Мезени деревень с 10 дворами и больше насчитывалось около 44%. Крупные поселения отмечает писцовая книга на Мезени. Некоторые из них насчитывали 40—60 дворов. Здесь в селениях, где было свыше 10 дворов, находилось 764 двора, что составляло 75% от общего числа дворов.¹¹ Промысловым характером занятий населения объясняются крупные деревни в приуральских уездах. Крупные селения размещались в нижнем течении Двины. В 10 волостях, расположенных на островах дельты, в среднем на деревню приходилось 5.2 двора, т. е. значительно больше средней для всего Центрального Поморья (3.8); 58 деревень (из 134) имели здесь 8 и более дворов; 12 селения насчитывали 12 дворов, два — 17 и два — 22 двора. В 9 волостях холмогорской округи средний размер деревень достигал 4 дворов, т. е. чуть превышал среднюю дворность Центрального Поморья. 22 селения насчитывали 8 и более дворов, и лишь одна деревня в Куресской волости имела 17 дворов.¹² Южнее Ракульской волости преобладали деревни в 2—4 двора. Выше

⁵ Вологодский, Тотемский, Устюжский, Сольвычегодский, Двинской, Важский, Турчасовский уезды и Устьянские волости.

⁶ Каргопольский, Кольский, Чароцда и Заонежские погосты.

⁷ Кеврольский, Мезенский, Яренский и Пустозерский уезды.

⁸ Хлыновский, Орловский, Котельнический, Слободской и Шестаковский уезды.

⁹ Чердынский и Соликамский уезды.

¹⁰ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 78—81.

¹¹ Коланев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 117—118.

¹² Терпилов стан, Мудьюга, Леонтьев стан, Кегостров, Андреанов стан, Заостровская волость, Лисеостровская волость, волость Уйма, Княжеостровская волость и Кехта. По писцовой книге 1623 г. здесь отмечено 134 живущие деревни с 622 дворами (ЦГАДА, ф. 1209, п. к. № 9, л. 1—646).

¹³ Койдокурская, Матигорская Борисо-Глебская, Матигорская Някольская, Куресская, Загорский стан, Куростровская, Ухтоостровская Троицкая, Ухтоостровская Богоявленская и Ракульская волости насчитывали 700 дворов в 165 живущих деревнях (ЦГАДА, ф. 1209, п. к. № 9, л. 647—686; п. к. № 10, л. 1—557).

среднего уровня была дворность в деревнях Устюжского и Тотемского уездов. По писцовым книгам 20-х гг. XVII в., в последнем на деревню приходилось 4 двора, в первом — 4.46 двора.¹⁴

Самые мелкие деревни зарегистрированы писцами конца 20-х гг. в вятских уездах. Это объясняется обилием здесь починков, характерных для активно осваиваемого сельскохозяйственного района Севера: починки составляли 52.5% всех поселений. К середине XVII в. из-за «пустоты» число дворов на деревню даже уменьшилось. Так, в указанных выше 10 низовских волостях средняя дворность составляла 4.6 жилых двора на деревню, а в 9 волостях холмогорской округи — 4. Но если учесть, что переписные книги 1646 г. зафиксировали в первом случае 129 пустых дворов, а во втором — 91, то с 1623 г. число жилых дворов, хотя и медленно, но возрастало.¹⁵ Другое положение создалось в Кеврольском уезде. Здесь переписные книги 1646 г. зафиксировали по сравнению с описью 20-х гг. уменьшение числа жилых дворов на 57% (в 1623 г. жилых деревень было 417, в 1646 г. — 296), что обусловило и уменьшение дворности. В 1646 г. однодворных деревень было 40.4% а двух- и четырехдворных — 50.2%, всего 1% составляли девятидворные деревни.¹⁶

Обобщенные данные о дворности северных деревень конца XVII в. получены П. А. Колесниковым на основе переписных книг конца 70-х—начала 80-х гг. Число поселений в регионе возросло до 23 689, т. е. увеличилось по сравнению с первой четвертью XVII в. более чем на 10%. Вместе с тем возросла и дворность. В Центральном Поморье на одно селение приходилось 5.1 двора, в Северо-Западном — 5.6 двора, в Северо-Восточном — 5 дворов, в вятских уездах — 3 двора, в приуральских уездах —

¹⁴ Подсчитано по публикации П. А. Колесникова (Северная Русь, с. 15—78). — В двинских писцовых книгах 20-х гг. в большом количестве отмечены «места дворовые пустые», «дворы пустые» с указанием их прежних хозяев, которые теперь проживают в той же волости в какой-либо из деревень. Так, в Княжеостровской волости отмечено 18 дворов и «мест дворовых пустых», хозяева которых живут в той же волости, и лишь один двор пустой крестьянина, перешедшего в соседнюю Куресскую волость. Некоторые хозяева имели дворы в нескольких деревнях и забросили их. Например, за жителем дер. Омеляновской Федотом Митрофановым Хромцовым записаны «дворовые места» в четырех деревнях, за Андреем Петровым с. Воронцова, кроме двора в дер. Матфеевской, числилось «место дворовое» в дер. Кабаевской и т. д. Левка Мамонов в дер. Борисовской имел двор, в котором жил, и два двора пустых. В дер. Яковлевской отмечены «дворы пустые» и «места дворовые», которые были за крестьянами дер. Левкинской (4 хозяина) и дер. Жеравковой (1 хозяин). В дер. Пуменовской отмечены «дворы пустые» крестьян, проживавших в четырех деревнях волости, куда, видимо, крестьяне переселились. Как видим, крестьяне легко меняли деревню, строили свой двор на новом месте, продолжая быть хозяином «двора» или «пустого места» в прежней деревне. Налицо оживленная микромиграция, ограниченная пределами волости и, конечно, контролируемая ею (ЦГАДА, ф. 1209, п. к. № 9, л. 573 и след.).

¹⁵ ЦГАДА, ф. 137, Архангельск, № 1.
¹⁶ Воскобойникова Н. П. К истории заселения Кеврольского уезда... с. 29—32, 38.

9.1 двора.¹⁷ Эти данные можно конкретизировать показателями о дворности по отдельным районам. Как и ранее, в низовских двинских волостях средний размер деревни был выше, чем таковой для всего центрального района: он равнялся здесь 5.7 двора на деревню; в волостях холмогорской округи дворность была значительно ниже общерайонной: 3.7 двора на деревню, т. е. меньше, чем в середине XVII в. (см. с. 68). Ниже средней дворность наблюдается и в южных волостях Подвинья. Это связывается с уходом населения, вызванного неурожаем 70-х гг., что отмечено и переписной книгой. Перепись 1678 г. засвидетельствовала оживление Кеврольского уезда, нашедшее свое выражение в возрастании дворности. Процент однодворных селений снизился до 19, возросло число 5—8-дворных деревень, составивших теперь 21.5%, появились крупные селения — 9—20 дворов, составившие 7%. Дворность приблизилась к дворности 1623 г.¹⁸ То же наблюдалось в Яренском уезде. В 1678 г. здесь в среднем на деревню приходилось 5.5 двора.¹⁹ В Важском уезде, относившемся к Центральному району, дворность была ниже, чем средняя по району: 4 двора на деревню. В уезде в 1685 г. одно-, трехдворные деревни составляли 38%, а селения свыше 8 дворов — всего 5%. Такая малодворность деревень объясняется земледельческим характером уезда. По этой же причине низка была дворность в уездах Вятской земли. По-прежнему здесь почти половину составляли починки. А. Я. Дегтярев, говоря о заселении вятских уездов, вводит даже понятие «починковая форма колонизации», видимо, вполне применимое и к другим северным уездам, где преобладало земледелие.²⁰

Сохранившиеся описания России XVI—XVII вв. с обязательным указанием трудоспособного (в писцовых книгах) или всего мужского (в переписных книгах) населения давно пробудили у историков соблазн высчитать все население государства или отдельных его частей на тот или иной период, в зависимости от интересующего историка времени. Для этого исследователи пытались прежде всего определить населенность двора. В специальной работе Я. Е. Водарского критически рассмотрены методики и результаты определения населенности двора рядом авторов.²¹ Сам Водарский на основе сопоставления новых источников XVI—XIX вв. установил для Севера численность мужского населения

на двор в 1678 г. 3.2 человека, а вместе с женским — 7 человек.²² Для Кеврольского и Мезенского уездов П. И. Иванов определяет среднюю цифру мужского населения в 80-х гг. в крестьянском дворе 3.2—4.1.²³ Е. Н. Бакланова, установив, что в 1678 г. в Вологодской земле семья насчитывала от 1 до 7 человек мужчин, сужает для половины семей наличие мужчин до 2—3 человек.²⁴ Следовательно, и здесь в среднем семья состояла из 7 человек обоего пола.

Исходя из средних цифр населенности двора в первой четверти XVII в., предложенных П. А. Колесниковым (для Тотемского уезда — 6.25 человека на двор, для Двинского уезда — 6.75, для Чарондской округи — 6.8, для Слободского уезда — 7.5, для Устьянских волостей — 7.75²⁵), мы можем заключить, что крестьянский двор в отношении населенности незначительно изменился за столетие. Крестьянская семья, проживавшая во дворе, оставалась малой семьей. Среди вологодских крестьян малая семья составляла 80.3%, причем «господствующим ее типом была индивидуальная семья супругов с их неженатыми детьми».²⁶ О половом составе семьи ни писцовые, ни переписные книги материала не содержат, так как женщины, за исключением вдов-дворохозяев, в них не упоминаются. Поэтому при вычислении населения историки придерживаются условного правила — считать женское население равным мужскому. Считаю излишним при-

²² Там же, с. 127, 128. — Цифра, полученная Я. Е. Водарским, внушает доверие не только по продуманной методике ее получения, но и потому, что автор правильно определил степень утайки дворов по переписи 1678 г. — 25% (Водарский Я. Е. Население России в конце XVII—начале XVIII века. М., 1977, с. 53). Приемлемость вывода Водарского подтверждает история описания Двинского уезда. Два года спустя после описания 1678 г. Афанасья Фонвизина, в 1681 г., Двинский уезд — только черносошные станы и волости, кроме посадов и монастырских вотчин, — описали подьячие съезжей избы Леонтий Андреев, Иван Облезин и Василий Поздеев (ЦГАДА, ф. 137, Архангельск, № 19). По их книге, в станах и волостях оказалось 3043 двора против 2391 двора по описи Фонвизина, т. е. выявилась утайка 652 дворов, составившая 21.75%, — цифра, близкая к выявленной Водарским. Однако Водарский число уклонившихся при переписи Двинского уезда в 1678 г. определяет в 14%, видимо, относя убыль, выявленную при переписи 1681 г., к числу всех дворов уезда (Водарский Я. Е. 1) К вопросу о достоверности итогов переписных книг XVII в. — Вопросы истории, 1969, № 2, с. 133; 2) Население Русского Севера в конце XVII—первой четверти XVIII в. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вологда, 1973, вып. III, с. 159).

²³ Иванов П. И. Поземельные союзы и переделы... — Тут же автор отмечает: «Эта цифра почти совпадает с средней населенностью двора в Двинском, Кеврольском, Мезенском и Сольвычегодском уездах в 1717 г. ... мужского и женского населения 7—7.2 человека на двор» (там же, с. 204).

²⁴ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. М., 1976, с. 36.

²⁵ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 117.

²⁶ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере, с. 39.

¹⁷ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 95—99.

¹⁸ Воскобойникова Н. П. К истории заселения Кеврольского уезда... с. 29—32, 38.

¹⁹ Воскобойникова Н. П. Яренский уезд в 1678 г. — В кн.: Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М., 1974, с. 251.

²⁰ Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV—XVII веках, с. 93.

²¹ Водарский Я. Е. К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России в XVI—XVII вв. — В кн.: Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М., 1974, с. 117—119.

вести здесь результаты подсчета мужского и женского населения по описи Золотицкой волости 1670 г., где в каждом дворе указан и «женский пол».²⁷ Всего описано 25 крестьянских дворов²⁸ и 16 бобыльских. В крестьянских домах оказалось 87 мужчин и 65 женщин, в бобыльских — соответственно 61 и 55. Как видим, в 1670 г. мужское население явно преобладало и в крестьянских, и в бобыльских дворах Золотицы. Вряд ли можно объяснить это промысловым характером занятий, ибо опись фиксирует значительную рождаемость мальчиков: 3—4 сына в семье — обычное явление, есть семьи с 5—6 и даже 7 сыновьями. Относительно высокую рождаемость мальчиков отметили и переписные двинские книги 1678 г. Так, в Терпиловом стане в 42 жилых дворах зафиксировано 77 мальчиков в возрасте до 15 лет; в Мудьюге на 30 дворов — 53 мальчика, в Леоптьевом стане на 46 дворов — 106 мальчиков, в единственной деревне Алексеева стана Боярский Остров на 11 дворов отмечено 20 мальчиков.²⁹ Еще более высокую рождаемость мальчиков запечатлела веревная книга 1690 г. вотчины Архангельского монастыря. Здесь на 79 описанных дворов с перечнем дворохозяев и детей до 15 лет последних приходилось 228, т. е. почти по 3 мальчика на двор.³⁰ Следует отметить, что увеличение среднего числа мальчиков объясняется отчасти возрастанием населения двора в Архангельской вотчине в 1690 г. По веревной книге, в крестьянском дворе в среднем было по 10 человек обоего пола, в бобыльском — по 7.³¹ По переписи 1678 г., на двор приходилось здесь 6,5 человека.

Соотношение населенности двора в вотчине Архангельского монастыря в 1678 и 1690 гг. подтверждает не раз высказанные мнения об укрупнении двора во второй половине XVII в. Приведенные средние цифры населенности двора, высчитанные П. А. Колесниковым по переписи 1678 г., позволяют утверждать, что увеличение численности населения двора в 30—70-х гг. шло медленно, но, видимо, ускорилось в последние два десятилетия XVII в. и достигло своего наивысшего уровня.

Численный состав двора, господство малой семьи позволяют с уверенностью заключить, что крестьянские семьи в XVII в. представляли всегда родственный коллектив, члены которого связаны близким, кровным родством. Из двух видов родства — по прямой линии и по боковым линиям, определенных К. Марксом, в крестьянской семье господствующее место занимал первый вид (одно лицо произошло от другого), второй вид (лица произошли

от общего предка, а не один от другого) встречался значительно реже — в братских семьях, в семьях боковых родственников, число которых в XVII в. не превышало 10—20%.³² Крестьянская семья, потомственно владевшая двором, землей, угодьями и имуществом, представляла собой трудовой коллектив. Многообразие трудовых потребностей позволяло всем членам семьи с малых лет и до глубокой старости работать в хозяйстве.³³ Промыслы, отвлечавшие, как правило, мужчин, повышали роль женского и детского труда. Женщины выполняли тяжелые полевые работы: обрабатывали землю, собирали урожай, косили сено, ухаживали за скотом. «По силе» им помогали малолетки и престарелые. Если в хозяйстве образовывались излишки труда, то часто членов семьи, опять же мужчин, отпускали «в гульбу», «на свой хлеб», в «промысловую ужину», на «прокорм по найму» и т. д. Определить рабочие возможности крестьянского двора в XVII в. (даже по переписным книгам, где указан возраст мужского населения) вряд ли возможно. Объем трудового вклада каждой семьи зависел от условий: иногда он был выше трудовых возрастных возможностей, иногда ниже их. Иногда во дворе жили складники. Это чаще всего члены разделившейся семьи, продолжавшие жить в одном дворе до постройки «особных» дворов. Изредка это посторонние семьи, решившие по тем или иным причинам жить одной семьей. Складником считался муж вдовы, обязавшийся при заключении брака «кормить» детей вдовы «до возраста». По складной записи, во дворе могло проживать лицо, согласившееся «печаловать» престарелых дворохозяев и т. д. Итак, складниками — жителями двора — могли быть и родственники, и посторонние лица. Для такого двора характерны две черты: временность складства и несение складниками тягла, падавшего на двор. Складники, хотя и временные, но дворохозяева, т. е. своеобразный коллектив дворохозяев.

Членами двора были и посторонние. Как показывают переписные книги 1646 и 1678 гг., в составе населения двора в отдельных случаях были соседи, подсоседники, подворники и захребетники. О них сообщали писцы после перечня дворохозяев, при ответе на вопрос писцового наказа: «И у тех крестьян, и у бобылей сколько у ково детей, и братии, и племянников, и сосед, и подсоседников, и захребетников, и недорослей».³⁴ Уже тот факт, что соседи, под-

³² Архив Маркса и Энгельса, т. IX. М., 1941, с. 12.

³³ Е. Н. Бакланова считает, что в XVII в. дети «вряд ли выполняли взрослые работы» (Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере, с. 41).

³⁴ ЦГАДА, ф. 137, Архангельск, № 15051, л. 5. — Отнесение жителя деревни к той или иной из перечисленных категорий фиксировалось в сказке волости, представляемой писцу. Так, перед описанием 1678 г. 26 марта того же года емецкий земский староста Моисей Куницын в особой памяти приказывал волостным земским судейкам, сотским и крестьянам изготавить для писца А. Д. Фолвизина сказки, «а в сказках описывать имянно, что в станах, и волостях, и на церковных землях, крестьянских и бобыльских дворов, и в них людей по имяном, и у тех крестьян и у бобылей

²⁷ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 27, № 188.

²⁸ Мы исключили из подсчетов 4 хозяйства, в которых о числе населения сказано неопределенно: такой-то «сам друг» да такой-то «сам четверт», такой-то «сам 5», такой-то «сам друг», такой-то «сам третей».

²⁹ ЦГАДА, ф. 137, Архангельск, № 15051, л. 144—167.

³⁰ Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей XVI—XVII вв. Л., 1977, с. 367—434.

³¹ Копанев А. И. Крестьяне вотчины Архангельского монастыря по веревной книге 1690 г. — В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. Л., 1978, с. 140.

соседники, подворники и захребетники перечисляются наряду с детьми и племянниками, показывает, что они второстепенные члены двора и находились в подчинении от дворохозяев. В. Н. Колеченкова недавно констатировала: «Социальная природа соседей, подсоседников, захребетников и подворников до сих пор не выяснена в исторической литературе», лишь о захребетниках имеются данные об их зависимости.³⁵ Б. Д. Греков указывал следующие признаки бобылей-захребетников: они работают на земле, но не берут на свое имя тяглые участки, они включаются «в чужое крестьянское хозяйство, помогая крестьянину справляться с его обязанностями».³⁶ Следовательно, они не тяглецы, живут за хребтом налогоплательщика и как экономически слабые крестьяне, лишившиеся своего двора и надела, работают в более состоятельных хозяйствах соседей на положении добровольных работников.

В отличие от захребетника сосед наших документов — это тяглец, что очевидно из одной записи веревной книги 1690 г. на вотчину Архангельского монастыря: «Дв. Якушко Игнатъев с. Остафьев и сосед его Пронька, Афонька Андреевы д. Телешневых, у Проньки дети Мишка 8 лет, Ивашко 5 лет. У Афоньки дети Васька 2 лет, Левка 10 недель. Тягло вервлено и писано вместе, а Пронька живет в своей избе».³⁷ Итак, сосед делит тягловые обязанности с дворохозяином, особенности его бытового положения заключаются в том, что он живет во дворе дворохозяина в особой избе, «в избеце». Не обуславливает ли эта бытовая деталь наименование братьев «соседом»? Употребление единственного числа в отношении братьев подчеркивает соседство как определенное состояние, фиксируемое в сознании волощан. Тяглый характер соседского владения землей подчеркнут другой записью той же веревной книги. При описании двора Коземки Акинфова с. Вешнякова (после упоминания его пятерых детей) следует: «В том же дворе живет сосед его Коземкин Тимошка Карпов с., у него сын Калинка 2 недели». Земли (пахня и сенокос) записаны в веревной книге за дворохозяином и соседом порознь, порознь определено тягло: у дворохозяина 83.2 чети сажени, у соседа — 81 сажень.³⁸ На наш взгляд, сосед отличался от подсоседника. Последний, видимо, был человеком нетяглым, хотя и мог участвовать в тягле дворохозяина. Характерную запись о подсоседнике находим в переписной книге 1678 г. Описав первый двор дер. Кальцыно Никифора Хабарова, писец описывает второй двор братьев Сидора и Сеньки Самойловых детей Хабарова и за-

мечает: «А в скаске оне написаны у Микифорка Хабарова в подсоседниках, а двор их написан пуст».³⁹ Как видим, в подсоседники шел обедневший крестьянин, забросивший свой двор. Мир (ведь он составлял сказки для писцов) согласен был на уход дворохозяина с тягла. В переписных двинских книгах встречаются подворники, правда, не так часто, как подсоседники. Например, в Леонтьевом стане Двинского уезда, по книге 1678 г., числилось 6 подсоседников и 1 подворник,⁴⁰ а в Андриановом стане — 11 подсоседников, 2 соседа и 2 захребетника и не указано ни одного подворника.⁴¹ В противовес двинским тотемские писцы указывают во дворах только подворников, подворников-бобылей и работников с их семьями: первых — 18, вторых — 181, третьих — 26 человек.⁴² Яренская книга, как и двинская, для обозначения неродственных членов двора употребляет термины «сосед», «подсоседник» и «захребетник», а также «бездворный бобыль».⁴³ Все эти термины покрывают значительный слой разорившихся крестьян, искавших пристанища и работы не в своем хозяйстве и на своем наделе, а на стороне. Их статус определяется работой по найму у того ли хозяина, где он живет, или в другом месте. Но все-таки в литературе отмечены различия в их положении. М. М. Богословский считал подворника съемщиком «жилого помещения во дворе».⁴⁴ «В качестве подворников-квартирантов жили, — писал Богословский, — в чужих дворах иногда бездворные бобыли, промышлявшие ремеслами или черной работой, платившие бобыльский оброк». Богословский связывал социальный статус инородных членов двора с положением работавших на найма. «На севере, где не развивались крепостные отношения, был распространен вольнонаемный труд, который применялся не только на монастырских и частновладельческих промыслах, но и в обыкновенных крестьянских хозяйствах».⁴⁵ Такой вольнонаемной силой и были подворники, подсоседники, а иногда и соседи. Н. В. Устюгов на основе переписных книг 70-х гг. по Соликамскому уезду пришел к выводу, что «под подворниками в Поморье разумелись съемщики помещений, квартиранты, которые не находились ни в какой зависимости от владельцев дворов».⁴⁶ Вопрос

³⁹ ЦГАДА, ф. 137, Архангельск, № 15051, л. 160.

⁴⁰ Там же, л. 158—166.

⁴¹ Там же, л. 172—207.

⁴² Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. 1, с. 140.

⁴³ Там же, с. 141. — Н. П. Воскобойникова установила, что неродственные элементы крестьянского двора составляли 4.6% от общего количества населения Яренского уезда. «Эти категории населения, — пишет Воскобойникова, — в прошлом были крестьянами и бобылями. Окончательно разорившись и продав свои дворы, они перешли в чужие дворы на положение работников. Все эти группы населения юридически были равноправны с крестьянами и отличались от них только своим экономическим положением» (Воскобойникова Н. П. Яренский уезд в 1678 г., с. 249, 253).

⁴⁴ Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. 1, с. 140.

⁴⁵ Там же, с. 141.

⁴⁶ Устюгов Н. В. Крестьянская колонизация южной части Соликамского уезда во второй половине XVII в. — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962, с. 91.

сколько у кого есть детей, и братья, и племянники, и сосед, и подсоседники, и захребетники, и недорослей, и многих ли те недоросли лет. А до 15 лет писать годами, за 15 лет годами не писать, а писать именами» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 32, № 188).

³⁵ Колеченкова В. Н. К вопросу о соседях как социальной категории. — В кн.: Русское государство в XVII в. М., 1961, с. 201.

³⁶ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М.; Л., 1946, с. 748.

³⁷ Материалы по истории крестьянского хозяйства..., с. 412, 414.

³⁸ Там же, с. 372, 374.

о зависимости соседей от дворохозяев на материале ярославских переписных книг 1646 и 1668 гг. пыталась разрешить В. Н. Колеченкова. Проследив судьбу 355 соседей, она установила, что в 146 случаях соседства соседи (посадские люди, ремесленники, крестьяне, бобыли, служилые люди по прибору) не были связаны с хозяином, с его специальностью, они были независимы от хозяина и платили за помещение. В 209 случаях (при совпадении профессий соседа и ремесленника-дворохозяина или несовпадении) зависимость и независимость соседа от хозяина остаются неясными.⁴⁷ Осторожный вывод автора показывает, что скорее всего зависимость соседа (в других местах подворники, подсоседники) имела экономическую основу.

Итак, коллектив двора в XVII в. включает не только родственные элементы, но и работников, и квартиросъемщиков, и семей, стремившихся освободиться от тягла.⁴⁸ Все эти категории населения двора составляли ту бедноту, которая служила резервом для развития найма в ремесле, в промыслах и в сельскохозяйственном производстве.

Деревня в поземельном отношении

Как обеспечен крестьянский двор землей, вопрос для XVII в. трудноразрешимый. Переписные книги 1646, 1678 гг. не содержат сведений о земельных наделах. Писцовые книги 20-х гг. XVII в. позволяют высчитать лишь усредненные размеры запашки на двор. Исключение составляет писцовая книга по Кеврольскому уезду, где запашка дается не на деревню, а на каждый крестьянский двор.

В среднем на двор в 20-х гг. XVII в. приходилось на Двине 2.3 четверти в одном поле; на Пинеге — 2.2; на Мезени — 0.9; в Яренском уезде — 2.2; в вятских уездах: в Хлыновском — 4.5 (в тяглых станах) и 3.9 (в оброчных); в Слободском — соответственно 4.2 и 3.8; в Орловском — 5.4 и 1.9; в Котельничском — 4 и 2.4; в Шестаковском — 3.8 и 1.5 четверти. Почти тот же размер надела находим в посухонских уездах: в Тотемском — 3.8 четверти на двор в одном поле; в Устюжском (в Посухонской

трети) — 3.2 четверти.⁴⁹ Как видим, средняя запашка на двор в разных уездах в 20-х гг. XVII в. довольно сильно колебалась. На Мезени она не достигала и 1½ дес. на двор, в других северных уездах (Двинском, Кеврольском, Яренском) составляла 3—3½ дес., повышалась до 2½—4 дес. в более южных Устюжском и Тотемском уездах и доходила до 7½ дес. в отдельных вятских уездах. Правда, там же на Вятке наблюдается значительное снижение запашки в оброчных станах — до 1½—2 дес. на двор. Таковы средние цифры, высчитанные для больших административных территорий. Если мы обратимся к данным о запашке отдельных деревень или волостей, то внутри уездов обнаруживаются значительные различия в величине наделов. Так, например, в Двинском уезде, где средний надел равнялся 2.3 четвертям на двор, в трех деревнях Лисеостровской волости приходилось: в дер. Тучинской — почти по 7 четвертей, в дер. Микулинской — по 5½, в дер. Демьяновской — по 4½. В Уйме на 24 крестьянских двора приходилось 94 четверти, или почти 6 дес. на двор.⁵⁰ Однако такие резкие отклонения наделов от среднего надела в отдельных деревнях или волостях вполне укладываются в общую картину поземельного неравенства.

П. А. Колесников, сравнивая показания писцовых книг XVII в. с экономическими примечаниями конца XVIII в., обнаруживает уменьшение площади пашни трехпольного хозяйства на душу в Тотемском уезде на 0.5 дес., в Устюжском — на 1; в Важском — на 1.1.⁵¹ По его же наблюдениям, сокращение запашки на душу населения характерно и для XVII в. Например, в 20-х гг. XVII в. в Шенкурской чети в среднем на душу приходилось всей пашни по 2.5 дес., а в 1679 г. — по 1.7.⁵² Сокращение запашки «на душу» наблюдается и в других уездах, но не столь значительное.

Помимо папешных земель, располагавшихся в полях, на припашах и «отхожих пожнях», деревню формировали многообразные угодья: сенокосы, выгоны, леса, охотничьи и рыболовные угодья. Старинная формула, определявшая владения деревни той чертой, до какой из нее «ходили» плуг, соха, серп, коса и топор, включается в поземельные акты и XVII в. Однако в плотно обжитых районах, где деревни «землями сходились», между ними

⁴⁷ Колеченкова В. Н. К вопросу о соседях как социальной категории, с. 202—207.

⁴⁸ Люди, которые жили во дворах и не облагались государственным тяглом, вносили некоторые деньги в пользу волости. Так, в выборе сотского Троицкой волости от 20 октября 1644 г. сказано: «А молодчих людей, которые живут у нас в Троицкой волости, у ково на подворьях или в своих дворишках, и тех молодчих людей данью казачью нам крестьянам и соцким обрубати, смотря по человеку, хто чевю тою казачью данью обрубати достоин». Эти деньги собирал сотский. Если «молодчие люди» «после мирского окладу почнут набегати», то те деньги «правити на хозяевах, у ково которой молодчий на подворьи жил». Из тех денег («из казачьих») оплачивался сотский, покупалась бумага и т. д. (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 142).

⁴⁹ Высчитано по публикации П. А. Колесникова (Северная Русь, с. 92—187).

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 1209, п. к. № 9, л. 492—571.

⁵¹ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 275.

⁵² Там же, с. 275, 276. — П. И. Иванов отметил возрастание запашки на двор в Кеврольском и Мезенском уездах к 80-м гг. с 2.2 чети на двор в 1623 г. до 3.5 чети в 1688 г., что свидетельствовало о преодолении в этом районе последствий голода 40—70-х гг. А вот в Устюжском уезде запашка на двор в эти годы пала в Черевковской волости с 4.9 чети в 1623 г. до 2.7 в 1686 г., в Кивокурском стане — соответственно с 4.8 до 2.3 чети (Иванов П. И. К истории крестьянского землевладения..., с. 426).

проводились границы и возводились межевые огороды, называемые стенными.⁵³

Но как бы точно не были определены границы деревень, крестьяне имели возможность (и использовали ее) разделить в удобных местах в окружающих лесах себе пашню. Это было разрешено Судебником 1589 г., ст. 175 которого гласит: «А черный лес пахати в суземке просто, без делу, где не молоде, хто сколько может, то лес вопчей царев и великого князя».⁵⁴ Об «отхожих пашнях и пожнях и огородах», находившихся «на лесе и при реках», говорит ст. 171.⁵⁵ Продолжалась эта практика и в XVII в.⁵⁶ При этом крестьянин стремился утаить эту землю от обложения. А когда писцы обнаруживали отхожие пашни и приписывали их к тяглым землям, крестьяне оспаривали это. Так, в 1624 г. тотмичи обжаловали действия писцов, приплюсовавших к тяглой пашне пашню, устроенную ими «на черном лесе», «отходя от своих деревень верст по 5, и по 10, и больше». Те земли крестьяне называли «однохлебными», ибо «другой хлеб не родится», поэтому податей платить с них «вперед невозможно».⁵⁷ Жаловались крестьяне и Сольвычегодского уезда на своих писцов, клавших также «новинные мокрые места сверх сотных в пашенную землю», хотя они «с тех новинных мест в 3 года симают один хлеб, а в четвертой год в пашне мечют, для того что хлеба не родитца».⁵⁸ Росчисти, прилегавшие к пашенным деревенским землям, фигурируют в большом числе поземельных актов. Это были небольшие участки, распаханые дворохозяевами против своих полос, включаемых в систему трехполья.⁵⁹

В писцовых книгах за каждой деревней указывается еще перелог. Это, по определению П. А. Колесникова, «бывшая пашня, по различным причинам оставленная ее владельцами, но всегда состоящая на учете».⁶⁰ В документах, фиксирующих сделки купли-продажи на деревенские земли (да и другие сделки), в пе-

речне земельных участков перелог не фигурирует. Это свидетельствует, что они не оценивались как земля пустая, но переходили при сделках приобретателю как часть земельного фонда. Перелог иногда зарастал лесом, числясь при этом как часть старопашотных земель деревни.

Сенокосные угодья в писцовых книгах для каждой деревни измерялись копнами, причем в разных местностях по-разному. В одних уездах (Сольвычегодском, Устюжском и др.) сено делилось на вытное, придаваемое по определенной норме тяглой земле, и завывтное, накапываемое деревней сверх вытной нормы и оплачиваемое оброком, в других (Тотемском, Двинском, Кеврольском, Мезенском и Яренском) этого подразделения не было и все сено включалось в тягло. Сенокосы деревни, конечно, не располагались компактными массивами, а были разбросаны по полям, лесам, отхожим рекам и озерам и т. д. Например, 45 копен дер. Федяево Двинского уезда накапывались «меж полъ и по конец полъ» и на трех «отхожих» островах.⁶¹ Редкая деревня имела сено только «меж полъ и по конец полъ», т. е. в пахотных полях деревни, как это отмечено в дер. Сойнинской.⁶² По заключению П. А. Колесникова, данные писцовых книг «о сенокосах занижены в 2—3 раза».⁶³ Однако соотношение этих хотя и заниженных данных по уездам дает представление о различной обеспеченности крестьян разных местностей сенокосами. Так, в 20-х гг., по писцовым книгам, на живущую выть в Двинском уезде приходилось 26,8 копен, в Кеврольском — 211, в Мезенском — 290,⁶⁴ в Тотемском — 50, в Сольвычегодском — 290 копен вытного и завывтного сена.⁶⁵ Несуразно малая цифра копен по Двинскому уезду отвергнута Колесниковым на основе данных подворной переписи 1785 г., по которой в целом по холмогорской округе под пашней находилось 44,1% площади, под сенокосом — 55,9%.⁶⁶ Такое соотношение пахотных и сенокосных угодий на Двине подтверждается и веревными книгами XVII в. и совершенно не согласуется с приведенным выше числом копен на выть на Двине.⁶⁷ Возможно, писцы «примерялись» не «к малой волоковой летней копне» весом 5 пуд., а к более крупной по массе двухсаженной с локтем копне Судебника 1589 г.⁶⁸ Это уже не большой бесстожарный зародок как по высоте, так и по способу

⁵³ В 1601 г. крестьяне деревень Золотавцева и Слободки Сухонского стана поделили полюбовно «пашенную землю и непашенную и лес» и установили твердую межу, «границ потесали и ямы покопали». По меже ставится межевой огород обеими деревнями, «пополам» (Шляпин В. П. Акты Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря. Великий Устюг, 1912, ч. 1, с. 100). В 1607 г. крестьяне деревень Рупосово и Григорьевская разделили огород между собой, назвав его «межником» (там же, с. 80). Эта норма была зафиксирована еще в ст. 168 Судебника 1589 г.: «А промеж селы и деревни городити межной огород, где межа придет, пополам» (Судебники XV—XVI вв., с. 403).

⁵⁴ Судебники XV—XVI вв., с. 405.

⁵⁵ Там же, с. 404.

⁵⁶ В 1678 г., описав одну деревню, сольвычегодский писец отмечал: «Да то же деревни пашенных полъ отхожая пашня за мжами то же деревни Села Великого на пострадах», даже указываются владельцы и межи «тем пострадам» (Колесников П. А. Северная Русь, с. 92).

⁵⁷ Веселовский С. Б. Акты писцового дела, т. I, с. 273.

⁵⁸ Там же, с. 405.

⁵⁹ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 140—141.

⁶⁰ Там же, с. 140.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 1209, ш. к. № 9, л. 412.

⁶² Там же, л. 415.

⁶³ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 149.

⁶⁴ Колесников П. А. Северная Русь, с. 126, 144, 149.

⁶⁵ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 148.

⁶⁶ Там же, с. 149.

⁶⁷ В Паниловской волости в 1612 г. сенокосы занимали до 40% площади (Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 165).

⁶⁸ По Судебнику 1589 г., при продаже деревни продавец в определенных случаях должен был дать покупателю пожилую копну сена, «две сажени с локтем, одинава топтати» (Судебники XV—XVI вв., с. 405, ст. 179).

возведения. Копну отащивали, правда «одинова», но все равно сено в ней лежало плотнее, чем в волоковой «неотоптанной» копне. Разумеется, уложить по 5—6 таких плотных копен на воз вряд ли было возможно, как это делали сольвычегодцы с волоковыми копами.⁶⁹

Если размер сенокосов, определяемый по данным писцовой книги Двинского уезда, требует объяснений, то данные о сенокосах в других уездах, видимо, близки к истинным. Кеврола, Мезень, Яренский и Сольвычегодский уезды были богаты сенокосами. Крестьяне брали еще сенокосные угодья на оброк. Так, после описаний каждой волости кеврольские писцы 1623 г. отмечали сдачу сениных покосов на оброк. Например, в Выйской волости за 12 крестьянами были оброчные сениные покосы в 7 местах, в Пильгорской — за 10 крестьянами (в трех случаях с товарищами) покосы в 6 местах и т. д.⁷⁰ В Царевской волости Тотемского уезда в 1623—1625 гг. о трех из 28 пустошей сказано — «на сенном оброке всей волости», о 10 — «на оброке всей волости», о 7 — просто «на оброке».⁷¹ Вероятно, во всех случаях крестьяне использовали пустоши как сенокосные угодья, так как эти пустоши были уже нежилыми во время описания 1619 г. и оставались такими иногда многие десятилетия. Большинство пустошей были оброчными и во время описания 1676—1679 гг. Как видим, не только новые росчисти (как в Кеврольском уезде), но и запустевшие деревни являлись источником пополнения сенокосных угодий крестьянских хозяйств.

Выгоны — обязательная часть деревенских владений. Поскотины обычно занимали придеревенские леса, они отгораживались от полей огородами и от «черного леса» осеком. По ст. 170 Судебника 1589 г. преследовались и те, кто «назлю огород отворит и в поле скота напустит», и те, кто «осек отворит и выпустит скот за осек», т. е. в черный лес, где скоту может «незагода учинитца».⁷² Охрана «отхожих пашен и пожен» «на лесе и при реках» от «чужого» скота (по ст. 171) свидетельствует о выпасе скота именно в лесах.⁷³ Использовали крестьяне и сенокосные угодья для выпаса скота весной, пока животные не вредили урожаю трав, и осенью — по оттаве. В разных местах выпас скота на лугах определялся договором сторон. Так, в 1657 г. крестьяне

Конецгорской волости договорились «скот в луга не пущать июня з 9 числа, с Кириллова дня Александрийского»,⁷⁴ а крестьяне Емецкого стана установили срок 23 мая, когда надлежало скот «свозить» с «островов, и с пожен, и с лугов, и с Емцы реки».⁷⁵ Луга и поля использовались для пастбы скота с 1 сентября (Семенова дня).⁷⁶ Огораживание зародов — обязательное условие большинства порядных — диктовалось именно выпуском скота на луга осенью. Дополнительно к общим выгонам крестьяне иногда выгораживали в лесу отдельные участки, называвшиеся телятниками, куда и пускали скот. В явке 1630 г. Иванко Исаков жаловался, что у его телятника «разсечен ... огород», и «скотишко... из того телятника распушено в лес», и челобитник скота «и ног не сыскал».⁷⁷ Иногда в телятнике заводили и папню. Так, в феврале 1690 г. крестьянин продал монастырю «телятник свой за речкою Варзенгой, на Ляшкове, в собном огороде, оприч орамой земли, что в телятнике», и получил 3 руб.⁷⁸ Выходит, телятник был в индивидуальной собственности крестьянина. Иногда телятник устраивался и группой крестьян. Так, по отступной 1653 г., трое крестьян передали свой телятник Куростровской волости «для проходу и проезду». Видимо, телятник мешал волости организовать нормальное сообщение с разными угодьями.

Леса, окружавшие деревенские поля, являлись общей собственностью деревни. По степени их возможного освоения деревенские леса делились на пахенные и непашенные. Эта терминология принята писцами, которые в большинстве случаев за каждой деревней указывали определенное количество леса в десятинах.⁷⁹ В литературе высказано мнение, что пахенный лес —

⁷⁴ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 21, № 192.

⁷⁵ Там же, карт. 31, № 166.

⁷⁶ Ст. 168 Судебника 1589 г. устанавливает брать потраву «до Семена дни, а после Семена дни протравы нет» (Судебники XV—XVI вв., с. 403). Мезенский приговор определяет другой срок — Успенев день: «Отворять стенная огорода и скота пущать за стену на срок на Успенье». Этот же приговор воспрещает отдельным хозяевам выгораживать свои участки, чтобы не допустить выпаса на них общего скота (Иванов П. И. Поземельные союзы и переделы..., с. 270).

⁷⁷ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 100, сстав 1, 5. — В 1674 г. порядчик Троицкой церкви обязался «на лесу... как пригоже засетчи телятник... для скотиной паствы по весне обсмотря места, а прохожих скотных дорог с лесу ко дворам в телятник не засекать» (там же, № 302).

⁷⁸ Сб. ГРЗ, т. II, № 262 (Иванов П. И. Поземельные союзы и переделы..., с. 249).

⁷⁹ Писцы 20-х гг. XVII в. Важского и вятских уездов указывали только пахенный лес, Двинского — только лес непашенный, Кеврольского, Мезенского и Яренского уездов — леса в общей форме («во всех волостях большие черны»). В остальных уездах указаны обе категории леса — пахенного и непашенного. Четкой границы леса этого рода, видимо, не имели. Так, в 1646 г. игумен Антониново-Сийского монастыря жаловался, что «выгонные и поскотинные места и леса десятинные» в Матигорской волости «не делены, с твоими государевыми волостными крестьяны вместе» и крестьяне «те десятинные общие леса и выгонные, и пахенные неде-

⁶⁹ Сольвычегодцы в 1625 г., жалуюсь на писцов, что они давали на выть копы, которых «кладется на один воз по 5—6 копен», называли их «малыми копами», что свидетельствует о существовании больших копен (Веселовский С. П. Акты писцового дела, т. I, с. 210).

⁷⁰ Материалы по истории крестьянского хозяйства..., с. 288—289, 342—343. — Оброчные сенокосы были здесь необходимы, так как соотношение пахотных и сенокосных угодий в уезде было в 1623 г. — на 2,6 дес. пашни 1 дес. сенокоса, а в конце века — соответственно на 3,6 дес. — 1 дес., что отражало явную недостаточность сенокоса (Иванов П. И. Поземельные союзы и переделы..., с. 245).

⁷¹ Колесников П. А. Северная Русь, с. 67—71.

⁷² Судебники XV—XVI вв., с. 404 (незагода от авари).

⁷³ Там же.

это и лес, пригодный для распахки, и лес, выросший на пашне, вроде «молодей» Судебника 1589 г.⁸⁰ П. А. Колесников не согласен, что пашенный лес — это лес, выросший на пашне. Основными признаками его Колесников считает близость к деревне («лес, расположенный вблизи деревни») и пригодность его под пашню и сенокос.⁸¹ Последний признак, кажется, должен быть решающим. Так, в памяти кеврольского воеводы 1615 г. предписывается крестьянам досмотреть, «что черного лесу, которой пригодится в пашню и которой не пригодится».⁸² Таким образом, пригодность или непригодность леса для пашни, а не расстояние от деревни определяли характер леса. Писцы очень точно различали обе категории деревенских лесов, потому что при неясности признаков вводили еще третью категорию — лес пашенный и непашенный. Так, в 1678 г. в Окологородной волости Тотемского уезда писцы насчитали «лесу пашенного 155 десятин, непашенного 255 десятин, пашенного и непашенного 109 десятин».⁸³ Непашенный лес использовался, по мнению Колесникова, для выпаса скота и под сенокосы,⁸⁴ но для этих же целей использовался и лес пашенный. Лес поворотный — это обширные междовольные пространства леса, определявшиеся писцами верстами: «А леса в Кевроле во всех волостях большие черные по болотам и боры в длину... на 360 верст, а поперег... на 300 верст».⁸⁵

К каждой деревне «тянули» промысловые угодья. При обилии лесов, рек и озер это были в основном рыболовные и охотничьи угодья. Судебник 1589 г. в ст. 176 запрещает посторонним вступать в угодья, закрепленные трудовой практикой за той или иной деревней, «за которою деревнею угодья есть, путики или иное что».⁸⁶ Рыболовные и охотничьи угодья находились во владении отдельных дворохозяев. Это очевидно из формуляра земельных актов. Продав часть деревни «по купчим, и по менным, и по всем заемым крепостям горные земли и луговые, с пожни, и с путики, и с ыстоки, и с пересвесьи, и з займищи, и з запольки, и со всеми угодьями», — говорится в купчей 1614 г.⁸⁷ Такие формулы обычны для крестьянских актов. Имеются акты на сделки отдельно на путики («продал тропу») и на рыбные ловли. Писцовая книга 1623 г. отмечает в Кевроле и Мезени почти в каждой деревне слопцы и перевеси. Эти орудия по простоте устройства могли быть изготовлены самими крестьянами и

предполагают индивидуальную охоту.⁸⁸ Рыболовные угодья — большая река или озеро — обычно находились во владении волости.⁸⁹ Ими пользовались коллективно, как в Варзужской, например, волости, но производился и индивидуальный лов несложными средствами.

П. А. Колесников обратил внимание на усадебно-огородные земли. По его подсчетам, в уездах Поморья около 12,5 тыс. дес. было занято ими. Свои расчеты Колесников строит на данных XVIII в. по Устюжскому уезду о землях, занятых огородами и гумнами, по которым на селение приходилось 1465 сажен. Эту цифру Колесников и умножает на число селений, существовавших в Поморье в XVII в. — на 25 тысяч.⁹⁰

В документах есть совершенно точные данные о величине двора. Так, в дельной 1681—1682 г. на дер. Петрушинскую в Койдокурской волости на $\frac{1}{3}$, доставшуюся одной из сторон, пришлось дворище, «мера» которого состояла: «спереди двора» 16 сажен, с «верхнего конца» поперег 17 сажен, с «нижнюю сторону» 8 сажен, «от реки 10 сажен», вторая сторона на $\frac{2}{3}$ получила дворище, «а мера дворищу»: «с передней стороны вдоль» 27 сажен, «позади двора» 27 $\frac{1}{2}$ сажен, «поперег от лесу» 13 сажен, «с другой стороны поперег» 11 сажен. Площадь этих неправильных четырехугольников была: первого — 162,5 кв. сажен, второго — 327 кв. сажен. Следовательно, целое дворище занимало площадь почти 500 кв. сажен.⁹¹ Размер его приближался к размеру дворища крестьянина дер. Пономарево Тотемского уезда Якова Шишова, о котором писцы 1678 г. заметили: «Подворной и огородной земли в той деревне, что владел Якушко Шишов, вдоль 36 саж., поперег 18 саж.». Конечно, огороды были разной величины, в основном это зависело от местоположения деревни, обилия земли и т. д., но, видимо, средняя величина огорода составляла примерно $\frac{1}{4}$ дес.⁹²

П. А. Колесников считает, что «отпочковывание» усадебно-огородных площадей от пахотных происходило в разных местах не в одно время. Раньше, в XV—XVI вв., это произошло в Подвинье, на Ваге и в Устьянских волостях, в остальных уездах Поморья «пробладало общее владение садово-огородными зем-

ленные места расчистили, распахали во многих разных местах», чем нанесли вред монастырю (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 17, № 181).

⁸⁰ Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. 1, с. 173.

⁸¹ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 144.

⁸² Сб. ГРД, т. II, № 176, с. 611.

⁸³ Колесников П. А. Северная Русь, с. 17.

⁸⁴ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 144.

⁸⁵ Колесников П. А. Северная Русь, с. 145.

⁸⁶ Судебники XV—XVI вв., с. 405.

⁸⁷ Воскобойникова Н. П. Материалы..., с. 135.

⁸⁸ Коланев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVI в., с. 170.

⁸⁹ «У пильгорцов же у всех крестьян речка Кижма да речка Шукша и озерки», — записали писцы 1623 г. (Материалы по истории крестьянского хозяйства..., с. 343).

⁹⁰ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 140.

⁹¹ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 262.

⁹² З. А. Огизко по описанию 1678—1682 гг. высчитала величину огородов у крестьян Удечкой волости, которая колебалась от 12 до 888 кв. сажен, а у крестьян Лузской Пермцы — соответственно от 18 до 676 кв. сажен. По тому же описанию, размер собственно дворовых участков колебался по первой волости от 28 до 182 кв. сажен, по второй — от 18 до 120 кв. сажен (Огизко З. А. К вопросу о размерах крестьянских земельных угодий в XVII в. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1963 г. Вильнюс, 1964, с. 210—211).

лями, овинами, банями» вплоть до XVII в., когда «индивидуализируется владение этими угодьями и постройками».⁹³ Последнее положение вряд ли доказуемо. Во-первых, не следует сравнивать землю и постройки. Ведь известно, что овинами и банями, сезонными постройками, владели сообща несколько семей и в XVII, и в XVIII, и в XIX вв. Во-вторых, постановления Судебника 1589 г., оберстававшие границы подворной земли (ст. 162 — запрет ставить постройки на подворную землю соседа; ст. 160⁹⁴ — обязательное вознаграждение занятой постройкой чужой подворной земли землей в поле), относились не только к Подвинью, Ваге и Устьянским волостям, но и ко всему Поморью, так как отражали практику всего Поморья. В-третьих, крестьянские акты XVI в. всех уездов Поморья свидетельствуют об отчуждении дворов и дворищ отдельно от земли, об отчуждении отдельных построек и т. д. И, наконец, в-четвертых, писцовые книги. Хотя в них в XVI и в первой половине XVII в. усадебно-огородные земли не выделялись, но двор как определенное хозяйственное устройство фиксировался в качестве индивидуального владения, значит, и земля, принадлежавшая ему, — подворная, дворищная, огородная. Даже дворы пустые и места дворовые пустые обычно, по сказке деревенских жителей, обозначаются именем прежнего владельца, иногда ушедшего со двора или умершего десятки лет назад. Мы уже приводили предписания наказов писцам разрешать богатым мужикам распахивать «дворищные земли». Санкция правительства противопоставлялась, следовательно, укоренившейся в сознании крестьян неприкосновенности пустого дворового места как собственности прежнего хозяина.

Думаю, что индивидуализация владения придворными землями — очень давнишнее явление в Поморье.

Структура пахотных, сенокосных и прочих угодий деревни не нарушалась, если к одной деревне «припускалась в папшу» другая или несколько деревень, если крестьяне брали отдельные угодья на оброк у государства, монастырей, церквей или пахали часть земли в деревне или всю деревню наездом.

3 Реальное распределение земли

Мы охарактеризовали поземельную основу хозяйственной жизни деревни в XVII в. В отношении тяглых пахотных земель удалось высчитать средние поуездные размеры дворовых наделов, что из-за состояния источников оказалось невозможным сделать для остальных составляющих деревню угодий. Однако документы свидетельствуют, что эти угодья распределялись и использовались «по земле», т. е. по тягловому наделу крестьянина. Именно величиной тяглого надела определялись экономические

⁹³ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 138.

⁹⁴ Судебники XV—XVI вв., с. 402.

возможности каждого крестьянина использовать ту или иную часть общественных угодий.⁹⁵ Поэтому мы не могли ограничиться констатацией средних размеров запашки на двор, хотя они и показывают значительную вариативность наделов в разных географических районах, а попытались выяснить реальное распределение основного тяглого фонда земель в северной деревне. К этому вопросу мы и обратимся, памятуя, что выяснение его имеет большую важность для изучения социально-экономического развития крестьянства XVII в.

Описание Кеврольского уезда 1623 г., где надел указан для каждого двора, позволяет проследить всю гамму поземельного неравенства. Из 1525 хозяйств в Кевроле 434 хозяйства имели от полудесятины до одной десятины земли, 611 — от 1½ до 3, 392 — от 3½ до 4, 88 — от 6 до 15 дес. Свыше 42% крестьянских хозяйств имели ничтожные наделы, значительно ниже средних по уезду, а 6,5% крестьян держали наделы выше среднего в 1½—3 раза. На Мезени отмечены мельчайшие наделы в 833 хозяйствах из 1007, а обеспеченные землей выше среднего в 1½—3 раза — 77 хозяйств.⁹⁶ П. А. Колесников указывает на Кеврольский уезд как на яркий пример дифференциации крестьянства в XVII в. По его расчетам, «в 1623 г. 49,8% всех дворовладельцев Кеврольского уезда имели самые ничтожные участки паши — от 0,15 до 2,25 дес., в то же время 9,5% крестьян владели по условиям этого уезда крупными участками — от 5 до 15 дес., за ними было почти 30% пахотных угодий».⁹⁷ Нарастание поземельного неравенства в XVII в. П. И. Иванов выразил следующими цифрами. В 1623 г. по трем волостям Кеврольского уезда (Кевроле, Чаколе и Марьиной Горе) отношение между минимальной и максимальной папшей было 1 : 48, без наезжих папшен, с наезжими — 1 : 63. В 1686 г. разница выросла до громадных размеров: 1 : 256 без наезжих папшен, 1 : 368 — с наезжими папшами.⁹⁸

⁹⁵ П. И. Иванов, отметив, что увеличению и уменьшению собственных поземельных участков «не было поставлено никаких пределов ни со стороны самих крестьян, ни со стороны правительства» (следовательно, они могли увеличиваться у одних и уменьшаться у других), констатирует и крайнюю «неравномерность распределения общих имуществ между членами мира: кто имел большие запашки, тот пользовался и лугом в больших размерах, чем имевший меньшие; например, в дер. Кузминской один крестьянин имел 1 десятину, а его сосед — 5 десятин; в дер. Залесской крестьянину М. А. принадлежало 1½ десятины, а крестьянину С. П. — 17¼ десятины... Понятно, что мирские имущества при таком различии земельной обеспеченности должны были в гораздо большей степени служить прожиточным людям, чем их несостоятельным соседям» (Иванов П. И. Поземельные союзы и переделы..., с. 274).

⁹⁶ Колесников П. А. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 147.

⁹⁷ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 261.

⁹⁸ Иванов П. И. Поземельные союзы и переделы..., с. 223—224. — Ничтожные наделы в волостях Кеврольского уезда зафиксировала веревная книга Кеврольского уезда конца XVII в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Пинежское собрание, № 557). В ней содержится список 16 крестьянских хозяйств Пукшенги, в котором проставлен оклад каждого хозяйства. Он по-

Сколько-нибудь массовых источников о распределении земли между крестьянами в XVII в., подобных кеврольской писцовой книге, охватывающей целый уезд, у нас нет. Однако некоторые сведения о небольших территориальных единицах (волости, станы) могут быть извлечены из хозяйственных документов, веревных книг, разрубных записей, где оклад того или иного платежа зависел от величины земельного надела крестьянина.

К хозяйственным документам, косвенно говорящим о размерах крестьянских наделов, относятся «Книги записные Загорского стана зборного хлеба» 1683 г.⁹⁹ Получив в 1682 г. Загорский стан в качестве «домовой вотчины», архиепископ Афанасий распорядился собрать в свою домовую казну «пятую долю в снопах» с каждого сжатого хлеба. Этот «пятый сноп», выраженный в суслонах (1 суслон — 10 снопов), и зафиксирован для каждого хозяйства. Оказалось, что два хозяйства поставили по 419 и 353, два — по 155 и 168, три — по 111, 127 и 148, три — по 67, 73, 57, а остальные 23 хозяйства — меньше 50 суслонов. Причем из последней группы 7 хозяйств поставили меньше 20 суслонов, 7 хозяйств — 30 и менее, а 9 — от 40 до 50. Соотношение количества суслонов, взятых с дворохозяев, отражало соотношение и их земельных наделов. А различия в наделах выявляются разительные. Так, 2 самых богатых хозяйства внесли 772 суслона, т. е. больше, чем 23 хозяйства с наименьшей нормой взятых суслонов (588 суслонов). Почти в полтора раза уступает доля суслонов, собранных с 23 хозяйств, числу суслонов, поставленных 8 хозяйствами (от 200 до 50 суслонов), всего 906 суслонов. Если, исходя из доли 5-го снопа, представить весь урожай, то окажется, что в одних хозяйствах он достигал 2000 и более суслонов, в других — 1000 и более суслонов, а у обездоленных — 200—100 и менее суслонов. Из одного соотношения, указанного в том же документе,¹⁰⁰ выясняется, что посев одной меры (4½ пуда) давал 70 суслонов. Если исходить из этого соотношения, то мы получим размер посева в богатых хозяйствах 15, 20, 30 мер, тогда как в бедных он едва достигал одной меры, а чаще составлял полмеры.

Таковы различия в земельных наделах крестьян Загорского стана в 1683 г., т. е. год спустя после того, как он был превращен из чернососнового в вотчинное архиепископское владение.

Разительно мал: лишь 3 хозяйства имели по осьмине и осьмине с четью, 5 хозяйств — по полосьмине, 2 — по полосьмине с четью, 4 хозяйства — по четверти осьмины, одно — 1/8 осьмины, а одно даже 1/16 осьмины. Если учесть, что веревка состояла из 8 осьмин и равнялась примерно 2,7 дес., то оклады крестьян равнялись 750 кв. саженим и менее. При таких ничтожных окладах вызывает удивление указание на наличие почти в каждом хозяйстве пустых земель, примерно равных пахотным землям.

⁹⁹ Гос. архив Арханг. обл., ф. 831, оп. 1, № 15.

¹⁰⁰ На л. 26 об.: «На Холмогорах, на архиепископских полях у города, сеяно было жита 37 мер, выжато 2560 суслонов». Мера, как помечено тут же, равнялась 4½ пуда.

Результаты вервления Николо-Коскошинской волости Емецкого стана (т. е. местности, расположенной значительно южнее Загорского стана) также позволяют заглянуть в поземельные отношения чернососновой волости. От этой волости сохранилась веревная книга 1678 г.¹⁰¹ и «Книга борчая» сотского Алексея Корнилова 1695 г.¹⁰² Правда, сама веревная книга не может быть использована для определения крестьянского надела, так как описание в ней дается для деревни в целом, но из нее мы узнаем величину веревки в этой волости (80 веревных сажень) и соотношение оклада и реального земельного владения: с намеренной земли было сбавлено 43,2%, следовательно, в оклад шло только 56,8% реально намеренной земли. Данные о величине веревки и о практике сбавки земли при окладе будут полезны нам при анализе сведений, которые можно извлечь из «Книги борчей». Являясь ведомостью сотского, собиравшего разные платежи с крестьян, «Книга борчая» содержит ценные сведения — указание на оклад каждого дворохозяина в веревках и сажених (табл. 2). Этот показатель мы и использовали для выяснения различий в крестьянском наделе. Для удобства мы перевели веревку в сажени (по 80 сажень в веревке).

Таблица 2

Распределение земли
в Николо-Коскошинской волости в 1695 г.

Размер оклада (в веревных сажених)	Число хозяйств	Количество земли (в веревных сажених)
До 10	5 (7.46) *	31 (0.9)
10—30	7 (10.44)	116 (3.1)
30—50	28 (41.82)	1029 (33)
50—70	11 (16.42)	682 (20)
70—100	9 (13.42)	741 (21)
Свыше 100 **	7 (10.44)	795 (22)
Итого	67 100	3394 100

* Здесь и далее в скобках указаны проценты.

** Один дворохозяин имел оклад в 174 сажени, другой — 141, третий — 138, двое — по 120.

Хотя, по веревной книге 1678 г., оклад был почти наполовину меньше реального земельного владения дворохозяев, соотношение окладов позволяет все же выявить значительное неравенство поземельных владений крестьян этой волости. Из табл. 2 видно, что земельные владения 12 дворохозяев с мельчайшими окладами, составлявших почти 18% дворохозяев, охватывали лишь 4% земли, площадь которой была меньше, чем площадь владения одного крупного хозяина из последней группы. Неравенства окладов выражают и отношение среднего оклада к наивысшему: пер-

¹⁰¹ ГПБ, РО, ф. 1074, № 23/26.

¹⁰² ИРЛИ, Древлехранилище, собр. Зыкина, № 38.

вый был ниже второго в три с лишним раза. Неравенство окладов здесь было примерно таким же, как в Загорском стане.

З. А. Огряко на основе описаний 1625 и 1678 гг. составила обстоятельную таблицу обеспеченности крестьянских хозяйств пашней в двух волостях — Учедкой и Лузской Пермцы — Сольвычегодского уезда. Оказалось, что в этих волостях в 1625 г. из 622 дворов 356 имели надел до 4,5 дес., 193 двора — от 6 до 7½, 57 дворов — от 9 до 12, 16 дворов — от 13½ до 28 дес., в 1678 г. из 409 дворов соответствующие наделы имели 262 двора, 104 двора, 35 дворов и 4 двора. Налицо неравенство в земельном обеспечении. Более 60% крестьян имели наделы ниже среднего. Значительный фонд земель сосредоточился в руках небольшой группы крестьян, эксплуатировавших труд половников.¹⁰³

Поземельное неравенство было характерно и для монастырской деревни Подвинья. В ноябре 1678 г. власти Антониево-Сийского монастыря «правили» в Емецкой округе с крестьян недобренные деньги «ратным людям на жалование». Сохранившаяся сборная ведомость зарегистрировала размеры оклада каждого дворохозяина в вервах. Из 153 хозяйств с окладом в ½ верви и менее оказалось 10, в 1 вервь — 37, в 1½ верви — 29, в 2 верви — 34, в 2½ верви — 18, в 3 верви — 11, в 3½ верви — 6, в 4 верви — 6, два двора имели 5 и 7 вервей.¹⁰⁴

По веревой книге 1685 г. вотчины Николо-Корельского монастыря, земля между 79 дворохозяевами распределялась неравномерно. Ниже 100 веревных сажен имели 5 хозяйств, от 100 до 200 — 27, от 200 до 300 — 15, от 300 до 400 — 21, от 400 до 500 — 8, от 500 до 600 — 3, от 600 и выше — 5 хозяйств. Совсем ничтожные лоскуты земли имели бобыли: один — 5 сажен сенокоса, другой — 2 пашни, третий — 3½ четверти сажени пашни, четвертый — 7 сажен сенокоса.¹⁰⁵

Распределение земли между крестьянами Архангельского монастыря (по веревой книге 1690 г.) представлено в табл. 3.¹⁰⁶

Из приведенных данных о поземельном обеспечении крестьян в трех монастырских вотчинах (Антониево-Сийского монастыря, Николо-Корельского и Архангельского), хотя они выражены в разных единицах обложения (в вервах, веревных саженях, десятинах), обнаруживается общее явление — значительное поземельное неравенство крестьян. Однако в указанных вотчинах преобладают дворохозяева со средним и более низким окладом. Так, в Емецкой округе таких дворохозяев насчитывалось 118 (76,1% от общего числа хозяйств); в вотчине Николо-Корельского монастыря — 63 (т. е. 80%); в вотчине Архангельского

монастыря — 40 (59%). Преобладание среднего размера поземельного оклада объясняется нивилирующим воздействием вотчинных порядков. Невозможность для вотчинного крестьянина отчуждать свою землю, а значит, и приобретать новую (то и другое крестьянин мог сделать лишь с разрешения монастырских властей и внутри вотчины) сдерживала мобилизацию крестьянских земель в вотчине и обуславливала более медленное нарастание поземельного неравенства, чем в черносотных волостях.

Поземельное неравенство, отмеченное еще источниками XVI в.,

Таблица 3

Распределение земли
между крестьянами
Архангельского монастыря
в 1690 г.

Количество земли у двора (в дес.)	Число дворов в группе	Количество земли в группе (в дес.)
Менее 2	4 (6)	8 (2)
2—5	16 (20)	72 (15)
5—8	24 (40,5)	146 (32)
8—10	18 (26)	170 (36)
10—13	3 (4,5)	36 (8)
13 и выше	2 (3)	32 (7)
	67 (100)	464 (100)

продолжало углубляться в XVII в. По мнению П. А. Колесникова, «в XVII в. имущественная дифференциация» стала «еще ярче».¹⁰⁷

Проследим на одном примере, как складывались богатые крестьянские имения. «Вотчина» (так она названа в одном официальном документе, см. с. 17) крестьян Гнидиных располагалась в Комарицком стане Устюжского уезда. Объем ее, формы эксплуатации, а отчасти и пути складывания можно установить по описаниям Никиты Вышеславцова 1622—1625 гг. и подьячего Устюжской избы и выборных целовальников 1679 г. Согласно с царской грамотой писец Вышеславцов описал землю Василия Гнидина отдельно от черных волостных деревень, что позволяет реально представить себе размеры этого крестьянского владения. По книге Вышеславцова, у Гнидина земельные владения находились в 7 деревнях, причем в 5 из них Гнидин обладал частями (⅓ в дер. Мальцевской, ⅔ в дер. Кичакино Большое, ¼ в дер. Загорье, ¼ в деревне на устье Евжы, ¾ в дер. Новые Пихтовицы), и лишь две (деревни Новинка и Гнездовская) принадлежали ему полностью. Двор Гнидина находился в дер. Мальцевской, в 5 деревнях стояли дворы половников Гнидина (8 дворов), доля дер. Загорье пахалась наездом. Земли за Гнидиным числилось

¹⁰³ Огряко З. А. К вопросу о размерах крестьянских земельных угодий в XVII в., с. 209.

¹⁰⁴ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 32, № 248.

¹⁰⁵ Веревная книга 1685 г. опубликована: Материалы по истории крестьянского хозяйства..., с. 355—366.

¹⁰⁶ Копанев А. И. Крестьяне вотчины Архангельского монастыря по веревой книге 1690 г., с. 141.

¹⁰⁷ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 265—266.

35 четвертей («в одном поле и в дву потомуж»), из которых 3 чети с осьминой пахал сам хозяин, остальные — половники. Сена в деревнях накапывали 823 копны, из которых 723 числились «завытными» (в вотчине числилось $2\frac{1}{2}$ выти, а на выть клалось 40 копен). К деревням Гнидина было приписано 15 дес. леса пашенного и $28\frac{1}{2}$ дес. леса непашенного.

Итак, перед нами крупное крестьянское хозяйство в 52 дес. пашни, к которой тянули значительные сенокосные угодья. Крестьянский характер вотчины выявляется из ее дробности, объясняющейся самым возникновением ее среди черносошного землевладения. Василий Гнидин, проживавший в дер. Мальцевской, скупил участки в ряде деревень (в писцовой книге земли в двух деревнях названы «новоприкупными» Гнидина, продавцы указаны поименно) и две целые деревни. Ему удалось получить разрешение властей на описание его владений в едином комплексе, особо от черносошных крестьян. При описании части деревни, принадлежавшей Гнидину, писец обычно отмечал, что остальные жеребьи той деревни «писаны в черных волостях», и тем подчеркивал особое положение крестьянской вотчины. Хотя земли Гнидина были описаны отдельно от черносошной волости, они не стали привилегированными. Гнидин платил все налоги «особ тех деревень» в волость Шемексу.

Гнидин вел свое хозяйство с использованием труда половников, каждый из которых имел в среднем по 6 дес. пашни.

Хозяйственный строй вотчины остался неизменным и тогда, когда она попала в руки торговых людей. По описи 1679 г., в вотчине Гнидина, находившейся во владении гостя В. Шорина, было 3 деревни, в 4 деревнях жеребьи, земля обрабатывалась половниками (11 дворов), которые пахали на 14 лошадях, высевали 12 четвертей ржи (без четверика) и накапывали 882 копны сена. В момент описания в вотчине было хлеба немолоченного: ржи $11\frac{1}{2}$ овин, ячменя $4\frac{1}{2}$ овина, овса 6 овин; хлеба в житницах: ржи $10\frac{1}{2}$ меры, ячменя $65\frac{1}{2}$ меры, овса 34 меры, а вместе с ожидаемым умолотом: ржи $33\frac{1}{2}$ меры, ячменя $78\frac{1}{2}$ меры, овса 58 мер. Надо полагать, что хлеб принадлежал владельцу вотчины в момент ее описания в 1679 г., т. е. гостю Шорину. Своего хозяйства гость не заводил: подьячие отметили в вотчине лишь 4 овцы и одного барана.

В 1679 г. земельные владения гостя Шорина были возвращены в крестьянский род Гнидиных — внуку основателя рода и вотчины Даниле Иванову Гнидину. Хозяйственный строй ее, несмотря на смену владельцев, не изменился: половничий труд оставался основной формой хозяйствования.¹⁰⁸

¹⁰⁸ Память Устюжской четверти 1679 г. (ГПБ, РО, ф. 759, Тавренские акты, № 178; *Богословский М. М.* Земское самоуправление..., т. 1, с. 107). — Для Устюжского уезда характерно проникновение в деревенское землевладение торгово-посадских людей. Так, подьячий Павел Давыдов, описывавший Устюжский уезд в 1640 г. вместе с писцом Михайлом Спешневым и рассорившийся с ним, в своей изветной челобитной 16 мая 1641 г. сообщал,

Два важных вывода можно сделать из истории хозяйства Гнидиных: во-первых, крупное крестьянское владение могло образовываться скупкой деревень и их долей; во-вторых, такое хозяйство могло вестись только половниками, т. е. эксплуатацией чужого труда. Исходя из этого можно заключить, что распространность половничества в северных уездах была знаком глубокой поземельной дифференциации крестьянства.¹⁰⁹ Только разбогатевшая крестьянская верхушка могла предложить землю, инвентарь, жилье половнику, искавшему прокормление на чужой земле, так как он был лишен земли или имел ее столько, что она не могла его прокормить. Это логическое построение о социальной контроверзе жизни черносошного крестьянства находит историческое обоснование в тех материалах о поземельном неравенстве, которые нами приведены для различных местностей Севера.

Социальным последствием такого распределения поземельной собственности внутри северной деревни явилась безудержная эксплуатация захватившими землю богатыми крестьян, лишенных земли. Подьячий Павел Давыдов в изветной челобитной 1641 г. свидетельствует, что богатые люди держат весь уезд и устюжский посад в своих руках, захватывают у бедняков за бесценок землю, взваливают на «средних и молодчих крестьян» с помощью подкупленных земских судей и целовальников тягло и «облегчают себя», и тем принуждают «маломощных» крестьян, стремившихся избежать «мук праведжа», уступать им свои земли. Подьячий предвидит, что если и дальше богатеи и монастыри будут «покупать и под заклад имать и насильством отнимать» у крестьян их земли, то «будет Устюжский уезд весь, и твои государевы крестьяне у них в половниках будут все». Даже царский писец Михаил Спешнев признавался подьячему, что он на тех богатых «посягнуть не смеет, потому что они на посадке и в уезде всем владеют, что хотят, то зделают».¹¹⁰ Состояние социальной войны в деревнях одного уезда подтверждается красочным свидетель-

что в разных волостях уезда земли приобрели гостиной сотни торговые люди Босые, Ревякины, Усовы, Грудцыны и держат на них половников. «Черных волостей крестьяне, — говорится далее в челобитной, — на них жалуютца, что многие у них деревни и угодья те сильные и богатые люди «тнимают за безценок, чиня им многие продажи и насильства по нарядным крепостям и за кабальные двойные и тройные росты» (*Веселовский С. Б.* Акты писцового дела, т. II, вып. 1, с. 376). Не избежала этой участи и крестьянская вотчина Гнидиных. Сначала ею завладел Никифор Ревякин, а после его смерти она была отписана на государя и роздана половникам. Позднее, при женитьбе гостя Василия Шорина на вдове Ревякина, те вотчины были отданы ей и Шорину «на время». Однако после смерти жены Шорин владел вотчиной до самого 1679 г., когда вотчина была снова возвращена в крестьянский род Гнидиных (ГПБ, РО, ф. 759, Тавренские акты, № 178).

¹⁰⁹ Связь поземельного неравенства с действиями богатеев по захвату земель маломощных крестьян и превращение последних в половников отмечают грамоты устюжских духовных властей. Они, богатые, «от скудных крестьян и деревни и пожни за себя переводят: и за богатыми лутшими людьми есть половничьих 550 дворов» ((РИБ, т. XII, с. 1247, 1253—1255).

¹¹⁰ *Веселовский С. Б.* Акты писцового дела, т. II, вып. 1, № 137, с. 378.

ством о социальной напряженности в другом районе Севера — в Заонежских погостах.

Дворянин Василий Золотарев был послан в Заонежские погосты в середине XVII в. собирать с крестьян накопившиеся недоимки. Изучив состояние на месте, Золотарев главную причину бедственного положения крестьян увидел именно в эксплуататорских устремлениях крестьянской верхушки, захватившей землю. «Заонежских погостов, — писал Золотарев, — прожиточные крестьяне у них, у молотчих людей, участки покупают, а купит кто участка два, три или болши, которой кому смежно, да того молотчева которова человека и выживает вон... и как похочет ново выжить, и он не токмо что деревню всю купит, иной пять, шесть деревень купит мочью своею... А есть, государь, в Заонежских погостах прожиточные торговые люди, солью и всякими товары торгуют, ино, государь, мочно такому иному человеку хотя половина погоста откупить и за росты участки к себе все взять, а бедных выживет всех вон и останется по своей мочи один на просторе».¹¹¹

Скупка крестьянских участков и деревень, зафиксированная современником в Заонежских погостах, была обычным явлением на Севере. Об этом свидетельствуют те многочисленные поземельные крестьянские акты, которые указаны выше. Крестьянин реализовывал свое право собственности на землю. Земля становилась товаром, к ней тянулась разбогатевшая крестьянская верхушка и с помощью купли и других сделок с экономически слабыми хозяевами округляла участки в своей деревне или расширяла свои владения за счет сделок с крестьянами других деревень.¹¹²

Возникновение, конечно, относительно крупной крестьянской собственности и обезземеление значительной части крестьянства — основной процесс чернососной деревни XVII в., определивший социально-экономическое развитие чернососного крестьянства.

Засилье богатея в деревне, описанное так ярко и точно В. Золотаревым, — характерная черта деревенской жизни того времени. Само правительство это хорошо сознавало. В наказах писцам XVII в. рекомендовалось выяснить, почему запустели те или иные земли, и среди причин указывались «насильства» «богатых мужиков и горланов».¹¹³ В те же наказы включены указания писцам поощрять богатых мужиков в их стремлении расширять площадь эксплуатируемой земли. Общие положения наказов, что кре-

стьяне могли «брать папию на стороне, наймуя ее у монастырей и у всяких людей», распахивать «пустые дворищные места» и «пустые крестьянские жеребьи» в деревнях, позволяли, конечно, богатым крестьянам увеличивать свои земли, так как они по хозяйственным возможностям могли обработать свои тяглые земли — обязательное условие для увеличения своей запашки этим путем. Но богатые крестьяне могли получить и участки из «государевых земель». Наказ гласил: «А будет которые изможные люди папии свои папшут сполна, а на сторонах папии папшут сверх своих папшен для прибыли, и тем людям давати в наем, в тягло или из выделного снопа государевы пустые земли, а в которых волостях пустых земель не будет, и в тех волостях волостным людям папия на сторонах пахати поволити, чтоб им в том нужи не было».¹¹⁴

Правительство дает возможность богатым, «изможным» крестьянам расширить хозяйственную деятельность не только в своей волости, но и в других волостях.

Итак, кто бы ни проводил «оживление» пустующих земель: писец, местная воеводская администрация или сама волость, — реально увеличить свои наделы могли лишь богатые, в хозяйственном отношении достаточно мощные крестьяне. И они пользовались этой возможностью. Например, в 1603 г. мирские власти Сухонского стана (земский судья, сотский, староста судецкий, ценовальник, пятидесятский и крестьяне) дали на льготу на 9 лет П. К. Гузнищевскому Брызгинскую пустошь для распашки и обязали его в те «урочные лета та пустошь роспахати, и двор поставити, и около поля огород поставити, и пожни сешные покосы рощистити».¹¹⁵ Такой объем работ мог выполнить лишь богатый крестьянин. Мы уже приводили факты, отмеченные писцовыми книгами, о папне «миром» запустевших крестьянских жеребьев по деревням. О мирской коллективной запашке сведений у нас нет. Видимо, и эта земля попадала к зажиточным крестьянам. Так, 28 мая 1665 г. трое крестьян Куресской волости взяли у выборного судейки и у всех крестьян «пометную крестьянскую землю и церковную пометную землю на празгу с тягла», т. е. обязались платить празгу в церковь и налоги государству по волостным разрубным и веревным книгам с одной верви.¹¹⁶ Три дворохозяина существенно увеличили свои наделы.

Углублению поземельного неравенства способствовала так называемая папия наездом. При свободном распоряжении землями индивидуально каждым крестьянином, а также со стороны волости могло оказаться, что те или иные земли деревни попадали во владение крестьян других деревень, которые и пахали ее, приезжая из своих деревень, т. е. пахали (обрабатывали, сеяли, убрали урожай) наездом. В некоторых уездах этот обычай был ши-

¹¹¹ Карелия в XVII в. Сборник документов, составленный Р. Б. Мюллер. Петрозаводск, 1948, № 39.

¹¹² П. И. Иванов отметил связь образования крупных крестьянских владений в Кеврольском уезде со стихийными бедствиями, например неурожаями. Неурожай 30—40-х и 70-х гг. «сослужили большую службу прожиточным людям, позволив за бесценок покупать или брать в заклад земли уходивших крестьян, или брать их на оброк из приказной или земской избы» (Иванов П. И. К истории крестьянского землевладения..., с. 436).

¹¹³ Веселовский С. Б. Акты писцового дела, т. II, вып. 1, с. 457.

¹¹⁴ Там же, с. 456. — «Изможные люди» — состоятельные, богатые в хозяйственном отношении, мощные.

¹¹⁵ Шляпин В. П. Акты Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря, ч. 1, с. 73.

¹¹⁶ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 211.

роко распространен. К ним можно отнести Двинской уезд. Писцы 20-х гг. засвидетельствовали эту практику почти во всех волостях (табл. 4).

Таблица 4

Пашня наездом в волостях
Двинского уезда в 20-х гг. XVII в.

Волость	Количество живущих деревень	Количество пустошей	Пашут наездом		Число дворохозяев, которые пашут наездом	Всего дворохозяев в волости
			в деревнях	в пустошах		
Княжеостровская	29	8	14	6	82	111
Койдокурская	41	4	11	4	34	122
Ракула	35	11	14	11	63	98
Хаврогоры	64	10	18	10	37	126
Калья	22	9	15	9	58	52
Морж Шастки	39	1	18	1	55	117

Как видим, в трети и до половины живущих деревень и почти во всех пустошах писцом отмечена наезжая пашня. Ее имели от трети и до половины, а иногда и более дворохозяев волости. Отдельные дворохозяева пахали землю наездом в нескольких деревнях. Так, житель дер. Кабаевской Княжеостровской волости Евсютка Филиппов с. Юдин и его сосед Ортемка Тарханов пахали наездом каждый в двух деревнях. Также в двух деревнях пахали наездом двое крестьян дер. Матвеевской Харитонко Васильев с. Мамотов и Семен Данилов, а также крестьянин дер. Софушкино Васья Федоров с. Вологдин.

Наряду с фактами пашни наездом одного крестьянина в нескольких деревнях имеются указания на пашню крестьян разных деревень в одной деревне.¹¹⁷ Например, в дер. Омеляновской пахнут крестьяне из четырех деревень, в деревнях Словецкой и Борисовской — из двух деревень в каждой. Особенно много наездчиков пахало на пустошах. Из 6 пустошей Княжеостровской волости одну пахали крестьяне 5 деревень (16 человек), 2—4 деревень, одну — 3 деревень, 2 — 2 деревень. Мы привели материалы, касающиеся наезжей пашни в одной Княжеостровской волости, но аналогичные факты в избытке можно привести и по другим волостям. Все это свидетельствует о распространении пашни наездом в Двинском уезде. Меньше развита была пашня наездом в соседнем, Кеврольском уезде. По писцовой книге 1623 г. мы насчитали здесь на 441 деревню только 49, в которых была пашня наездом.¹¹⁸ Как и в Двинском уезде, кеврольские

писцы обозначали этим термином тяглую пашню в деревне или на пустоши, запущенную по тем или иным причинам и обрабатываемую инодеревенцем.¹¹⁹ В другом смысле его употребляли вятские писцы, указывая пашню наездом на займищах и починках, на которых еще не было жильцов (дворов) и которые, следовательно, обрабатывались наездом. Примером может служить оброчный Холуницкий стан Слободского уезда, где отмечено 8 займищ и 10 починков, в каждом случае с указанием, что пашня производится наездом.¹²⁰

П. А. Колесников относит наезд «к той форме землепользования, которая является признанием прогресса».¹²¹ И это правильно, так как наезд всегда свидетельствовал о превращении пустых земель в обрабатываемые, а на примере Вятской земли — об основании на пустых землях новых поселений. Следует отметить и социальное значение этого явления. Как бы ни незначительны были площади, обрабатываемые наездом, они позволяли крестьянам увеличивать свои паделы. Особенность кеврольской писцовой книги 1623 г., указывающей размер земли каждого дворохозяина, позволяет показать, насколько наезд повышал хозяйственные возможности наездчика (табл. 5).

Если вспомнить, что средний размер надела в Кеврольском уезде в 20-х гг. составлял 2,2 четверти на двор, то приведенные цифры о пашне наездом выглядят отнюдь не малозначащими. С помощью наезда крестьяне иногда наполовину, а иногда и почти вдвое увеличивали пашню. Кто мог обращаться к наезду? Несомненно им пользовались хозяйственно состоятельные крестьяне, имевшие достаточно рабочей силы, тягловой силы и инвентаря. Из таблицы видно, что половина дворохозяев, пахавших наездом, имела наделы выше среднего, а вместе с наезжей пашней площадь земли их превосходила средний размер в 2 раза и более. П. И. Иванов установил, что с ростом поземельного неравенства в XVII в. заметно возросла наезжая пашня. Так, в Кеврольском стане и Чакольской волости в 1623 г. «на 45 владельцев приходилось около 50 наезжих пашен, а в 1686 г. на 136 — 160».¹²²

Хотя общий фонд наезжих земель был невелик (по определению П. А. Колесникова, он составлял около 1% пахотных угодий),

земель «здесь почти нет» (Иванов П. И. Поземельные союзы и переделы..., с. 225).

¹¹⁹ О крестьянах дер. Березничек в писцовой книге сказано: «А живут то же деревни крестьяне избегая от разбойников в иных волостях, пашни паханой, что они же пахнут наездом» и т. д. Выходит, в свою деревню можно было «пахать наездом» (ЦГАДА, ф. 1209, п. к. № 11, л. 2).

¹²⁰ Труды Вятск. арх. ком. 1916 г., 1917, вып. III—IV, с. 183—187. — Аналогичные записи по Верховскому тягловому стану см.: там же, с. 104—105; по Верховскому оброчному стану — с. 111, 113.

¹²¹ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 136.

¹²² Иванов П. И. К истории крестьянского землевладения..., с. 136.

¹¹⁷ ЦГАДА, ф. 1209, п. к. № 9, л. 573—624, 647—686; п. к. № 10, л. 528—716.

¹¹⁸ Подсчитано по публикации Н. П. Воскобойниковой (Материалы по истории крестьянского хозяйства..., с. 89—347). К концу XVII в. наезжая пашня в Кеврольском уезде возрастает, пустых, т. е. нераспахиваемых,

Таблица 5
Размер пашни наездом в 1623 г.
в Кеврольском уезде¹²³

Деревня, из которой пашут наездом	Деревенский надел (в четвертях в одном поле)	Деревня, в которой пашут наездом	Количество земли (в четвер- тях в одном поле)
Прибытковская	2 ² / ₃	Кологривовское	2
Майбуrowsкая	3	} Кашкинская	2
Майбуrowsкая	3		
Кашкинская	3 ¹ / ₂	} Майбуrowsкая	1
Кашкинская	1 ¹ / ₂		
Павловская	2	} Чюсовская	1 ³ / ₄
Павловская	2		
Павловская	1 ¹ / ₂	} Скоропотова Степановская Иевлевская Крыловская Алексеевская Починок Трофи- мовский	1 ⁵ / ₆ 2 1 ¹ / ₂ 1 ¹ / ₃ 2 7 ¹ / ₆
Ескинская	3 ¹ / ₂		
Юрьевская	1 ¹ / ₃		
Першинская	3		
Онтоновская	2 ⁵ / ₆		
Еремеевская	2 ¹ / ₂		
Якушевская	1		
Черпышова	1	Новинка	1 ¹ / ₄
Бурловская	1 ³ / ₄	Мартюшевская	1 ¹ / ₂

дий),¹²⁴ по им пользовалась богатая сельская верхушка для расширения своего хозяйства. В явке 1662 г. крестьянин Иван Федоров называет наездчика своей деревни, нарушавшего деревенский порядок, «сильным человеком», что на языке документов той поры означало богатого человека.¹²⁵

Оброчные угодья (которые не несли тягла, а облагались оброком) были также одним из компонентов, составлявших деревню как хозяйственный комплекс. Чаще всего это были сенокосы, промысловые угодья, а иногда и пашенные земли. Они давались центральными властями и местной администрацией, а иногда и волостными мирами и всегда укреплялись за владельцами особыми оброчными грамотами, в которых очерчивался объект владения и налагаемый оброк. Писцы вносили оброчные владения в свои книги особым перечнем, с указанием документов владения, оброка старого и нового (если производилась переоброчка), а иногда и сами раздавали угодья на оброк. Оброчные угодья —

¹²³ Материалы по истории крестьянского хозяйства... с. 96, 98, 99, 106, 107, 116, 117, 123, 131, 132, 133, 184, 185.

¹²⁴ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 136.

¹²⁵ Седашев В. Опыт изучения земельных отношений на севере России по Судебнику 1589 г. — В кн.: Памятная книжка Константиновского межевого института за 1908 г. М., 1909, Приложения, с. 26. — Наездчики иногда наносили вред деревенским жителям. В 1662 г. крестьянин дер. Демидовской жаловался, что наездчик, владея «четвертью обжи», «езда огорды и заборы разбивал своим насильством», отчего случались частые потравы (РИБ, т. XIV, № 363).

результат хозяйственной инициативы крестьянина по освоению незанятых земель. Облагая эти освоенные (расчищенные, распашанные и т. д.) земли оброком, правительство вводило их в систему государственного фиска. Пополнялись оброчные земли и за счет запустевших тяглых земель. Так, часть Пронина починка в Устюжском уезде была передана в 1644 г. двум крестьянам Ягрышской волости — Петуньке Перову и Бориске Логинову, потому что починок Пронин в писцовых книгах Вышеславцова 1621—1625 гг. «написан пуст» и его «никто на льготу не взял». В оброчной памяти воеводы указан оброк в 10 алтын и предписано исключить этот починок «из перекупки», так как земля ранее была куплена оброчниками.¹²⁶ За церковью Троицы на Ухт-острове записана на оброке дер. Лукинская, «что была Ивашна Быка», т. е. тяглая, с определением оброка в 23 алтына 2 деньги, 7 денег пошлин.¹²⁷ Иногда оброчная земля переводилась в тяглую. Так, писцы в 1623 г. отметили в Куростровской волости «польце» на оброке в 2 алтына и констатировали, что «и то польце после оброку было в тягле, а оброк был с нее сложен». А ныне то польце мерено в тягло ж и с того польца оброк сложен.¹²⁸ Источники иногда позволяют дать некоторые количественные характеристики взятых крестьянами оброчных угодий. Так, по писцовой книге 1623 г., в Куростровской волости отмечены 38 крестьян-оброчников из 14 деревень и 3 церкви, державшие на оброке 20 четвертей пашни и 2 четверти перелога, сенокоса на 280 копен, 2 участка затульного леса, 4 рыбные ловли (одна — красной рыбы), репища, росчисти.¹²⁹ По книгам 1629 г., в слободском Сырьянском стане насчитывалось 50 крестьян из 45 деревень, взявших на оброк 21 пожню, 7 санных покосов, паволочек, 2 рыбные ловли и 3 озерка и 13 мельниц.¹³⁰ Тогда же в Шестаковском уезде 46 дворохозяев-крестьян и 8 посадских взяли на оброк 53 санных покоса, 3 мельницы, рыбные ловли и перевоз.¹³¹ В северных уездах преобладали оброчные промысловые угодья. Так, в Кеврольском стане в 1623 г. писцы указали 5—6 оброчных поземельных статей, но привели большой перечень рыболовных угодий. Это и «река Пинега сверху от речки Юлы впиз до Чакольского рубежа до речки Двинюги», и «речка Пукшенга» «от устья до верху», и речка Юла, и две речки Шардонемы, и речка Немыюшка — все они были за «кеврольцами» в коллективном владении с уплатой оброка 3 руб. да пошлин 5 алтын 5 денег.¹³²

Река Пинега (на определенном отрезке) была на оброке у каждой волости: у Веркольской — «сверху от речки от Явзоры,

¹²⁶ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 17, № 45, 56.

¹²⁷ ЦГАДА, ф. 1209, п. к. № 10, л. 213 об.

¹²⁸ Там же, л. 184.

¹²⁹ Там же, л. 120—184 об.

¹³⁰ Труды Вятск. арх. ком. 1916 г., 1917, вып. III—IV, с. 252—258.

¹³¹ Там же, с. 301—302.

¹³² Материалы по истории крестьянского хозяйства... с. 159.

а вниз по реку по Юлу»,¹³³ у Лавельской — «от Сурского рубежа», Чакольской — «сверху от речки Немьюшки... вниз до речки Ежюги», Сурской — «от Кола и от Вичи вниз до Лавельского рубежа», Выйской — «меж Выи и Малые Пенешки» и т. д.¹³⁴ Так же делились между волостями и другие богатые рыбной реки Севера: Двина, Вага, Онега, Емца и т. д. За озера оброк накладывался обычно на всю волость, в «Куроостровской волости за всеми крестьяны» было до 10 больших и малых озер и рыбные ловли на Двине с уплатой 10-алтынного оброка.¹³⁵ Брала волость на оброк и пахотные земли. Так, волость Уфтюга Тотемского уезда получила от писцов на «всю волость» четыре пустоши.¹³⁶ Назначение оброка на всю волость и даже стан в одной сумме еще не означало, что угодье использовалось коллективно. Оно использовалось индивидуально, а оброк раскладывался внутри деревни или волости в зависимости от получаемых доходов. Оброчные угодья — добавки к тяглу — брали, конечно, те дворохозяева, которые могли их разрабатывать с выгодой, т. е. (как и в случае паезжих пашен) крестьянская верхушка.¹³⁷

В деревнях была еще льготная пашня. Это та пашня, которую давали писцы тем или иным крестьянам, освобождая их на определенное время от тягла.¹³⁸ Когда льготный срок проходил, пашни становились тяглыми и сливались с основным комплексом деревенских земель. Льгота в руках правительства была средством привлечения труда на запустевшие или совсем нетронутые земли. Это особенно наглядно выразилось в раздаче земель под слободы с целью не только освоить необжитую землю, но и заселить ее — устроить деревни. Например, два наволока в Тотемском уезде даны на льготу «называть охочих беспашенных людей и садить две слободы по 10 дворов живущих в слободе».¹³⁹ Со временем слобода превращалась в деревню с тем же составом угодий, как описано выше.

¹³³ Материалы по истории крестьянского хозяйства..., с. 176, 188, 237, 261, 287.

¹³⁴ Там же, с. 176, 189, 237, 261, 287—288. — Небольшие речки сдавались на оброк отдельным лицам. Например, рыбные ловли в речке Юрас, «с верхнего конца вниз до Юлы рек», находились на оброке у Посничка Михайлова, который держал еще на речке Варде мельницу (там же, с. 159—160). За крестьянином Ухтоостровской Троицкой волости Тренькой Васильевым в индивидуальном оброчном владении было озерко в своей волости, исток («течет из Долгого озера в Двину») и мельничное место в соседней, Чухченемской волости (ЦГАДА, ф. 1209, л. к. № 10, л. 212, аналогичные случаи см. л. 222).

¹³⁵ ЦГАДА, ф. 1209, л. к. № 10, л. 176 об.

¹³⁶ Колесников П. А. Северная Русь, с. 23.

¹³⁷ В тотемских писцовых книгах сказано, что слободка Березов Наволок, «что пахалась паездом», дана на льготу на 6 лет 10 беспашенным бобылям, которые обязывались поставить 10 дворов, им разрешалось «лес черной и молодой сечь и разчищать, и пашни роспахать, и секо косить» (Колесников П. А. Северная Русь, с. 23).

¹³⁸ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 133.

¹³⁹ Колесников П. А. Северная Русь, с. 23.

Для хозяйственного использования угодий деревни важное значение имеет их структура — расположение на местности и по отношению к деревне.

По источникам устанавливается разбросанность земельных угодий северной деревни, объясняемая почвенно-ландшафтными условиями. Небольшим обычно полям, примыкавшим к деревне, сопутствовали пашни на расчищенных, удобных для посева высоких местах, на луговых низинах, на возвышенных берегах ручьев, на покотинах и просто «на черном лесу». Все эти участки пашни отделялись друг от друга то болотцем, то перелеском, то большим лесом и не составляли единого массива. Еще более разбросаны были сенокосы: они были в полях, по окраинам пашен, в поймах рек и речек, по берегам озер, на чищенных пожнях и т. д.

На такую ландшафтно-топографическую разбросанность деревенских угодий указывают акты и наиболее выразительно — веревные книги. Так, согласно веревой книге Никольско-Коскошницкой волости 1678 г., из 30 описанных в ней деревень в 11 деревнях пашенные и сенокосные угодья лежали в 2—10 местах, в 10 — в 11—30, в 5 — в 31—44, наконец, в дер. Ионинской — в 50 местах, в Афанасьевской — в 54, в Бубновской — в 70, в Онисимовской — в 103. Налицо разобщенность деревенских пашен и сенокосов по отдельным участкам, иногда очень небольшим: пожням, полосам, лоскутам и т. д. Веревная книга показывает также проникновение владений одной деревни в хозяйственные комплексы другой. Земли (чаще всего сенокосы) нескольких деревень соседствуют на одном и том же участке (пожне, росчисти). Наглядно это может быть представлено по «Описной межевой книге» на дер. Городищную, составленной в 1693 г.¹⁴⁰ при передаче этой деревни по обмену из вотчины архиепископа в вотчину Антониево-Сийского монастыря, так как в книге описаны деревенские угодья по участкам с указанием меж и владельцев по другую сторону межи.

Городищная — деревня однодворная, в одном дворе здесь жили, хотя и в разделе, дядя и два племянника. Земельные владения самой деревни и четверти Маслухинской пустоши, присоединенной к деревне, состояли из 3 четвертей с осьминой средней земли, одной четверти худой земли, около 4 четвертей перелога.¹⁴¹ Сена указано 13³/₄ копы. Земли самой дер. Городищной лежали на 5 участках: горные земли, сенокосы на Горке, пожня Черноха, пожня Каргунья, пожня Фряковская и перелог Кар-

¹⁴⁰ Сб. ГРЭ, т. II, № 114.

¹⁴¹ По данным веревой книги 1683—1684 гг., приведенным в конце межевой книги, в дер. Городищной числилась 1 вервь и 58¹/₄ сажени, а в четверти Маслухинской пустоши — 122 сажени, там и тут «оприч умету».

гуныя,¹⁴² четверти Маслухинской пустоши — на 8 участках, пачинающихся также с «горных земель».¹⁴³ Межевщики описали межи каждого участка, закрепили их столбами с граями (36 столбов) и затесами на деревьях и кустах (22 граи). Из описания видно, что земли 16 крестьян соседних деревень и волостей сходились с землями городищенских крестьян. Некоторые крестьяне соседствовали 6 и даже 8 раз, в результате общее число соседствующих владений дер. Городищной достигало 30. Как видим, земли деревни-однодворки разбросаны по 13 участкам и на каждом участке соприкасаются с владениями крестьян других деревень. Ее границы определяются уже не формулой «куда соха и топор ходили», а точно отводом, на котором выставлено 58 грапей.

Но наряду с разбросанностью земель каждой деревни для многодворных деревень характерна чересполосность крестьянского владения. На материалах XVI в. мы пытались показать чересполосность как универсальную форму деревенского владения. Для начала XVII в. нами использована веревная книга Паниловской волости, из которой обнаружилось, что земля каждого дворохозяина состояла из полос разной величины, мелких кусков в пожнях, наволоках, доскутах, лежавших между полосами и участками других хозяев. Причиной такой чересполосности является значительное разнообразие земельных владений деревни в отношении плодородия почв и удобства эксплуатации. Выделение каждому дворохозяину его доли в каждом или в некотором числе разнокачественных участков уравнивало в известной мере их хозяйственные возможности.¹⁴⁴ «Этим уравнивались выгоды пользования», — пишет П. И. Иванов.¹⁴⁵

Сохранившиеся веревные книги XVII в. фиксируют ту же чересполосность, что и документы XVI в. Например, веревная книга на Исакову Гору, в которой описано 25 дворохозяев. В их владении находилось 275 участков пашни и сенокоса, т. е. в среднем по 11 участков на дворохозяина. Но были хозяйства, которые имели земли на 18, 19, 22 участках, лежавших чересполосно. Так, в дворном поле сосредоточивались полосы 19 хозяев, на Ширшеме — 17 хозяев, в Кавдееве — 10 хозяев и т. д.¹⁴⁶ Чересполосица ярко рисуется и актовым материалом. М. М. Богословский привел пример дер. Котовальской устьянской Чардомской волости, земли которой делились между тремя владельцами (назовем их А, Б, В) следующим образом. В Каменном поле каждый владел полосой. Задворное поле делилось на 2 кона: в первом полосы идут в таком порядке — Б, А, А, В, во втором — А, Б, В. В Верхнем поле — 5 конов, называемых «постенами». В каждом копе каждый владелец имеет по полосе. Итак, у двух владельцев в полях по 8 полос, у третьего — 9, налицо черес-

полосное владение.¹⁴⁷ В 1651 г. крестьяне Вознесенского прихода Стефан и Никита делили свою землю. Как и следовало ожидать, их участки земли всюду смежны, однако в дельной отмечены другие межники. Так, «полки», полученные Стефаном на Криухе (6 полков), граничили с «полками» Никиты, а также с некими Строковыми и Кирилом Лапиным. При разделе учитывалось качество земли. Это очевидно из заключительной формулы дельной: «А где будет у нас тех земель полки, пожни и закраины у кого объявятся в лишке и нам те земли меж себя ровняти — головная земля головою, а середняя земля середнею землею, а хвостовая земля хвостовою землею».¹⁴⁸ Уравнение земли в деревне в таких случаях предусматривал еще Судебник 1589 г.¹⁴⁹ Даже в разделе лугов, обычно в соответствии с деревенским наделом дворохозяев, чересполосица была фактом. Так, в 1624 г. крестьяне Труфаногорской волости разделили оброчный поскотинный луг «противо горной земли — по купчим, по менным и по всяким земельным крепостям». Раздел производился так: сначала было сформировано 5 «уделов», затем каждый удел делили на трети, а потом трети (в каждом уделе по одной, а всего 5) закрепили за группами крестьян: в одном случае — за 5 дворохозяевами, в другом — за 6, в третьем — за 7. Данные трети крестьяне поделят при косьбе между собой, что неизбежно при общем владении и раздельном пользовании. Это, конечно, усиливало чересполосицу первого раздела.

Мы описали поземельную структуру деревни. Налицо две категории земель: земли, которые были собственностью крестьянского двора — земли тяглые, и земли общедеревенские, использование которых если не юридически, то фактически для каждого дворохозяина определялось количеством тяглой земли и хозяйственной силой. В соответствии с размером тяглой земли устанавливался объем налогов и повинностей, падавших на двор. Незыблемость этого принципа подтверждают веревные книги, составлявшиеся регулярно в волостях и учитывавшие скрупулезно каждую сажень крестьянской земли. Поземельное неравенство, зафиксированное источниками XVII в., обусловило существенные стороны социального облика деревни: господствующее положение деревенской верхушки в хозяйственной и общественной жизни, формы эксплуатации и социальный протест. Разбросанность угодий северной деревни, усложненная чересполосностью, обуславливала такие черты хозяйственной деятельности, как обязательный севооборот, общественный выпас скота нескольких деревень, возведение изгородей силами смежников, общественное наблюдение за дорогами и хозяйственная связь между деревнями, земли которых соседствовали или взаимопроникали.

¹⁴² Сб. ГРЭ, т. II, с. 348—351.

¹⁴³ Там же, с. 351—354.

¹⁴⁴ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 128—137.

¹⁴⁵ Иванов П. И. Поземельные союзы и пределы..., с. 268.

¹⁴⁶ БАН СССР, РО, Арханг. собр. Д № 382, л. 45 об.—64.

¹⁴⁷ Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. I, с. 167.

¹⁴⁸ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 215.

¹⁴⁹ Судебники XV—XVI вв., ст. 159, с. 402.

В заключение приводим оценку двора крестьянина Чухчепемской волости Ивана Михайлова с братом Данилом, которая была произведена в декабре 1648 г. по указу воеводы Ромодановского комиссией в составе двух сотских, трех земских судеек и 53 крестьян из четырех волостей. Поводом к оценке послужили, видимо, какие-то должностные преступления Ивана Михайлова, являвшегося данным целовальником волости. Все его хозяйство было оценено в 85 рублей 3 алтына. 49 руб. — цена двора с хоромами, горной и луговой орамой, пашенной землей, сепными покосами и закраинами, положенными в тягло в 1 вервь 63 сажени и 3 чети сажени; в 15 руб. был оценен скот; в 10 рублей 7 алтын — хлеб молоченный и немолоченный; в 1 рубль 25 алтын 4 деньги — инвентарь и орудия труда; остальное составили утварь, носильные вещи, 2 книги и т. д.¹⁵⁰ Как видим, главным богатством крестьянского хозяйства были двор, земли, скот, хлеб. Стоимость инвентаря не составила и 2%. Ничтожную долю составляло остальное имущество. Эта оценка имущества крестьянского хозяйства показывает огромное значение для него именно земельного владения, на чем базировалось все его благосостояние.

О теории долевой деревни

Говоря о северной деревне XVII в., нельзя обойти теорию долевой деревни, изложенную А. Я. Ефименко в начале 80-х гг. XIX в.¹⁵¹ Согласно этой теории, организация земельного владения на Севере и обусловленное этим развитие деревни претерпели три фазиса. Первый фазис — коллективная собственность семейных коммун, второй фазис — деревня с долевым владением и третий — подворно-участковое владение индивидуального характера. Первый фазис относится к периоду новгородской власти на Двине и началу московской, второй — к XVI—XVII вв., третий — к XVIII в. Указанные фазисы, по словам Ефименко, «нельзя связать с точно определенными эпохами: в разных пунктах при разных условиях они выступали разновременно».¹⁵² Однако весь контекст работы Ефименко и отдельные замечания позволяют установить указанную хронологию фазисов.¹⁵³

Кратко существо этой теории заключается в следующем. Исходным моментом образования долевой деревни была, по мнению А. Ефименко, «большая семья», которая поселилась в диком лесу в процессе колонизации, притянула своим трудом определенные земли и угодья, находившиеся в коллективном владении всей большой семьи. Такие дворы больших семей составляли господ-

ствующую форму поселения и землевладения достаточно долго. «Господство задружной формы как в семье, так и в организации поземельной собственности» застает на Севере «начало достоверной истории», — пишет Ефименко.¹⁵⁴ Так как «достоверная история», по ее определению, начинается «приблизительно с XIV в.»¹⁵⁵ то, выходит, «коллективная собственность семейных коммун» господствует в пору развитого новгородского феодализма. XVI—XVII века — период возникновения и развития долевой деревни. Как же она возникает? Момент образования деревни — это разделение владений родового двора между членами некогда единого хозяйства. При этом, пишет Ефименко, «каждый участник дележа получал не определенный кусок земли, который бы он мог выделить из целого, а лишь право на известную долю в каждом из лоскутов, полей и угодий, входящих в деревню. Таким образом, каждый из крестьянских (в противоположность бобыльским) дворов деревни представлял собой какую-нибудь дробь деревенской единицы».¹⁵⁶ Доли «деревенских совладельцев определялись ... случайными юридическими отношениями»¹⁵⁷ т. е. при разделе братьев они были равными, при разделе дядей с племянниками последние (если их было несколько) дробили долю отца и т. д. Но со временем долевая деревня разлагается. Восторжествовавшее право личной земельной собственности крестьян привело к нарушению равенства и пропорциональности долей. Против этого фермента — частной собственности, — усилившего действие «эгоистических инстинктов», долевая деревня, которая «держалась традицией, альтруистическим чувством, имевшим под собою подкладку родового предания»¹⁵⁸ не могла устоять. Юридический обычай, «освящавший право каждого на свободное распоряжение своей землей»¹⁵⁹ пробуждал эгоистические инстинкты и борьбу за землю, «в которой экономически слабый должен был шаг за шагом уступать свою землю, предоставляя ее более сильным».¹⁶⁰ Малоземелье, выявившееся в XVII в., способствовало этому. «Деревня северных крестьян, — пишет А. Ефименко в заключение, — начала разлагаться еще в XVII веке, но процесс ее разложения не был окончен с этим веком, а перешел в следующий», когда деревня разложилась окончательно и «на месте долевого водворилось подворно-участковое владение».¹⁶¹ Так выглядит, по теории Ефименко, конец долевой деревни.

Перед нами логически стройная теория крестьянского землевладения почти за пять столетий. Но, помимо историко-фактического значения, теория долевой деревни имела значение и со-

¹⁵⁰ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 176.

¹⁵¹ Ефименко А. Я. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере. — Русская мысль, 1882, № 4. — Статья перепечатана в книге: Ефименко А. Я. Исследования народной жизни, вып. 1. Обычное право. М., 1884.

¹⁵² Там же, с. 368.

¹⁵³ Там же, с. 217—221, 226, 231.

¹⁵⁴ Там же, с. 365.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же, с. 367.

¹⁵⁷ Там же, с. 303.

¹⁵⁸ Там же, с. 302.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же, с. 305—306.

циологическое, она, по словам А. Я. Ефименко, во многом способствовала уяснению вопроса «о происхождении сельской общины». ¹⁶² Долевое владение, возникавшее в результате раздела больших семей-задруг, колоппзовавших Север, было переходом к поземельной общине, сначала деревенской, а затем и более крупной. ¹⁶³

Выводы А. Я. Ефименко имели большую актуальность. Это был период, когда «община служила знаменем и лозунгом», когда «на ней сходились и расходились партии, формировались направления». ¹⁶⁴ Именно в это время народническая историография видела в общине XIX в. форму сельской жизни, существующую издревле, а «государственники» утверждали позднее ее возникновение в силу определенных мер правительства. Именно в это время молодая исследовательница, принадлежавшая, по ее словам, «к самым крайним поклонникам народа и его общины», погрузилась «в изучение архивных документов, чтоб почерпнуть себе желаемое знание у самих его источников». Нырнула, а «вынырнула», — пишет далее Ефименко, — с полнейшим убеждением, что наша поземельная община вовсе не исконная форма нашего землевладения, как я до тех пор была глубоко и всецело убеждена: она есть продукт относительно позднего времени, с одной стороны — заключительное звено длинного исторического процесса, с другой — плод внешнего воздействия». ¹⁶⁵ Как видим, в результате исследования Ефименко пришла к выводу, что община — позднее явление, но, в отличие от «государственников», она считала ее последним звеном длительного исторического процесса. Какого процесса? Процесса развития деревни, в котором долевая деревня была важным этапом. Под «внешним воздействием» Ефименко подразумевала меры правительства середины XVIII в., ликвидировавшие частную собственность крестьян и предписавшие общинные переделы.

Для своего времени выводы А. Я. Ефименко о происхождении поземельной общности деревни имели большое значение. Они способствовали, по определению П. А. Колесникова, преодолению представлений «не только народников о неизменности форм общины, но и „государственников“, проповедовавших искусственное насаждение общины верховной властью». ¹⁶⁶ Этим объясняется и долгожителство теории Ефименко о долевой деревне в историографии.

Из крупнейших дореволюционных историков Севера теорию долевой деревни полностью разделяла М. А. Островская. Вслед за А. Я. Ефименко она утверждала, что колонизация Севера

шла «семьями задружного типа», ¹⁶⁷ что северная деревня возникла в результате «разложения большой семьи-задруги», ¹⁶⁸ при разделе которой каждый дольщик оставался идеальным представителем известной доли. Появление «собины» разлагало не только задругу, но и долевую деревню, появившуюся на ее развалинах. ¹⁶⁹ С некоторыми оговорками теорию Ефименко принимали М. М. Богословский и П. И. Иванов. ¹⁷⁰ Они собрали большой материал о северной деревне, но изложили его несколько односторонне. Они стремились подчеркнуть, сгруппировать показания источников, свидетельствующих о существовании среди крестьянства разных союзов, товариществ, складства и т. д. Так, Богословский в своем известном труде «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.», говоря о составе крестьянского двора, признает, что «наиболее обыкновенным случаем» является «простая семья» (отец и дети), есть семьи осложненные — в них входят «боковые родственники», свойственники и, наконец, «есть дворы, население которых состоит из взаимно чуждых элементов, связанных между собой различными экономическими интересами». ¹⁷¹ Целую главу Богословский посвящает именно этим семьям-товариществам. Товарищи могли «поселяться в одном дворе» по «складной записи» и т. д., хотя таких семей немного, а преобладает «малая семья», но именно товариществам автор уделяет главное внимание. ¹⁷² Материалы подаются так, что в русской деревне XVI—XVII вв. господствуют именно

¹⁶⁷ Островская М. А. Земельный быт сельского населения..., с. 121.

¹⁶⁸ Там же, с. 27.

¹⁶⁹ Там же, с. 57.

¹⁷⁰ П. И. Иванов в своей работе «Поземельные союзы и переделы...» исследует крестьянские союзы разных степеней (двор, деревня, союз деревень, волость, союз волостей), определяя в каждом случае хозяйственную основу союза — совместное общее поземельное владение: для двора — поля и огороды; для деревни — покотинные земли, путики с снопками и силками; для групп деревень и волостей — леса и сенокосы, лежащие за межами; для волости — реки, протекающие по ее территории, для союза волостей — отхожие угодья. В совладении союзов всех степеней крестьянин участвует в соответствии поземельным владением своего двора «первого элементарного хозяйственного союза». В этой стройной схеме союзов долевая деревня появляется как союз деревенский, который может возникнуть, по мнению Иванова, и не из родственных элементов (как у А. Я. Ефименко), но из посторонних элементов. По Иванову, долевая деревня разложилась ранее, чем у Ефименко. Уже в XVII в. долевой деревни в изучаемом Ивановым Кеврольском уезде нет. Она разложилась: пашня в деревнях находится в подворно-участковом владении, соответственно которому определяется доля дворовладельца во всех общих угодьях. Не найдя долевой деревни в изучаемом им районе, Иванов напел близкую к ней форму землевладения в Сольвычегодском и Шенкурском уездах, которая сводилась к формуле — земли находились в общем владении деревень, но в отдельном пользовании их жильцов. Но такая деревня далека от долевой деревни, нарисованной Ефименко, и скорее содержит в большей степени элемент складничества, как это понимает Иванов (Иванов П. И. Поземельные союзы и переделы..., с. 201—202, 205, 206, 261).

¹⁷¹ Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. 1, с. 154.

¹⁷² Там же, с. 154—160.

¹⁶² Там же, с. XIV—XV.

¹⁶³ Там же, с. 207, 230.

¹⁶⁴ Там же, с. 363.

¹⁶⁵ Там же, с. XIV—XV.

¹⁶⁶ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 12.

союзы. В. И. Сергеевич иронически писал об известном труде П. И. Иванова о поземельных союзах, что автор «только их и видит». Создавалось впечатление о длительном существовании долевой и складнической деревни с общим владением землей и промыслами, в первом случае основанным на родстве, во втором — на договоре.

Выступления против теории долевой деревни общих историков феодальной поры (Н. П. Павлов-Сильванский, В. И. Сергеевич, И. Энгельман¹⁷³ и др.), считавших долевое владение формой подворно-участкового владения, ступеньками перед обильным материалом, собранным сторонниками долевой деревни.

В советской историографии теория долевой деревни принимается как само собой разумеющееся.

А. А. Новосельский именно с этой точки зрения и со ссылкой на А. Я. Ефименко изложил историю поморской деревни.¹⁷⁴ В деревню — населенном пункте из одного или нескольких дворов, «с прилегающими к ним пашенными, сенокосными, пастбищными, лесными, рыболовными и охотничьими угодьями», — каждый из населяющих ее дворохозяев владел «или целой деревней, или ее частью — половиной, третью, четвертью и т. д.» и соответственно своей части «имел право на определенную долю... во всех угодьях деревни». Посредством переделов «деревенские совладельцы» добивались соответствия их земельных наделов тем долям, «на которые каждый из них имеет право». Эти переделы и «поддерживали „долевое“ землевладение на Севере». Хотя в последнем выводе слово «долевое» Новосельский ставит в кавычки, все изложение свидетельствует о его убеждении в существовании долевой деревни в Поморье в XVII в. П. А. Колесников признал, что долевая «форма земельной собственности долго сохранялась на Севере». Однако, в отличие от Новосельского, Колесников не считает возможным распространить долевую деревню на весь поморский север, ибо в центральных и восточных уездах Поморья «к началу XVI в. эта форма владения землей имеющимися в нашем распоряжении источниками не отмечается». По мнению Колесникова, она существует в это время только в Подвинье.¹⁷⁵ Столь определенное заключение Колесникова о наличии долевой деревни в одном из районов Поморья можно про-

¹⁷³ Н. П. Павлов-Сильванский высказывался против изображения долевой деревни как обособленного фазиса, так как долевое землевладение неустойчиво и по существу совпадает с подворным владением (Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, с. 151—157); см. также: Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1903, т. 3, с. 386—387; Энгельман И. История крепостного права в России. М., 1900, с. 4—5.

¹⁷⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, с. 192.

¹⁷⁵ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 45—46. — А. Я. Ефименко (Исследования народной жизни, вып. 1, с. 230) долевую деревню считала обязательным этапом развития в более обширном районе, чем Двинская земля.

верить, так как именно от этого района дошло до нас наибольшее число источников по истории северного крестьянства.

Насколько же источники подтверждают эту теорию? Как сказано выше, исходным моментом образования долевой деревни была «большая семья» — задруга. Она существует длительное время, так как база ее — коллективное владение — обнаруживается «актами новгородского периода» и «видны еще по памятникам XVI века».¹⁷⁶ Но в XVI в. преобладает долевое владение малых семей, составлявших деревню, превратившееся в XVIII в. в подворно-участковое владение.¹⁷⁷ В другом месте А. Я. Ефименко уточняет: «...преобладание малых семей современного типа» наблюдается лишь «по актам XVII—XVIII веков».¹⁷⁸

В подтверждение своих заключений о существовании больших семей в новгородский период А. Я. Ефименко ссылается на новгородские акты и новгородские писцовые книги. По ее мнению, употребление в актах XV в. (в основном в двинских) для обозначения поселения термина «село» свидетельствует о «задружном характере семейного устройства и в связи с этим и поземельного владения», так как село «обыкновенно является лишь с одним двором»¹⁷⁹ или «по крайней мере часто».¹⁸⁰ Писцовые новгородские книги конца XV в. говорят о том же, ибо «деревни писцовых книг состоят нередко из одного двора, следовательно, из одной семьи».

Анализ двинских актов новгородской поры не подтверждает заключений А. Я. Ефименко. Из 45 актов, фиксирующих сделки на села или их доли, лишь в одном акте отчуждающими землю являются 4 брата, в двух — 3 брата, в шести — 2 брата, в одном — дяди с тремя племянниками, в остальных село или долю отчуждает один владелец (отец с детьми или мать с детьми). Так как земля была семейной собственностью, то по отчуждающим можно судить о составе семей. Выходит, что братские семьи или семьи дядей с племянниками были редким явлением. Села принадлежали малым семьям, как это и было в новгородских пятинах. При сделках на села или части их, а также на более мелкие участки («земля», «лоскут», «отчина», «пожня») часто указываются межи, причем называются они по именам владельцев-соседей. В таких случаях ясно, что село было не однодворным, а многодворным.

О существовании малых семей свидетельствуют и писцовые книги. По сохранившимся описаниям новгородских пятин конца XV в., в деревнях насчитывалось 61 333 двора, в которых писцы указали 79 121 «людей», что позволило с применением определенного коэффициента высчитать общее число деревенских жи-

¹⁷⁶ Ефименко А. Я. Исследования народной жизни, вып. 1, с. 219.

¹⁷⁷ Там же, с. 226.

¹⁷⁸ Там же, с. 219.

¹⁷⁹ Там же, с. 231.

¹⁸⁰ Там же, с. 217.

телей — 351 135 человек.¹⁸¹ В среднем, следовательно, на двор приходилось по 5,7 человека. Эта цифра высчитана с учетом однодворных деревень, в которых Ефименко предполагала большие семьи. Что в однодворных деревнях проживали малые семьи, очевидно из размеров запашки в них, ничуть не больше запашки на двор в деревнях многодворных.¹⁸²

Так обстоит дело с документами XV в., на которые ссылается А. Я. Ефименко, они не подтверждают ни распространенность задруги, ни коллективной собственности на землю.

Перейдем к документам позднего времени.

Обычный прием писцов указывать родственные отношения «людей» (если их отмечено во дворе более одного) позволяет выяснить состав семьи. Оказалось, что в Емецком стане из 323 дворов в 268 отмечен только один хозяин, в 43 — два брата, в 8 — три брата, в 3 — четыре брата и в одном случае — пять братьев; в Калесском стане из 180 дворов один хозяин отмечен в 174 дворах, 2 — в пяти дворах, 3 — в одном. Эти цифры показывают господство отцовской семьи из 5—6 человек. Дворов с семьями двух-трех братьев мало, совсем незначительно число дворов с 4—5 братскими семьями. Такое же соотношение устанавливается и по книгам начала XVII в. Так, на Пинеге и Мезени, по книгам 1623 г., в 87% дворов проживала отцовская семья, в 11% — братские семьи, в 0,5% — сложные (во дворе указаны не родственники, а чужие). Как видим, семья задружного типа в XVI в. не прослеживается. Земля находится во владении малой семьи.¹⁸³

О полном преобладании малой семьи свидетельствуют крестьянские поземельные акты. Более чем в тысяче актов XVI в. зафиксированы продажа (78% актов) и покупка (85% актов) земли одним лицом — дворохозяином. Сделки, совершенные группой (родители с детьми, братья, совладельцы), в среднем составляют 2—5% в каждой группе. Из этих данных видно, что земельная собственность в XVI в. является собственностью отдельной малой семьи, глава которой был правоспособен совершать с землей самые различные сделки.

Итак, основным принципом организации земельного владения деревни является совладение составляющих деревню дворохозяев (малых семей в подавляющем числе случаев), имевших определенный надел. Следовательно, термин «подворно-участковое владение» вполне точно отражает существо деревенской поземельной организации в XVI и XVII вв., да и, как мы убедились, в XV в.

Но ведь именно деревню XVI—XVII вв. А. Я. Ефименко называет долевым и отрицает подворно-участковое владение в ней. Долевая деревня возникает в результате раздела владений родо-

вого двора, его печинного земельного фонда, между членами некогда единого хозяйства. Причем раздел не реальный, а идеальный. Каждый получает не «определенный кусок земли», а лишь право на «известную долю». Двор теперь «представляет собой какую-нибудь дробь деревенской единицы». Еще больше вопрос затемняется, когда Ефименко сравнивает долевого деревню с варницами и тонями. «По типу деревенской организации было организовано отчасти и пользование рыбными топями, а в особенности соляными варницами». ¹⁸⁴ Да, действительно, в томе и в варнице долевого владения (при невозможности раздела) было условием коллективного пользования при частном присвоении продукта.¹⁸⁵

Сравнивать томи и варницы с деревней, отраженной нашими источниками, где пользование землей индивидуальное, невозможно.

Как уже сказано, земля в деревне принадлежала отдельным дворам. При любом разделе — земельных владений одиноко стоящего двора или двора в составе деревни — каждый участник получал именно «определенный кусок», а не идеальную долю. Это подтверждают акты и прежде всего дельные.

Раздробление целого при разделе очевидно. Это доказывают сотнями и сотнями актов, когда полученная при разделе доля деревни или участок этой доли отчуждается после раздела. Из 390 купчих и отступных первых шести десятилетий XVI в., фиксирующих куплю-продажу земли, предметом сделки в 36 случаях были деревни, в 138 — доли деревни ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{8}$), в 216 — отдельные участки (полоса, лоскут, веревка, обжа, пожня и ее доли, наволоки, земля и т. д.).¹⁸⁶ Утверждение А. Я. Ефименко, что «при продаже выделенного деревенского участка... продается не такая-то определенная земля, находящаяся в таких-то межах, как это определялось для отдельных лоскутов и позже вошло в общий обычай, а лишь идеальная доля или доли», ¹⁸⁷ противоречит актам. Документы показывают, что каждая доля деревни ¹⁸⁸ состояла из многих земельных кусков.¹⁸⁹

Следовательно, и акты XVI в. свидетельствуют о существовании деревни не с долевым владением (где, по Ефименко, каждый двор лишь «дробь» целого, имеющий идеальную долю),

¹⁸⁴ Ефименко А. Я. Исследования народной жизни, вып. 1, с. 226.

¹⁸⁵ В Варзуге доля каждого крестьянина в общих волостных топях определялась количеством луков.

¹⁸⁶ Копанев А. И. Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики в России. Л., 1972, с. 118.

¹⁸⁷ Ефименко А. Я. Исследования народной жизни, вып. 1, с. 224. — В. И. Сергеевич справедливо оценил это заявление как совершенно непонятное. До раздела владелец доли может продать идеальную долю, «если произошел раздел, владелец продает, что ему досталось по разделу, и при купчей передает покупщику и свою раздельную грамоту» (Сергеевич В. И. Древности русского права, т. 3, с. 391).

¹⁸⁸ Термином «деревня» обозначалось и поселение, и владение каждого домохозяина, проживавшего в деревне.

¹⁸⁹ Ефименко А. Я. Исследования народной жизни, вып. 1, с. 211—212.

¹⁸¹ Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971, с. 322.

¹⁸² Там же, с. 108, 149, 180.

¹⁸³ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 120—121.

а с подворно-участковым. Никакого периода долевого деревни источники не запечатлели, как не запечатлели они и существования в Подвинье в «достоверный период» задружных поселений и коллективно-задружных форм поземельных отношений.

Остановимся еще на одном, с точки зрения А. Я. Ефименко, решающем доказательстве существования долевого деревни. Имеем в виду ее обращение к веревной книге Паниловской волости 1612 г. Как и в других веревных книгах, здесь с большой точностью описаны владения всех дворохозяев этой волости по деревням. «Веревная показывает, — пишет Ефименко, — во-первых, что каждый двор деревни имел участок в каждой смене и в каждом поле, так же во всех остальных угодьях, тянущих к деревне; во-вторых, что участки отдельных дворов были или равны (реже), или (чаще) стояли друг к другу в кратных отношениях».¹⁹⁰ Однако внимательный анализ книги¹⁹¹ показывает, что отнюдь не все дворохозяева имели участки в каждом коне. В двух четырехдворных деревнях совместные владения всех дворов отмечены: в одной — в половине конов, в другой — едва в четверти, в остальных ковах имели владения лишь 3 и 2 двора или они находились во владении одного двора. В одной трехдворной деревне совместное владение трех дворов отмечено для 70% конов, но и одиночных владений здесь было около 20%. Еще выше процент одиночных владений в двухдворной деревне Вороновской — он доходил почти до 40%. Не подтверждается положение А. Я. Ефименко и о кратности земельных владений деревни.

Итак, и «непреклонное» доказательство совсем не доказывает теории долевого деревни. Да и сама А. Я. Ефименко в другом месте работы отметила в Паниловской книге нарушение равенства и пропорциональности долей, отсутствие строго выдержанного порядка в выделении каждому владельцу земли в каждом куске, наличие земли у дворохозяина, находившейся «вне деревенского передела». Эти явления, по ее мнению, противоречили долевному деревенскому владению и знаменовали «начало разложения» долевого деревни.¹⁹² Еще ярче разложение долевого деревни проявилось, по мнению Ефименко, в веревных книгах тяглых деревень Спасского стана 1651 и 1710 гг.¹⁹³ Если в первой из них по сравнению с Паниловской книгой «уклонения от чистого типа деревни ... выражены отчетливее» (увеличиваются уклонения от пропорциональности долей и т. д.), то во второй — налицо полное разложение. Главный признак этого — неравенство в земельном владении. Неравенство достигает таких размеров, «которые были немыслимы еще 50 лет тому назад».¹⁹⁴ Причиной

этого явились право личной земельной собственности крестьян и связанное с этим свободное распоряжение крестьян своими землями.

Свободная мобилизация крестьянских земель — главная причина гибели долевого деревни, по А. Я. Ефименко. Но ведь именно она-то и запечатлена, как мы видим, источниками и XVII, и XVI, и XV вв. Крестьяне совершали сделки с землей не только тогда, когда «долевая деревня разлагалась», но и тогда, когда долевого деревня — как этап поземельных отношений — еще якобы преобладала в Подвинье. Следовательно, и заключение Ефименко о причинах гибели долевого деревни не основывается на всей массе источников. Гипотеза довлеет над исследователем.

Итак, как исходные позиции А. Я. Ефименко — существование «в достоверный период истории» на Севере задруги, так и само долевого деревенское владение, аналогичное якобы долевному владению в варницах и рыбных угодьях, не подтверждается источниками.

Поземельные отношения в северной деревне ~~и~~ XV, и XVI, и XVII вв. основываются на принципе подворно-участкового владения. Долевого деревни, как некоего длительного периода поземельных отношений, на Севере не было. Утверждая это, мы совсем не отрицаем существования в более ранние периоды и больших семей, и долевого на первых стадиях деревень.

О складнической деревне

В организации поземельных отношений долевого деревня, по теории А. Я. Ефименко, в своем развитии перерождалась в деревню складническую. Практика отчуждения земли приводила к размыванию кровных элементов в деревне и замещению их посторонними. «Союз родственников, — писала Ефименко, — замещался союзом складников, соседей, сябров, сохраняя под собой всецело старую кровную схему».¹⁹⁵ Складническая деревня мало чем отличалась от долевого. Ефименко подчеркивает это сравнением складнической деревни с варницей. «Складники, сябры варницы точно воспроизводят собою в своих взаимных отношениях складников — сябров деревни».¹⁹⁶ Такое сравнение неприемлемо

истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера, Верхнего Поволжья и Приуралья до Великой Октябрьской социалистической революции. Киров, 1979).

¹⁹⁰ Ефименко А. Я. Исследования народной жизни, вып. 1, с. 217.

¹⁹¹ Копанев А. И. Веревная книга Паниловской волости 1612 г., с. 283, 285.

¹⁹² Ефименко А. Я. Исследования народной жизни, вып. 1, с. 295—298.

¹⁹³ Там же, с. 298—305.

¹⁹⁴ Там же, с. 305. — Более подробно теория А. Я. Ефименко разобрана в нашей статье «О теории долевого деревни А. Я. Ефименко» (Вопросы

¹⁹⁵ Там же, с. 226. — Ставя термины «складники» и «сябры» как однозначные, Ефименко следует за источниками, в которых те и другие употребляются в одном значении. Чаще всего термин «сябр» употребляется при устройстве на паях соляных варниц, так иногда именуют себя и совладельцы рыбных топей и земельных угодий. Например, в дельной 1680 г. сенокосов на Кирбасове-реке два монастыря — Антониево-Сийский и Николо-Корельский, церковь Троицкая Унская и трое посадских людей называют себя «цожеными складниками и сябрами». Но из

по тем же причинам, по которым мы считали неоправданным сравнение долевой деревни с варницей. Неделимое производство варницы обуславливало полное слияние паев и было возможно только при этом слиянии, тогда как сельскохозяйственное производство деревни велось подворно. В источниках нет указаний, чтобы складники многодворной деревни объединяли весь поземельный фонд деревни и работали неким коллективом. В однодворной деревне при наличии складников во дворе коллективный труд возможен. И. А. Рожков, изучая складников XVI в., отмечал, что они весьма часто «не вели совместно сельскохозяйственного хозяйства, пахали землю, размежевавшись между собою, причем в общем пользовании оставались только непахотные угодья».¹⁹⁷ Источники XVII в. отразили огромный диапазон складнических отношений. Они детально описаны в трудах А. Я. Ефименко, П. И. Иванова, М. В. Ключкова, М. Островской. Ефименко указала на случай складничества во дворе.¹⁹⁸ В 1602 г. продавец и покупатель половины деревни (т. е. деревенского участка отдельного дворохозяина в деревне) заключают между собой договор: «пить и есть» и одеваться «из вопчего живота», «пахать, сеять и орать вместе же едино», «в промыслы ходить» «из вопчего живота». При этом складники устанавливают срок совместной жизни, предусматривают раздел имущества по половинам по истечении срока.¹⁹⁹ Создается своего рода искусственная семья с коллективным трудом и потреблением: семья до определенного срока, с правом на половину имущества и на половину земельного участка. Вероятно, такого рода складнические дворы обнаружил П. И. Иванов в кеврольских писцовых книгах 1623 г. «В одном дворе, — писал он, — нередко жили, владели и пользовались нераздельно всем имуществом не только родственники, но и свойственники, и посторонние».²⁰⁰ В первой специальной работе о складниках М. В. Ключков привел значительный актовый материал о склад-

нических союзах в промыслах, земледелии и солеварении.²⁰¹ Ремесленники, складываясь средствами, приобретали дорогостоящее сырье, арендовали помещение. Крестьяне чаще всего соединяли свои силы при разработке лесной целины и при поддержании в хозяйственном порядке новинных земель. Солеварение требовало складства средств для разработки соляных источников и постройки варниц и их оборудования. Но, помимо товариществ, которые создаются для производства трудоемких работ, возникают складнические союзы с целью покупки и съёмки на известный срок земли. Причем при хозяйственной эксплуатации этих земель складники делят ее на участки, определяя их межами, частично оставляют в общем пользовании. М. В. Ключков приводит купчую на часть деревни, в которой говорится: «А орамая земля со складниками с Иваном да с Григорьем в разделе и за межами, а покотина, и пожни, и озера, и истоки, и все угодья с складниками вместе не в разделе». В других купчих, которых, по словам Ключкова, множество, земля каждого складника представляет собой совокупность полос с подробным обозначением их меж. Выражение «за межами» означает, что земли общего владения складников закрепляются за дворами.²⁰² Однако это ничуть не исключает и коллективного труда складников. М. А. Островская привела примеры применения «коллективных форм труда небольших союзов товарищей-складников» в разработке новин, в очистке болот под пожни и т. д. Ею отмечены случаи возникновения складничества при товарищеской покупке земли, при взятии на оброк коллективом тех или иных угодий, при отчуждении части земли деревни, когда покупатель становится совладельцем неразделенных деревенских угодий, при заведении промысловых и торговых предприятий и т. д. Различные формы складства во дворе, приводящие к образованию искусственных семей, Островская описала на материалах начала XVIII в.: складство дяди с племянником, при приеме зятя в дом, при приеме второго мужа вдовой в дом, при наличии у нее детей от первого брака, при приеме «кормильца» или «печальника» в семью престарелых и т. д.²⁰³

Складнический союз оформлялся особой складной записью, в которой определялся пай (деньги, земля, имущество) сторон, их трудовые обязательства, срок действия складной и способы ликвидации складничества (раздел).²⁰⁴ Иногда в самой склад-

²⁰¹ Ключков М. В. К вопросу о складниках. — ЖМНП, 1901, ноябрь, с. 29—51.

²⁰² Там же, с. 41.

²⁰³ Островская М. А. Земельный быт сельского населения..., с. 28—52.

²⁰⁴ В 1602 г. крестьянин Матвей Максимов написал складную запись с Невом, строителем Троицкой пустыни, что ему, Матвею, жить в складстве в пустыни вместе с детьми. Но потом Матвей отказался от «склада» и взял «весь свой склад сполна», да и «складные записи порвали» и разошлись полюбовно (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 6, № 54, с. 8). В 1608 г. игумен Антонино-Сийского монастыря и крестьянин Федот Матвеев составили запись о постройке мельницы, причем монастырь вкладывал

дельной видно, что владения складников и сябров образовались путем скупки каждым из них отдельных участков еще в XVI в. (Сб. ГРЗ, т. II, № 62). Следовательно, здесь и складники, и сябры — соседи-совладельцы. Отмеченная А. С. Лаппо-Данилевским разница между союзом сябров и союзом складников (первые — родственники, владельцы унаследованного имущества, вторые — совладельцы по договору) в XVII в. уже исчезла. Этим, видимо, и следует объяснить частые подмены в источниках того и другого термина (Лаппо-Данилевский А. С. Ред. на кн.: Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. — ЖМНП, 1895, № 12, с. 364—365).

¹⁹⁷ Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899, с. 166.

¹⁹⁸ Ефименко А. Я. Исследования народной жизни, вып. 1, с. 222.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Иванов П. И. Поземельные союзы и переделы..., с. 204. — Но таких складнических семей, по данным Иванова, было ничтожное число: в 1623 г. — 3 семьи, в 1686 г. — одна семья (см.: Иванов П. И. Заметка о размере окладной паши и населенности дворов в Кеврольском у. XVII в. — В кн.: Древности: Труды Археограф. ком. Моск. археол. о-ва. М., 1900, т. II, вып. 1, с. 158).

ной, а то и в специальной «одинашней записи» складники обязывались стоять сообща за свое имущество — «стоять за один».²⁰⁵ «Сущность складства, — по определению Островской, — есть соедивление капиталов и рабочих сил для ведения общего предприятия. Сообразно затратам трудов и капиталов складников распределяется и доход их».²⁰⁶ Это определение и фактический материал о северном складничестве показывают, что оно охватывало обширную область труда крестьянина — промыслы, земледельческое производство и даже торговлю. Однако полное слияние основного земельного фонда дворохозяев деревни в источники не встречается. Деревня и в XVII в., и в более раннюю пору была подворной. П. И. Иванов, сторонник теории складнической деревни, считавший, что в ней существует «представление об общем владении всем имуществом», тем не менее признавал, что «материальные части имущества находятся в отдельном пользовании членов союза». Последнее выражалось в том, что земли и угодья деревни делились на жеребьи, а каждый складник имел в своем владении полосы и клинья в каждом из полей и участки в угодьях. Хотя складники, пишет Иванов, «работали ... только на себя, но подчинялись установившимся в деревне обычаям».²⁰⁷ Таким обычаем, по мнению Иванова, был обязательный севооборот. Но ведь обязательный севооборот существовал и в подворной деревне. Для подворной деревни были характерны деление ее земель на полосы и участки и владение ими отдельно каждым дворохозяином. Утверждение Иванова о существовании в деревне регулярных переделов, во время которых «вся земля отбиралась от их пользователей, делилась вновь на полосы»²⁰⁸ и распределялась вновь между складниками, убедительно оспорено М. А. Островской. Она считала, что приведенный Ивановым пере-

дел земли в дер. Копоновской в 1630 г.²⁰⁹ — факт исключительный. «Преобладала, — отмечала Островская, — склонность к обособлению складнических жеребьев».²¹⁰ Это глубоко справедливое замечание может быть отнесено ко всем формам складничества, срочным в своей сущности и заканчивающимся всегда разделом общего имущества.

Итак, складничество в промыслах, в разработке новин или складничество в отдельных дворах, встречающееся в той или иной деревне, не дает права называть северную деревню складнической или видеть в ее развитии некий особый период складнической деревни, как это мыслилось А. Я. Ефименко.

Устойчивость термина «складническая деревня» в нашей литературе может быть объяснена еще тем, что в источниках слово «складник» зачастую употребляется в значении «сосед». М. А. Островская установила, что «дележ складников вел их к соседским отношениям», поэтому «слово „соседи“ очень рано (с XV в.) начинает употребляться в смысле „складники“».²¹¹ М. Ф. Владимирский-Буданов придерживается этого же мнения. Слово «складник» означает в широком плане всякого члена общины, деревни, т. е. соседей, в узком плане — члена товарищества.²¹² Такая замена слова «сосед» словом «складник» вполне объяснима. Как мы показали выше, и в деревне, и в волости были общие угодья, которые эксплуатировались всеми дворохозяевами сообща, т. е. как бы товариществом. Однако сходство здесь лишь внешнее. Складническое товарищество было договорным и срочным. Доля складника определялась его материальным и трудовым вкладом. Доля соседа в общих угодьях среди деревенцев определялась величиной его надела и не ограничивалась сроком. Деревенское соседство-складничество существует, пока существует деревня. Но эта деревня отнюдь не складническая. Появление в источниках термина «складник» вместо «сосед» приводит иногда к ошибочному толкованию складничества. Например, М. В. Ключков заявляет, что в Судебнике 1589 г. «встречается несколько статей, касающихся любопытного института — складничества».²¹³ При знакомстве с этими статьями выясняется, что речь в Судебнике идет о соседях, а не о складниках. В ст. 160 определяется порядок постройки нового двора одним из дворо-

²⁰⁹ Там же, с. 213, примеч. 37 и с. 215.

²¹⁰ Островская М. А. Земельный быт сельского населения... с. 162. — П. И. Иванов, по словам Островской, «впал в ряд ошибок, стараясь вывести общину целиком из складства: для доказательства своей теории ему приходилось изображать складство слишком похожим на общину, а общину — слишком похожей на складство» (там же).

²¹¹ Там же, с. 52. — Как складники превращались в соседей, показывает интересная дельная на дер. Бобородинскую. Двое разделили дворы, земли (полосами) и обязались дел не нарушать и за земли «стоять вместе» (Ключков М. В. К вопросу о складниках, с. 44).

²¹² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 3-е изд. М., 1900, с. 556—557.

²¹³ Ключков М. В. К вопросу о складниках, с. 29.

вал две доли, крестьянин — одну долю. Но крестьянин не смог уплатить свою долю (30 рублей 31 алтын 2 деньги) и поступился своей долей игумену (там же, № 152). В 1649 г. составлена складная приемная запись теста о принятии в дом зятя, который обязан прожить в доме тестя 10 лет, за что получит треть деревни и имущества. Если не доживет до срока, то ничего не получает, кроме «своей жены Агриппины». Тесть обязуется зятя не «отсылать ... проч до срока» (ГПБ, РО, ф. 795, Тавренские акты, № 54). В 1665 г. непокоцкие приказчики четырех монастырей написали «складную запись» «по Верхней реке на низ водою плыть» с дровами, «и всех в складе у нас ... по сей записи дров на берегу 441 дерево 6 сажень». Складники решали людей нанимать «из общего мешка» (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 218). В 30-х гг. XVII в. на Кулое «на государеве земли на Большом озере у креста» тремя пайщиками была поставлена варница. В последующие два десятилетия отдельные пай варницы были предметом купли-продажи 6 раз, пока вся варница в 1643 г. не перешла к московскому торговому человеку гостинной сотни Ивану Елисееву с. Щепоткину. И во всех документах, фиксировавших эти сделки, фигурирует первоначальная «складная запись» (Сб. ГИЭ, т. I, № 584, 586, 591, 599, 605, 606).

²⁰⁵ Ключков М. В. К вопросу о складниках, с. 50.

²⁰⁶ Островская М. А. Земельный быт сельского населения... с. 52. — Это определение соответствует общепринятому мнению.

²⁰⁷ Иванов П. И. Земельные союзы и переделы... с. 212.

²⁰⁸ Там же.

хозяев, он может занять любую деревенскую землю, возместив бывшего владельца ее из полевых земель. Ясно, что здесь действуют соседи. Точно так же в ст. 162 говорится, как один сосед «наставитце» «хороминою» на подворную землю другого соседа. Хотя тот и другой названы складниками, они соседи по деревне.²¹⁴ В ст. 225 говорится о случае, если сосед у соседа в одной деревне какую животину «утепет», то он подлежит наказанию, если заранее не заявит «иным складникам» о мотивах своих действий («иные складники» — соседи²¹⁵). В ст. 174 складникам запрещается «вырубить молоди», т. е. поросшие молодым лесом пашни «без делу и без жеребья». Здесь могут иметься в виду и бывшие складники, вырубившие некогда лес, и однодеревенцы — соседи, потому что молоди стали уже общедеревенским или общесельским владением.²¹⁶ О соседских отношениях свидетельствует и ст. 159, определяющая раздел деревенских угодий «иовытно по купчим», если этого пожелает приехавший в деревню «повый жилец».²¹⁷ М. А. Островская привела интересный случай такого передела в деревне. В сентябре 1657 г. один из жителей дер. Кобылкиной, видимо, нашедший несправедливым распределение земли, добился указа земскому судье разделить землю «по паем против государству платежу и письменных крепостей». Деревенцы (6 дворохозяев) решили произвести раздел «полюбовно»: подворную землю, огороды, поля и вспомогательные угодья. Раздел шел, конечно, «по паям» и по «письменным крепостям», т. е. по нормам Судебника 1589 г.²¹⁸ Хотя дворохозяева названы здесь складниками, но они, несомненно, соседи.

Имеется документ — уже упомянутая нами веревная книга Николо-Коскошинской волости, где соседи 30 деревень поименованы складниками. Составители ее, начиная описывать деревню, указывают имя одного дворохозяина (редко двух) с добавлением слов «со складником» или «со складниками», а далее приводят перечень всех земель деревни, не подразделяя их, как в других веревных книгах, на владения отдельных дворохозяев. Однако и общего (целой деревней) владения здесь не было. Выше была приведена «Книга борчая» Николо-Коскошинской волости Алексея Корнилова 1695 г., согласно которой определенный надел (измеренный в веревках) числился за каждым двором волости, а это указывает на крестьян-соседей. Купля-

продажа земли крестьянами Николо-Коскошинской волости также свидетельствует о владении землей каждым дворохозяином. При чем документы восходят почти к началу XVII в. 21 июля 1608 г. крестьянин Оброс Белянкин Коскошинской волости продал поженку братьям Искрасовым, оговорив, что «ни род, не племя» в пожню вступаться не должны.²¹⁹ В августе 1609 г. продал «орамую и кошебную землю» в «Мартушеве острову» попу Семену Карпову коскошинец Олферий Парфеньев.²²⁰ В мае 1617 г. была совершена новая купчая на земли в Залесье Коскошинской волости.²²¹ В сентябре 1635 г. дядя продает племяннику, тоже жителю Коскошинской волости, «свое владение, свою долю Исаковской и Бураковской деревень, и с прикупными землями, и со всеми деревенскими угодья, с лесными ужожами и рыбными ловищами».²²² Судьба коскошинской деревни Агафоновской отразила и подвижность крестьянского владения, и его неустойчивость, и даже живучесть. 6 февраля 1653 г. Федосий Васильев продал дер. Агафоновскую крестьянину-коскошинецу по купчим отца Василья, который купил эту деревню у братьев Шитиковых. Перечень переданных покупателю документов показывает, что братья Шитиковы купили ее у некоего Ивана Обросимова, а тот в свою очередь — у некоего Филиппа Истомина и Павла Сопа (земли на Чаче). Пять сделок, как видим, совершены на землю одной деревни. Примечательно, что эти сделки совершены в узких хронологических рамках — за 8 лет. Как указано в купчей 1653 г., дер. Агафоновская в писцовой книге «записана в пустошь».²²³ Действительно, в 1623 г. (в год описания) это «пустошь», «что была дер. Агафоновская», пашни перелогу «худой земли 3 чети в поле, а в дву потому ж», 10 копен сена, лесу непашенного одна десятина.²²⁴ Пустой дер. Агафоновская зафиксирована и в переписной книге 1646 г.²²⁵ Выходит, после 1646 г. деревня «оживла», а в 1653 г. перешла в чужие руки. Что было с ней дальше, неизвестно, но при переписи 1678 г. она названа снова «пустошью».²²⁶ В документах дер. Агафоновской о складниках и помину нет. Без всякого упоминания о складниках совершена сделка в апреле 1675 г., по которой брат продал брату, Сергею Минину, в Коскошинской волости «отца своего Мины благословение» в Исаковской деревне четверть с двором и со всеми землями, получив 26 руб.²²⁷ Не упоминает складников и купчая 1677 г., составленная накупне веревной книги 1678 г. Тогда 2 крестьянина Заозерской волости продали

²¹⁴ Судебники XV—XVI вв., с. 402.

²¹⁵ Там же, с. 413.

²¹⁶ Там же, с. 404.

²¹⁷ Там же, с. 402.

²¹⁸ Островская М. А. Земельный быт сельского населения..., с. 126, см. также с. 135, 136. — Многочисленные указания актов на то, что складники обязуются пропускать друг друга через свои полосы («и по полосам складниками Трифону ездить снопом и с повозом по простому месту безпенно, а складником по Трифонове земле ездить безпенно снопом и с назмом по простому месту»), свидетельствуют также о соседях, называемых складниками (там же, с. 126, примеч. 3).

²¹⁹ ИРЛИ, Древлехранилище, кол. Зыкина, № 3.

²²⁰ Там же, № 4.

²²¹ Там же, № 5.

²²² Там же, № 8.

²²³ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 160.

²²⁴ ЦГАДА, ф. 1209, п. к. № 11, л. 17.

²²⁵ ЦГАДА, ф. 137, Архангельск, № 1, л. 501 об.

²²⁶ Там же, № 15051, л. 610 об.

²²⁷ ИРЛИ, Древлехранилище, кол. Зыкина, № 11.

коскошинецу Ивану Семенову Парфеньеву в Коскошинской волости «новую роспашь на Чаче реке, что они ранее купили у коскошинеца Якова Яковлева».²²⁸ 14 октября 1678 г., видимо, брат Ивана Семенова Герасим Семенов Парфеньевых продал сенокосные угодья на Чаче по старым купчим Ивану Асонову за 54 руб.²²⁹

Данные «Книги борчей» и описанные сделки на земли в Николо-Коскошинской волости свидетельствуют, что земли каждой деревни были «за межами», т. е. в участковом владении за дворами. Деревни этой волости не были складническими. Правда, внутри отдельных деревень веревная книга фиксирует складнические союзы.²³⁰ Они вводились составителями веревной книги также именем дворовладельца с добавлением слов «со складники» или «со складниками» и представляли собой союзы, владевшие, как правило, повинными, кошебными землями, вероятно, разделенными данным союзом складников. Распад этих микро-складнических союзов приводил к образованию так называемых «собинных земель» в волости, которыми считались земли, разделанные крестьянином (в складническом союзе или индивидуально) и служившие добавкой к основному наделу.²³¹

Чтобы показать, как выглядят в веревной книге внутридеревенские складнические союзы, приводим описание дер. Онисимовской (табл. 6).

Итак, в дер. Онисимовской было, вероятно, 10 дворохозяев-соседей, в их владении было 546 веревных сажел. В деревне имелось три складнических союза, обладавших 168½ сажелями, 8 дворохозяев имели «собную землю», насчитывавшую 70½ сажени. Прокопий Ермолин имел «собную землю» в 13 местах: 7 повинок, 1 поворосятство, 3 паволока и 2 кошебные земли. Названия их и ничтожные размеры позволяют предполагать, что эти земли Ермолин расчистил (одни или в составе распавшегося складнического союза) из деревенских угодий. Часть их использовал под пашню и сенокос. По документам, через 40 лет «собинные земли» шли в общедеревенский фонд.

²²⁸ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 31, № 173.

²²⁹ Там же, карт. 32, № 227. — По переписной книге 1678 г., Герасим Семенов с сыном записан в дер. Иваницкой Коскошинской волости. Хозяйство Герасима Семенова, видимо, шло не совсем гладко. 9 января 1679 г. он занимает у старца Антониево-Сийского монастыря 5 руб. Часть денег Герасим уплатил в 1683 и 1684 гг., уступив за остальные каурого мерина (там же, карт. 33, № 3).

²³⁰ На такие складнические союзы внутри деревни указала М. А. Островская (Земельный быт сельского населения..., с. 139, 140).

²³¹ Отказ складников разделить освоенную землю крестьянин считал делом аномальным. В 1643 г. крестьянин жалуется на своих складников, что они не делят с ним «землю на новине, которую они все вместе расчищали и выпрятали по вытню» (РИБ, т. XIV, № 340). М. А. Островская «собинные» земли называет «личной собственностью» крестьянина, их происхождение — расчистка и купля (Островская М. А. Земельный быт сельского населения..., с. 137—138).

Таблица 6
Распределение земли в дер. Онисимовской
в 1678 г.

Владелец	Число участков	Количество земли (в веревных сажелях)
«У Калины Фокина да у Прокопия Ермолина с складники»	47	546
«У всех складников и у Даниила Герасимова»	3	26
«У Иппифора Иванова со складниками»	8	34
» » » «собной»	3	8
«У Калины Фокина с братией»	14	98½
» » » «собной»	3	8½
«У Прокопия Ермолина собной»	13	26½
«У Нестора Фокина собной»	10	19½
«У Ивана Андреева собной»	2	2½
«У Василия Спиридонова собной»	1	2
«У Ивана Олферова собной»	2	4½
«У Якима Автономова собной»	1	1
Итого	106	777

Конечно, дер. Онисимовскую, как и остальные деревни Николо-Коскошинской волости, нельзя назвать складнической. Внутридеревенские складнические союзы охватывали небольшую часть земельного фонда и скоро распадалась.

Изучение деревни в демографическом и хозяйственном плане показало, что в XVII в. сельские поселения на Севере укрупняются. Население крестьянского двора умножается. Деревня, как и прежде, является единым поземельным целым со сложной структурой, определяющая черта которой — чересполосность. Для социального развития деревни важное значение имело неравенство крестьянских паделов — образование в деревнях и волостях относительно многоземельной крестьянской верхушки и значительного слоя безземельных крестьян. Поземельное единство деревни сочеталось с подворно-участковым владением. Деревня XVII в. не была долевого. Не была она и складнической, хотя складнические отношения в деревне были широко развиты.²³²

²³² Среди многообразных складнических формул есть и такая: «а купил есми ту землю и с лошадыю..., и в той лошади Давыду два жеребья, а Харитону третей жеребей» (Островская М. А. Земельный быт сельского населения..., с. 125, примеч. 3).

Занятия крестьян

Земледелие

Обобщающие специальные очерки крестьянского хозяйства XVII—XVIII вв. дамы в работах Ф. И. Резникова¹ и П. А. Колесникова.² Первый изучал земледелие и животноводство Подвинья, второй — более широкого района Севера. Оба автора в своих характеристиках отдельных отраслей крестьянского хозяйства исходят в основном из источников XVIII в., а именно из богатейшего описания Архангельской губернии 1785 г. Такое перенесение наблюдений и выводов на более ранний период — на XVII в. — при медленных изменениях хозяйственной жизни мы считаем возможным.

Хронологические же рамки нашей работы предполагают изучение материала по крестьянскому хозяйству именно XVII в.

Как и в предыдущее столетие, в XVII в. главной отраслью крестьянского хозяйства было земледелие. Крестьянин цепко держался за земельные угодья, отцовские его предками у лесов и болот.³ Земля давала хлеб и корм скоту, которого в крестьянских хозяйствах было значительное количество, так как без органического удобрения во всем районе земледелие было просто невозможно.

Район Европейского Севера от Ладожского и Онежского озер и до верховий Камы, охватывающий течение Сухоны, нижней Вычегды, имеет почвы подзолистые, в сочетании с болотными. Такие же почвы отмечаются по течению Пинеги и Мезени. В нижнем течении Двины залегают болотисто-подзолистые, подзолистые и торфяно-подзолистые почвы. В бассейне среднего течения Вятки и ее притоков преобладают глинистые, суглинистые, су-

песчаные почвы, в холушицко-вятских районах встречаются дерново-карбонатные неоподзоленные и оподзоленные почвы, отличающиеся плодородием. По классификации современной агрономической науки, почвы изучаемого региона в общем мало плодородны, лишь в бассейне р. Вятки земли отличаются более высоким качеством. Такими почвы были и в XVII в., что подтверждается свидетельствами современников (имею в виду оценку земли в писцовых книгах того времени). Писцы, как известно, определяли землю по качеству: «добрая», «средняя» и «худая». При субъективности⁵ этих оценок в отдельных случаях в массовом виде они, несомненно, отражали в общей форме качество земли описываемого уезда (табл. 7).

Таблица 7
Оценка качества земель
в писцовых книгах*

Уезд	Год описания	Добрая земля	Средняя земля	Худая земля
		(в четвертях)		
Двинской	1623	33	4486	2905
Тотемский	1623	—	446	9483
	1678	—	433	8837
Устюжский	1623	—	29979	1808
	1676—1683	—	3035	19860
Сольвычегодский (вотчинные земли)	1645	—	995	480
	1678	—	4517	3391
Копытская часть Вятского уезда	1645	304	774	154
Вятские уезды	1629	13132	2828	1050

* Таблица составлена по публикации П. А. Колесникова «Северная Русь».

Из таблицы видно, что большой массив доброй земли писец обнаружил в вятских уездах, здесь она составляла 78%, средние — 16%, а худые — 6%. Обратная картина наблюдается в Тотемском уезде, где худые земли достигали 95.6%, средние — 4.4%, а добрых вообще не было. Почти такое же соотношение худых и средних земель зафиксировало описание Устюжского уезда 1676—1683 гг.: первых было 86.8%, вторых — 13.2%. Правда, по описанию 1623 г., соотношение обратное: 94.5% — средних, 5.5% — худых. Объяснить это ухудшением земель между описаниями вряд ли возможно, скорее всего это зависело от писцов, более строгих в 20-х гг. и более покладистых в 70-х гг. Может быть, подкупленные писцы 70-х гг. снижали оценку земли, желая облегчить налоговый оклад. В остальных уездах преоб-

⁴ Природа Кировской области. Волго-Вятское изд., 1967, с. 163 и след.

⁵ См.: Колпанев А. И. История землевладения Белозерского края в XV—XVI вв. М.; Л., 1951, с. 11—12.

¹ Резников Ф. И. Земледелие в бассейне Северной Двины в XVII—XVIII вв. — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1960, сб. IV, с. 67—104.

² Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 274—306.

³ Как крестьянин стремился увеличить свою пахню, видно из следующего факта: в 1677 г. в мае по жалобе монастырского старца сотский с понятыми Черевской волости установил, что один из крестьян в свою пользу «пласт отвалил» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 32, № 40).

ладали средние земли, хотя и худые достигали 30—40%. В Чарондской округе преобладали худые земли. Здесь писцы обнаружили средние земли в отдельных деревнях лишь в 6 из 30 волостей, в остальных были только худые земли.

Как видим, оценки земли, данные писцами XVII в., в общем не противоречат почвенным картам нашего времени. Эти обобщенные характеристики земель не противоречат и оценке земель, даваемой самими крестьянами в веревных книгах. Крестьяне обычно вводили 4 градации земли: добрая, середняя, плохая, худая («добре худая», «самая худая»), причем по этой шкале оценивались пашня и сенокосы. Например, в вотчине Архангельского монастыря, по веревной книге 1690 г., доброй пахотной земли было 31.8%, средней — 33.8% и плохой — 36%; сенокосов — соответственно 19.5, 30.5 и 50%.⁶ Кроме того, часть земель (примерно 3%) обозначена как худая.⁷ Крестьянская оценка земли, в отличие от писцовой, более детализирована. Очень часто для одного и того же участка даются 2—3 оценки. Например, на участке одного хозяина в Заворотном поле (дер. Верхнее Рыбалово) площадью менее полдесятины веревщики намерили 5 сажен доброй земли, 5 сажен средней и 3 сажени плохой.⁸ Земледельческий опыт позволял крестьянину дифференцировать земли по качеству по широкой шкале оценок: горные, луговые, низинные, прилегающие к лесу, к болоту. Этим определялись и труд, и целевое использование земли. Лучшими считались горные земли. Именно их выговорил себе подрядчик Антопиево-Сийского монастыря в 1674 г. для посева «на себя полмеры жита», «полмеры» конопля и льну «полрешета».⁹ Горные средние земли могли оправдать, по расчетам подрядчика, его труд.

Итак, в северных уездах преобладали земли малоурожайные, «худые» и «средние», лишь в более южных, вятских, уездах значительную часть составляли добрые, следовательно более урожайные, земли.

По форме земледелия XVII в. в северных уездах следует характеризовать как интенсивное. По наблюдениям П. А. Колесникова, основной фонд удобных земель по северным рекам был освоен и возделан в течение XV—XVI вв. В XVII в. расширение земельных площадей шло за счет небольших «причистей» в лесах, прилегавших к деревенским полям. Старопахот-

ный фонд, определившийся в прошлые века, оставался материальной базой крестьянского земледелия. К нему прилагали свой труд три поколения крестьян XVII в.

Паровая зерновая система при трехпольном севообороте и унавоживании полей, которой неукошительно следовал северный крестьянин в XVII в., позволяла восстанавливать и повышать плодородие земли, следовательно, интенсифицировать ее использование. Что эта система была господствующей в изучаемом районе, источники не оставляют сомнения. Исчисление писцами нашей формулой «в одном поле» (столько-то), «а в два потому ж», употребляемое в писцовых книгах XVII в. всех уездов, является наиболее общим показателем повсеместно существовавшего трехполья.¹¹ Об этом же свидетельствует формуляр порядных грамот XVII в. Обязанность порядчика «орати, и сеяти, и пары парити» с непременно добавленным и «повоз возити» показывает, что земледельческое хозяйство вне системы трехполья не мыслилось ни сдающим, ни берущим землю в поряд. Об этом же говорит и обязательное в порядных указание оставлять под паром треть земли в «выходный год», т. е. в год прекращения порядка, чтобы не нарушался трехпольный севооборот в будущем, при новом порядчике.

Для З. А. Огризко трехполье в Устюжском уезде несомненно. Однако она допускает наличие и подсеки, так как в половничьих порядных постоянно фигурируют обязательства порядчиков «высечь новины и выжечь», распахать на «молодых», «скоростела», «дерби», т. е. в лесных зарослях. Отметим, что такие обязательства брали на себя и порядчики других мест. Но при господстве трехполья как основной системы земледелия подсека являлась одним из способов увеличить поля и угодья отдельных деревень. «Конечно, — говорит З. А. Огризко, — это не была „подсеčno-огневая система земледелия“».¹² Подсека как способ освоения новых земель из-под леса сопутствовала русскому крестьянину Севера столетия. Видимо, на ранних стадиях заселения подсечная система была основной и единственной системой земледелия. Но в последующее время, с увеличением площади распаханых полей, для крестьянина открылась возможность «запускать землю в залежь», на отдых, на значительно более короткий срок, чем при подсеке (вырастить лес), и таким образом интенсифицировать использование уже разделанных полей. От

⁶ Коланев А. И. Крестьяне вотчины Архангельского монастыря по веревной книге 1690 г., с. 145.

⁷ Материалы по истории крестьянского хозяйства..., вып. IV, с. 367—434.

⁸ Коланев А. И. Крестьяне вотчины Архангельского монастыря по веревной книге 1690 г., с. 144.

⁹ «Худая» земля обычно указывается на «рощистях». Так, в веревной книге 1677 г. указано — «причисти новой самой худой земли с пенем 2 сажени» или «новой рощисты с пенем и с ключем худой земли 3 сажени» (БАН СССР, РО, Арханг. собр. Д № 782, л. 3, 4).

¹⁰ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 30, № 143.

¹¹ М. В. Слободин считает «неправильным» полагаться на писцовую формулу как на доказательство паровой системы в форме трехполья, но признает, противореча себе, что эта формула свидетельствует о распространении паровой системы как «общепринятом и наиболее обычном способе использования земли» (Слободин М. В. О возникновении и развитии паровой системы земледелия на территории России в период феодализма. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963 г. Вильнюс, 1964, с. 160).

¹² Огризко З. А. Зерновое хозяйство половничков Троице-Гледенского монастыря в XVII в. — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1960, с. 9—10.

залежной системы в условиях лесистой местности, где каждый клочок новой земли стоил огромного труда, к паровой системе — один шаг.¹³ Восстановление плодородия поля за один год путем специальной обработки и внесения удобрений (пара) открыло большие возможности для земледельца постоянно поддерживать качество полевой земли и вести, следовательно, зерновое хозяйство на старопахотных землях деревни. Экономические преимущества паровой системы (в Подвинье она установилась, по мнению Л. В. Даниловой,¹⁴ в XIV—XV вв.) обусловили то, что северный крестьянин нес ее во вновь осваиваемые районы. Так, в XVII в. паровая система была повсеместным фактом в вятских уездах, усиленно заселяемых тогда. В первые два десятилетия XVII в. «на черном лесе» возникает волость Совьинская. Описание 1629 г. отмечает здесь 12 деревень, 3 починок, 2 займища и погост. Хотя деревни обозначаются писцом как «деревня, что был починок» (т. е. возникли они недавно), тем не менее размер пашни фиксируется формулой «в одном поле, а в два потому ж», т. е. формулой, характерной для трехполья. Этой же формулой обозначается земля на починок, только что поставленных перед писцом. Например: «Починок Павлика Герасимова да Васьки Минчакова ... стал в 136 году, во льготу до 140 году. Пашни пахатные добрые земли осмина в поле, а в два потому ж».¹⁵ Следовательно, только что распаханый починок уже завел паровое земледельческое хозяйство. Описание запустевших селений (в отношении их земель) ведется теми же формулами, что и живущих. При описании 11 пустых деревень, 21 починок, 3 займищ и 23 пустошей Чистянского стана в 1629 г. писец фиксирует в каждом бывшем селении то «пашню перелогом», то «пашни перелогом да лесом поросло», то «пашни лесом поросло» и всегда с указанием ее количества в трех полях, что свидетельствует о трехпольном севообороте.¹⁶ Трехполье запечатлели и веревные книги. В них веревщики измеряют прежде всего землю каждого

¹³ М. В. Слободин основной причиной возникновения и распространения паровой системы считает «усовершенствование пахотных орудий, сделавшее возможным уничтожение сорной растительности в пару в течение одного года» (Слободин М. В. О возникновении и развитии паровой системы земледелия..., с. 160). Вряд ли, однако, Слободин прав, отрицая полностью влияние такого фактора, «как рост плотности населения», ибо он, несомненно, толкал крестьянина интенсифицировать использование земли.

¹⁴ Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения в хозяйстве в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, с. 214—229.

¹⁵ Труды Вятск. арх. ком. 1916 г. 1917, вып. III—IV, с. 129. — Требования властей к поселяющимся «на черном лесе» показывают, что власти мыслили вокруг каждого такого поселения образование полей. Так, в 1662 г. в Хлынове в съезжей избе некий Сенька Гребенка подал челобитную воеводе И. М. Кайсарову — предоставить ему «черный лес раменье», которым никто не владеет. Просьба была удовлетворена, но поселявшийся обязывался за три льготных года «на том раменье пашню распахать, двор поставить и поля огородить» (Труды Вятск. арх. ком. 1914 г. 1914, вып. I, с. 223—225).

¹⁶ Там же, 1916 г., вып. III—IV, с. 43—53.

дворохозяина в полях (в двух, чаще всего в трех), а далее дают перечень мелких участков, разбросанных по территории деревни. Например, в веревной книге Николо-Коскошинской волости 1678 г. из 28 деревень в 15 пахотные земли составляли 3 поля, в 5 — 2 поля, в 6 — одно поле. В деревнях Ионинской и Калигинской было в первой 4, а во второй — 5 полей. Образование полей как единых пашенных площадей, разделенных между дворохозяевами деревни, предполагает существование совершенной по тому времени системы земледелия — паровой.

Ф. И. Резников установил, что в зависимости от местоположения «паровая зерновая система земледелия осуществлялась в форме трехполья и двухполья». Доказательство этого Резников видит в предписании порядной записи 1698 г. порядчику «в срочной отжилой год оставить треть земли паром на горе, орав трою летом и с назмом», а островной земли — «половину паром, орав двою летом».¹⁷ Оставляемая под пар доля («треть» и «половина») позволяет заключить, что (на горных землях был трехпольный севооборот, на луговых — двухпольный. Приведенная Резниковым порядная не единична. В порядных Никольской церкви 1662 и 1668 гг. повторяется та же формула: «а в лугу паров половина, двою орати и выбороня» — в первой; «а в острове паров ставити половина двеплужного» — в другой.¹⁸ На горных землях пар уваживался повсеместно, так как во всех порядных это зафиксировано как обязанность порядчика. Унавоживание островных луговых земель не было всюду обязательным. В положительном смысле — о вывозе навоза на эти земли — говорят редкие порядные. Например, в порядной Троицкой Ухтоостровской церкви 1678 г. говорится: «Под пар землю горную и луговую пахать, орать трою и назем возить». Сдавая ту же деревню в 1688, 1698 и 1700 гг., церковь включает это требование в соответствующие порядные.¹⁹ Приведенные примеры показывают, что утверждение Резникова о неудобрении островных земель, так как они удобрялись илом во время паводков, нельзя признать полностью.²⁰ В благоприятных условиях навоз вносился и здесь. Навоз как удобрение высоко ценился крестьянином. При сделках крестьяне продавали навоз вместе с землей, двором и отдельно.²¹ Особое внимание навозу уделяли при порядке крестьян. Поряжающие

¹⁷ Резников Ф. И. Земледелие в бассейне Северной Двины в XVII—XVIII вв., с. 75—76.

¹⁸ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 240, 257.

¹⁹ Там же, № 48, состав 3—7, 12.

²⁰ Резников Ф. И. Земледелие в бассейне Северной Двины в XVII—XVIII вв., с. 76.

²¹ В купчей от 27 июля 1640 г. говорится, что продана земля и часть дворовых построек «оприч навозу». Из урожая продавец берет себе «житную солому», а ржаную оставляет покупателю, чтобы тот мог накашивать навоз для следующего года (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 129). В купчей 1644 г. продается двор «оприч овина и навозу», который ему надлежало «вывести себе... на свою землю» (Архив ЛОНИ СССР, ф. 5, карт. 17, № 50).

обязывали порядчиков в обычной форме пар «вынавозить», «навоз возить и запахать», но иногда порядчики обязывались получить землю «назвать так же как свою собственную землю пашем и назем» (порядная 1603 г.),²² «назму на сторону не свозить» (порядная 1691 г.),²³ «назму с твоей деревни на свои пашни не свозить, на сторону не продать» (порядная 1678 г.).²⁴ Раз порядные грамоты, составленные в разных уездах Севера, обязательно включали условие уважения земли, то можно предположить, что в крестьянских хозяйствах навоз как удобрение применялся повсеместно. Органическое удобрение и паровая зерновая система были важнейшими условиями успешного земледельческого хозяйства в неблагоприятных почвенно-климатических условиях Севера. По источникам трудно решить, доставало ли навоза земледельцам. Исходя из запасов корма, который мог быть собран с сенокосных угодий Папиловской волости во втором десятилетии XVII в. и в вотчине Архангельского монастыря в 1690 г., мы высчитали условное количество скота и производимого навоза и пришли к заключению, что как в волости, так и в монастырской вотчине навоза почти хватало для парового поля.²⁵ К этому же выводу пришел П. А. Колесников, рассчитав накопление навоза от наличного скота в хозяйствах зажиточных крестьян Тотемского уезда середины XVII в.: «Наличный скот давал возможность ... удовлетворить полностью потребность в органических удобрениях ... и даже частично продавать».²⁶

Земля обрабатывалась тщательно. Об этом свидетельствуют все порядные грамоты: во-первых, включенном в текст обычной формулы, обязывавшей порядчика «пахати добро и безоухльно»; во-вторых, конкретными указаниями на этот счет. Правда, эти конкретные указания относятся только к паровому полю, которое порядчик должен оставить, уходя с земли. Порядчик был обязан вспахать землю дважды (примерно в половине порядных)²⁷ и

трижды (в другой половине порядных),²⁸ а то и четырежды,²⁹ выборонить не один раз. Изредка пары на луговых землях пахали также три раза,³⁰ но чаще порядные говорят о двухразовой вспашке.³¹ Обязательным было боронование как средство неглубокой обработки почвы и как способ заделки семян при посеве. Боронование парового поля предписывают порядные, а наличие среди инвентаря крестьянского хозяйства борон подтверждает повсеместность этого приема обработки почвы.³²

Многообразная обработка парового поля (глубокая — при вспашке, более поверхностная — при бороновании) с внесением навоза способствовала накоплению влаги и питательных веществ в почве, образованию благоприятной структуры почвы, улучшала ее аэрацию. Крестьянский труд и паровая система земледелия обеспечивали даже в неблагоприятных условиях Севера устойчивое плодородие почв и определенный уровень урожаев.

Источники показывают, что крестьяне стремились улучшать физическое состояние полей. Порядные обязывали порядчиков прочищать старые канавы и рыть новые,³³ видимо для отвода вод, уничтожать «кустовые», т. е. кустарники, наступавшие на пашню,³⁴ убирать камни, «пенья и коренья».³⁵ Постоянными требованиями к порядчикам были обязательное огораживание полей, угодий и остожей и заготовка кольев и жердей впрок,³⁶ вероятно,

²² «Переорать пары трою» (Образцов Г. И. Оброчные и порядные записи..., с. 111—113), «под пар землю орать трою» (1648 г.), «под пар землю горную и луговую пахать и орать трою» (1678, 1688 гг.), «орать и выборонить трижды» (1644 г.).

²³ «Горные пары орать по трою, а четвертая под рожь» (1674 г.); «пахати землю доброю пашню как в людях водится... а назем возити и пары парити на горе в четвертые под рожь, а луг трижды орати» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 30, № 143). Порядная 1652 г.: «А нам, третником, пары орати летом четырежды, в первые под назем, и назем из двора вывозити и заорати дважды, а третий под рожь» (Образцов Г. И. Оброчные и порядные записи..., с. 127). Порядная 1674 г.: «А назем возити и пары орать и парити на горе, в четвертые под рожь орать, а лугу трижды орать» (там же, с. 159).

²⁴ «А луговые пары орати по трою же» (1674 г.).

²⁵ «На горе треть паров с назмом трою орати и выбороня, а в лугу паров половина и двою орати и выбороня» (1662 г.).

²⁶ «В выхожий год землю на горе парити, треть орати с назмом трою, борошить двою, в островах орати двою, борошить однажды» (1678 г.); «Землю орати и бороштити безоухльно» (1661 г.); островную землю «оставити половина паром», «орать 2 раза, бороштити 2 раза» (1661 г.). Замечание Е. И. Индолой, что боронование в XVII в. придавалось меньше значения, чем в XVIII в., не может быть распространено на Север (Индолова Е. И. Земледельческая практика в центре России XVIII в. — В кн.: Из исторического опыта сельского хозяйства СССР. М., 1969, сб. VII, с. 39).

²⁷ «Водяные проходы, борозды вновь копати и старые прочищать» (1671 г.), «Борозды в полях чистити» (1674 г.).

²⁸ «Кусты на пожнях очищать... лес на полосах вычистить» (1674 г.).

²⁹ В первые 5 лет «черного лесу расчистити и пень и корень вывести», «под сенокос вычистити на 10 куч», где «миру годно» (1683 г.).

³⁰ Пустошь «пахати, и орать, и сеять, и обгораживать, и огород ставить по старым межам» (1641 г.). «Колья и жерди не свозити и прибавляти» (1637 г., 1652 г.).

²² Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 6, № 77.

²³ Гос. архив Арханг. обл., ф. 57, оп. 2, т. 1, № 327.

²⁴ Там же, ф. 1403, оп. 1, № 110. — В порядной 1670 г. сказано: «В свои деревни назму не возити, соломы не продавати» (там же, ф. 1408, оп. 1, № 266). Солома ценилась как подстилка для накопления навоза. В порядной 1667 г. говорится: «А солома и мякина вся с твоей деревни из всего сеного хлеба нам, порядчикам, для деревенского сенового навозу» (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 221).

²⁵ Колесников А. И. 1) Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 165; 2) Крестьяне вотчины Архангельского монастыря по веревной книге 1690 г., с. 145.

²⁶ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 289.

²⁷ «Двою орати плугом» (1609 г.), «орати двою» (1627 г.), «оставить треть земли двоеплужной» (1630 г.), «оставить треть паров двоеплужных» (1630 г.). В большинстве порядных употреблено «двоеплужная» пахота, реже — «двоесопная» пахота (1677 г. — РИБ, т. XXV, Лодом. акты, № 364—366); «орать двою плугом» (1629 г.).

для того, чтобы следующий порядчик смог сразу же «крепить огороды». Исправная изгородь вокруг полей позволяла крестьянам использовать их в разное время под выпас скота: паровое поле — в первую половину лета, ржаное поле — в августе—сентябре, яровое поле — осенью. Огороженные стога позволяли пускать скот на оттаву и луга.

Важнейшей частью системы земледелия является севооборот, т. е. чередование культур. Для обширного района Севера это было чередование озимой ржи и яровых культур — ячменя и овса. Смена культур оказывала благоприятное влияние на урожай, увеличивала его в 1.5—2 раза. Это по опыту знал каждый крестьянин, поэтому севооборот им выдерживался. В порядных порядчик обязывался в последний год оставить «треть паром ... треть подпарьем и треть высевком».³⁷ Под первым разумелось поле, подлежащее засеиванию рожью, под вторым — ржаное поле, под третьим — поле, засеянное яровыми — овсом или ячменем. Только при этом порядчик мог оставить землю «доброй, а невыпашком», что и звучало как требование в порядных.³⁸

Ф. И. Резников, основываясь главным образом на материалах переписи 1785 г., установил, что при паровой системе земледелия в Архангельской губернии существовало пять различных типов севооборотов: 1) пар—ячмень, 2) пар—ячмень—ячмень, 3) пар—рожь и ячмень—ячмень, 4) пар—рожь—яровые, 5) пар—рожь—ячмень—ячмень. Автор распространяет эти типы севооборота и на XVII в., что не противоречит источникам того времени.

Документы XVII в. и по другим областям Севера показывают, во-первых, преобладание посевов ячменя в наиболее северных районах и уменьшение их в более южных, во-вторых, возрастание в посевах доли ржи с севера на юг. Такое соотношение культур согласуется с географическим размещением указанных типов севооборотов: на севере преобладали первый и второй, в центральных и южных районах — третий—пятый, с постоянно возрастающей долей ржи. Существовавшие типы севооборотов показывают явное предпочтение крестьянина к посевам ячменя. Это объяснялось тем, что ячмень имел короткий вегетационный период и был способен давать урожай при двух- и даже при трехкратных посевах на удобренной земле. При двупольном севообороте ячмень был единственной культурой, а так как двуполье применялось на низинных, заливаемых весной местах, закосных илом, то и постоянного удобрения навозом посевы ячменя не требовали. Ячмень в северных районах был почти

³⁷ Порядная 1668 г.; «оставит треть под паром, треть высевком, треть подпарьем» (1678 г.); «Треть паром двоеплужным, треть подпарьем, треть высевком» (1672 г.).

³⁸ Порядная 1690 г.; термин «выпашка» означал оскудение земли при неправильном ее использовании: при посевах без внесения удобрений, при посевах одних и тех же культур несколько раз. Этому термину противостоял термин землю не «запустошить» — т. е. не забросить, «не зарастить лесом».

мопокультурой. Это показывают данные о сборе разных культур в 1682 г. в Загорском стане, находившемся в 15 верстах от Холмогор.³⁹ С деревень этого стана собрано в пользу архиерейского дома в качестве «пятого снопа» 2348 суслонов ячменя и 137 суслонов ржи, в Чухченемской волости — 5282 суслона ячменя и 193 ржи, с посевов около Холмогор — 2560 суслонов жита и 330 ржи. Так как «пятый сноп» собирался пропорционально посевам, то мы можем высчитать, что посев ржи составлял только 6.8%, а ячменя — 93.2%. Такое же соотношение ячменя и ржи существовало в околгородных волостях. Так, в сохранившихся приходо-расходных книгах Богоявленской и Троицкой церковью с Ухтоostrova оброк с порядчиков собирался почти исключительно ячменем.⁴⁰

Однако какое-то количество ржи здесь сеялось. Так, по счету церковного приказчика 30-х гг., в троицкой казне числилось 556 мер ячменя и 39 мер ржи,⁴¹ да и в продаже в обеих церквях Ухтоostrovsкой волости были и жито, и рожь, последней, правда, мало. В дер. Большой Николо-Корельского монастыря (к северу от Ухтоostrova) среди хлебных запасов в 1682 г. было 189½ меры жита и лишь 4½ меры ржи, а посеяно на полях 103 меры ячменя и 11 мер ржи.⁴² На следующий, 1683 г. здесь было посеяно 6½ меры ржи и 88½ меры ячменя.⁴³ Картина посевов меняется, если мы обратимся к более южному, Устюжскому уезду. По посевной книге 1698 г., половники Троице-Гледенского монастыря в 63 деревнях сеяли ржи 1111 мер, овса — 2402 меры, ячменя — 239 мер.⁴⁴ Приблизительно то же соотношение высеваемых культур наблюдается и у крестьян. Оценивая сбор хлеба половников Гиндина в 1679 г., подьячий Устюжской приказной избы указывает, что в житницах у них было 33½ меры ржи, 78½ меры ячменя и 58 мер овса.⁴⁵ Процентное соотношение посевов зерновых культур, установленное Н. А. Горской для вотчин Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей на первое десятилетие XVII в. (для первого ржи — 38.3%, овса — 48.87%, ячменя — 10.66%; для второго — соответственно от 20 до 31%, от 55.2 до 66%, от 5 до 11%), можно отнести ко всем южным

³⁹ Гос. архив Арханг. обл., ф. 831, оп. 1, № 15. — В 1698 г. в Троицкой Ухтоostrovsкой церкви было собрано 190 мер ячменя, а продано и роздано 170 мер ячменя. О ржи даже нет упоминания.

⁴⁰ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1403, оп. 2, № 8а. — В 1691 г. в счетном списке Дмитровской церкви Куростровской волости сказано: в церковном амбаре ячменя 147 мер, ржи — 1½ меры, приход от порядчиков с деревень — 23 меры ячменя и одна мера ржи (Архив ЛОИИ СССР, ф. 77, № 35).

⁴¹ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1404, оп. 1, № 28.

⁴² Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 263.

⁴³ Там же, № 300.

⁴⁴ Огизко З. А. Зерновое хозяйство половников Троице-Гледенского монастыря в XVII в., с. 9.

⁴⁵ ГПБ, РО, ф. 759, Гаврепские акты, № 178.

районам Севера и к наиболее южной его части — к вятским уездам.⁴⁶

Итак, на разрозненных примеров о соотношении высева основных культур — ржи, ячменя, овса — вырисовывается общая картина посевов в XVII в.: в северных районах (Нижнее Поволжье, Пинега, Мезень, Яренский уезд) преобладает ячмень, в более южных уездах — рожь и овес. Живший в Архангельске в 1618 г. английский ботаник Традескант Старший отметил среди высеваемых на севере культур пшеницу и горох.⁴⁷ Упоминания о высевах этих культур есть и в источниках. Так, на полях архиепископа Афанасия около Холмогор в 1682 г. было высеяно 2 куля пшеницы и нажато 88 сусловов;⁴⁸ указанные выше половники Троице-Гледенского монастыря сеяли 35 мер пшеницы; в посевах Кирилло-Белозерского монастыря пшеница занимала 2%, а горох — всего 0.16%. Посевы льна и конопли были тоже незначительны. В порядных порядки нигде не обязываются возделывать эти культуры, лишь изредка выговаривают право сеять на себя лукошко или пол-лукошка этих культур.⁴⁹ Необходимый для варки пива хмель выращивался чаще всего на одворьях, обычно хмель сажали около овинов. Судебник 1589 г. в статьях 159 и 160 говорит о деревенских хмельниках: в первой — хмельник не подлежит отчуждению в случаях передела земли в деревне; во второй — сосед может занять хмельник своей постройкой, возместив хозяина хмельника.⁵⁰ В зарослях на островах рос дикий хмель. Так, в царской грамоте 1684 г., подтверждающей владение Николо-Корельского монастыря сенокосами на островах Двины, упомянуты «хмельники несадовые, саморослые».⁵¹

⁴⁶ Горская Н. А. Зерновые культуры и их территориальное распределение в центре Русского государства к концу XVI—началу XVII в. — В кн.: Из исторического опыта сельского хозяйства СССР. М., 1969, сб. VII, с. 10, 13. — П. А. Колесников установил соотношение между посевами озимых и яровых культур для разных уездов: для Двинского — 1:4, Кеврольского и Мезенского — 1:3, Тотемского и Устюжского — 1:1.3, всех вятских уездов — 1:1. Как видим, соотношение в пользу яровых присуще тем уездам, где преимущественно высевался ячмень, и почти исчезало, когда основной яровой культурой был овес, например в вятских уездах (Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 282—283).

⁴⁷ Резников Ф. Н. Земледелие в бассейне Северной Двины в XVII—XVIII вв., с. 88.

⁴⁸ Гос. архив Арханг. обл., ф. 831, оп. 1, № 15.

⁴⁹ В 1682 г. среди хлебных запасов в одном селе Николо-Корельского монастыря отмечено: «семян конопляных 1 репето», гороху — «полрешета» (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 263). Порядная 1625 г. — «льну и реду на собишу пасоить» (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1403, оп. 1, № 45). В духовной Ариста 1617 г. жене завещается «треть хлеба и сена» (2/3 идут деревне), «а что конопля и льну сеяно на той же деревне, то сорвать ей же. Евдокии «сорвать самой на себя» (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 25).

⁵⁰ Судебник XV—XVI вв., с. 402.

⁵¹ Сб. ГКЭ, т. II, № 73. — Саморослый хмель крестьяне «щипали» в пойме Сухоны. В 1627 г. крестьянин Тотемского уезда, по показаниям

Из овощей повсюду выращивались капуста и репа. В приходо-расходных книгах монастырей много упоминаний о покупке этих овощей у крестьян. Например, в 1710 г. в Архиерейский дом было куплено у «заостровца» 100 «кочней капусты сырой».⁵² Ф. И. Резников говорит о разнообразии огородных культур и ссылается при этом на покупку в Москве Архиерейским домом в 1684 г. семян моркови, свеклы, бобов, петрушки, тыквы, мака, огурцов, лука и редьки.⁵³ Эти овощи здесь выращивались. Например, 27 августа 1691 г. монах-казначей доносил архиепископу Афанасию о выращенных тыквах «в садах» архиепископа (20 тыкв больших, 16 «меншей руки») и еще о несобранных других овощах.⁵⁴

Посев хлебных культур производился специально отобранным семенным зерном. Имеется большое число документов, в которых семена противопоставляются зерну, идущему на потребление. Так, в мае 1677 г. крестьянин Прилуцкой волости Никита Иванов под залог двух коров и двух быков занял у Антониево-Сийского монастыря «хлеба жита семенного доброго горного» 20 мер, «да ядебного другого жита 10 мер»;⁵⁵ тогда же (14 мая) другой крестьянин под заклад мерина и коровы взял у монастыря «жита семенного доброго горного 14 мер, да ядебного 4 меры».⁵⁶ В августе 1691 г. половник одного богатея Ларион Богряцов взял у Козьмеручьевского монастыря 18 мер «семенного жита доброго» и 14 мер «жита едебного, да меру ржи».⁵⁷ Не только, конечно, жито, но и рожь была семенная и «едебная». В 1677 г. бобыль берет в долг у монастырских старцев «меру ржи едебной».⁵⁸ Видимо, 9 мер ржи на еду взяли в мае 1677 г., когда сев был еще далек, трое крестьян Ухтоостровской волости, обязавшись «о Покрове» отдать долг монастырю или уплатить по 10 алтын за меру.⁵⁹ Итак, семена на посев приберегались в хо-

жен, «сехал в Пермь Великую торговати». Своим хмелем обходились и каргопольцы при поставке крупных партий вина в Кольский острог. Только в неблагоприятные годы хмель привозили «в Каргополь с Руси» (Сенигов О. П. Памятники земской старины, с. 298, 312).

⁵² В 1638 г. жительница Неноксы променяла келью (келья, клеть, заплот, ворота), которую она получила от матери в 1619 г., непокоцкому приказчику Антониево-Сийского монастыря за «огородец-капустник» (Архив ЛОИИ, ф. 5, карт. 6, № 63а, сстав 6—7).

⁵³ Резников Ф. И. Земледелие в бассейне Северной Двины в XVII—XVIII вв., с. 92.

⁵⁴ Там же. — В конце XVII в. крестьяне тайно разводили табак. В 1698 г. во все станы Двинского уезда была разослана память о том, что царь дал англичанам право торговать табаком в 1698—1699 гг., завезя его в эти годы 4 млн фунтов (8 тыс. бочек весом 500 фунтов каждая). В памяти говорилось: «А кроме их того табаку на Двине и у Архангельского города не садить и не растить, а если есть посадки, то их разорить» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 77, № 36, 37).

⁵⁵ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 32, № 37.

⁵⁶ Там же, № 39.

⁵⁷ Там же, кол. 47, оп. 2, № 336.

⁵⁸ Там же, ф. 5, карт. 32, № 44.

⁵⁹ Там же, № 43.

зайстве,⁶⁰ если их не хватало, то они приобретались даже под залог скота, в том числе и тяглового. На семена шло зерно, снятое с горных участков поля. Лучше обработанные, унавоженные, неподверженные вредоносным низинным туманам и ранним заморозкам, эти поля давали полновесное, вызревшее зерно, более высокого качества, чем островные и луговые земли. Горное зерно ценилось почти вдвое выше, чем луговое. В 1619 г. церковный приказчик Никольской церкви продал меру горной ржи за 6 алтын 2 деньги, а меру луговой ржи — за 3 алтына.⁶¹ Исходя из продажной цены на зерно, можно заключить, что крестьяне различали многие качественные его особенности. Так, в октябре 1617 г. никольский церковный приказчик продавал хлеб умершего прихожанина, завещавшего имущество церкви. По цене за меру различались «севогодущная» рожь (10 алтын), «севогодущное» жито (9 алтын), «севогодущное» луговое жито (5 алтын 4 деньги; 4 алтына 3 деньги; 4 алтына 2 деньги), старое жито (8 алтын),⁶² охвостное жито (10 денег), охвостное жито «плошнее» (4 деньги),⁶³ «жито зеленое недоходное» (4 деньги),⁶⁴ морозом побитое зерно,⁶⁵ сорное зерно и т. д. Такое понимание разноразличия зерна (в зависимости от времени хранения, места произрастания, степени зрелости и обработки), конечно, определило отношение крестьянина к отбору семенного материала. Установлено, что северный ячмень с коротким вегетационным периодом является результатом народной селекции.⁶⁶

Ботаник Традескант так определил сельскохозяйственный цикл северного крестьянина: «Рожь высевается в июле, а пше-

⁶⁰ При описании хозяйства одного половника в январе отмечено: «овса 4 меры, семенного овса 2 меры», у другого — «семенного ячменя» $8\frac{1}{2}$ меры, а овса — 14 мер (ГПБ, РО, ф. 759, Тавренские акты, № 178). Семела готовились еще зимой.

⁶¹ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 28, сстав 5. — Цена «горный» хлеб, Троицкая церковь требовала от порядчиков привозить его раньше, чем луговой. Порядная 1677 г. обязывает порядчика «горный хлеб в казну привозити на Николин день осенний, а островский хлеб ... отдать на Рождество Христова безпереводно» (там же, № 221).

⁶² Там же, сстав 1—4.

⁶³ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1403, оп. 2, № 8а, л. 5. — Соотношение доброкачественного и охвостного жита устанавливается по продажной записи 1617 г.: половник выплатил со своей деревни $14\frac{1}{2}$ меры ржи, а охвостной — 2 меры, последней было немногим более 10% (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 30).

⁶⁴ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1404, оп. 3, № 1.

⁶⁵ В октябре 1628 г. богоявленский церковный приказчик получил от одного порядчика «морозобити» 8 мер, жита «морозобити тонкого». «последнего сева, морозобити жита тонкого» (указано количество). Зерно недоходное, морозом побитое, шло на корм лошадям (Архив ЛОИИ СССР, ф. 1403, оп. 2, № 3). Соотношение хорошего и плохого хлеба в приеме Богоявленской церкви выглядит так: в 30-х гг. 17 порядчиков привезли 202 меры жита «сдренного» или «ядренного», 21 меру «морозобити», 44 меры зеленого «недохоженного» жита. 80% составляло доброкачественное зерно (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1403, оп. 2, № 3).

⁶⁶ Резников Ф. И. Земледелие в бассейне Северной Двины в XVII—XVIII вв., с. 89.

лица — в июне. Оба эти растения растут 13 месяцев, прежде чем убрать урожай. Свой ячмень, овес, горох они сеют в конце мая, а урожай собирают обычно в начале августа или в конце июля.⁶⁷ Раннее вызревание озимых и яровых хлебов объясняется условиями продолжительного светового дня. Конечно, наблюдения Традесканта относятся к северным районам, где знаменитый ботаник жил, в более южных районах, с большими посевами овса, уборка затягивалась до сентября. Итак, по сведениям Традесканта, в конце мая крестьяне готовили яровое поле, вспахивали, бороили и сеяли в зависимости от зоны ячмень, или ячмень—овес, или один овес. Сразу же начиналась подготовка парового поля, в начале июня оно перепахивалось, в середине июня вывозился навоз и запахивался. В конце июля или в августе⁶⁸ пары вновь пахались и засеивались озимыми. Сроки между перепахиванием паров сокращались, если производилась еще четвертая вспашка «под рожь», как этого требовали некоторые порядные. После каждой вспашки поле еще бороновали.⁶⁹ После посева озимых (конец июля—начало августа) подходило время уборки основных культур — озимой ржи и ячменя, так как вызревание обеих культур происходило, по сообщению Традесканта, почти одновременно. Процесс уборки урожая включал жатву, сушку сжатого хлеба на поле, сирдование и молотью. Порядные на этот счет однообразны: 1661 г. — «жать и вешать, в кучи класть и крыть, и молотить»;⁷⁰ 1661 г. — «жать и пряслить, в кучи класть и молотить»;⁷¹ 1670 г. — «жати и в пряслицу, и в кучи класти, от скота оберегати и молотить»;⁷² 1682 г. — «изжати и спряслить, и в кучи класть, и смолотить».⁷³ Замена в одной из порядных слова «спряслить» словом «вешать» объясняет значение этой процедуры: снопы вывешивались на особых устройствах из жердей — пряслах, где и просушивались. Был в ходу и другой прием сушки — выставление суслонов на поле.

В порядной 1667 г. Ухтоостровской Троицкой церкви говорится: «Хлеб с прикащиком делити суслонами пополам и церковную половину на „прясла вешать“ и в кучи класть».⁷⁴ Развешивать снопы на пряслах было, видимо, лучшим способом просушки, хотя и выставление хлебов в суслонах было распространено. В Загорском стане в суслоны ставили ячмень, рожь и

⁶⁷ Там же, с. 88.

⁶⁸ В порядных 1683 и 1691 гг. Куростровской Дмитровской церкви поставлен срок подготовки пара к посеву — Ильин день, т. е. 20 июля (Архив ЛОИИ СССР, ф. 77, № 29, 33).

⁶⁹ В порядной 1691 г. сказано: «Пары парити: горные парити с назмом, орати и бороити до Ильини дни трижды, а луговые орати и бороити до Ильини дни дважды» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 77, № 33).

⁷⁰ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1403, оп. 1, № 88.

⁷¹ Там же, № 89.

⁷² Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 394а, сстав 1—4.

⁷³ Там же, сстав 5—7.

⁷⁴ Там же, № 221.

пшеницу. На суслон здесь приходилось 10 снопов.⁷⁵ Кучи, о которых говорят порядные, — это скирды. Порядная 1667 г. предписывает поряднику «круг куч остожья городить» для охраны их от потравы.⁷⁶ В оценочной записи одного крестьянского хозяйства в 1648 г. указаны размеры куч: 1) на поле Глиницы «куча жита» длиной 2 сажени без локтя, поперек одна сажень, высотой одна сажень; 2) на острове Лость «куча жита» — соответственно 2 сажени с локтем, одна сажень, одна сажень с локтем.⁷⁷ Как видим, снопы складывали в кучи прямо в поле и огораживали. Поскольку оценка происходила в начале декабря, то выходит, что хлеб стоял немолоченным до зимы. И действительно, оценщики отметили, что во время оценки на овин было насыжено какое-то количество ячменя, которое «в измолоте» даст «меры с четыре».⁷⁸ При описании крестьянского хозяйства Гнидына в январе 1680 г. у его половников стояло в скирдах 9½ овина ржи, 1½ овина ячменя и 2 овина овса. Молотба шла еще полным ходом, так как на гумнах писцы отметили вороха зерна, еще не провеянного (9 овинов).⁷⁹

⁷⁵ Гос. архив Арханг. обл., ф. 831, оп. 1, № 15. — В отводной на дер. Шарыгинскую 1653 г. указывается суслон в 20 снопов «и з головами», т. е. с теми четырьмя снопами, которыми суслон накрывался (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 177). В Лальской волости Усольского уезда в 1645 г. в суслоне считали 13 снопов (Веселовский С. Б. Акты писцового дела, т. II, вып. 1, № 192, с. 489).

⁷⁶ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 221. — Когда кучи перевозятся к гумну, то снопы кладутся в кладухи и в прясла. Отводчик дер. Шарыгинской передал монастырю на гумне «хлеба немолоченного в двух кладенях 214 суслонов, а в суслонах по 20 снопов», «жита немолоченного 5 прясел, а в прясле по 8 промежков, кладено в острожьях ... да в 4-х промежках овса» (там же, ф. 5, карт. 20, № 177). Промежками измерялось сено (по 2 копы в промежке), сколько снопов жита было в промежке, неизвестно. Отсюда нельзя установить и величину прясла. Судя по отводной, «кладень» (кладуха, скирда) предназначался для ржи, «прясло» — для более коротких ячменных снопов, которые клались в два ряда (колосом внутрь) между парами кольев. Прясло достигало сажени и более высоты и 4 сажени длины. В Вятской губернии ячмень и овес укладывались на гумне в шаромы, иногда называвшиеся также пряслами.

⁷⁷ Там же, кол. 47, оп. 2, № 175. — При денежной оценке имущества крестьянина немолоченный хлеб оценен: в первой куче «по смете в измолоте 7 чети с осминой» (четь — 10 алтын) — всего 2 рубля 8 алтын 2 деньги; во второй куче «в измолоте 12 чети с осминой» — 3 рубля 25 алтын. В других случаях «куча» называлась «копной». Так, крестьяне Онтропьевой слободы, убрав хлеб ушедших крестьян, сложили снопы в копы: в 300, 200, 150, 900, 750, 780 снопов (Веселовский С. Б. Акты писцового дела, т. II, вып. II, с. 488). Копны полагалось ставить «на высоких местах и покрыть гораздо, чтоб тот хлеб сверху дождем не набило и сысподи не подмочило» (там же, с. 486).

⁷⁸ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 175. — По другой оценке в овине «по смете в измолоте того ячменя будет 2 чети» — 20 алтын (там же, № 176). В конце декабря 1672 г. буря нанесла большой урон Подвижью, в частности «у крестьян хлебные кучи и санные зороды многие свалило и рознесло» (ПСРЛ, т. 33, с. 218). Итак, до середины зимы кучи хлеба еще оставались на полях.

⁷⁹ ГПБ, РО, ф. 759, Тавренские акты, № 178.

Из источников видно, что обмолот зерновых велся на гумне после дополнительной просушки снопов в овине. Овин представлял собой бревенчатую постройку с настланными примерно на уровне роста человека колосниками из гладких жердей, на которые ставились снопы колосом вверх.⁸⁰ Печь-каменка, истопленная обычно березовыми дровами (от них не летели искры), создавала в овине такую температуру, что за ночь жито высыхало и зерно легко отделялось от колоса при ударе цепов — главных орудий обмолота в деревне XVII в. Овинами крестьяне нескольких дворов пользовались сообща. Так, в 1602 г. овин покупают трое крестьян.⁸¹ Овины были разной величины. Есть данные, что на овин сажали 4⁸² и 10 суслонов.⁸³ После обмолота солома складывалась около гумна,⁸⁴ а зерно стробалось и провеивалось на ветру. В охвостье отходила примерно 1/7 часть зерна.⁸⁵

Орудия труда земледельца традиционны. По описанию одной деревни Николо-Корельского монастыря 1648 г., в ней числилось: кос новых и старых — 12, серпов новых и старых — 25, лемехов — 7, 3 чирца плужных и сошных, плугов — 3, борон — 4, потягов плужных — 3, колес плужных — 3.⁸⁶ В другом селе того же монастыря в 1682 г. имелось 14 кос, 25 серпов, 16 «брусов косных», 5 «сох с ральником и черцы».⁸⁷ Итак, пахотные орудия — плуг и соха. Традескант сравнил двинской плуг с английским: «Плуги на колесах, очень сходные с эсекскими, но колеса плохо сделаны».⁸⁸ Традескант, видимо, точен, так как плужные колеса упомянуты в цитированном описании 1648 г. Чем

⁸⁰ В богатом хозяйстве Богдана Подберезного было 2 овина, гумно накрытое, два амбара, названные вороховиками (для хранения непровеянного зерна), и соломенник, «накрытый драньями» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 177). Цеп овина была ниже цены гумна. В 1602 г. крестьянин продал трем дворохозяевам овин за 4 алтына 2 деньги, тогда как цена гумна иногда достигала 25 руб. (Сб. ГКЭ, т. I, № 387). По словарю Подвысоцкого, в некоторых районах Севера снопы для просушки подвешивались на колосники, а не ставились на них (Словарь областного архангельского наречия: СПб., 1885, с. 69).

⁸¹ Сб. ГКЭ, т. I, № 387.

⁸² ГПБ, РО, ф. 759, Тавренские акты, № 178.

⁸³ В отводной Богдана Подберезного указано, что «на овин сажено 4 промежка жита», «а вымолочено из того овина всего 7 мер», т. е. около 30 пудов с овина (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 177).

⁸⁴ В купчей 1602 г. среди проданных построек назван «соломянник», из чего видно, что и солома зимой свозилась ко двору (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 32). Соломенник упоминается и в отводной 1653 г. (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 177).

⁸⁵ Это видно из соотношения сдаваемого порядчиками чистого зерна и охвостья (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 28).

⁸⁶ ЦГАДА, ф. 159, № 911, л. 12.

⁸⁷ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 263. — В крупных крестьянских хозяйствах также было не по одной сохе. Так, в данной 1684 г. крестьянки Верхотоемской волости на полбожи земли, находившейся в трех деревнях, монастырю передаются «две сохи, а сошники одне, да две бороны, да телеги» (Сб. ГКЭ, т. II, № 253).

⁸⁸ Резников Ф. И. Земледелие в бассейне Северной Двины в XVII—XVIII вв., с. 84.

преимущественно пахали — сохой или плугом, решить трудно. Судя по терминологии порядных, именующих пахню паров значительно чаще «двоеплужной» или «троеплужной», чем «двоесошной» или «тросошной», можно заключить, что плуг употреблялся довольно широко. Иногда в порядных прямо предписывается «пахать плугом»,⁸⁹ иногда «плугом и сохой».⁹⁰ Однако в XVII в. плуг все-таки вытеснялся сохой. Этому способствовало и усовершенствование сохи. Старая соха с узким, вертикально поставленным сошником сменилась сохой «с двумя широкими, снабженными лопастями (или «перьями») сошниками и с поллицей, игравшей роль отвала». Такая соха могла «рыхлить почву, но также подрезать пласт дернины и оборачивать его».⁹¹ Пласт отрезался от целины специальным ножом, который в цитированных документах назывался «чирцом» или черцом. Он приделывался к плугу или к сохе («3 чирца плужных и сошных») и, отрезая пласт, обеспечивал оборот его. Соха была удобнее плуга на небольших пахотных угодьях северного крестьянина, где надо было совершать частые повороты и переносить орудие из борозды в борозду на загоне. Кроме того, лошадь, основную тягловую силу, легче было впрягать в оглобли сохи, чем «в потяг» плуга. Вследствие этого плуг был вытеснен с полей сохой к XVIII в. Выше указывалось, что инструменты и орудия труда при оценке крестьянского хозяйства составляли ничтожный процент. Например, две сохи без ральников были оценены в 1648 г. в 5 алтын, т. е. во столько же, во сколько оценивалось «рубашенко белое женское держаное», и в два раза ниже, чем женская рубашка из тонкого холста.⁹² Вероятно, крестьянин сам делал соху и обращался к кузнецу лишь за насадкой ральника. Это же можно сказать об изготовлении деревянных борон, граблей, вил, носилок и т. д. Безусловно, на рынке покупались косы-горбуши и серпы.⁹³

Теперь остановимся на урожайности. П. А. Колесников,⁹⁴ собрав данные об урожайности зерновых культур до XVIII в., опубликованные историками и обнаруженные им самим в архивах, отметил их крайнюю фрагментарность и возможную нетипичность: неизвестно, с каких земель дошли данные об урожае — со старопахотных или новинных (на них урожаи были

в 2—3 раза выше), за урожайные и неурожайные годы вообще⁹⁵ или для данной местности,⁹⁶ благоприятные и неблагоприятные в погодном отношении⁹⁷ и т. д. Указал он также на трудность расчетов: в источниках чаще всего посевы хлебов учитывались мерами сыпучих тел (четвертями), а урожай исчислялся в «самах». Весовое же значение четверти колебалось и по времени, и по месту и зависело от измеряемого ею зерна.⁹⁸ Все же Колесникову удалось показать устойчивость урожаев ржи в северных уездах и выявить тенденцию к их повышению. Так, на пахнях Прилуцкого монастыря средняя урожайность с десятины равнялась сам-6.4 (50—60 пудов), на крестьянских землях за XVII в. она поднялась с сам-3.3 до сам-3.8.⁹⁹ Этот вывод подтверждается наблюдениями Е. И. Индовой. Занимаясь урожаями в Центральной России, Индова собрала свыше 30 показателей урожайности XVII в. основных культур по Северному району и пришла к выводу, что здесь урожай ячменя и пшеницы в XVII в. превосходил в среднем их урожай в Центральной России (ячмень на Севере — сам-5.6, в Центре — сам-4.0, пшеница — соответственно 6.0 и 3.8). Урожай ржи и овса на Севере в XVIII в. превзошел средние показатели урожая ржи и овса в Центральной России.¹⁰⁰

Документы показывают, что самой урожайной культурой была озимая рожь, затем шел ячмень и на последнем месте — овес. Так, З. А. Огризко установила, что в 80—90-х гг. половники Гледецкого монастыря собирали ржи от сам-1.3 до сам-13, овса — от сам-1.3 до сам-8.2.¹⁰¹ Данные об урожае в Подвинье в общем не противоречат выводу о высокой урожайности ржи. В Загорском стане в 1685 г. урожайность ячменя была сам-4, ржи — сам-5.¹⁰² В районе Архангельска Архангельский мона-

⁹⁵ Неурожайными годами для Севера были 1642—1643 и 1668—1670. Неурожай и хлебную дороговизну в Вологде в 1652, 1655, 1661, 1662, 1681 гг. отметил вологодский летописец (ПСРЛ, М., 1982, т. 37, с. 195, 199).

⁹⁶ В 1646 г. старец Черногогорского монастыря в челобитной воеводе констатировал: «В прошлых де годах... во всем Двинском уезде и вверх по Пинеге-реке хлеб не родился» (Сб. ГИЭ, т. I, с. 812—813).

⁹⁷ В Двинском летописце под 1663 г. отмечено: «Сего лета на Двине и Поморьях хлеб позяб», а под 1664 г. — «Сей осени хлеб почал быть дорог» (ПСРЛ, т. 33, с. 176).

⁹⁸ Четверть в начале XVII в. вмещала 4 пуда ржи, во второй четверти XVII в. — 6 пудов, в 1679 г. — 9 пудов. Весовое значение четверти ячменя было примерно на 1/7 меньше, а овса — почти на 1/2.

⁹⁹ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 297.

¹⁰⁰ Индова Е. И. Урожай в Центральной России за 150 лет (вторая половина XVII—XVIII в.). — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г. М., 1970, с. 134—154.

¹⁰¹ Огризко З. А. Из истории крестьянства на Севере..., с. 85. — Урожай овса в Тарножской волости был сам-4. Крестьяне (хозяин и половник) посеяли 30 мер овса, а обмолотили 120 мер (РИБ, т. XIV, № 275).

¹⁰² Гос. архив. Арханг. обл., ф. 831, оп. 1, № 15, л. 24—26.

⁸⁹ Порядная 1612 г. — «в выходной год треть паров двою плугом орати»; порядная 1619 г. — «треть орать двою плугом» (Гос. архив. Арханг. обл., ф. 1403, оп. 1, № 29, 34); порядная 1609 г. — «пар двою орати плугом» (там же, ф. 1408, оп. 1, № 41).

⁹⁰ Порядная 1628 г. — пахать «плугом и сохами» (РИБ, т. XIV, № 140).

⁹¹ Слободин М. В. О возникновении и развитии паровой системы земледелия..., с. 161.

⁹² Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 176.

⁹³ Серпов и кос в каждом крестьянском хозяйстве было по несколько штук. Так, в дельной 1682 г. два крестьянина получили: один — 4 косы и 6 серпов, другой — 3 косы и 4 серпа (Труды Вятск. арх. ком. 1914 г., 1915, вып. 1, с. 221).

⁹⁴ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 295—296.

стырь ожидал урожай ржи с 3 четей «чети с тридцать».¹⁰³ Однако основной посевной культурой в Подвинье был все-таки ячмень. По данным XVIII в., урожайность его в холмогорской округе составляла 11,3 четверти, по Архангельской — 10,7, по Мезенской — 9,3, по Шенкурской — 4,9, при пересчете на пуды (четверть ячменя — 7 пудов) — соответственно около 80, 71, 69 и 35 пудов с десятины.¹⁰⁴

На основе приведенных (хотя и отрывочных) данных об урожайности можно говорить об удовлетворительной продуктивности северного земледелия. Но из-за ограниченности пахотных площадей, трудности освоения новых земель на обширных пространствах Севера собственного хлеба для пропитания населения не хватало и его привозили из более южных районов государства. Уже в XVII в. на Север шел вятский хлеб.¹⁰⁵ При значительном поземельном неравенстве в отдельных крестьянских хозяйствах хлеба производилось выше нормы потребления. Многоземельные крестьяне использовали лишний хлеб для закармливания малоземельной бедноты, а часть хлеба продавали.

Животноводство

История животноводства на Севере XVII в. посвящены специальные работы Ф. И. Резникова¹⁰⁶ и раздел в книге П. А. Колесникова.¹⁰⁷ Резников исследовал вопрос о выведении холмогорской породы скота и изучал тот район, где эта порода была выведена, — район по течению Северной Двины от Архангельска до Емцы протяженностью примерно 250 км.¹⁰⁸ Колесников использует данные о животноводстве широкого района, причем главным для него является вопрос, насколько скотоводство обеспечивало навозом крестьянские поля. Опираясь примерами отдельных хозяйств XVII в. (численность скота, количество пашни), Колесников полагает, что уровень развития животно-

¹⁰³ Сб. ГРЭ, т. I, № 438, с. 465. — Трудно рассчитать урожайность из предписания порядку дер. Зареченской Кириллу Лыткину платить пшеницы с «3х мер севных 24 меры», так как мы не знаем, какую долю урожая он платил — $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ или $\frac{2}{3}$. Однако при любой доле урожайность ячменя, по этой порядной, высокая. Первая порядная была заключена в 1622 г., вторая — на тех же условиях в 1637 г., третья — детей К. Лыткина — в 1653 г., в последней размер пшеницы 19½ меры (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1404, оп. 1, № 8, 17, 21).

¹⁰⁴ Резников Ф. И. Земледелие в бассейне Северной Двины в XVII—XVIII вв., с. 98—99.

¹⁰⁵ Там же, с. 102—103.

¹⁰⁶ Резников Ф. И. 1) История холмогорского скотоводства. Архангельск, 1957; 2) Скотоводство в низовьях Северной Двины в XVII—XVIII вв. — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1960, сб. IV.

¹⁰⁷ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 287—295.

¹⁰⁸ Резников Ф. И. Скотоводство в низовьях Северной Двины..., с. 106.

водства был нормальным, так как оно в общем удовлетворяло потребности земледелия. Он солидаризируется с выводом Резникова, что высокий уровень животноводства определился уже в XVII в., когда на Двине формируется высокопродуктивная, аборигенная по происхождению холмогорская порода скота.¹⁰⁹

Убедительно опровергнув бытовавший в науке взгляд, что холмогорская порода является продуктом скрещивания нижнедвинского скота с голландским, Ф. И. Резников объяснил условия ее возникновения именно здесь, на Двине. Два важнейших фактора определили развитие этого породистого скота: социально-экономические условия Подвинья и природно-географическая среда.¹¹⁰ В крестьянских хозяйствах, свободных от непосредственной власти помещика, крестьяне инициативно использовали богатейшие кормовые возможности лугового раздолья Нижней Двины, выработали прогрессивные приемы кормления и содержания скота. Выделение пастбищ с богатыми травами, содержащими каротин и витамины, и пребывание на пастбищах весь летний сезон без загона (на островных пастбищах) давали скоту не только прекрасный выгул, но закаливали его в условиях температурных колебаний дня и ночи и сменяющейся метеорологической обстановки. Существенное значение имела организация зимнего содержания скота: кормление преимущественно сеном, питательные качества которого крестьяне умели сохранять путем сметывания его в зароды и на сenniки; употребление заваренного корма с добавкой хлеба и соли; теплые хлева обеспечивали нормальное развитие его в зимние месяцы. Наконец, ученые отмечают как прогрессивный прием выхаживания молодняка: телят отнимали от коров и выпаивали их молоком, при таком способе вскармливания молодняка человек мог оказать больше влияния на развитие животного. Все это Резников оценивал как «относительно высокую технику скотоводства», которая обеспечивала развитие более крупного, более выносливого и более продуктивного скота. Наследование этих качеств и создало сначала породную группу, а затем, в XVIII в., и породу крупного рогатого скота.¹¹¹

Конечно, животноводство развивалось и в других районах Севера, хотя в силу менее благоприятных природных условий скот был здесь мельче и менее продуктивный. Например, на Мезени скот был значительно мельче, чем на Двине.¹¹²

¹⁰⁹ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 25, 211.

¹¹⁰ Резников Ф. И. История холмогорского скотоводства, с. 19.

¹¹¹ Там же, с. 39. — Но уже в XVII в. выявилась высокая продуктивность двинского скота. В 1664 г. 8 холмогорских коров и 4 телки были отправлены в царские имения под Москвой. Партии скота закупались в 1671 и 1683 гг. (Резников Ф. И. Скотоводство в низовьях Северной Двины..., с. 117—119).

¹¹² Ф. И. Резников приходит к такому выводу, сравнивая по таможенным записям 1650—1660 гг. вес забитых туш по холмогорской и мезенской группам (Резников Ф. И. Скотоводство в низовьях Северной Двины..., с. 122).

Хотя обобщающих данных о развитии животноводства на Севере в источниках нет, тем не менее можно утверждать, что в XVII в. количество лошадей, крупного рогатого скота и мелкого скота постоянно увеличивалось. Таможенные книги Тотмы, Великого Устюга и Сольвычегодска XVII в. показывают, что здесь ежегодно продавалось значительное число кож. В 1642 г. через Архангельск было отправлено, помимо московского, костромского и ярославского сала, 10 500 пудов сала северного происхождения — вологодского, устюжского, тотемского и холмогорского, что свидетельствует о большом забое скота здесь. В том же году из Архангельска вывезено 4 тыс. выделанных кож, 10 тыс. сухих бычьих и коровьих кож, 60 тыс. юфти, от 20 до 30 тыс. козлиных кож.¹¹³ Конечно, определить трудно, какая доля вывезенных кож происходила из северных уездов, но количество проданного сала позволяет предполагать, что она была значительной.

Ф. И. Резников указал на развитую торговлю молочными продуктами. Монастыри на местном рынке покупали крупные партии масла. В 1690 г. в погребах Соловецкого монастыря скопилось 500 пудов «масла коровья». Только в июле 1692 г. было куплено 163 пуда 14 фунтов масла, а в 1693 г. — 204 пуда 27 фунтов.¹¹⁴ Продавалось на рынке и молоко. Об этом говорят записи в приходо-расходных книгах монастырей.¹¹⁵

Объем торговли продуктами, получаемыми от животноводства, свидетельствует о важном значении этой отрасли в крестьянском хозяйстве.

За неимением, как уже отмечено, общих цифр по количеству скота в XVII в., приводим здесь сведения по отдельным крестья-

¹¹³ Приблизительный подсчет ежегодного экспорта из Архангельска, составленный неизвестным лицом в 1642 г. (см.: Экономические связи между Россией и Швецией. М., 1981, т. I, с. 122—124). Как собирались такие огромные запасы заграничного отпуска, показывают, правда более поздние, таможенные отписи: 16 марта 1674 г. Холмогорская таможня записала в книги: об отпуске в Архангельск крестьянина Загорского стана Г. С. Нагибина на 28 лошадей, а с ним «525 короваев сала говяжьего сырца, да 57 пуд. 35 ф. сала же говяжьего сырца, 29 пуд. кож говяжьих сырых». 24 марта в Архангельск ушли 4 лошади холмогорца В. А. Щеглова с 70 пудами говяжьего сала-сырца и 70 пудами говяжьих кож; 28 января 1683 г. от Кулойской таможней избы в Холмогоры отправлено 32 пуда говяжьих сала-сырца и кож; 29 января из Пянды в Холмогоры отправлено 25 бычков на 55 руб., 49 мест сала и кож (49 пудов 20 фунтов); 2 февраля 1683 г. отправлено из Холмогор в Архангельск на 36 подводах около 600 пудов сала и кож; 2 февраля 1683 г. мезенец повез в Холмогоры 40 пудов кож и сырого сала; в феврале двое мезенцев везли 47 пудов кожи и сала-сырца, 7 пудов говяжьего мяса, 4 пуда 8 фунтов коровьего масла (Архив ЛОИИ СССР, ф. 47, оп. 2, № 230, 233, 276, 277, 279, 281—283, 285, 288).

¹¹⁴ Резников Ф. И. Скотоводство в ппзовьях Северной Двины... с. 110—111.

¹¹⁵ Там же, с. 111. — Продавались и полуфабрикаты. Так, в феврале 1683 г. на Холмогорской таможне было досмотрено: 3 пуда 18 фунтов коровьего масла, 5 студеней, 14 говяжьих языков, бочка говяжьего мяса (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 289).

Таблица 8
Количество скота в отдельных хозяйствах XVII в.

Хозяйство	Лошадь	Жере- бенок	Корова	Теленок	Бык	Овца	Иселя	Источник
1. 1612 г. — хозяйство Михаила Шевкунова, по дельной его трех сыновей.	3	—	3	—	1	13	3	Дельная 1612 г. — Труды Вятск. арх. ком. 1914 г., вып. 1, с. 219—220.
2. 1616 г. — хозяйство Ивана Артемьева, по дельной его двух сыновей.	4	—	4	5	—	9	—	Воскресийников Н. П. Родовой архив... с. 389.
3. 1617 г. — хозяйство Ариста.	—	—	3	2	1	7	1	Духовная 1617 г. — Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 25.
4. 1648 г. — хозяйство Ивашки Михайлова, по оценной отписи.	3	—	3	—	2	13	1	Опись по оценной росписи (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 175, 176).
5. 1648 г. — монастырское хозяйство в дер. Бловодской.	10	—	24	12	1	17	—	ЦГАДА, ф. 159, № 911.
6. 1651 г. — хозяйство А. Д. Клушница в Тотемском уезде.	16	3	6	—	—	4	3	Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 289.
7. 1651 г. — посадский человек Г. Оксенов.	2	—	3	—	—	3	—	Там же.
8. 1651 г. — 29 хозяйств в Тотемском уезде.	86	13	89	—	4	90	25*	Там же.
9. 1651 г. — 40 полоничных хозяйств Троице-Глебенского монастыря.	—	—	91	—	—	—	—	Огарико 3. А. Из истории крестьянства на Севере... с. 98—99.

* 41 свинья, 10 поросят, более 20 кур.

Таблица 8 (продолжение)

Хозяйство	Лошадь	Жере- бенок	Корова	Теленок	Бык	Овца	Нетель	Источник
10. 1670 г. — 23 крестьянских двора и 4 двора церковников волости Золотицы.	29	20	63	45	15	131	17	Опись 1670 г. — Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 27, № 188.
11. 1670 г. — 16 бобыльских дворов.	19	6	41	9	2	57	3	
12. 1672 г. — хозяйство второй жены Михаила Шевкунова.	2	—	2	—	1	10	1	Мировая М. Е. Шевкуновой с ее пасынками. — Труды Вятск. арх. ком. 1914 г., вып. I, с. 222—223.
13. 1681 г. — в монастырской Большой деревне Вознесенского прихода.	10	—	24	10	2	21	—	Отводная книга. — Гос. архив Арханг. обл., ф. 191, оп. 5, № 4.
14. 1682 г. — там же.	14	—	33	14	2	16	—	Отводная книга. — Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 263.
15. 1682 г. — хозяйство Максима Шевкунова, по дельной его двух сыновей.	5	—	4	—	1	14	1	Дельная. — Труды Вятск. арх. ком. 1914 г., вып. I, с. 221.
16. 1683 г. — хозяйство Васьки Иоилева.	2	2	15	—	—	30	—	Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 44, № 11.
17. 1685 г. — вотчина Николо-Корельского монастыря.	117	—	112	54**	32***	52	21	Резников Ф. И. Скотоводство в низовьях Северной Двины... с. 112.
18. 1701 г. — вотчина архиепископа.	120	—	44	6	17****	40	8	

** Среди них 21 бычок-подтелок.

*** Среди них 27 кастрированных.

**** Среди них 14 кастрированных.

янским хозяйствам и монастырским вотчинам, имеющиеся в литературе и обнаруженные нами в архивах (табл. 8). Мы знаем, что в таблицу включены данные о несопоставимых категориях хозяйства: то по отдельным хозяйствам (№ 1—4, 6, 7, 12, 15, 16), то по совокупности дворов (№ 8—11), то по целой деревне или вотчине. Однако такое построение таблицы позволяет разными методами ответить на два вопроса: о структуре северного стада и о приблизительной средней численности животных разных категорий, приходящихся на крестьянский двор.

Структура стада вырисовывается из соотношения разных категорий животных. Подсчет лошадей и коров (при подсчете последних мы опустили число коров в № 9, так как здесь не указаны ни лошади, ни другие животные) показал лишь незначительный перевес коров над лошадьми (первых — 474, вторых — 442). Видимо, разведение лошадей — тягловой силы — для крестьянина было столь же существенно, как и разведение крупного рогатого скота.¹¹⁶ Значительное число кастрированных быков свидетельствовало и о мясном направлении животноводства. Большое число жеребят, телят и нетелей — важная структурная часть стада, показывающая нормальное воспроизводство скота. Наконец, мелкий скот — овцы — также разводился в большом количестве, и вряд ли прав Ф. И. Резников, заявляя, что «овец содержалось очень мало».¹¹⁷ Свой вывод он сделал на основе монастырского стада, где овец действительно было немного, но крестьяне, видимо, держали овец отнюдь не мало.

По табл. 8 можно высчитать среднее количество скота на двор. Если учесть, что в ней приведены сведения о 76 хозяйствах (отдельно или в группе), имевших в совокупности 171 лошадь, 237 коров, 351 овцу, то в среднем на двор приходилось 2,25 лошади, 3,1 коровы, 4,62 овцы. Коров в половничьих хозяйствах (№ 9) приблизительно было 2,27. Наши цифры могут показаться несколько завышенными (по П. А. Колесникову, на двор приходилось 1—2 лошади и 2 коровы¹¹⁸), так как в источниках дошли сведения преимущественно о богатых скотом хозяйствах (№ 1, 2, 4, 6), но в групповые данные входили и бедные скотом хозяйства. Так, в волости Золотице 4 хозяйства имели по 3 лошади, 6 — по 2, 26 — по одной, безлошадных было 7.

¹¹⁶ П. А. Колесников, исходя из нормы пашни на лошадь (3 дес.) и из общего количества пашни в северных уездах в конце первой четверти XVII в. (389 тыс. дес.), считает, что в сельском хозяйстве было занято около 100 тыс. лошадей в качестве тягловой силы (Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 290). К этому надо добавить еще лошадей, не использованных на пашне. Это те «неработные кони», которые целое лето выхаживались на воле (см. договор крестьян с монастырем 1676 г. — Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 31, № 166). И таких «неработных коней» было порядочно. Например, из 117 лошадей Николо-Корельского монастыря в 1685 г. рабочих было 93 (Резников Ф. И. Скотоводство в низовьях Северной Двины... с. 113).

¹¹⁷ Резников Ф. И. Скотоводство в низовьях Северной Двины... с. 112.

¹¹⁸ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 290.

Точно так же распределялись коровы: 7 коров было в одном хозяйстве, 6 — в двух, 5 — в одном, 4 — в четырех, 3 — в девяти, 2 — в тринадцати и 2 хозяйства — бескоровные. А ведь в средние цифры вошел именно этот показатель. Отсюда мы полагаем, что наши средние данные близки к истине.¹¹⁹

В распределении скота, как и земли, наблюдается разительное неравенство. Примером такого неравенства может служить Золотица. Здесь 10 дворохозяев владели почти тем же количеством лошадей, что и остальные 26 дворохозяев, имевших по одной лошади, 7 дворохозяев совсем не имели лошадей. То же в отношении коров: 7 дворохозяев, имевших от 4 до 7 коров, обладали почти таким же количеством коров, как остальные 31 хозяйство, державшее от одной до 3 коров. Столь же разительные колебания в скотообеспечении половников Троице-Гледенского монастыря отметила З. А. Огризко: из 40 половничьих хозяйств в 1651 г. в одном хозяйстве было 8 коров, в одном — 7, в одном — 5, в двух — по 4, в десяти — по 3, в одиннадцати — по 2, в одиннадцати — по 1, одно — бескоровное, о двух — нет сведений. Пять богатых хозяев имели почти столько же скота, сколько 22 малообеспеченных скотом половника.¹²⁰ Неравенство в скотообеспечении очевидно и из табл. 8. Обращает на себя внимание хозяйство Клушница, в котором насчитывалось 32 головы скота (№ 6). Выше средней нормы были обеспечены скотом хозяйства № 1, 2, 15. Однако совершившийся раздел между наследниками-сыновьями дал ряд новых хозяйств с посредственным обеспечением скотом. Количество скота в хозяйстве могло измениться за короткий срок в ту или иную сторону. Так, в монастырском селе за один год прибавилось 4 лошади, 9 коров и 4 теленка, убавились только овцы (№ 13, 14). Мы приводили выше оценку 1648 г. скота крестьянина Чухченемской волости Ивана Михайлова, которая составила менее 20% всего хозяйства (земли, строений, имущества). Иван Михайлов имел 22 головы крупного и мелкого скота (№ 4).¹²¹ Поэтому вряд ли соотношение оценки скота и всего хозяйства может считаться типичным. Правда, в ма-

лоземельном хозяйстве будет соответственно меньше скота, по оценке его может составить тот же процент.¹²²

Что касается цены на скот, то, видимо, она колебалась в зависимости от качества и от сезона года. Оценщики хозяйства чухченемского крестьянина ценили скот очень дифференцированно: мерин «гнед» — 3½ руб., кобыла «гнеда» — 1½ руб., кобыла «голуба» — 4 руб. В оценочной книге Кемской волости (в оценку включались только лошади и коровы) лошади ценились по-разному — от 2 до 4 руб., коровы — одной цены — полтина. Вот продажная цена на скот в 1617 г.: корова — 1 рубль 21 алтын 4 деньги; 1 рубль 6 алтын 4 деньги; бык — 39 алтын, теленок — 10 алтын 4 деньги; баран — 23 деньги, овца — 28 денег, баран-сселеток — 2 алтына.¹²³ Особенно высоко ценился холмогорский скот. Для царских московских имений в 1664 г. в Холмогорах было закуплено 7 коров по цене от 3½ до 15 руб., 4 теленки — от 3½ до 6 руб.¹²⁴ По это, конечно, исключительно высокие цены, объясняющиеся и качеством скота, и казенным щедрым карманом. Однако сравнение средних цен на скот с хлебными ценами показывает, что скот в общем стоил дорого: при цене хлеба 10 алтын за меру (см. с. 132) корова стояла около 60 пудов хлеба, бык — около 20, теленок — 5 пудов.

Скотоводство было важной отраслью крестьянского хозяйства, поэтому в северном судебнике и в ряде крестьянских актов разработаны правовые нормы по охране скота. Это прежде всего ст. 225 Судебника 1589 г., предусматривавшая возмещение хозяину искаленной¹²⁵ или убитой скотины или равноценным животным, или деньгами («чем люди осудят добрые»). Правда, в случае самообороны от агрессивного животного виновный оправдывался.¹²⁶ При гибели или увечье лошади на неисправном мосту ответственность падала на ту деревню, которая содержала мост.¹²⁷ Если гибель скота случалась «на черном лесу», куда он заходил через злостно растворенный осек (т. е. изгородь, отделявшую деревенские угодья от черного леса), то нарушивший осек нес материальную ответственность — «платил гибель».¹²⁸

¹¹⁹ Наши средние цифры не подтверждаются расчетами по Оценочной книге 30-х гг. XVII в. по Кемской волости, в которой указано число лошадей и коров. Оказалось, что 134 дворовладельца (крестьяне-луковики) имели 140 лошадей и 246 коров, т. е. в среднем по одной лошади на двор и менее двух коров. Еще ниже скотообеспечение кемских бобылей: 144 двора имели 78 лошадей и 159 коров. Столь низкий уровень скотообеспечения в Кемской волости можно объяснить ее промысловым характером. Даже крестьяне-луковики имели ничтожные пашни, а бобыли их совсем не имели. Тягловое скота, следовательно, требовалось меньше. Да и коровам обзаводиться не все. Среди луковиков безлошадных было 37 (27%), бескоровных — 12 (8%), среди бобылей соответственно 97 (63%) и 55 (38%) (Копанев А. И. Оценочная книга Кемской волости..., с. 186—198).

¹²⁰ Огризко З. А. Из истории крестьянства на Севере..., с. 98—99.

¹²¹ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 175.

¹²² Вот, например, хозяйство Фотия Павлова, оцененное в Кемской книге в 9 руб. (земля — 6 руб., лошадь и коровы — 3 руб.). Скот составлял более 30% оценки (Копанев А. И. Оценочная книга Кемской волости..., с. 187, л. 4).

¹²³ Такие деньги получила Никольская церковь при распродаже имущества умершего завещателя (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 28).

¹²⁴ Резников Ф. И. Скотоводство в низовьях Северной Двины..., с. 117—118.

¹²⁵ Так следует толковать слово «утепет» в выражении «животину утепет», потому что в ст. 223 говорится о лошади, которая покажется на неисправном мосту — «лошадь истепет или ногу изломит» (Судебники XV—XVI вв., с. 413).

¹²⁶ Судебники XV—XVI вв., с. 413, 558.

¹²⁷ Там же, с. 413, 556—557.

¹²⁸ Там же, с. 404, 529 (ст. 170). — В 1649 г. братья Кузнецовы в Кокшенгской чети жаловались на соседа, что он «огород рессекает и розломывает и скот на сузем пропускает». «Сузем» — в данном случае лес.

Нормы Судебника 1589 г. действовали и в XVII в., что засвидетельствовано и документами. 7 июня 1657 г. крестьяне Конецгорской волости в «полюбовной записи» обязались «луг запереть», «скот в луги не пущать июня з 9 числа, с Кирилова дни Александрийского». И если через чью-либо изгородь скот пройдет на луга и нивы, то договаривающиеся имеют право его «мужевать» (захватывать!) в присутствии выборных сотских, пятидесятских или понятых и брать с хозяина скота за потраву «с лошади и с коровы по полтине, с телят, с жеребят по 10 алт., с овец по 5 алт., а свиней сетчи и в воде топить безпенно и стрелять беспенно ж». Чтобы не нарушать извечную норму — «чьей огородою учинится потрава, ино тому платить, чья огорода» (Судебник 1497 г., ст. 61; Судебник 1550 г., ст. 86; Судебник 1589 г., статьи 168—169), крестьяне записали право хозяина скота брать убытки с того, «чьим огородом скот в луг войдет». Как видим, норма укладывается в нормы Судебника 1589 г., за исключением непонятного для нас постановления о свиньях.¹²⁹ Пускать скот в луга «до лугосеку» даже за пастухом запрещалось: скот захватывался, а хозяин обязан был «платить потраву». Интересно указание на «знаменованье скота». Если хозяин захваченного скота «не выищется», то захвативший ставит свое «знамя» и, следовательно, присваивает скот.¹³⁰ Аналогичный договор заключили крестьяне Заболоцкой полусотни Зачачья и Чухчина конца с игуменом Феодосием, согласно которому стороны обязались «по веснам скот с островов и с пожен свозити» с 23 мая.¹³¹ Далее в «излюбленной записи» оговаривается обязанность хозяина держать рабочих лошадей (если они потребуются на пашне среди лугов) на привязи «на своих пожнях» и «на закраинах», т. е. на примыкающих к пашенным землям сеенокосных участках. Договаривающиеся обязывались огороды городить «в 7 жердей с перетыкою и изгородами друг другу потравы не чинити». За потраву платил, следовательно, хозяин огорода, через который прошел скот. Хотя Уложение в ст. 208 (гл. X) отошло от этого принципа (по нему потраву оплачивал хозяин скота), тем не менее крестьяне ссылаются именно на «указную цену» Соборного уложения. Заключительная фраза записи особенно ярко подчеркивает хозяйственную основу

где «скотине может случится» «чеззгода от зверя» (РИБ, т. XIV, ч. 2, № 353).

¹²⁹ Этой норме противоречит челобитье крестьянина Пустозерского уезда на соседа: он и его дети «побили свиней» челобитчика (Архив ЛОИИ СССР, собр. Лихачева, № 105^{5/6}).

¹³⁰ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 21, № 192. — Уложение 1649 г. не знает этой нормы (присвоение скота потерпевшим), а, наоборот, запрещает, охраняя права скотовладельца, нанесение какого-либо вреда скоту, нанесшему потраву (гл. X, статьи 209, 210).

¹³¹ В порядной 1653 г. порядчики обязываются огораживать телятник, туда «скот пущать и заставать, и в остров возить в весне кони, а в осень и коровы, и телята в павоске» (Образцов Г. Н. Оброчные и порядные записи..., с. 128).

крестьянского правотворчества: «Как страда поминетца, скот в луг, и в острова, и в Емцу реку пущать, а не обстогавався скота в луг, и в острова, и в Емцу реку не пущать и изгородь стенных (между деревнями) не рассекать же».¹³²

Из разобранных статей Судебника 1589 г. и крестьянских записей вырисовывается картина летнего содержания скота. Пастбищами, кроме покотин и телятников¹³³ (см. с. 80), являлись луговые угодья (весной и осенью («после страды»), поля после уборки урожая (после Семенова дня, по ст. 168 Судебника 1589 г.). Скот, несмотря на изгороди, которые, по всем документам, крестьяне обязаны были содержать в полном порядке, пускался за пастухом. Об этом говорится в цитированной записи 1657 г., об этом свидетельствуют порядные. Например, в порядной 1671 г. порядчик обязуется «весной скот отдавать за пастуха, а пастуха кормить и платье давать мне третнику».¹³⁴ Среди бобылей Кемской волости трое названы пастухами (занятие, ставшее, вероятно, профессией). Пастухи при строгом огораживании полей, отхожих пашен, а также зародов на лугах и скирд на полях, видимо, своим присутствием отпугивали зверей.

Зимой скот содержался в теплых помещениях: в хлевах, сараях и дворах. Так как здесь же сосредоточивались корма (сено с лугов по первопутку свозилось в сенники, гуменные корма складывались в мякинцы, соломенницы), то уход за скотом не требовал чрезмерных затрат труда и обеспечивался семьей. В богатом хозяйстве Б. И. Подберезного в 1653 г. имелись две скотинные избы: одна у овечьего хлева («избейко малое подспущено под скот»), другая — у ворот («изба поземная скотинная»), там же находились два «скотных колодца».¹³⁵ Поземные избы были удобны для слабых животных и вновь народившихся ягнят, телят. В более бедных дворах для этой цели использовались и жилые избы.¹³⁶ Кормили скот заварными кормами: яровой соломой, пелевой, мякиной, а в трудные годы — и ржаной соломой.¹³⁷

¹³² Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 31, № 166.

¹³³ Покотина была обычно общей для деревни. Вдова Бритовской волости, продавая «свой цай» деревни, отметила в купчей — «и со скотским общим выпуском» и «с улией общей», по которой прогонялся скот (Труды Вятск. арх. ком. 1907 г., вып. III, № 112). Телятник — выгон индивидуального пользования. Были и покотины в индивидуальном пользовании, когда дворохозяин брал покотину на оброк. Так, в Богоявленской приходной книге значится: «В Химостровской Нарье покотина, отдают на празгу пот скот на которой год. Отдана Афонасью Жеребцову 30 алт.» (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1403, оп. 2, № 8^a, л. 3 об.).

¹³⁴ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 279.

¹³⁵ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 177.

¹³⁶ По этнографическим данным, еще в XIX в. в Вятской губернии не только мелкий скот, но и коров заводили в избы для кормления и дойки. Если уровень избы был выше уровня сарая или двора, где стоял скот, сооружались сходы типа трапа, по которому животные подымались и возвращались обратно.

¹³⁷ В порядной 1653 г. порядчики обязуются: «Зиме ... кони, и коровы, и телята, и овцы кормить» и «сено возить, и солома во двор носить».

Для мелкого скота иногда заготавливали веники. Это был доступный и недорогой корм. По оценке крестьян, 50 веников в 1648 г. стоили 5 денег.¹³⁸ Есть сведения о длительном кормлении телят молоком. Порядчик в 1671 г. обязывается: «А корова отелится, то теленка молоком кормить 6 недель».¹³⁹ Такой способ выращивания молодняка плодотворно влиял на продуктивные качества скота.

Основным кормом для скота являлось сено, ведь сенокосы занимали примерно 40% всех крестьянских земель (см. с. 79).¹⁴⁰ Урожай сена в двинской пойме достигал 200—300 пудов с десятины. Но главное — здесь собиралось сено высокого качества.¹⁴¹ В поймах других рек травостой были менее обильными и более низкого качества. Крестьянин косил траву в полях, на заполосках (участках земли, являвшихся продолжением его полос), на окраинах (на участках, прилегавших к пахотной земле и еще по тем или иным причинам нераспаханным), на причистях-пожнях. Хотя урожай трав здесь не был большим, но сено получалось качественным.¹⁴² Сенокос начинался обычно с «Петрова дни», т. е. с конца июня, когда «трава цвела» и была наиболее «укослива».

Основные моменты заготовки сена порядчик 1661 г. определил так в своей формуле-обязательстве: «сено косить и грести, и в зароды метать, и остожья городить крепко».¹⁴³ Если сено не подмочено дождем и мечется в зарод зеленым, то оно высо-

и мякныны тако же носить» (Образцов Г. Н. Оброчные и порядные записи..., с. 128).

¹³⁸ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 176.

¹³⁹ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 279.

¹⁴⁰ Конечно, в районах с малой запашкой сенокос превалировал. Например, в слободке Лампожня, по писцовой книге 1623 г., было 67 дворов, пашни 40 четвертей «в поле и в дву потомуж», сена 500 копен. Да, кроме того, на Большом лугу ставилось 1000 копен; в слободке Окладниковой — 69 дворов, пашни 44 четверти в поле, 1500 копен (ЦГАДА, ф. 1209, л. к. № 185, л. 382, 386).

¹⁴¹ Резников Ф. И. Скотоводство в низовьях Северной Двины..., с. 108.

¹⁴² Уже были приведены факты о практике брать сенокосы на оброк у монастырей, воевод, волостей. При небольшом оброке труд крестьянина оправдывался. Так, в 1629 г. трое крестьян взяли на оброк у Антониево-Сийского монастыря Чирцову пустынь, где на пожнях и островах накапливали 640 копен сена (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 106, состав 4—6). По сохранившимся пожненным книгам 1632, 1645, 1673 гг., Николо-Корельский монастырь сдавал на оброк большое число пожней. Например, в 1672 г. монастырь сдал 28 крестьянам пожни и острова на сумму 21 рубль 8 алтын 2 деньги. Часть пожней монастырь отдавал «на исеницу», косябу из доли: из трети «треть сена на монастырь, а 2 доли косям, которые косят». В списке 12 крестьян разных волостей, которые взяли покосы из доли укоса (Гос. архив Арханг. обл., ф. 191, доп. опись, № 32). Покосы сдавала и волость. Так, по росписи 1670—1671 гг., Тавренская волость «отдала в кортом» сенные покосы более чем 20 крестьянам, причем в каждом случае кортома не превышала 4—5 алтын (ГПБ, РО. ф. 759, Тавренские акты, № 106).

¹⁴³ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1403, оп. 1, № 88.

кого качества. Подмоченное сено становится серым, а иногда черным. При продаже зеленое сено стоило 2 алтына куча, а сено серое — 10 денег.¹⁴⁴ Зароды были разной величины. В 1674 г. крестьяне Репонимской волости в челобитной воеводе на захватнические устремления Моржегорского монастыря сообщали, что на «р. Корсары сен сметано 290 промешков, а в промешке по две копны, а на усть река Корсары в зарод 7 промешков».¹⁴⁵ По словарю А. Подвысоцкого, промешок является стогом сена длиною около сажени, уложенный между двумя шестами, называемыми стожарами. Мечутся промешки в ряд, от 3 до 30 соединенных промешков составляют зарод.¹⁴⁶ Следовательно, на р. Корсары было выставлено около 100 зародов. Из зародов сено вывозилось в первые недели зимы, когда еще не выпали большие снега. В некоторых порядных вывозка сена специально оговаривалась.¹⁴⁷

Сено продавалось и даже закладывалось. Так, по закладным Антониево-Сийского монастыря 1686—1689 гг. (всего 19), крестьяне Шименской волости Подвинской четверти, взяв у монастыря 93 рубля 6 алтын, заложили в общей сложности сена 736 куч и 120 копен волоковых.¹⁴⁸ Как видим, из крестьянского кормового бюджета было изъято свыше 10 тыс. пудов сена,¹⁴⁹ что, разумеется, не могло не отразиться на животноводстве крестьян-бедняков, прибегающих к кабальным займам.

Животноводство давало крестьянину и продукты, и навоз, необходимый для землепашества. Если исходить из числа лошадей, высчитанного П. А. Колесниковым, в 100 тысяч и принять обычное соотношение — коров в хозяйстве в 2—3 раза больше, чем лошадей, — то можно предположить для Севера поголовье коров в 200—300 тыс. Среднее количество коров, быков, телят, нетелей и овец, которое можно высчитать из наших материалов, позволяет заключить, что молочно-мясные продукты были в пищевом рационе каждой крестьянской семьи XVII в.

¹⁴⁴ Там же, оп. 2, № 8а, л. 5.

¹⁴⁵ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 229.

¹⁴⁶ Словарь областного архангельского наречия, с. 141.

¹⁴⁷ Порядные 1671 и 1674 гг. (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 279, 302).

¹⁴⁸ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 44, № 14.

¹⁴⁹ Куча равна 3 волоковым копнам, волоковая копна — 5 пудам. Названье свое последняя получила от волокуши (устройства, сделанного на скорую руку на покосе), которую тянула лошадь. В закладной 1687 г. крестьянин заложил вятскому архиепископу в устье р. Лекмы покосы «на 200 копен конских волоковых». В этом документе волоковая копна оценивается в 3 алтына 2 деньги, т. е. пуд сена стоил 4 деньги (Труды Вятск. арх. ком. 1907 г., вып. IV, № 129). Уменьшение сенных запасов ставило крестьян в бедственное положение. Так, крестьяне Заостровского стана требовали, чтобы правительство вернуло им оброчные сенокосные угодья, которые оно сдало «из наддачи» одному посадскому из Холмогор и крестьянину Куресской волости, потому что «их деревни без сенных покосов стали пусты и скотины кормить нечем» (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 393).

Промыслы

Главными промыслами, в которых были заняты северные крестьяне XVII в., являлись солеварение, рыболовство и охота.

По сравнению с XVI в. в изучаемое столетие в солеварении произошли значительные изменения. Во-первых, изменения социального плана. Если в XVI в. солеварение было преимущественно посадско-крестьянским, то в XVII в. хозяевами его становятся монастыри и иногородние промышленники. Основываясь на данных писцовых книг 20-х гг. XVII в., Е. И. Заозерская установила, что в таком центре солеварения, как Ненокса, монастырские пайи в варницах составляли более половины общего числа паев. Если к этому добавить пайи иногородних промышленников, то окажется, что лишь 27% паев принадлежало солеварам из местного населения.¹⁵⁰ Этот вывод автор распространяет и на другие районы северного солеварения. Во-вторых, изменения, происшедшие в силу истощения природных ресурсов рассолов и топлива. В результате истощения соляных источников и лесов солеварение в XVII в. уменьшается и по количеству предприятий (варниц), и по общему объему производства. Документы свидетельствуют о массовом запустении варниц. Так, писец М. Вельяминов в 1623 г. отметил на Кулое 16 пустых варниц и варничных мест. Некоторые из них принадлежали монастырям, архиепископу и его людям, но большинство было крестьянских.¹⁵¹ В Золотице в 1670 г. составители ее описания услышали, что 2 варницы в Закошечье, 2 варницы в Золотице и одна Усть Товы реки запустели давно, лет 40—50.¹⁵² Даже в таком богатом усолье, как Ненокса, производство сокращалось. Сохранились договоры солепромышленников, владевших на паях пятью варницами на Великих местах и согласившихся «для скудости рассольной» варить тремя варницами. Такие договоры были заключены в ноябре 1606 г.¹⁵³ и в августе 1619 г.,¹⁵⁴ что свидетельствует о постоянной убыли рассола.

Изменения социального плана и в отношении объема производства явственно выступают из данных Холмогорской таможни о вывозе соли (табл. 9). Таблица составлена по материалам отписок, посланных холмогорскими таможенными головами Богданом Щепоткиным, Иваном Мельцевым и Анкудином Князевым

¹⁵⁰ Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVII в. М., 1970, с. 133.

¹⁵¹ Сб. ГИЭ, т. I, № 602.

¹⁵² Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 27, № 188.

¹⁵³ Там же, карт. 6, № 63а.

¹⁵⁴ Гос. архив Арханг. обл., ф. 191, оп. 3, № 29. — В следующей записи 20-х гг. сябры решили обе закрытые варницы «продати... собча» и деньги распределить соответственно долям. Далее в договоре определяется: 1) в будущем чинить варницы за счет пайщиков данной варницы, «а не всем сябром трех варниц»; 2) водоливов держать «из сторонних людей», «кроме соловаров»; 3) дрова на обрубь не класть, чтоб не нарушить трубы. (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 371).

Таблица 9

Количество соли, отправленное из Холмогор в Вологду в мае 1646 и 1647 гг. и хранившееся осенью 1646 г. на складах

Владелец	Май 1646 г.			Осень 1646 г.		Май 1647 г.		
	число судов	количество мешков (тар)	вес (с мешками), в пудах	остаток соли «за отпранкой», в пудах	привезено вновь летом, в пудах	число судов	количество мешков (тар)	вес (с мешками), в пудах
Кирилло-Белозерский монастырь	4	1469	51782	8500	67060	4	1351	52979
Соловецкий монастырь	9	3825	12118	28700	118155	6	2368	79510
Спасо-Прилуцкий монастырь	1	380	13029	14100	17622	2	695	24086
Архангельский Устюжский монастырь	1	321	12140	1500	—	1 *	42	1500
Антониево-Сийский монастырь	3	1042	35689	500	49112	1	360	12564
Николо-Корельский монастырь	1	386	13628	2700	22916	1	424	14792
Печенгский монастырь	1	241	9399	—	6916	1	249	8729
Кандалакшский монастырь	1	358	13260	7500	17233	1	82	3094
Гостиной сотни торговый человек Олфрей Фомин Булгакин	1	295	1384	3200	—	1	100	3168
Гостиной сотни братья Иван, Степан, Сила Якимовы Усовы	3	1089	38968	—	11428	1	358	12405
Микифор Кононов с. Казаков, крестьянин Николы Угренского монастыря	1	315 и 4 куля	11068	1100	—	—	—	—
Омельян Симонов с. Белавин, крестьянин боярина М. М. Салтыкова	1	228	8572	—	—	—	—	—
Подьячий Лумбуев	—	—	—	840	—	—	—	—
Воевода Илья Безобразов	—	—	—	—	—	—	4	127
Холмогорец Осип Федоров с. Мурашкин	—	—	—	—	—	Каюк	—	3200 (покупная соль)
Вологжанин Г. Горохов	—	—	—	—	—	Дошаник и каюк	—	3200
Вологжанин Грязной Комаров	—	—	—	—	—	Дошаник	—	2849

* В дошанике.

по поводу сбора новой соляной пошлины в 1646—1648 гг. Столкнувшись с трудностью сбора непомерно высоких пошлин (2 гривны с пуда), руководители таможни испросили дозволения при вывозе соли оформлять лишь записи, по которым солепродавцы должны были «пошлины платить в Приказе . . . Большой казны». В соответствии с этим таможня в Холмогорах посылала в Москву сведения об отправленной монастырями и промышленниками соли в мае 1646 г. и в мае 1647 г. с указанием дощаников, на которых соль перевозилась, мехов, загруженных солью, и ее весового выражения (в пудах). Осенью 1646 г. было сообщено, сколько соли осталось у солепродавцов после майской отправки и сколько соли за лето 1646 г. было привезено на склады в Холмогорах.¹⁵⁵

Из табл. 9 видно, что основными производителями соли были монастыри. Большие и малые — от Соловецкого до Печенгского монастыря — отправляли из Холмогор в Вологду в мае 1646 г. около 80% соли, а в мае следующего года — 84%. Среди свежей соли монастырская составила 96%. Полное преобладание монастырской соли на рынке показывает, как был потеснен крестьянин-солепромышленник.

Однако таблица подтверждает, что соль, привезенная торговцами людьми, была покупная и, вероятно, именно у мелких солепромышленников-крестьян. Об этом прямо сказано в отношении холмогорца Осипа Мурашкина, который отправил 3200 пудов «покупной соли». Вотчинные крестьяне Микифор Казаков и Омелян Белавин участвовали по одному разу в отправке соли, это свидетельствует, что они были не производителями, а скупщиками готовой соли. Конечно, и воевода, и подьячий поставили соль не собственного производства.¹⁵⁶ О скупке соли у варниц говорит одна из отписок, цитируя царскую грамоту, запрещающую брать пошлину с тех солеваров, «которые сами не продадут и сами от варниц своих не повезут соль . . . шиб в том утесне-

¹⁵⁵ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 169, сстав 8—15, 40, 71. — Холмогоры были перевалочным пунктом. Сюда поступала соль в течение лета и зимы и обычно в мае отправлялась на суда по Двине и Сухоне в Вологду. Таможенные головы писали: «Повелось из стари до нынешнего за много лет . . . от варниц летом соль привозилась на Холмогоры и ставилась в амбарах до зимы, также и покупная соль ставилась в амбарах . . . а зимою на Двине не продавали . . . а возили они тою соль весною и летом в судах к Вологде». В мае 1646 г. было отправлено 27 дощаников с солью, в мае 1647 г. — 20 дощаников и 3 каюка. Соль поступала в Холмогоры из Кольского и Каргопольского уездов. В 1646 г. Печенгский монастырь привез 2000 пудов, а Кандалакшский — 10 200 пудов. Кожеозерский Каргопольский монастырь привез «от варниц» 5636 пудов (там же, сстав 55).

¹⁵⁶ Свое производство, несомненно, имели гостиной сотни торговые люди Олферей Булгакин и Тимофей Усов. Последний имел в 40-х гг. в двух действующих варницах Неноксы 8½ выти и 10 вытей в запустевшей варнице (Заозерская Е. И. У истоков крупного производства . . . с. 125). Известно также, что один из Усовых, Василий, в 40-х гг. передал свой соляной промысел в Неноксе Соловецкому монастырю (Савич А. А. Соловецкая вотчина в XV—XVII вв. Пермь, 1927, с. 99).

ния никакова никому не было». ¹⁵⁷ Следовательно, продажа у варниц была обычным делом. Торговали солью и в Холмогорах. В отписке 1646 г. таможенные головы констатировали, что этим летом привезенная от варниц соль продавалась дешево — по 8—10 денег за пуд (ранее продавали и по 2 алтына 8 денег, и по гривне), тем не менее ее «верховских монастырей старцы и слуги, и торговые люди» «не купили». «Гораздо мало» купили соль крестьяне Важского и Устюжского уездов, «мало ж» купили и двиняне, посадские и уездные крестьяне, «соли про себя и в отвоз на рыбные промыслы». Отмечая «малую» продажу соли в Холмогорах как аномалию, отписки, следовательно, подтверждает здесь в нормальный год активную продажу.¹⁵⁸ На холмогорском соляном рынке выступают и двинские солевары — посадские и крестьяне. К той же отписке приложена роспись, в которой указаны солепромышленники, не продавшие соль в Холмогорах летом 1646 г. Названы три монастыря, а вслед перечислены гостиной сотни торговый человек Иван Щепоткин, Лудского усолья — Иван Верещагин и Клементий Киров, Унского усолья — Денис Мошков и Тарас Микитин, Ненокского усолья — Бахтеяр Кологривов, Семен Сухоруков, Яким Дерягин, Мартын Суровцев, Григорий Заверткин.¹⁵⁹ Каждое имя сопровождается добавлением слов «с товарищи», показывающим, что эти 10 солепродавцов действовали от определенной группы совладельцев варниц, сбывавших свой продукт сообща. Объем их производства небольшой. Количество непроданной соли в среднем 720 пудов — цифра ничтожная по сравнению, например, с Соловецким монастырем, который не продал около 8 тыс. пудов. Размер варничного производства крестьян и посадских можно показать на примере двух варниц Неноксы — Гришневой и Михайловой, имевших по 20 сугребов. В 1619 г. в первой из них монастыри имели 13 сугребов, во второй — 13, остальные распределились между сибрами по 1—1½ сугреба. Среди последних находим представителей старинных фамилий солеваров: Иван Кологривов (1 сугреб), Перша Вепрев с племянниками (1½ сугреба), Микита Ширяев (1 сугреб) и др. Факт ничтожности долей в вар-

¹⁵⁷ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 169, сстав 41.

¹⁵⁸ Там же, сстав 47.

¹⁵⁹ Там же, сстав 47—48. — Иван Щепоткин получил в январе 1643 г. на оброк Соленое озеро за Кулойским посадом, возле его дер. Боровской, «для варничного заводу и деревенской роспаши» (Сб. ГКА, т. I, № 602). В апреле 1643 г. Иван Щепоткин приобретает по двум купчим еще одну варницу у Соленого озера (там же, № 605, 606). В феврале 1644 г. он получает «на оброк к ево Боровской деревне и к соляному промыслу» земли по Кулою-реке «выше посада» (там же, № 608, 612). В конце XVI в. Верещагины брали на празгу покосы в Березовском устье и столкнулись здесь со старцами Архангельского монастыря (там же, № 355). Денис Мошков имел пай в 1645 г. в Передней варнице в Унском усолье (там же, № 615). Братья Суровцевы владели в четырех варницах 2½ выти, а братья Никитины — 10½ выти (Заозерская Е. И. У истоков крупного производства . . . с. 125).

ницах Неноксы Кологривовых и Вепревых,¹⁶⁰ являвшихся в XVI в. главными солепромышленниками Подвинья, ясно подтверждает процесс затухания крестьянско-посадского солеварения.¹⁶¹

Что касается уменьшения объема производства соли в XVII в. по сравнению с XVI в., то это очевидно из следующего. Если в 60-х гг. XVI в. в 86 варницах Подвинья, по приблизительному подсчету, вываривалось свыше 400 тыс. пудов соли,¹⁶² то в 40-х гг. XVII в. количество соли, свезенной с более широкого района (из соседних уездов, со всего Белого моря), не достигало этого уровня ни в мае 1646 г., ни в мае 1647 г., ни осенью 1646 г.¹⁶³

Уменьшение объема производства соли и затухание крестьянско-посадского солеварения, конечно, не свели на нет значения этого промысла для экономического развития Севера вообще и для развития крестьянского хозяйства в частности. Монастыри и крупные торговцы-промышленники, прибрав соляные промыслы, усилили эксплуатацию трудового люда. Не в той мере, как в XVI в., в XVII в. происходило обогащение крестьянской верхушки, связанной с солепроизводством и с солеторговлей, что благоприятствовало внутреннему расслоению крестьянства.¹⁶⁴

Организация производства соли и его технология достаточно полно описаны в литературе.¹⁶⁵ Мы считаем нужным в свете нашей темы обратить внимание на вопросы обеспечения солепромысла рабочей силой. В работах Н. В. Устюгова, Е. И. Заозерской показано, что солепроизводство осуществлялось наемной силой. Наемная сила использовалась и при транспортировке соли. Заозерская обращает внимание на огромную затрату наемного труда при заготовке дров для варниц. Если исходить из нормы расходования дров (одна сажень на 10 пудов¹⁶⁶), то получится,

¹⁶⁰ Заозерская Е. И. У истоков крупного производства..., с. 119—120, 122—124.

¹⁶¹ В руки монастырей попадали старинные вотчинные варницы крестьян. Так, в 1645 г. Гаврил Гордеев с. Заслонов отдал «по старым письменным крепостям в Унском усолье... вотчинную свою варницу... и с санными покосами» «по купчим прадеда своего Никифора Никифорова с. Мартемьянова, что купил ту варницу у Федора Обросимова Шуйкина и у его детей у Павла, Невера да у Ивана». Три поколения пользовались варницей, пока она не попала в Антониево-Сийскую вотчину (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 17, № 118—119).

¹⁶² Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 175.

¹⁶³ В районах более «молодого» солеварения производство соли было более значительным по количеству. Так, один гость И. Д. Панкратьев вывозил из вымского промысла в Вологду от 200 до 300 тыс. пудов соли ежегодно (Гейман В. Г. Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII в. — ЛЗАК. Л., 1929, вып. 35, с. 17).

¹⁶⁴ К. Н. Сербина, дав обстоятельный обзор крестьянского солеварения в XVI и в начале XVII в. на Севере, пришла к выводу: «В соляной промышленности Русского Севера были гораздо более благоприятные условия для расслоения крестьян, чем в сельском хозяйстве» (Сербина К. Н. Крестьянские промыслы северо-западной России в XVI—первой четверти XVII в. — В кн.: Аграрная история Севера и Запада России в XVI в. Л., 1978, с. 133).

¹⁶⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в., с. 107—110; Морозов А. Родина Ломоносова. Архангельск, 1975, с. 106—108.

¹⁶⁶ Гейман В. Г. Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева..., с. 21.

что ежегодно в Подвинье и в Беломорье необходимо было заготавливать около 40 тыс. сажень дров. Весь этот огромный труд по заготовке и вывозке дров осуществляли нанятые крестьяне. В 1663 г. отец с сыном, заняв 6 руб. у Спасо-Прилуцкого монастыря, обязались «насесть и вывозить по зимы и летом в Унское усолье и выдматти у варниц на кострища на своих лошадях и за своим хлебом и вологою 30 сажень дров», срок выполнения — Петров день 1664 г. Выходит, договор, принявший форму заемной кабалы, заключен на один год. Крестьянин должен работу выполнить добросовестно: «В кострах класти дрова плотно, кражев не повертывать и не косить». Неустойка — 4 гривны за непоставленную сажень.¹⁶⁷ В 1669 г. тот же Спасо-Прилуцкий монастырь нанимает, заключив договор, крестьянина Е. Н. Зарубина «вывезти» зимою 100 сажень дров к р. Сеице, затем переправить в Унское усолье водой и «вызнять в верховье и у паволошных варниц на их спасовы кострища». Крестьянин «найму рядил» «от дровяной возки и от провадки и вздымки на хлеб и на всякую работу» по 3 алтына 1 деньги «со всякой сажени».¹⁶⁸

Итак, на поставке дров в монастырские варницы крестьяне получали в первом случае 6 руб., во втором — 9½ руб. Хотя весь объем работ выполнялся в течение года, крестьянин полностью не отрывался от своего хозяйства, оно велось, видимо, нормально. В то же время заработанные деньги существенно пополняли бюджет крестьянина: например, один мог купить около 90 пудов ржи, другой — около 140 пудов.¹⁶⁹

Транспортировка соли проводилась на судах и наемными людьми. По расчетам Е. И. Заозерской, на каждом судне находилось до 30 рабочих, среди них двое квалифицированных — носник и кормщик. Оплата ярыжных (бурлаков, грузчиков) составляла 16—22 алтына, носника и кормщиков — 3—4 руб.¹⁷⁰ Конечно, это очень приблизительные расчеты, а в отношении оплаты явно заниженные.

Вот точные данные о найме работников на 2 дощаника Николо-Корельского монастыря в 1645 г.¹⁷¹ На дощаники (казенный

¹⁶⁷ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 212.

¹⁶⁸ Там же, № 223.

¹⁶⁹ В марте 1673 г. Евсений Степанов с. Молодых Бояр порядился у Антониево-Сийского монастыря поставлять дрова к Неноксе «с десяти возов 5 алт. 2 деньга». Евсений обязался «дрова сетчи добрые и безоухульно, несуквати, с протесью, длиною 6 пядей больших», возы класть «в ширину и длину в 6 пядей». Часть платы шла продуктам, причем цены монастырь назначил чрезмерно высокие: например, мера ржи по 25 алтын (продавалась по 10 алтын). В феврале 1674 г. два крестьянина Заостровской волости нанялись вывозить дрова к Неноксе. Разумеется, «возить безоухульно... по дороге не метать... дрова выбирать пачисто... поленица полторы сажени вверх» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 30, № 119).

¹⁷⁰ Заозерская Е. И. У истоков крупного производства..., с. 143.

¹⁷¹ Книга Николо-Корельского монастыря Вологодской службы старца Ионы о найме рабочих на дощаники (Гос. архив Арханг. обл., ф. 191, по доп. описи № 8).

и котлянский) нанято по одному носилку и по одному кормицу, с оплатой первым по 6 руб., вторым — по 4 руб., по 2 десятника — с оплатой по 4 руб. с полтиной и 39 ярыжных на первый и 44 на второй — с оплатой по 3 рубля 23 алтына, по 3 рубля 25 алтын, по 3 рубля 29 алтын и по 3 рубля 30 алтын. Книга Вологодской службы заключает: «И всего дано ярыжным на оба дощаника порядено денег на 91 человека 313 р. 18 алт. 2 д.».¹⁷² Кроме того, наняты были два повара с наинизшей оплатой — по 23 алтына 2 деньги и по 16 алтын 4 деньги. Кого же нанимал монастырь? В книге названы ухтоостровцы, княжеостровцы, важане, вологжане, жители Чарондской округи, т. е. нанимались крестьяне широкого региона, оказавшиеся весной 1645 г. в г. Вологде. Итак, солеварный промысел давал возможность крестьянину заработать деньги даже тогда, когда он никакого участия в солепроизводстве не принимал, а был лишь наемным рабочим.

В рыболовном промысле существенных изменений в XVII в. не произошло. Крестьянин ловил рыбу в водах, прилегающих к его земле; что обусловило добавление к формуле документов, фиксировавших отчуждение и приобретение деревенской земли крестьянина, слов «с рыбными угодьями» и т. д.¹⁷³ Крестьянин как член волости имел право заниматься рыболовством в реках, взятых волостью на оброк. Писцы 20-х гг. XVII в. почти после описания каждой волости в перечне оброчных угодий указывали — рыболовные угодья «за всеми крестьянами».¹⁷⁴ Числились рыболовные угодья и за группой крестьян.¹⁷⁵ В рыбных угодьях,

¹⁷² Там же, л. 21 об. — Если к затратам на наем рабочих на дощаник добавить цену самого дощаника — 160 руб., то можно утверждать, что только капиталистский крестьянин мог осуществлять и выварку, и транспортировку соли. 160 руб. за дощаник уплатил Антониево-Сийский монастырь в Холмогорах — «мерю в длину 20 саж. со всей судовой снастью, кроме паруса, да якорь 8 пуд» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 17, № 96).

¹⁷³ Купчая 1640 г.: продал крестьянин «горную землю, и луговую оранию, и пожни сennie покосы... свою долю с путики с лешими ухажен и рыбными ловлями» (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 129). Купчая 1644 г.: продана земля в дер. Демьяновской с насаянкой рожью, с хормами, с гумном и «с лешими угодья и рыбными ловлями» (там же, № 144). Купчая 1671 г.: земля продана «в церковную казну» «всем крестьянам» с «путиками и с рыбными ловлями» (там же, № 276).

¹⁷⁴ «За всеми крестьянами» Лисеостровской волости «треть Соколя Берега, треть речки Юраса, да треть речки Смерды... треть оз. Шпршемского» (ЦГАДА, ф. 1209, п. к. № 9, л. 539—539 об.). За всеми крестьянами Княжеостровской волости «лесу на рощисть... да берег рыбные ловли» (там же, л. 623 об.). Отдельные участки р. Мезени были переданы очень большим коллективам. Так, участок от Пылей-острова до устья получили крестьяне Лампоженской и Окладниковской слободок и «все мезенцы», а участок реки от названного острова вверх до Пижмы — пинежане, кеврольцы многих волостей (там же, п. к. № 185, л. 399).

¹⁷⁵ Крестьяне трех деревень Княжеостровской волости получили рыбные ловли «по матерой стороне» (ЦГАДА, ф. 1209, п. к. № 9, л. 624). Запись 1625 г. упоминает трех крестьян, взявших у писца на оброк топию на Зимней стороне (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 10, № 61). В 1632 г. шесть совладельцев уступили р. Литу Никольско-Корельскому монастырю, которая была общим крестьянским рыбным угодьем (Сб. ГИЭ, т. I, № 565).

принадлежавших волости или группе крестьян, возможен коллективный лов, как это было в Варзуге, или частичный коллективный труд по сооружению заколов, заборов и других ловушек для рыб.¹⁷⁶ Был здесь и индивидуальный лов.

По писцовой книге 1623 г., в р. Пинеге и ее притоках ловились семга, лох, сиг, щука, окунь, плотица, язь и хариус, причем два первых вида рыб в притоки не заходили. В Пинеге, на ее притоках и в верховьях других рек, куда не заходила морская рыба, лов преследовал прежде всего потребительские цели — «про свой обиход». Промысловое значение имел лов рыбы в низовьях рек и на прилегающих к устьям рек участках моря. Именно в низовьях Двины, Варзуги, Солзы и других рек по Летней и Зимней сторонам Двинской губы, по южному берегу Кольского полуострова источники XVI в. зафиксировали более 400 тонн. Число их не уменьшилось и в XVII в. Так, в Уйме, по писцовой книге 1623 г., числилось 10 тонн, тогда как в XVI в. их было 7. Писец записал в Уне тони «за всей волостью» и обложил их общим оброком в 40 алтын и 12 денег пошлин.¹⁷⁷ Как и в солеварении, в рыболовстве монастыри стремились расширить свои владения. Через царские пожалования в 1622 г. феодалами была полностью поглощена (5 монастырей и Патриарший дом) рыболовная волость Варзуга.¹⁷⁸ Однако тони в Подвинье и в Двинской губе оставались крестьянскими,¹⁷⁹ хотя позиции здесь Антониево-Сийского монастыря, а с 80-х гг. Архиепископского дома постоянно укреплялись. Часть тонн монастыри и архиепископ эксплуатировали своими людьми,¹⁸⁰ а большинство сдавали на оброк крестьянам.¹⁸¹

В XVII в. значительную роль стал играть мурманский промысел, где главной отраслью был лов трески, подходившей огромными массами к Мурманскому берегу. Ежегодный уход крестьян

¹⁷⁶ В Тотемском уезде писцовая книга отметила 34 действующих еза и 5 пустых, причем езы устраивались коллективными усилиями (Колесников П. А. Северная Русь, с. 99—100).

¹⁷⁷ ЦГАДА, ф. 1209, п. к. № 9, л. 571.

¹⁷⁸ Копанев А. И. Неземледельческая волость в XVI—XVII вв. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967, с. 185.

¹⁷⁹ Именно крестьяне «лизовцы» заложили в Антониево-Сийский монастырь в 1644 г. 2 тони на Зимнем берегу и полтони на Золотицком берегу (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 17, № 63, 64). Закладная 1645 г.: за 50 руб. долга заложены Антониево-Сийскому монастырю 2 тони на Зимнем берегу (там же, № 115, 116). Купчая 1645 г.: Антониево-Сийский монастырь купил у трех крестьян на Терском берегу «в двух реках в тонях пятую долю» (там же, № 162).

¹⁸⁰ В 1695 г. на архиепископские «домовые тони» на промысел были отправлены конюхи, водовозы и другие работники, к ним придано было несколько покрученников, работавших из доли улова (Морозов А. Родина Ломоносова, с. 218).

¹⁸¹ А. А. Морозов приводит выписку из прихода-расходных книг Архиепископского дома 1688—1689 гг. о взимании оброка с крестьян Ухтоостровской, Куресской, Ровдоговской, Куростровской, Койдокурской волостей и Загорского стана, арендовавших 7 архиперейских тонн, находившихся на Зимней стороне (Морозов А. Родина Ломоносова, с. 217—218).

на Мурман засвидетельствовали таможенники в своей отписке 1646 г., обеспокоенные малой продажей соли на Двине. «А которые, г-рь, многие люди в прошлых годах весною ходили на Мурманское море и в иные места для рыбные ловли и покупали соль многую на Холмогорах и в Двинском уезде и тех, г-рь, промышленных людей ныне пошло на море для рыбные ловли перед прежним меньше... и те люди купили соли гораздо мало».¹⁸² Мурманский промысел был устоявшейся практикой и привлекал большое число посадских и крестьян Подвинья. Руководителями промысла были владельцы становищ, между которыми распределялись промысловые участки. Они заводили здесь помещения для рабочих, склады, суда и орудия лова, запасали соль. Становища принадлежали монастырям,¹⁸³ Архиерейскому дому, черносотным и посадским людям, чаще всего державшим становище «на паях».¹⁸⁴ В эти становища весной «пеш» приходили рабочие и оставались здесь на всю путину, подвергаясь жесточайшей эксплуатации со стороны хозяев становища. Например, Архиерейский дом посылал под присмотром домовых служилых людей в 1695 и 1696 г. по две ладьи на Мурман с 9 покрученниками в каждой на следующих условиях: «Всякая уловная рыба на каждой лодки делить на девять участков. Ис того числа в дом архиерейской 6 участков с тремя долями участка. Кормщику да карбаснику участок. Покрученником семерым человеком участок и две доли участка».¹⁸⁵ «На долю рядовых покрученников доставалось так мало, что почти все уходило на расплату за полученное раньше».¹⁸⁶ В последующие годы отправлялось уже до 10 «вешних» и «летних» карбасов с 42 покрученниками. Как велики были уловы рыбы, мы не знаем. Однако одна «Роспись сколько Афанасию архиепископу и в монастыри пропускать велено безпошлинно запасу», приложенная к царской грамоте 1688 г., свидетельствует о значительных количествах добываемой рыбы (табл. 10).¹⁸⁷

Как видно из таблицы, главное место в запасах занимала рыба, добытая на Мурмане (треска, палтусина, сало трескового, ворвань). Видимо, пошлина не бралась при провозе рыбы от

¹⁸² Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 169, сстав 7. — В обычные годы соли на Мурман закупалось, видимо, значительное количество. Так, отправляя в 1696 г. промысловиков на Мурман, Архиерейский дом послал 1300 пудов соли (Морозов А. Родина Ломоносова, с. 220).

¹⁸³ Здесь имели становища Соловецкий, Антониево-Сийский, Архангельский, Спасо-Прилуцкий монастыри (Ефименко А. Артели в Архангельской губернии. — В кн.: Сборник об артелях в России. СПб., 1874, вып. 2, с. 2—4).

¹⁸⁴ В 1689 г. холмогорец Андрей Зыков продал Архиерейскому дому свою долю «на Мурманском берегу, в Оленьем становище, в Виселкине губе, в стану, и в скеи, и в бани, и в анбаре, и в сепех, и во всем том четвертую долю, что была с куростровцем Юдкою Ломоносовым» (Морозов А. Родина Ломоносова, с. 212).

¹⁸⁵ Морозов А. Родина Ломоносова, с. 220.

¹⁸⁶ Там же, с. 221.

¹⁸⁷ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 325.

Таблица 10

Количество рыбы и рыбопродуктов (в пудах),
заготавливавшихся монастырями
и архиепископом беспошлинно

Продукт	Архиепископ Афанасий	Спасо- Прилуцкий монастырь	Антониево- Сийский монастырь	Никола- Корельский монастырь	Архангель- ский мона- стырь	Новопрлуц- кий мона- стырь	Соловецкий монастырь
Семга	1200	350	650	257	—	130	757
Палтусина соленая	4800	670	1237	885	600	500	} 5000
Треска соленая	3500	520	1785	680	300	30	
Палтусина сухая	500	—	—	27	100	—	—
Треска сухая	350	—	—	37	—	—	—
Сало тресковое	250	—	69	30	20	—	—
Ворвань	50	10	30	—	—	—	—
	бочек	бочек	бочек	—	—	—	—
Белая рыба	—	—	—	—	—	10 бочек	—

места лова до монастырских и архиепископских подворий. Однако монастыри и архиепископ не ограничивались своим уловом, они покупали рыбу на промыслах. Так, архиепископ получал со своих промыслов за разные годы по 146—1050—2227 пудов соленой палтусины, по 373—676—740 пудов соленой трески, по 15—40—81 пуду сухой трески, по 6—8—10 бочек трескового сала.¹⁸⁸ Это значительно меньше, чем ему было разрешено вывозить царской грамотой 1688 г. беспошлинно.¹⁸⁹ Конечно, феодалы стремились использовать с выгодой царское пожалование и вывозили с промыслов огромные запасы рыбы.

Цена на рыбу была достаточно высокой: пуд семги стоил 25 алтын, палтусины — 7 алтын, трески — 5 алтын. Менее дорогой была речная рыба: щука головная стоила 5 алтын пуд, щуки колодки — 4 алтына 2 деньги, лещ — 3 алтына 2 деньги, сит — 2 алтына.¹⁹⁰ Итак, удачливый год приносил огромные доходы рыбопромышленникам-феодалам, которые могли поддерживать материально-техническое обеспечение промысла на должном уровне,¹⁹¹ что привлекало на промыслы бедноту, эксплуатация

¹⁸⁸ Морозов А. Родина Ломоносова, с. 221.

¹⁸⁹ В челобитной игумена Феодосия 1673 г. говорится, что Антониево-Сийский монастырь «посылает старцев, слуг, крестьян, бобылей и рабочих наемных людей в морские, и в речные, и во всякие промыслы в лодках, и в карабасах, и во всяких судах... промысливать и покупать полтосины, трески, семги и всякие рыбы сала и кож ворваньных и всякого зверя» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 30, № 3).

¹⁹⁰ Цены приведены в расходной записи Антониево-Сийского монастыря 1671 г. (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 28, № 62).

¹⁹¹ Архиерейский дом заготавливал для промыслов в год в среднем по 20 тыс. веревок подолнишных, лес по 6 пудов, по 3 тыс. уд тресковых луженых, по 21 тыс. крюков тресковых (Морозов А. Родина Ломоносова, с. 221).

которой и приносила сказочное богатство хозяевам. Крестьянские промыслы были мельче, чаще всего «на паях» и плохо технически обеспечены. Например, в Кемской волости у крестьян-луковиков (134 дворохозяина) имелось 9 лодий (некоторые на паях), 2 судна мурманских, 2 соймы (на паях), 35 весновских судов, 19 перных сетей, 35 пегодов (некоторые на паях). Очевидно, лишь десяток дворохозяев мог обратиться к богатому мурманскому промыслу, остальные должны были довольствоваться прибрежным ловом, для чего и служили весновские суда. Конечно, для всего населения был доступен лов рыбы простейшими средствами, но он не носил промыслового характера. Практиковало население и подледный лов рыбы в Сорокском заливе.¹⁹²

Промысел морского зверя в XVII в. получил дальнейшее развитие. Ареал его расширился до Новой Земли. Хозяевами его были крупные промышленники и гости. В 1682 г. «гость Гаврило Фетиев» отметил в таможенной книге отпуск из Архангельска «новоземельского промысла 11 зверей моржины». В 1694 г. на новоземельском коче пришел в Холмогоры «гостиной сотни Ивана Митусова человек». В 1694 г. архиепископ Афанасий получил с Новой Земли 16 бочек звериного сала. В 1695/96 г. туда направляются 5 кочей. Хотя некоторые из них были разбиты (3 кочи), доход от продажи сала, кож и клыков моржей составил 152 рубля 15 алтын 2 деньги, а в 1697 г. — 97 рублей 11 алтын.¹⁹³ Морским промыслом занимались, конечно, только капиталисты крестьяне, крестьяне средней руки и беднота могли участвовать в нем лишь в качестве наемной силы. Это хорошо иллюстрирует челобитная Черногорского монастыря 1695 г. воеводе: приказчик «пинже-нина» Федора Маслова с работными людьми вредит рыбному и звериному промыслу монастыря на Загубском берегу. Из памяти воеводы выясняется, что Федор Маслов еще в 1687 г. получил грамоту, разрешающую ему «рыбу и всякого зверя промысливать его Федоровыми людьми». Воевода предписывает сторонам «не теснить» друг друга.¹⁹⁴

Более доступно рядовому крестьянину было смолокурение, потому что этот промысел не требовал сколько-нибудь крупных затрат. Крестьянин сам подрезал (осачивал) деревья (сосну или ель) и после 3—4 лет обсмаливания срубал их и сжигал в яме-печи, изготовленной самим. Бажская смола славилась еще в XVI в. С 1647 г. смола объявлена была казенным товаром и давала казне большой доход. В 1674 г. бочка смолы (8 пудов) обходилась казне около 33 коп., а продавалась по 99 коп. Смолу покупали не только иностранцы, но и русские для смоления судов и судовых снастей.¹⁹⁵

¹⁹² См.: Отчет высочайше утвержденной экспедиции для исследования рыбных и звериных промыслов на Белом и Ледовитом морях за 1859 год, составлен начальником экспедиции Н. Давилевским, СПб., 1860.

¹⁹³ Морозов А. Родина Ломоносова, с. 222—225.

¹⁹⁴ Сб. ГРЭ, т. II, № 124.

¹⁹⁵ Морозов А. Родина Ломоносова, с. 113.

Использовали крестьяне и другие природные богатства. В волостях по Ваге и Сухоне крестьяне копали руду и варили железо в домницах.¹⁹⁶ Нашли железную руду и на Мезени. «У деревни Хорневы, — отмечает писец, — на Мытовом ручью железная руда, копают Фефилко Агеев, оброку ... 8 алт. 2 деньги».¹⁹⁷ Выходы «жернового камня» у дер. Кирилловской были даны на оброк на разработку крестьянам хлыновским воеводой в 1682 г. «Камень поискать» и «делать безпенно», — предписывает воеводская память.¹⁹⁸ В XVI и XVII вв. в Орлеце на Двине ломали камень и жгли известь пинежане и двиняне.¹⁹⁹ На Мезени копали «точильный камень».²⁰⁰

Солеварение, рыболовство и другие промыслы стимулировали развитие на Севере разных ремесел. Среди них кузнечное ремесло, обеспечивавшее железную поделку в варницах и на рыбных промыслах, бондарное, готовившее бочки. На верфях строили промысловые и транспортные суда.²⁰¹ Указанные ремесла, как и многие другие (плотничье, ткацкое, портняжное, сапожное и т. д.), в основном бытовали и развивались в северной деревне.

Охота была распространенным крестьянским промыслом в XVII в., о чем свидетельствуют поземельные крестьянские акты XVII в., в которых деревенские участки отчуждаются или приобретаются вместе с «путиками» и «перевесницами» и с «зверинными ловами».²⁰² Правда, в XVII в. ценный пушной зверь вывелся. Например, исчезли черные лисицы, которых, по словам Герберштейна, было множество в Подвинье, редкостью стали лисицы всех других мастей. По сообщению Д. Флетчера, меха черных и красных лисич доставлялись из Сибири.²⁰³ Это подтверждают и таможенные книги 30—40-х гг. Великого Устюга, в которых зафиксирован огромный привоз разных мехов, особенно соболя, из Сибири.²⁰⁴ Однако охота на менее ценного пушного

¹⁹⁶ Сербина К. Н. Крестьянские промыслы..., с. 116—117. — 6 алтын 4 деньги оброку брали с тотемских крестьян, варивших железо и копавших руду (Колесников П. А. Северная Русь, с. 100).

¹⁹⁷ ЦГАДА, ф. 1209, п. к. № 185, л. 241.

¹⁹⁸ Труды Вятск. арх. ком. 1907 г., вып. IV, № 147.

¹⁹⁹ Сб. ГРЭ, т. II, № 95.

²⁰⁰ В 1683 г. мезенец вез на продажу «два коленца точил» (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 298).

²⁰¹ Вот любопытная порядная 1653 г. Два крестьянина Волока Пинежского (отец с сыном Лемеховы) обязались сделать для Антониево-Сийского монастыря 2 павозка длиной в 5 и в 4½ сажени. Лес нарубить («сосны ядреные») осенью. «Для доспешения» нанять людей. Во время работы корм от монастыря. «А от того дела себе на работу и работным людям в наем ридили 4 рубля» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 172).

²⁰² Купчая 1644 г.: продана четверть деревни «с путики, с лесными ухажей... и с оброчным путиком» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 17, № 32); купчая 1644 г.: продана треть деревни «с путики, с ловищи и с перевеси» (там же, № 49).

²⁰³ Морозов А. Родина Ломоносова, с. 94—95.

²⁰⁴ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого XVII в. М., 1960, с. 274—287.

Социальное расслоение деревни (деревенские богатеи и беднота)

После того как мы осветили вопросы крестьянского землевладения, демографические и социальные явления черносошной деревни XVII в., а также очертили основные контуры развития земледелия, животноводства и промыслов, нам надлежало бы все ветви нашего исследования сфокусировать на конкретных группах крестьянских хозяйств, столь разных по земельной и хозяйственной обеспеченности. Однако это авторское намерение — провести синтетическое исследование — наталкивается на непреодолимое препятствие — отсутствие источников. Не только о группе зажиточных, средних и бедных крестьян, но даже об отдельных хозяйствах крестьян этих групп мы не имеем сколько-нибудь полных сведений. Если мы знаем количество земли, то нам неизвестно, сколько хозяйство имело скота; если мы знаем то и другое, мы не знаем ничего о промыслах и т. д. Следовательно, обрисовать крестьянское хозяйство (соотношение отраслей хозяйства, обеспечение рабочей силой и т. д.) не представляется возможным. Наши источники содержат лишь своеобразные индикаторы крестьянского хозяйства. Например, если у Савки Чудинова в Шенкурской четверти было 60 дес. земли, что почти в 20 раз превосходит средний крестьянский надел в этой местности, то для нас это показатель крупного крестьянского хозяйства.¹ Если крупное хозяйство Васьки Гнидина при 52 дес. земли велось в 20-х гг. XVII в. с помощью 8 половников, то это может служить показателем для характеристики организации крупного земледельческого хозяйства вообще (см. с. 90). Если пинежанин Федор Маслов промыслял рыбу на Загубском берегу «работными людьми», то мы вправе предположить, что наемным трудом пользовались и другие крестьяне-промышленники.² Следовательно, заключения по аналогии помогут раскрыть реальное значение разрозненных хозяйственных показателей. Этот метод, на наш взгляд, раскроет также социальное значение земельной обеспеченности крестьян, отклонения которой от среднего уровня определяли полярно противоположные типы крестьянских хозяйств:

зверя и птицу играла заметную роль в жизни северного крестьянина. Поэтому Судебник 1589 г. посвящает особую статью охране охотничьих угодий деревни — 176-ю, запрещающую вступаться инодеревенцам или «далним жильцам» в ее путики.²⁰⁵ Правда, инодеревенец мог купить путик у его собственника. Например, в 1648 г. Илья Онисимов с детьми «отступился и продал» «тропу свою» «в дернь без выкупа и без отпятики», доставшуюся ему «с делу» от брата и сестры.²⁰⁶ Предметам охоты, судя по орудиям лова,²⁰⁷ преимущественно были мелкий пушной зверь и птица. Меха и дичь шли на хозяйственные нужды, а также на рынок. В 1683 г. у мезенца Василья Нестерова на таможне вместе с кожами, салом и маслом «досмотрено» «70 тетерь черных и пестрых», которых он вез в Архангельск на продажу.²⁰⁸

Государственную статью составляла охота на кречетов, ибо кречеты поставлялись на царский двор. Этот промысел находился под наблюдением воевод. Вот интересная память-инструкция от 31 мая 1670 г. двинского воеводы выборному целовальнику Семену Сокову, присланному с помытчиками для наблюдения. Девять человек были отправлены на Мурманский берег «за 7 островов», «в Воронью реку в Мохнаткину пахту». Им предписано «на прежних седбищах кречеты ... ловить с радением перед прошлые годы с прибылью». Запрещается уступать кречетов иностранцам, заниматься только ловлей кречетов, а «своими торгами не заниматься», стоять «в избах у промышленных людей», беречь кречетов от повреждений в дороге, кормить их и «привести на Холмогоры в целости».²⁰⁹ Забота правительства о ловлях кречетов видна и из грамоты воеводы 1695 г., по которой к Черногорскому монастырю переходили «рыбные и по горé звериные промыслы» на Тиунском берегу Кольского полуострова. В ней предписывалось: «Двинских кречатых помытчиков, которые на Тиунском берегу птиц промышляют, ни в чем их не теснить и налог, и обид им не чинить».²¹⁰

Промыслы играли важную роль в экономической жизни деревни: богатая часть крестьянства приобретала промысловые участки, оборудование, втягивалась через промыслы в торговлю, обедневшая часть крестьянства, эксплуатируемая промышленниками, находила на промыслах работу и какой-то заработок. Промыслы связывали внутреннюю и внешнюю торговлю, что способствовало экономическому развитию Севера.

²⁰⁵ Судебники XV—XVI вв., с. 405.

²⁰⁶ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 171; «О своей тропе» говорит крестьянин в явке 1624 г. (РИБ, т. XIV, кн. 2, № 297); в одной явке упоминается «птичная тропа» (там же, № 315).

²⁰⁷ По писцовой книге 1623 г., в Кеврольском уезде в волостях по Пинеге и Мезени у крестьян числилось перевесей 132, слоппев на зверя свыше 16 тыс., слоппев на птицу свыше 2500 (Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 170).

²⁰⁸ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 283.

²⁰⁹ Там же, № 224.

²¹⁰ Сб. ГИЭ, т. II, № 120.

¹ Аграрная история Северо-Запада России XVI в., с. 77.

² Сб. ГИЭ, т. II, № 121.

состоятельных, зажиточных и хозяйств необеспеченных, нищавших, искавших средств к жизни в работе по найму.

Как индикатор социальной жизни на Севере XVII в. существенно такое явление, как половничество. Одно то, что ареал половничества, охватывавший до XVII в. Псков, Новгород, Тверь, Кострому, Ярославль, ограничился с начала XVII в. в основном областью Европейского Севера, в XVIII в. — районами Великого Устюга и Вятки, а в XIX в. сузился до четырех вологодских уездов,³ свидетельствует о связи этого института с черносошным землевладением. По мере поглощения крестьянских земель феодалами в центре и развития здесь крепостного права половничество как явление отступало на Север, в среду незакрепощенного крестьянства. И это не случайно. Именно здесь создались условия для процветания половничества как экономического, так и правового характера. В экономической области такими условиями были, во-первых, возникновение на Севере феодально-монастырского землевладения и общинного землевладения приходских церквей, не обеспеченных крепостным населением или недостаточно обеспеченных,⁴ во-вторых, образование в крестьянских волостях заметного слоя богатеев, захвативших земли и ведших свое хозяйство с помощью наемных работников. Половничество и было одной из форм найма рабочей силы для крупного крестьянского хозяйства. Правовой статус черносошного крестьянина, как незакрепощенного землевладельца, давал возможность и феодалам-монастырям, и приходским церквям, и деревенским богатым привлекать обезземеленных крестьян через половничество — поряд — в свои хозяйства в качестве работников.

Историографически установилась традиция рассматривать половничество в связи с историей происхождения крепостного права, т. е. с развитием феодальных отношений. В советской историографии наиболее ярко эти взгляды применительно к XVII в. и Северу выражены в трудах З. А. Огризко. Так, Огризко выдвинула идею развития феодализма на Севере на базе землевладения приходских церквей, которое она считает феодальным, а ведавших этими землями церковных старост — «корпорацией эксплуататоров-феодалов».⁵ Аналогичную оценку под пером

³ Огризко З. А. Из истории крестьянства на Севере..., с. 4; Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 271.

⁴ Дьяконов М. А. Половники поморских уездов в XVI—XVII вв. — ЖМНП, 1895, май, с. 12—13. — Приводятся грамоты устюжских и сольвычегодских монастырей о том, что у них «монастырских крестьян и бобылей нет», что землю пахут «изполю по уговору половники и наемные люди».

⁵ Огризко З. А. Землевладение севернорусских волостных церквей в XVII в., с. 79. — М. В. Ключков назвал церковные порядные XVII в. остатком «более ранних договорных отношений между крестьянином-порядчиком и владельцем — сдатчиком земли». Ряд, устный или письменный, оформлявший статус крестьянина в XIV—XVI вв., изжил себя в Центре в связи с закрепощением крестьян и Уложением 1649 г. и остался лишь на Севере. Право отказа порядчика в XVII в. Ключков трактует так же, как остаток древнего права отказа крестьян, закрепленного судебниками. Однако социальные условия Подвинья XVII в. были иными, чем в Центре

Огризко получает и крупная крестьянская собственность. По ее мнению, «особый характер процесса обезземеливания северных крестьян в XVI—XVII вв.» состоит в концентрации «черных земель у отдельных лиц», которая приводила «к образованию феодальной собственности и к превращению в феодально-зависимых людей бывших владельцев этих земель».⁶ Выходит, и многоземельный крестьянин — феодал, а работавший на него половник — чуть ли не его крепостной. А. Л. Шапиро с большой убежденностью писал в 1961 г.: «На Севере (в XVII в.)... богатые крестьяне эксплуатировали труд половников, имевший явные черты феодального характера».⁷ Итак, развитие института порядка — половничества — отражает, по мнению З. А. Огризко, развитие феодальных отношений. Другой взгляд на половничество высказал Б. Д. Греков, увидев в нем отражение углубления товарно-денежных отношений и «имущественного расслоения деревни».⁸ Эти положения Грекова вполне подтверждаются выявленным нами поземельным и имущественным расслоением черносошной деревни в XVI и в XVII вв., что обусловило глубокое внедрение половничества в экономический строй северной деревни. Подтверждается и другое положение Грекова о том, что половник «оказывается очень близким к наемному на известный срок работнику, вынужденному наниматься на очень тяжелых условиях».⁹ Половничество, хотя оно и вело к зависимости крестьянина от хозяина земли, тем не менее в массе своей не превращало половника во владельческого крестьянина. Он оставался наймитом. Даже в случаях наследственного половничества, когда «половников едва ли можно рассматривать как наймитов»,¹⁰ они, пусть экономически закабаленные, скажем, через неуплату ссуды, как думает П. А. Колесников, все-таки в юридическом отношении оставались свободными. Да и то надо учитывать, что порядчику был нужен поряд, это было средством существования

XIV—XVI вв., и ряд здесь носил характер найма (Ключков М. В. Крестьяне Севера XVII в., по порядным грамотам. — Учен. зап. Ростов-на-Дону гос. ун-та, 1945, т. IV, с. 47—48).

⁶ Огризко З. А. Из истории крестьянства на Севере..., с. 6. — Свое положение Огризко подтверждает ссылками на труды М. Гудовникова и Н. Н. Покровского, которые посвящены крестьянскому землевладению XIV—XV вв., существенно отличавшемуся по социально-экономическим условиям от XVII в.

⁷ Шапиро А. Л. Об опасности модернизации экономической истории русского крестьянства XVII—первой половины XVIII в. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1961, с. 62.

⁸ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М., 1954, кн. 2, с. 138, 146.

⁹ Там же, с. 145. — Этот взгляд ранее высказал М. М. Богословский: «Половник рядится на чужую землю; это простой рабочий, обрабатывающий чужую землю на известных условиях» (Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. I, с. 133). Н. Рожков назвал половничество «состоянием переходным от наемных рабочих к крестьянам-арендаторам» (Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., с. 164).

¹⁰ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 272.

и отца, и сына, и последовательно внука. А. Я. Ефименко, изучая порядные приходских церквей Подвинья, нашла в них указание на 95-летний срок пребывания одной и той же земли в одном роду. Причем такие долговременные порядчики иногда даже не перезаключали порядную, а жили по старой порядной. Когда же архиепископ Афанасий начал бесцеремонно распоряжаться церковными землями, старые порядчики стали требовать заключения новых порядных, ибо боялись, что без письменно утвержденных условий могут очутиться «за архиереем во крестьянстве». Следовательно, порядная защищала крестьянина даже от всецельного феодала.¹¹ В источниках запечатлена длительная борьба порядчиков вятского Никольского собора против передачи их вятскому епископу «во крестьяне». Крестьяне добивались, чтобы их отписали на государя, но безуспешно.¹² Изучив порядные Антониево-Сийского монастыря, Г. Н. Образцов нашел менее десятка случаев, когда порядчик превратился в вотчинного крестьянина, все остальные порядчики (он изучил 71 порядную черносошных крестьян) сохранили свою свободу.¹³ Привел Образцов и пример семьи Окуловых — монастырских порядчиков в течение всего XVII в., которые не попали в среду вотчинного населения, остались порядчиками, т. е. свободными.¹⁴

Реальное положение половников в правовом и хозяйственном отношении описано весьма подробно З. А. Огризко на основе более чем 800 порядных XVIII в. Гledenского монастыря.¹⁵ Вопреки своим идеям, Огризко, на наш взгляд, привела большой материал, характеризующий половничество этого монастыря как одну из форм найма рабочей силы. Совсем не имея крепостных крестьян, Гledenский монастырь вел свое хозяйство исключительно трудом половников, нанимая их в основном из черносошных крестьян. Огризко всесторонне описала всегда индивидуальные условия порядка, показывающие, что не только монастырь рядил, но и порядчик рядился, определяя свои условия в зависимости от качества участка, количества угодий и т. д. Это важно для оценки ряда как договора. Отсюда в порядке налицо наем со стороны вотчинника и сдача в наем рабочей силы другой стороной. По экономическому положению хозяйства половников были сходны с хозяйствами крестьян. Среди половников были многоземельные и малоземельные, обеспеченные и плохо обеспеченные тягловой силой и скотом. По правовому положению половник всегда стоял на уровне черносошного крестьянина, ничем не отличался от волощанина — он оставался членом волости. Отметим Огризко и такое обстоятельство: некоторые половники не порывали со своей прежней деревней, для них хозяйство по порядной было подмогой. Основные выводы исследования Огризко

рисуют нам половника в монастырской вотчине как наемного рабочего, обрабатывающего чужую землю.

Наше обращение к историографии имело целью отнюдь не исчерпать ее, а определить свое отношение к двум противоположным точкам зрения на половничество. Мы придерживаемся точки зрения Б. Д. Грекова.

М. М. Богословский отметил, что «статистическое представление о классе половников» затруднительно, так как писцовые книги зачастую не отделяют половников от крестьян. И действительно, в Двинском и в вятских уездах было значительное число половников (сохранились порядные, упоминания в актах), однако в писцовых книгах XVII в. они не отмечены.¹⁶ Больше всего половничьих дворов зафиксировали писцы в Великоустюжском уезде: в 1623—1626 гг. — 1205 дворов, в 1676 г. — 1852, причем 717 в первом случае и 1044 двора во втором находились на черных землях, соответственно 419 и 682 — на церковных, 69 и 126 — на частновладельческих; в Сольвычегодском уезде в 1678 г. насчитывался 1021 двор половников, из которых 567 дворов на черных землях, а остальные (почти по половинам) — на церковных и частновладельческих; в Тотемском уезде — 32 двора половников, из них 17 на черных землях.¹⁷ Повторяем, это не полные цифры (в середине XVIII в. на Севере было более 12 тыс. половников,¹⁸ а в XVII в., вероятно, их было больше). Однако они дают представление о тех явлениях поземельного обеднения значительного слоя крестьянства, искавшего прокормления на чужой земле, не говоря уже о тех крестьянах, которые хозяйствовали на самых крохотных наделах (их было 30—40%), готовых также взяться за любой труд по найму на промыслах и в земледелии.¹⁹ Большое значение для выявления внутренних процессов имеет соотношение числа половников на черных, церковных и частновладельческих землях. Половники на черных землях — это те, которые рядились на деревни богатых, многоземельных крестьян и эксплуатировались ими. Источники XVII в. фиксируют развитие этих явлений. Показателен в этом отношении Кеврольский уезд, где не было феодального землевладения. П. И. Иванов,

¹⁶ По Двинскому уезду известно свыше 200 порядных XVII в. По данным А. И. Комиссаренко, по переписи 1710 г. в Вятском уезде было 667 дворов половников, что составляло 12% от общего числа крестьянских дворов (Комиссаренко А. И. Половничество на Вятке в первой половине XVIII в. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1966 г. Таллин, 1971, с. 242—243).

¹⁷ Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. I, с. 136—137, Приложение, с. 64—65.

¹⁸ Колесников П. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в., с. 272.

¹⁹ Иногда эти «оседлые крестьяне, живущие своим двором и хозяйством», брали в аренду землю у богатых крестьян. Эта аренда по условиям была близка к половничьим, однако она отличалась от последней тем, что арендатор не переселялся на землю хозяина, а жил на своем наделе, обрабатывая землю «исполну» или из другой доли (Иванов П. И. К истории крестьянского землевладения..., с. 437).

¹¹ Ефименко А. Я. Исследования народной жизни, вып. 1, с. 283—284.

¹² Спицын А. А. Земля и люди на Вятке, с. 38—44.

¹³ Образцов Г. Н. Оброчные и порядные записки..., с. 90, 94—96.

¹⁴ Там же, с. 90—92.

¹⁵ Огризко З. А. Из истории крестьянства на Севере..., разделы 1 и 2.

глубоко изучивший материалы XVII в. по этому уезду, пришел к выводу, что половничество идет «рука об руку с увеличением мобилизации недвижимости» и что «вместе с ростом состоятельности» отмечается переход некоторых крестьян «к наемному половническому» труду.²⁰ Нарастание этого процесса Иванов иллюстрирует следующими цифрами: в 1623 г. ни в Чаколе, ни в Кевроле не было половников, в 1686 г. — у шести крестьян 11 половников, у одного — 4, у одного — 3, у остальных — по одному. В Черевковской волости и в Сидоровой Едоме Устюжского уезда в начале века не было половников, а в 1686 г. — их 9, в Алексеевском стане — 20, в Лальской волости на 80 крестьянских дворов — 16 половничьих, в Вильегоцкой волости на 56 крестьянских дворов — 6 половничьих.²¹ Рост числа половников в XVII в. показывают и приведенные цифры по отдельным уездам. Половничество было наиболее удобной формой хозяйственной эксплуатации земли для многоземельного владельца (крестьянина, посадского, церкви, монастыря). При несложной сельскохозяйственной технике, дробности и чересполосности деревенских владений (чьи бы они ни были) именно половник, взяв ту или иную долю деревни, мог, как равноправный с остальными дворохозяевами деревни, включиться в хозяйственный оборот и охватить все угодья, составлявшие его долю деревни, и обеспечить доход хозяина земли. В словах устюжского богатея, гостя Кирилла Босого — «а в наших, государь, местах живут у нас, в деревнишках наших, крестьяне твои государевы вольностью» — отражена общая практика эксплуатации посадскими людьми своих земельных владений в уезде.²² Также свои «деревнишки» сдавали богатые крестьяне.

Попытаемся представить себе хозяйство, эксплуатирующее труд половников. В источниках такие сведения очень редки. Обратимся вновь к крестьянской вотчине Гнидиных, которая имеет два описания (20 и 70-х гг.).

В 20-х гг. крестьянин Васька Гнидин владел двумя деревнями и жеребьями в пяти деревнях. Пашня его составляла 52½ дес. (35 четвертей в поле и «в дву потому ж»), сена накапывалось 823 копы, пашенного леса в вотчине было 15 дес., непашенного — 28½ дес. Сам владелец жил в дер. Мальцевской (на 6-й доле), имел пашни 3 чети с осьминой, сена 50 копен, леса па-

шенного одну десятину, непашенного — 2 дес. Все остальные земли обрабатывали 8 половников, поселенных в деревнях Гнидина. В среднем на половническое хозяйство приходилось по 4.8 дес. земли (с колебаниями от 1.5 до 9½ дес.), по 96 копен сена (с колебаниями от 3 до 230 копен), по 1.7 дес. пашенного леса, по 3¼ дес. непашенного леса. Как видим, личное хозяйство Васьки Гнидина по своим параметрам почти не отличалось от половничьего. Некоторые из его половников пахали больше земли, имели больше сена. Однако собственник земли получал огромный доход от эксплуатации половников. При урожае сам-4 в качестве общей нормы для озимых и яровых (ржи и ячменя), при посевах ⅔ надела (⅓ под паром) и при высеве 30 пудов (9 пудов на десятину) Васька Гнидин должен был в своем хозяйстве получить 120 пудов хлеба, а за вычетом семян — 90 пудов. Кроме того, он получит при условном том же урожае и высеве от 8 половников, сеявших 47 дес., в качестве псполовья 474 пуда хлеба, т. е. будет иметь в конце хозяйственного года 564 пуда хлеба. При более высоких урожаях, как мы видели, это не было редкостью, сбор хлеба достигал и тысячи пудов. Мы не знаем семьи Гнидина, не знаем, сколько он держал скота, но, несомненно, в его хозяйство оставался лишний хлеб. Он пользовался материальным достатком для покупки земель: в 1621—1622 гг. приобрел доли в трех деревнях, в одной из них уже после писца Никиты Вышеславцова. По специальной царской грамоте деревни Гнидина были описаны «особь» от волостных земель, ему было предоставлено право платить налоги отдельно от крестьян «в Шемескую волость». У Васьки Гнидина не было сыновей-наследников, а остались лишь малые внуки Данилко да Терешка, последний еще и слепой. Видимо, поэтому, как писали внуки в 1678 г. в челобитной царю, «деда их Васки Гниды вотчинными деревнями и санными покосы, и всякими угодьями... с хлебом, и с скотом, и с мелким скотом, и с деревенским заводом» завладел гостинной сотни торговый человек Никифор Ревякин. После его смерти вотчины были отписаны на государя и «отданы половникам».²³ Но в результате замужества вдовы Н. Ревякина за гостя Василия Шорина вотчина Гнидина была передана ему. Ревякин и Шорин вели хозяйство путем сдачи деревень половникам. В 1679 г., в момент передачи вотчины Васьки Гни-

²⁰ Иванов П. И. К истории крестьянского землевладения..., с. 436. — Иногда крестьянин предпочитал промысел земледелию. Иванов отметил случай, когда крестьянин, занявшись скорняжным промыслом, сдал свою деревню половникам (Иванов П. И. Северные писцовые книги как материал для истории обложения, с. 65).

²¹ Иванов П. И. К истории крестьянского землевладения..., с. 436.

²² До чего «увязал» посадский владелец при этом в деревенских отношениях, свидетельствует явка холмогорца Харитонки 1620 г. Богоявленской Ухтоостровской волости с жалобой на крестьянина этой волости, а его, посадского человека, половника, в невыполнении последним условий порядной. Посадский просит защиты у волости (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1403, оп. 1, № 36).

²³ В 1656—1657 гг. после смерти Никифора Ревякина и братьев Босых (Кирилла и Василия) устюжские вотчины их отписывались на государя, «а половником их в тех их вотчинах велено жить по прежнему... службы служить и подати платить с мирскими людьми в ряд» (РИБ, т. XII, № 89, с. 391). Богатый крестьянин Васька Гнида в 20-х гг. играл, видимо, важную роль в волостных делах. В июле 1626 г. ему было поручено «брать денег с Устюга с посаду и со всего Устюжского уезда по 2 рубли с сошки», чтобы выкупить «мирские заемные кабалы». В 1627 г. Гнидин в качестве мирского посыльщика от «всех крестьян» Юрьева Наволока отправлен в Москву с жалобой на незаконные поборы разрубного целовальника Ждана Слоева и его родичей (Сенигов О. П. Памятники земской старшины, с. 271—272, 312—314).

дина его внуку Данилке Гнидину, в ней (в трех деревнях и в четырех деревенских жеребьях) оказалось 11 половничьих дворов, которые пахали на 14 лошадях, сеяли 12 четвертей в перемену. Если исходить из той же нормы урожая сам-4, какую мы приняли для вотчины Васьки Гнидина, то выйдет, что торговые люди Ревякин и Шорин, а с 1679 г. Данилко Гнидин получали с половников около 500 пудов хлеба. Меняются хозяева, то это крестьяне, то это богатые торговцы, но формы эксплуатации остаются одни и те же — труд половников. Да это и понятно. И купец, и крестьянин могли осуществить использование разрозненных земель лишь путем найма рабочих, при котором последние были привязаны к земле хозяйством. Судьба вотчины Гнидина интересна еще тем, что она отразила важный факт экономического развития Севера — близость посада и деревни. Многие посадские люди приобретали земли и вели хозяйство с помощью половников. Таковы в Устюжском уезде Усовы—Грудцыны, Босые, Федотовы—Гусельниковы, Ревякины, Подошевищниковы — выходцы из крестьян и крупные землевладельцы, ведущие свои хозяйства с помощью половников.²⁴ Не является ли это показателем проникновения элементов капитализма в деревню?

Из крестьян Кеврольского уезда вышли Щепоткины, один из них — Богдан Семенов — был гостиной сотни торговым человеком. В писцовой книге 1623 г. за пятью Щепоткиными в разных волостях Кеврольского уезда записано 35 $\frac{1}{3}$ четвертей в поле и «в дву потому» и 25 четвертей за их 7 половниками.²⁵ Половников держали двое — Родион Щепоткин и Яким Семенов Щепоткин.

²⁴ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого..., с. 589. — Взаимоотношения богатого посадского человека с крестьянскими мирами выявляются с предельной ясностью из судебного дела 1627 г., возникшего по челобитьям ряда волостей Устюжского уезда о насильствах, убытках и обидах, причиненных действиями посадского богатея Филиппа Кабакова. Владелец пяти лавок на посаде, двух мельниц, 10 деревень и большого числа отдельных земельных угодий (пустошей, пожень, островов, сенокосных участков), Филипп Кабаков при попустительстве воеводской администрации поистине терроризировал уезд. Из челобитной крестьянских волостей и отдельных крестьян, из обыскных опросов во всех станах и волостях Устюжского уезда перед нами встает тип эксплуататора-кулака, не гнушающегося никакими средствами для своего обогащения. Филипп Кабаков не платит налогов со своих земель, которые вынуждены были платить волостные миры, «выживал» крестьян из деревень, захватывая их земли. Со своими людьми, которых он выдавал за стрельцов воеводы, совершал набеги на деревни, увозил крестьян в свои застенки (в дер. Бирюково), где самолично ставил на правед должников и «муками», «побоями» и огнем («в дым вешал») «вымучивал» деньги или заставлял писать ложные кабалы о якобы взятых у него деньгах или хлебе, подвергал крестьянские хозяйства разграблению. На выборные должности Ф. Кабаков «ставил» своих родичей. Своеволью Ф. Кабакова в уезде никакой преграды не было, ибо, как писали крестьяне, устюжского воеводу он «закармливает: посулы и поминки им дает великия, из двора от них живет не сходя». Лишь обращение к центральному правительству имело следствием повальный сыск и ссылку Ф. Кабакова в Сибирь (Сенизов О. И. Памятники земской старины, с. 38—222).

²⁵ Материалы по истории крестьянского хозяйства..., с. 150—152.

Родион Семенов жил в дер. Описимовской, а его 6 половников — по разным деревням. За Родионом числилось 10 $\frac{1}{2}$ дес. земли и 100 копен сена, а за его половниками — 30 $\frac{1}{2}$ дес. Тем же приемом, каким мы пользовались при определении поступления хлеба Гнидиным, мы высчитали, что Родион Щепоткин со своего хозяйства и в качестве исполовья получал до 700 пудов.²⁶ Яким Щепоткин жил со своим половником в дер. Хивгора, имея 14 дес. земли и 150 копен сена. Они снимали около 400 пудов хлеба.²⁷ И другие Щепоткины, имевшие надель выше среднего по уезду, могут быть отнесены к зажиточным крестьянам. Несомненно, к этому разряду должен быть причислен Богдан Семенов с. Щепоткин и его сын Иван Елисеев Щепоткин.²⁸ Оба были московскими торговыми людьми.²⁹ Богдан был таможенным головой в Холмогорах. Сын его приобрел в 40-х гг. варницу на Кулое вдобавок к уже имевшейся там собственной варнице.³⁰ Один из Щепоткиных — Иван, — бывший московский дьяк, владел Савинским почином на Кулое и варничным озером. Умирая, он завещал свое владение Ждану и Константину Кондратьевым детям Щепоткина,³¹ хотя братья сразу же продали Савинский починок москвичам Трусову и Шихину, однако последние 18 августа 1662 г., заняв у Ждана и Константина 450 руб. «мелких серебряных денег», отдали им «вместо поруки» оброчную деревню Савинский починок, «что они купили» со всеми угодьями.³² Что это было за владение Щепоткиных, показывает роспись 1662 г.: на полях было посеяно 5 мер ржи (22 $\frac{1}{2}$ пуда), нажатой той же осенью 1662 г., 300 суслонов ржи и 40 прясел жита, собрано 720 копен сена. В хозяйстве было 8 лошадей, 3 селетка-жеребенка, 10 коров, бык, бычок, 10 малых телят, 10 овец. Промысловая часть хозяйства представлена 2 работавшими варницами и одной еще строившейся.³³ Если исходить из количества высеванной ржи и принять посевы ячменя равными посевам ржи, а урожаем сам-4, то мы получим сбор хлеба в хозяйстве — 180 пудов, а за вычетом семян — 135 пудов, сена (считая в копне 5 пудов) — 3600 пудов. Если хлеб, вероятно, приходилось докупать, то корма скоту (при норме 200 пудов для лошади и коровы, телятам и

²⁶ Щепоткины имели деревни и в Двинском уезде. Известно, что в 1616—1617 гг. жеребий дер. Марковы в Кеходской волости купил Антониев-Спасский монастырь «у московских у торговых людей» у Родиона Щепоткина с братней (ЦГАДА, ф. 1209, п. к. № 9, л. 633).

²⁷ Материалы по истории крестьянского хозяйства..., с. 151.

²⁸ Богдан имел второе имя — Елисей (Сб. ГКЗ, т. I, с. 795); он держал на оброке р. Соялу, где было 3 тони, и пожни на 300 копен (Сб. ГКЗ, с. 646).

²⁹ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого..., с. 284—285.

³⁰ Сб. ГКЗ, т. I, № 605, 606, 608. — До этой покупки в январе 1642 г. двинской воевода предписал местным властям передать в оброчное владение купцу гостиной сотни Ивану Щепоткину озера и вотчинные места на Кулойском посаде (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 2, № 8).

³¹ Сб. ГКЗ, т. II, № 26.

³² Там же, № 27, 34, 37.

³³ Там же, № 29.

овцам — по 30 пудов) хватало, с добавлением к сену ячменной соломы и гуманных кормов.³⁴

Так выглядело крупное хозяйство кеврольских крестьян. По своим размерам хозяйство Родиона Щепоткина немногим отличалось от хозяйства Гнидиных (половников несколько меньше), но оно, как и хозяйство Гнидиных, было эксплуататорским. Щепоткины вкладывают капиталы в торговлю и промыслы и становятся в ряды купечества. Несомненно, хотя у нас и нет прямых данных, Щепоткины и в Савинском починке вели хозяйство с помощью наемного труда, так как одно время починком и варницами (при других владельцах) управлял приказчик куростровец Иван Бачурин.³⁵ Конечно, наличие приказчика предполагает наемных в какой-либо форме людей.

В Загорском стане известны владения гостиной сотни торговых людей Дорофея Мельцева и Ивана Подошевникова: первый имел 2 верви 11 сажень и 3 чети, второй — менее веревки. Однако обрабатывать свои земли они могли только наемным трудом.³⁶ Наемным трудом, несомненно, пользовались и представители местной администрации, заимевшие земли в волостях. Так, в том же Загорском стане (в 15 верстах от Холмогор) имели значительные земельные владения (судя по количеству нажатых суслонов) гостиной сотни торговый человек Иван Митусов и двое подъячих таможенной избы — некие Иванко и Андрей Бурнашовы.³⁷ Несмотря на строгие запреты приобретать земли в уезде представителям администрации, они, обходя эти запреты, захватывали чаще всего пустующие земли и держали на них половников. Например, когда в Слободском уезде начала заселяться Совьинская волость, то «взякой приказной избы подъячей» Андрей Васильев с. Рязанцев расчистил землю на ручье Козловке и посадил в новом починке три семьи половников. Для Рязанцева эксплуатация половников была единственным способом хозяйствования на земле, отстоящей от Хлынова на 40 верст.³⁸ Прибегали к труду половников и посадские, приобретшие, вопреки запретам, земли в деревнях.³⁹ Например, трое посадских из Холмогор, приобретя земли в Загорском стане, не могли вести хозяйство за 15 верст, поэтому приходилось сажать половников или брать наймитов, хотя бы сезонных наймитов.⁴⁰

Итак, торговые посадские люди и представители местной администрации вели свое сельскохозяйственное хозяйство с помощью половников. Но как можно заключить из вышеприведенных цифр о количестве половников у разных категорий землевладельцев, большинство их рядилось не в хозяйства посадских людей, а на черные земли, т. е. к крестьянам, конечно к богатым. Именно эти «богатые мужики» именовались в правительственных наказах писцам разорителями рядового крестьянства, именно их имел в виду приказной Золотарев, когда говорил о засилье богатеев в Заонежье (см. с. 92). Их могущество базировалось не только на земледелии, но и на торговле, и на промыслах. Однако земледелие было главным компонентом их хозяйства. Приобретение богатыми земли у малоземельных крестьян, которое даже правительство рассматривало как насилие и захват, имело глубокие социальные последствия. Оно создавало в деревнях тот слой бедноты, из которой выходили половники и наемные люди.

Рассмотрим хозяйства некоторых деревенских богатеев. Начнем с хозяйства Богдана Иванова с. Подберезного, крестьянина Топецкой волости Важского уезда. В 1646—1647 гг., заняв у Антониево-Сийского монастыря 189 руб., Подберезный заложил дер. Шарыгинскую.⁴¹ В 1652 г. свою деревню Подберезный «по закладной» «отвел монастырю» и занял привилегированное положение вкладчика.⁴² На его имя совершались порядные. Так, 12 апреля 1652 г. сын Подберезного Федор Богданов и Иван Палачев порядились на дер. Шарыгинскую «к старцу Сийского монастыря да к монастырскому закладчику к Богдану Иванову с. Подберезному».⁴³ Отводная 5 октября 1653 г. рисует нам хозяйство Богдана Подберезного в дер. Шарыгинской. У Богдана два двора, в одном живет половник, в другом — он сам, с семьей. Земли около 12 дес. ($\frac{3}{4}$ обжи в деревне и в Новинке на $1\frac{1}{2}$ четверти посева ржи). В лесу выгорожен телятник, используемый как выгон («истари под пашней не бывал»). Во дворах все обычные постройки, у хозяина «изба с голубцом», две «скотные избы» свидетельствуют о животноводческой отрасли хозяйства. Гумно «за дворами на поле», крытое, там 2 овина и 2 вороховика. Поодаль «на угоре» амбар с сенцами, где вкладчик «живет... с своими запасы» и «поварня квасная». О размерах сельскохозяйственного хозяйства Подберезного можно судить по количеству собранного осенью 1653 г. хлеба: в двух «кладнях» 214 суслонов ржи (в суслоне 20 снопов), 5 прясел жита (по 8 промежков в прясле) и 4 промежка овса. Суслон в 20 снопов давал умот около одного пуда, следовательно, ржи в «кладнях» было около

землю в дер. Матвеевской, ранее им купленную (там же, карт. 29, № 30, 31). В том же 1672 г. посадский В. Лебедев заложил Антониево-Сийскому монастырю «2 пожени сенных покосов», ранее им купленные (там же, № 1).

⁴¹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 17, № 253.

⁴² Там же, карт. 20, № 177; Сб. ГРЭ, т. II, с. 767, 769.

⁴³ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 111.

³⁴ Соотношение разных разрядов кормов указано в одной экономической рукописи XVIII в. Так, овце надлежит скормить 20 пудов сена, 4 пуда яровой соломы, 7 пудов веников (БАН СССР, РО, 1.1.4).

³⁵ Сб. ГРЭ, т. II, № 36, 37.

³⁶ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 216, с. 14.

³⁷ Там же, ф. 831, оп. 1, № 15, л. 19.

³⁸ ГПБ, РО, Q.IV, 543, л. 277.

³⁹ Гос. архив Арханг. обл., ф. 831, оп. 1, № 15, л. 19.

⁴⁰ Посадские проникали в волость через заклад: в 1656 г. крестьяне заняли у устюжанина посадского человека 30 руб. и заложили свой жеребий в Родионовской деревне Ракульской волости (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 21, № 96). 11 марта 1672 г. крестьянин Прилуцкой волости Д. Г. Зубов заложил холмогорцу посадскому человеку Б. Зотику за 12 руб.

200 пудов, жита в 5 пряслах — около 300 пудов⁴⁴ и овса в 4 промежках около 20 пудов,⁴⁵ да в амбаре хлебных запасов было 54 пуда. Итак, в один год собиралось свыше 500 пудов хлеба. В хозяйстве было 3 лошади и свыше 10 голов крупного рогатого скота, среди которого преобладали быки. Сена собрано 503 кучи, причем 183 кучи получены на закладной пожне.⁴⁶

Войдя в состав монастырской вотчины, хозяйство Подберезного прекратило самостоятельное существование. Возродить это хозяйство его наследники не могли, ибо «дела нет ни детям моим, ни внушатам во век», — писал Богдан в приписке к отводной.⁴⁷ Примером крестьянина-эксплуататора Богдан все же является: он держит половника, у него большой надел земли, много скота. Используя свои денежные средства, он прихватывает в заклад огромные сенокосные угодья.

Каким способом складывались такие крупные крестьянские владения, дает представление явка от мая 1612 г.⁴⁸ Семена Тургина о сгоревших во время пожара его дер. Жилковской грамотах и кабалах. Во-первых, сгорели 3 купчие на доли двух деревень, во-вторых, 19 кабал на 47 руб. и 20 мер жита, кроме тех кабал, которые остались в Ромашове в его лавке и у брата в Холмогорах. Даже не зная, что это были за кабалы, которые сохранились в лавке и у брата, можно утверждать, что это богатый крестьянин, имевший деревню и прикупивший землю в двух деревнях, занимавшийся торговлей, и ростовщик. Только сгоревшие кабалы показывают зависимость от него 19 должников.⁴⁹ «Сильничал» он или «не сильничал», но, покупая землю, он умножал число малоземельных и совсем безземельных. И, конечно, такой крестьянин не обходился без нанятых рабочих. Пример еще одного богатого крестьянина сохранила порядная 27 января 1665 г., по которой Григорий Марков с. Лаврентьев, продав 1/4 дер. Черемнянской Ивану Тимофееву, порядился жить на своей некогда земле 25 лет в качестве порядчика. Иван, видимо, был достаточно богат, ибо назначил с порядчика празгу в пользу Рождественской церкви Челмохоцкой волости.⁵⁰

Богатый крестьянин теснил не только деревенских мужиков, он вступал в конфликты и с крупными феодалами. Примером такого конфликта является многолетний спор о Чирцовой пус-

тыни между Антониево-Сийским монастырем и мезенским крестьянином Васькой Ионлевым. Возникла пустынь в 1582 г. на земле, данной братьями Иваном и Созоном Игнатьевыми детьми Чирцовым. В 1586 г. царь Федор дал грамоту, запрещающую крестьянам Юромского стана теснить крестьян Троицкой Чирцовой пустыни, и закрепил за ней рыбные ловли на Мезени.⁵¹ Видимо, это был монастырь, построенный крестьянами. Сохранилась запись одного из складников, который расторгал договор со строителем Троицкой пустыни Иевом, его братом Созоном и двумя складниками и брал свой пай.⁵² Иев — это, вероятно, тот Иван Чирцов, который вместе с братом дал землю под пустынь. В 1620 г. царь Михаил Федорович и патриарх Филарет передали Чирцову пустынь Антониево-Сийскому монастырю.⁵³ Монастырь сдавал ее порядчикам. В феврале 1629 г. трое крестьян взяли на оброк пустынь за 5 руб. в год на 10 лет. Они обязались не только ее обрабатывать, но и содержать священника и дьячка, хранить церковь и утварь. В порядной обрисованы хозяйственные контуры: пашни 3 поля, на которых сеется ржи на первую перемену — 5 мер, на вторую — 4 меры, на третью — 4 меры, сенокосов на 600 куч и 110 копен. Порядчики вселяются со своим скотом (коровами и лошадьми), со своим инвентарем и земледельческими орудиями.⁵⁴ 30 июня 1652 г. мезенские бобыли Иван да Денис Оницифоровы дети Камаева порядились на две доли Чирцовой пустыни с уплатой празги 3 рубля 11 алтын.⁵⁵ Видимо, своего срока — 20 лет — бобыли не прожили, потому что в 1664 г. Фома Тимофеев с. Кыркалов порядился жить в пустыни 20 лет, пользоваться всеми ее угодьями с уплатой 5 руб. в год.⁵⁶ Примерно в это же время претензии на пустынь предъявляет мезенский крестьянин Васька Ионлев. В сохранившейся черновой челобитной он пишет, что игумены Антониево-Сийского монастыря захватили эту пустынь, а построена она была его, Васьки, родственниками, строителем Созоном с племянником Ионлем, его, Васькиным, отцом. Именно они «Чирцову пустыню заводили и в ней церковь... Троицы строили, и деревню распахивали, и вновь росчищали». Старцы изгнали Ионля из пустыни, вскоре он умер, а Васька с братом «скитались в мире, по чужой стране» и челом бить не могли. Монастырь сдает пустынь мезенским крестьянам «на оброк, переменяючи погодно». Далее в челобитной сообщается о сыске мезенских выборных судеек о происхождении Чирцовой пустыни. При этом крестьяне «многих волостей и деревень» подтвердили версию Васьки.⁵⁷ Видимо, в результате этой челобитной последовала царская грамота 12 марта 1675 г.

⁴⁴ Выход жита устанавливается путем следующего расчета: в отводной сказано, что на овни жита, уже обмолоченного, насажено 4 промежка, а намолотили 7 мер (мера — 4,5 пуда).

⁴⁵ Так как овес по сравнению с ячменем весил меньше, то с овина умот овса не мог быть больше 20 пудов.

⁴⁶ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 177.

⁴⁷ Там же, № 178.

⁴⁸ РИБ, т. XIV, № 263.

⁴⁹ Сознание зависимости должника от кредитора проявилось, скажем, в таком деле: в 1648 г. Родион Попов жаловался на Ивана Шустика, который «хотел его убить», чтобы «полюбить» его, Родиона, кабал, имевшихся у него на Шустика (РИБ, т. XIV, № 346).

⁵⁰ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 253.

⁵¹ Сб. ГКЭ, т. I, № 298.

⁵² Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 6, № 54а, сстав 8.

⁵³ Сб. ГКЭ, т. II, с. 629.

⁵⁴ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 106, сстав 4—6.

⁵⁵ Там же, сстав 1—3.

⁵⁶ Образцов Г. Н. Оброчные и порядные записи..., № 35.

⁵⁷ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 27, № 238.

о передаче Чирцовой пустыни Ваське Иоилеву.⁵⁸ Монастырь опротестовал это. В челобитной на имя патриарха Иоакима игумен Феодосий объявил Васькино челобитие ложным и пегодовал, что пашенному крестьянину кеврольский воевода Миня Хомутов отводит пустынь.⁵⁹ 8 августа 1675 г. патриарх Иоаким в грамоте двинскому воеводе предписывает пустынь вернуть монастырю, а «пашенному крестьянину» отказать.⁶⁰ Это решение было подтверждено царской грамотой от 29 февраля 1676 г.⁶¹ 29 сентября 1679 г. митрополит Новгородский и Великих Лук Корнилий в грамоте в Холмогоры писал, что, несмотря на распоряжение патриарха, Васька Иоилев продолжает владеть Чирцовой пустынью, «учинился силен», священников, и служек, и вкладчиков в пустыню не пустил, «живет сильно», «а приписные люди, его же братья крестьяне, ему во всем том дружат и для бездельной своей корысти паровят». И даже переписывавший монастырь архимандрит Герасим (Крестного монастыря) по ложному показанию «записал тот монастырь за ним, деревенским мужиком Ваською неделом».⁶² 26 декабря 1679 г. Васька Иоилев прогнал из пустыни старца Сийского монастыря («выбил»), а у служки отнял 2 руб.⁶³ В 1681 г. — новые насилие крестьянина.⁶⁴ Несмотря на единый фронт церкви, правительства и феодала, крестьянин, пользуясь поддержкой со стороны воложчан, сопротивлялся. Тогда, видимо, монастырь и крестьянин пошли на взаимные уступки. 11 января 1682 г. от Васьки Иоилева была получена запись, по которой он «отписал... свою вотчину Чирцову пустыню вкладом в Сийский монастырь... вечно оприч скота и живота». При «животе» его вотчиной владеет сам Иоилев с женой и «церковь строит». Игумену «в ту вотчину не вступаться». Плата — по рублю. По смерти завещателя Чирцову пустынь отдать «в род» его, с уплатой 3 руб. празги в год, а «на сторону не отдавать».⁶⁵ Однако и этот договор монастырь нарушил, получив грамоту от всеяльного архиепископа Афанасия, предписавшего отнять у крестьянина землю и «отвести» пустынь Антониево-Сийскому монастырю. Приехавший с этой целью лампоженский поп нашел пустынь оставленной «ево Васьки Иоилева... ево людей... ни хлеба, ни скота и никаких пожитков не нашел, все стоит пусто и отводить нечево». Местный житель Галашка Попов рассказал, что дня за три до того «пришел из Кевролы... от воеводы Ф. В. Веригина пристав... и велел ему, Ваське, из тое Чирцовой пустыни совсем выбиратьца и с хлебными запасами, со всякими пожитки без остатку». Предупрежденный Васька ушел к брату в Кузмин го-

родок, увел с собой 2 мерина, 2 жеребенка, 15 голов рогатого скота, 30 овец и увез хлеб. В земле осталось засеянной ржи 3 меры, ячменя — 10 мер, льна — полчетверика, конопля — столько же.⁶⁶ Так закончилась борьба богатого крестьянина с монастырем. Характерно, что его поддерживали, видимо, местные власти: воеводы Хомутов и Веригин, предупредившие об отводе. Впрочем, богатому крестьянину завоевать благосклонность приказных не составляло большого труда. Что Иоилев имел состояние, видно из того, что в марте 1686 г. вдова его уплатила долг мужа в 65 руб. «хлебом, и сеном, и скотом: коньми и рогатыми».⁶⁷

«Описанные богатые хозяйства имеют много общего: у них значительные наделы земли, некоторые имеют промысловые угодья, хозяйство ведется с использованием труда половников и почти всегда связано с торговлей, причем продажа хлеба хозяевами вполне естественна и несомненна.» По аналогии мы можем представить себе такими все многоземельные крестьянские хозяйства, образовавшиеся, как и описанные выше, в результате мобилизации крестьянских земель. Они применяли труд половников, почему этот институт был так живуч на Севере. Использовали они и просто наемных людей во время сенокоса, уборки хлебов, молотбы, расчищали руками наймитов лес и т. д. Наемный труд в земледелии был столь распространен и обычен, что современники сравнивали половников именно с наймитами. Так, власти Гledenского монастыря, отстаивая свои покупные земли, писали: «А падут те их черные покупные деревни наемные люди, договорясь на год, и на два, и на три, недостаточные люди». Гость Кирилл Босой в знаменитой характеристике условий найма в земледелии как повольного договора, в результате которого половники «живут, что наймиты, а хлеб... падут на своих конях исполу: нам половина, а им другая», высказал компетентное мнение о половниках как наймитах.⁶⁸

Итак, черты капиталистического найма характерны не только для северных промыслов XVII в., включая и организацию транспорта, что признается историками,⁶⁹ но и для земледельческого хозяйства крестьянских богачей. Эксплуатация ими работников в форме простого найма или в форме половничества имела капиталистический характер.⁷⁰

⁵⁸ Там же, карт. 44, № 11. — При урожае сам-4 оп снял бы около 60 пудов ржи и около 200 пудов ячменя.

⁵⁹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 27, № 87.

⁶⁰ Дьяконов М. А. Половники поморских уездов в XVI—XVII вв., с. 11.

⁶¹ Шапиро А. Л. О характере пайма в Древней Руси. — В кн.: Проблемы отечественной всеобщей истории. Л., 1973, с. 102.

⁶² Как исключительный отметим случай владения крестьянином дворовым человеком по отпускной памяти от 15 декабря 1670 г. По ней, Семен Никифоров Качалов «отпустил... дворового своего человека Гришку Шолудяка крестьянину Озерские вол. Афанасию Семенову Красильнику» с обязательством «в него не вступатьца». По обычаю отпускная заканчивалась словами: «Ему, Афанасью, тот человек крепок по сей отпускной

⁵⁸ Сб. ГКЭ, т. II, № 193.

⁵⁹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 30, № 263.

⁶⁰ Там же, карт. 31, № 71.

⁶¹ Сб. ГКЭ, т. II, № 193.

⁶² Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 33, № 93.

⁶³ Там же, № 117.

⁶⁴ Там же, № 122.

⁶⁵ Там же, карт. 27, № 87.

Примером среднего крестьянского хозяйства является хозяйство братьев Даниила и Ивана Максимовых, крестьян Чухченемской волости. По описи в декабре 1648 г., оно имело тяглой земли 1 вервь 63 сажени и 3 чети сажени (приблизительно 5 дес.). После окончания хозяйственного года хлеба молоченного и немолоченного, сложенного в трех зародах, собралось 33 четверти (четверть в середине века — 6 пудов), сена — 80 куч и частично свезенного к дому. Скота на дворе: 3 лошади (одна была «отдана на подержание для работы» крестьянину в соседнюю волость), 3 коровы, 2 бычка и телка — селетки, 5 овец и 6 ягнят.⁷¹ Указаний на наемную рабочую силу нет. О промыслах ничего не известно, однако наличие в хозяйстве трех лошадей, явно излишних для небольшого земельного надела, позволяет предположить, что хозяева занимались извозным промыслом. Из приведенных показателей можно заключить, что при среднем составе братской семьи 6—7 человек хлеба в хозяйстве хватало, молочных продуктов от трех коров, видимо, получали достаточно для семьи, а при необходимости и продавали. То же следует сказать о мясе: 2 пущенных в зиму бычка и немалое стадо овец дадут мяса больше, чем потребности семьи.⁷² Как много было таких средних хозяйств, можно установить лишь по волостям Кеврольского уезда. Так, в Кеврольском стане в 1623 г. хозяйств с наделом 4½—5 дес. насчитывалось 55, что составляло 14% от общего числа дворов, в Верколе — всего 3 двора из 81, в Лавеле — 6 дворов из 74 и т. д.⁷³ Такой низкий процент средних дворов по этому уезду вполне объясним: средний надел здесь не превышал 3 дес. Больше средних хозяйств было в южных, вятских уездах, где средний на-

памяти» (ГПБ, РО, ф. 579, № 105). Очень тяжелые условия для потерявшего собственную землю крестьянина рисует закладная 1700 г. По ней, крестьянин Чистянского стана Афанасий Яковлев с. Астраканцев, заняв 1 рубль 2 гривны у слобожанина Семена Семенова Приезжих, заложил в этой сумме свой пай в дер. Шавкуновской. Кроме того, он взял на себя обязательство работать на заимодавца: сеять весенний сев 1700 г., сжать, обмолотить «по Семенову велению», отдать семена хозяину, а остальное («приполо») разделить пополам. Если в срок деньги не заплатит (Филиппово заговенье 1701 г.), то должник продолжает обрабатывать землю на двух лошадях (своей и хозяйской), своими орудиями, с разделом урожая пополам. Фактически он стал половником. Он несет ответственность за исправность изгородей, за повреждение хозяйской лошади, за потраву урожая. Хотя, согласно договору, Семен может «смирять» должника, если он в «пашенной работе» в чем-нибудь будет «прекословить», однако должник не теряет статуса свободного человека. Он предвидит возможность, что «с того пая деревни» его «в какой службой чин возмут», т. е. выберут в мирскую службу целовальником или кем-либо еще. В этом случае он не будет спрашивать «подмоги» у Семена. Налицо цепкая кулацкая хватка заимодавца, получившего наймита-должника (Труды Вятск. арх. ком. 1914 г., вып. I, с. 225—228).

⁷¹ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 175, 177.

⁷² Высокое развитие мясного животноводства в подвинских волостях отметил Ю. А. Тихонов (Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого..., с. 452).

⁷³ Подсчитано по публикации Н. П. Воскобойниковой (Материалы по истории крестьянского хозяйства..., вып. II).

дел в отдельных волостях достигал 7 дес. Вятский хлеб в XVII в., шедший через Устюг на Север, доказывает производительность не только крупных хозяйств этого района, но и средних.⁷⁴

Описаний мелких крестьянских хозяйств в наших источниках мы не обнаружили. Только наделы могут служить отправной базой при определении хотя бы приблизительных параметров таких хозяйств. Например, по кеврольской писцовой книге 1623 г. хозяйств с наделом от одной десятины и ниже в уезде насчитывалось 1265 (50,1% всех хозяйств).⁷⁵ Ясно, что такие хозяйства по производительности были в 5 и более раз слабее, чем описанные нами хозяйство Максимовых. Хлеба они производили по 40 пудов и менее, скота имели меньше и т. д. В остальных уездах таких обездоленных хозяйств было меньше, о чем свидетельствует более высокий уровень запашки на двор в них, чем в Кеврольском уезде (см. с. 85), но все-таки число их значительно. Косвенно об этом говорят те же средние цифры о наделах в разных уездах, которые редко достигали 5 дес. на хозяйство. Хозяйства с таким мизерным наделом по экономическим характеристикам приближались к бобыльским, совсем лишенным земли. Бобыль, часто живший не во дворе, а в «избепце», т. е. без хозяйственных построек, ему ненужных, кормился промыслом или нищенствовал. Продажа рабочей силы для малоземельного крестьянина была средством существования.

Итак, обрисованные нами крестьянские хозяйства разной степени состоятельности — от зажиточного до беднейшего — дают реальное представление о социальных процессах в северной деревне XVII в., имевших результатом развитие здесь капиталистических элементов — деревенской буржуазии и относительно большого слоя бедноты. Наемный труд был необходим для богатого крестьянина, он был и способом существования для обездоленного крестьянина, почти полностью лишенного средств производства. В XVII в. наем был столь обычен, что в Уложении было предписано «наймываться в работу по записям и без записей... повольно», а наниматели обязывались наймитов «отпущать... от себя без всякого задержания».⁷⁶

⁷⁴ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого..., с. 244.

⁷⁵ Капанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в., с. 147.

⁷⁶ ПРП, вып. VI; Уложение, гл. II, ст. 32. — З. А. Огризко в статье «Наемный труд в крестьянском хозяйстве XVII в.» на материалах вотчины Кирилло-Белозерского монастыря показала бесспорность наличия наемного труда в крестьянском хозяйстве, причем между нанимателем и нанимающимся налицо «некоторые черты вольного найма» (установление времени, оплаты и т. д.). Но тут же Огризко оговаривается, что «вольный наем» — явление спорадическое, что он не нарушал «основы господствующего феодального общества», ибо и хозяин, и наймит были крепостными (Вопр. истории. 1953, № 10, с. 83—89). Если в черносошной среде ни хозяин, ни наймит не крепостные, то, выходит, и значение найма другое. Думаю, что как в крепостной, так и в некрепостной деревне экономическое значение найма одно и то же, он был явлением, расшатывающим основы феодального общества.

Одной из форм найма, как мы говорили, было половничество — поряд. Чтобы исторически обосновать такое определение, обратимся к двинским порядным грамотам, которых нам удалось собрать свыше 200.⁷⁷ Это порядные грамоты церквей: Богоявленской (70 грамот) и Троицкой (57) с Ухтоostrova, Георгиевской Лодомской (16), Никольской Заостровской (6), Спасской (6) и др. Присоединили к ним мы и 39 еще не опубликованных грамот Архангельского монастыря.⁷⁸ Нет нужды останавливаться на дипломатической характеристике порядных грамот, потому что в исследованиях, основанных именно на двинских грамотах, она дана исчерпывающим образом.⁷⁹

Порядчики — крестьяне, заключавшие договор с владельцем земли или угодья на обработку его с целью получения части или всего добытого продукта. Договор крестьянина с землевладельцем — монастырем, церковью, многоземельным крестьянином — носил название ряда, а документ, составлявшийся при этом, — порядной.⁸⁰ Впрочем, ряд мог быть и устным. В зависимости от условий ряда порядчики могут быть разделены на группы: половники — когда главная обязанность поряжающегося по отношению к землевладельцу состояла в уплате половины или другой доли урожая (трети, двух долей, пятой доли и т. д.); празговики — когда порядчик за участок эксплуатируемой земли платил некоторую сумму денег, хлеба и т. д., именующуюся празгой. Другие

⁷⁷ Они хранятся в фондах церквей, монастырей и Архиепископского дома Государственного архива Архангельской области и в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР (коллекция № 47).

⁷⁸ Порядные грамоты Антониево-Сийского монастыря, опубликованные Г. Н. Образцовым (86 грамот XVII в.) и им исследованные, привлекаются нами также, ибо подавляющее число грамот составлено на чернососных крестьян. Образцов включил в публикацию и 13 оброчных записей. В противовес автору мы не видим принципиальной разницы между оброчной и порядной грамотами, так как существо их — фиксация ренты, взимаемой собственником земли, — формулируется в обеих грамотах одинаково. Среди монастырских грамот имеются порядные на монастырских же крестьян. Образцов считает, что в данном случае монастырский крестьянин садился на новый участок. Столкнувшись с аналогичным явлением поряднической практики Богословского Важского монастыря, Ю. С. Васильев объясняет ее (заключение порядных на крестьян своего монастыря) стремлением монастыря изменить в сторону увеличения крестьянские повинности вотчины. — Археограф. ежегодник за 1976 г. М., 1977, с. 82—88).

⁷⁹ М. Н. Дьяконов (Половники поморских уездов в XVI—XVII вв., с. 22) привлек 32 порядных, из них 13 — XVII в.; М. В. Ключков (Крестьяне Севера XVII в., по порядным грамотам, с. 49) — 55 порядных только Богоявленской и Троицкой церквей с Ухтоostrova; Г. Н. Образцов (Истор. архив, 1953, т. VIII, с. 7—197) опубликовал 86 порядных грамот Антониево-Сийского монастыря и дал их дипломатический и исторический анализ; Ю. С. Васильев (Порядные записи северной монастырской вотчины, с. 82—88) дал обзор 60 грамот Богословского монастыря.

⁸⁰ Например, в явке 1616 г. половника на хозяина, не выполнявшего условия, говорится: «Порядная у нас запись промеж нами не была, верились с ним божией правдою» (РИБ, т. XIV, № 275). В другой явке 1627 г. половник утверждает, что он порядился без порядной, «поверил ево слову» (РИБ, т. XIV, № 302).

обязанности, возлагавшиеся на порядчика: «зделье», возведение дворовых построек, расчистка полей и лугов, постройка огородов и т. д., — были всегда лишь добавкой к основному условию.⁸¹ «Половник, — писала А. Я. Ефименко, — был лишь частным видом порядчика». Порядчиками на Севере назывались все крестьяне, «сидевшие на владельческих землях по свободному договору, „по ряду“, „по порядку“». ⁸² Термин «порядчик» покрывал широкую гамму взаимоотношений между берущим землю по договору и сдающим ее владельцем. Разумеется, это был договор неравных сторон — договор собственника с нанимающимся работником. Собственник налагал на порядчика повинности в виде «зделья», т. е. работы на земле или в хозяйстве самого владельца, включал условие послушания хозяину, смиренного жития и т. д., т. е. договор отягощался формами феодального принуждения. Однако договор есть договор, каждая сторона (т. е. и порядчик) могла влиять на его условия. Здесь происходил ряд между потребителем рабочей силы и ее обладателем. Следовательно, поряд в феодальную пору — в XVII в. — имел двойственную природу. Это наем, вырастающий из пут феодальных отношений.

«Церковный порядчик — самый распространенный вид порядчика», — писала А. Я. Ефименко.⁸³ Действительно, церковных порядных дошло много, так как церковные архивы сохранились. Однако указанное выше соотношение половников на черных и церковных землях ясно говорит, что порядчиков в крестьянских хозяйствах было во много раз больше, но порядные этого рода не дошли, разделив судьбу архивных документов, хранившихся в крестьянских избах.

Теперь мы будем говорить о церковных порядчиках. Район, охватываемый нашими порядными, — это Подвигье до Великого Устюга. Когда заключались порядные? Из 207 порядных, привлеченных нами, в январе заключено 9, феврале — 26, марте — 38, апреле — 30, мае — 33, июне — 15, июле — 8, августе — 3, сентябре — 6, октябре — 11, ноябре — 13, декабре — 13. Остальные — без точной даты. Как видим, порядные заключаются главным образом в три весенних месяца и в последний месяц года. Меньше порядных падает на два осенних месяца и на первый месяц года. Совсем ничтожно число порядных, заключенных в июле—сентябре. Это вполне объяснимо: порядчик в большинстве случаев приступал к главным работам на участке сразу же по вселении: к посеву яровых, подготовке парового поля и уборке сена.⁸⁴ Такое

⁸¹ Например, кроме испольвья (от посева 17 четвертей ржи и 7 четвертей ярового), половник должен был новины «насекати на меру на ржаную», городить огороды, «сделья делать» и «6 сороков дертиц надрати» (РИБ, т. XIV, № 235).

⁸² Ефименко А. Я. Исследования народной жизни, вып. 1, с. 281.

⁸³ Там же.

⁸⁴ В порядной от 8 июня 1609 г. оговорено — «в этом году порядчик собирает только сено, а сева хлеба не производит» (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 41).

распределение порядных предполагает, что большинство порядчиков брали землю с засеянной рожью. И как следствие порядчик, освобождая землю, должен был подготовить пар к посеву или уже посеять озимые.⁸⁵ Сроки порядка следующие: на 2 года — 1, на 3 — 2, на 4 — 2, на 5 — 10, на 6 — 9, на 10 — 142, на 12 — 2, на 13 — 1, на 14 — 1, на 15 — 18, на 21 — 10, на 25 — 1, на 30 — 2, навечно или без указания срока — 6. Итак, более 70% порядных заключалось на 10 лет, на 15 лет — 8,5%, на 20 лет — около 5%. Редко порядная заключалась на большие сроки. Десятилетний срок порядка, видимо, был наиболее удобным сроком, так как за эти годы происходила смена трех ротационных периодов, предполагавших трехкратное удобрение почвы. За 10 лет еще не «огнивали» постройки, возведенные порядчиком, следовательно, можно было легче найти нового порядчика. И порядчик, и порядчик могли при десятилетнем порядке извлечь наибольшие экономические выгоды из порядка. Как примерялись при заключении порядных к трехпольному севообороту, показывает относительно большое число порядных на 15 и 21 год, т. е. кратных 3.

Порядная совершалась: монастырская — от имени игумена и других лиц управления монастырем, церковная — от имени церковного приказчика и «всех крестьян» прихожан-волощан, без упоминания представителей церковного клира.⁸⁶ Только в порядные двух последних десятилетий XVII в., по прямому требованию архиепископа Афанасия, на первое место ставят имя священника церкви, а на второе — церковного приказчика, да и сама сдача земли порядчику проводилась с согласия архиепископского управления.⁸⁷

⁸⁵ В марте 1674 г. порядчик порядился «ко ржаному кореню», что посеяно 2 меры: одна прошлых кортомщиков, а другая — церковная. После окончания срока порядка, через 10 лет, порядчик обязуется: «А как пойду проч и мне оставить ржаного корня меру церковную» (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 302). В порядной 1686 г. порядчики, пришедшие к «ржаному кореню», обязуются: «А как доживем ту 30 лет и в последний год засеять нам треть деревни рожью» (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 317). Но были и другие условия. В порядной 1 марта 1642 г. после трехлетнего пребывания порядчик обязуется «на выхожий год под рожь земли севом не занимать и оставить треть двоесплужных паров» (РИБ, т. XXV, Лодом. акты, № 298).

⁸⁶ Например, 21 мая 1644 г. крестьянин матпгорец порядился на деревню у церковного приказчика Якима Семенова с Бердыкова, и у волостных крестьян (28 имен), и «у всех крестьян той же волости» (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 145). В порядной 1668 г. указано, кроме того, участие и земского дьяка (там же, № 257). В порядной 1670 г. сказано — «порядили по мирскому велению» (там же, № 267). Волость могла распорядиться и сданной церковной землей по-своему. В порядной 1622 г. ставится условие: «А будет староста и крестьяне Троицкого прихода похотят те земли продать в те срочные годы 10 лет и старосте церковному порядчиком запись ся отдати безубыточно» (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 3946, состав 1—2).

⁸⁷ По указу архиепископа Афанасия, «по памяти из Казенного приказа» Богоявленская церковь заключила порядные 1691 и 1696 гг. (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1403, оп. 1, № 129, 130, 135). До вмешательства архиепископа порядные совершались церквами без всякого контроля. Нам

Кто брал земли в поряд? Как показывают порядные монастырей, изученные М. П. Островской, З. А. Огризко, Г. Н. Образцовым, Ю. С. Васильевым, подавляющая часть из них взята была черносошными крестьянами, церковные порядные — исключительно ими. Поряд брали один домохозяин — 141 раз, двое — 50, трое — 10, четверо — 3, шестеро — 2, семь человек — 1. Почти 70% порядчиков действовали от своего имени, порядные на большее число лиц совершались или братьями, или родственниками, редко коллективом брали поряд посторонние лица. Обычно и родичи, и чужие друг другу порядчики взятую землю делили между собой. Иногда мог быть и коллективный труд.⁸⁸

Предметом порядка, как правило, была деревня или ее доли (половина, четверть, пятая доля), но всегда с оговоркой — «со всеми угодьями», и «с путиками», и с «рыбными ловлями».⁸⁹ Таким образом, половник получал установившийся хозяйственный комплекс и мог сразу же начать его полную эксплуатацию. Мы насчитали 26 случаев, когда порядчик «садился» не на деревню, а на участок земли, на пожню, на перелог, на 5 пожен, «на роспаша... пустое лесное место», «на сенные покосы», «на остров», «на луготине орамые земли с закраинами», на «рыбные ловли» и т. д.

Порядные содержат материал, характеризующий экономическое состояние порядчика, вступающего в поряд. Порядчик — далеко не всегда безземельный крестьянин. Уже указанные случаи, когда порядчик «садится» на отдельное угодье (сенокос, участок, рыбную ловлю и т. д.), предполагают наличие у него какого-то хозяйства. О том же говорят и запреты в порядных «свозить» порядчику «навоз на свою землю», т. е. в свое хозяйство.⁹⁰ Таких порядных нам встретилось более десятка. Подавляющее число церковных порядчиков обязуются «землю пахать своею силою, на своих лошадях», своим инвентарем. Обязательство удобрить землю предполагает у порядчика наличие крупного рогатого и мелкого скота. Следовательно, скот и инвентарь порядчик привозит в деревню свои.⁹¹ О подмоге церковные порядные не упоминают, лишь

известна лишь одна порядная, заключенная с «ведомо» воеводы и дьяка, вероятно, потому, что дело шло об оброчной деревне (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 221).

⁸⁸ В порядной 14 февраля 1647 г. два хозяина-порядчика с сыновьями записали: «Пашню орать своею силою, своими лошадьми по совету востях или пополам по угодеству» (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 159). Семеро корелян, взяв у Архангельского монастыря в 1686 г. деревню на Кудмозере, обязались разделить землю на 5 участков, один из них взял 2 участка, 3 участка — оставшиеся шестеро (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 317).

⁸⁹ В порядной 1642 г.: порядился на деревню «со всеми землями и путиком» (РИБ, т. XXV, Лодом. акты, № 298); в порядной 1661 г.: порядился на деревню и «на сенные покосы пожни и на отъезжие оброчные морские пожни» (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 294а, состав 12—16).

⁹⁰ Аналогичные примеры приведены З. А. Огризко (Из истории крестьянства на Севере..., с. 11).

⁹¹ В 1629 г., порядившись на Чирцову пустынь, порядчики обязались «пахати нам та севчая пашня и сенные покосы своею силою, на своих

в одной указано — «взял у церковного прикащика подмогою ... меру ячмень». Впрочем, подмога в северных порядных — явление очень редкое. Ю. С. Васильев считает подмогой поселение порядчика «ко рже и к парам».⁹² Вряд ли так можно толковать данное явление. Эта норма диктуется ходом эксплуатации земли. Посев ржи года вступления в поряд следовало погасить посевом такой же площади земли при окончании срока. Отсутствие подмоги свидетельствует, что порядчик во время порядка полагался на свое исконное хозяйство или на хозяйство, создавшееся в предыдущий срок порядка.

Наследственность порядка — частое явление. Иногда наследуют два, три и более поколений. Например, в 1622 г. Троицкая Ухтостровская церковь сдала группе порядчиков дер. Заболотную на Курострове, среди которых был крестьянин Михаил Яковлев с. Тряблого, в 1632 и 1641 гг. он же заключает две порядные на 10-летний срок, в 1652 и 1661 гг. действуют в качестве порядчиков три его сына. 50 лет деревня была в руках одной семьи. В 80—90-х гг. ее брали в поряд также Трябловы, но нельзя быть уверенными, что это потомки Трябловых 1622 г.⁹³ Отец и сын — порядчики в дер. Ташкова в 1629 и 1652 гг., в 1662 и 1670 гг. их сменили братья Климентьевы.⁹⁴ В 1626 г. на дер. Дорофеевскую поряжается Степан Бузунов, а в 1631 г. — на тех же условиях его сын Семен.⁹⁵ В 1644 и 1654 гг. на дер. Ионинскую порядились последовательно два брата.⁹⁶ В 1678, 1688 и 1698 гг. отец и сыновья Родионовы брали на поряд дер. Стрелинскую.⁹⁷ К этим фактам перехода порядка по наследству с перезаклучением самой порядной следует добавить значительное число таких, где новый порядчик оказывался жильцом в той же деревне, на той же земле по прежней порядной.⁹⁸ Привязанность порядчиков к земле объясняется экономическими причинами, стремлением сохранить налаженное хозяйство. Это отнюдь не бедняки, которым деться куда, скорее зажиточные крестьяне, желанные порядчики для церковной общины. Самый богатый крестьянин Ухтостровской волости Иван Могут в 1622 г. был порядчиком на половине Романовской деревни Богоявленской церкви⁹⁹ и даже ухитрился от себя сдать ее другому порядчику — Семому Федорову сыну — с уплатой той же празги в 10 мер жита, что он платил сам.¹⁰⁰

лошадях, и всякая деревенская снасть: плуго, и сохи, и серпы, и косы, и скот, и лошади, и коровы, и всякой скот все наше» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 106, сстав 4—6).

⁹² Васильев Ю. С. Порядные записи северной монастырской вотчины, с. 83.

⁹³ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 3946.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1403, оп. 1, № 46, 54.

⁹⁶ Там же, № 70, 82.

⁹⁷ Там же, № 110.

⁹⁸ Например, порядные 1623, 1637, 1652 гг. (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1404, оп. 1, № 9; ф. 1407, оп. 1, № 2, 3).

⁹⁹ Там же, ф. 1408, оп. 1, № 70.

¹⁰⁰ Там же, ф. 1403, оп. 1, № 47.

Видимо, такого рода действия порядчиков не были редкими. В порядных появляются запреты: в порядной 1634 г. записано — «а самим им мимо старосты и крестьян порядчиков в деревню не рядить»;¹⁰¹ в порядной 1662 г. — «к сторонним черным тяглым деревням, которые смеж живут, не спущать по свойству и по дружбе... в празгу не отдавать».¹⁰² Не «спускать меж» сданных земельных участков — предписание почти всех порядных.

Как же обеспечивались доходы земельных собственников, в нашем случае приходских церквей? В порядных постоянны формулы «пахать, орать, сено ставить на себя», иногда с добавлением «своею силою, на своих лошадях». Иногда эта формула расширяется указанием на семена (чьи семена — в большинстве случаев порядчиков) и обязанность порядчика «пары парати» и «огороды городити» и т. д. Важнейшая часть формулы — констатация, что порядчик получает весь продукт «на себя». Однако часть этого продукта порядчик отдает в церковную казну в виде празги, которая определена в 50% порядных в виде денежного платежа, в 35% — в виде платежа зерном, в 10% — смешанная празга (деньгами и зерном) и в 5% — долею урожая. Размер празги зависел от множества обстоятельств: от площади и качества пашенных земель и других угодий, от тягловых обязательств порядчика (иногда налоги платились из церковной казны), от того, что предоставляла церковь порядчику — землю для посева на себя (обычно репы, льна, конопли), все сено, все гуменные корма или часть их, от объема наложенного на порядчика строительства хоромов на усадьбе и т. д.¹⁰³ Поскольку эти обстоятельства нам неизвестны, то мы и не можем делать каких-либо выводов о степени эксплуатации порядчика на церковной земле. Например, по книге прихода хлеба Богоявленской Ухтостровской церкви от октября 1628 г., празговое жито привезли 13 порядчиков, из них 12 мер привезли пятеро, 10 — двое, 11 — один, 14 — один, от 21 до 29 — четверо.¹⁰⁴ Итак, осенью в церковные амбары было доставлено 200 мер жита, но условия, которые определили разные размеры празги,¹⁰⁵ нам неизвестны. Сохранившиеся две порядные этого времени фиксируют именно то празговое «жито», которое они доставили.¹⁰⁶ Но есть отдельные порядные, где име-

¹⁰¹ Там же, ф. 1408, оп. 1, № 118.

¹⁰² Там же, № 240.

¹⁰³ В порядной 1672 г. празга вообще не определена, порядчику предписывалось за празгу «ставить сено на морских пожных» (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 284). В порядной 1633 г. на четверть выти помечено — «без празги», вероятно, потому, что порядчик должен был построить двор и все хоромы за 5 лет в срок порядка (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 3946, сстав 18—19).

¹⁰⁴ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1403, оп. 2, № 3.

¹⁰⁵ Порядная от 17 февраля 1626 г. Степана Бузунова — празга 12 мер; от 9 мая 1627 г. — Семому Федорову — празга 10 мер (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1403, оп. 1, № 46, 47).

¹⁰⁶ Празговый хлеб, по определению порядных, должен быть «лучшим по году»: иногда это только «горный хлеб», иногда добавляется и хлеб более низкого качества — островной. Например, в порядной 1668 г.

ются данные, позволяющие хотя бы приблизительно высчитать доход порядчика и установить долю, идущую хозяину земли. В 1629 г. три порядчика взяли у Антониево-Сийского монастыря Чирцову пустынь, где в трех полях высевалось 13 мер жита. Если принять высев жита в двух полях за 9 мер, а урожай сам-4, то мы получим урожай хлеба около 150 пудов. При цене 10 алтын за меру порядчики получают доход около 10 руб., да от сена — 600 куч и 110 копеек (по алтыну — куча, по 3 деньги — копна) — выйдет доход около 20 руб. Следовательно, общий доход, полученный только от хлеба и сена, составит около 30 руб. Кормовая порция определена в 5 руб., что составляет $\frac{1}{6}$ часть общего дохода. Эта доля будет еще меньше, если учесть, что порядчики получали дополнительный доход от использования охотничьих и рыболовецких угодий, от животноводства. Такое соотношение выдерживалось и при порядке 1652 г., когда были взяты на поряд 2 доли пустыни с уплатой празги 3 рубля 11 алтын, и при порядке 1664 г., когда празга была установлена в 5 руб. (см. с. 175).¹⁰⁷ Была ли эта норма распространенной, сказать трудно. Несомненно, что при определении размера празги в денежной или натуральной форме как разового платежа исходным был доход хозяйства порядчика.¹⁰⁸ Некоторые порядные предусматривают

празга в 10 мер состоит из «жита доброго половины горного и половины островного» (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 257).

¹⁰⁷ 1603 г. Две «сношенцы», жены двух братьев, порядились у старосты церковного и «всех крестьян» Предтеченского прихода на домовскую деревню в Великом дворе, которую отдал в Покровский монастырь Шитиков «нищим на прокормление». Обязались платить празги по 4 гривны денег, по 2 меры ячменя и по одной мере ржи в год, «назвать так же, как свою собиленную землю называем» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 6, № 77).

¹⁰⁸ Конечно, когда в церковные порядчики переходит владелец деревни, уступивший ее церкви, или его наследники, то условия порядные. Так, в 1618 г. Стефан Иванов с. Лытка дал Троицкой Ухтоостровской церкви свою деревню «для церковного строения, на свечи и на темьян» и оговорил, что жить в той деревне будет его внук Никула, с уплатой празги 5 алтын 2 деньги и по мере жита. Причем Лытка поставил условие — внука без его воли из той деревни вон не высылать, ни переряживать. Но если внук «поизволит... из той деревни сам выехать», «старостам его выпускать» (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 394г, с. 9). Порядчик волен прервать поряд. Свобода порядчика очевидна и из такого факта: 2 июня 1601 г. Захар Сергеев из Ваймужской волости продал Шестому Сухорукову его «вотчинный участок» в дер. Фаддеевской за 10 руб. (там же, ф. 5, карт. 6, № 31). 12 июня 1601 г. продавец Сергеев порядился у Шестова Нечаева с. Сухорукова на долю деревни, которую он продал 10 дней назад, на 3 года. Он обязался обрабатывать деревню своими силами, на своих лошадях и засеивать своими семенами с уплатой празги 2 руб. в год (там же, № 34). Но в записи от 9 июня 1602 г. Захар Сергеев отказывается от заключенного порядка, так как на той «деревне жити не съзмот» (там же, № 58). 13 июня 1602 г. Шестой Сухоруков продает землю Антониево-Сийскому монастырю (там же, № 60). Продав землю в 1601 г., Захар Сергеев еще не лишился хозяйственной самостоятельности, у него есть лошади, семена, что позволило ему пойти в порядчики. Но уплата празги в 2 руб. оказалась ему не под силу, и он расстался с землей.

даже понижение празги в случаях какого-либо стихийного бедствия, например, если землю порядчика «песком „посыплет“ или „льдом сдерет“». ¹⁰⁹ Мы не можем сколько-нибудь точно определить долю дохода, которую платил порядчик в виде празги, но наблюдения за размером празги в отдельные периоды показывают ее возрастание. Так, одна и та же дер. Ташкова сдавалась в 1629 г. за 31 алтын 4 деньги, в 1652 г. — за $1\frac{1}{2}$ руб., в 1662 — за $1\frac{1}{2}$ руб., в 1670 г. — за 2 руб., а в 1682 г. Лука Савиных уже заплатил 3 руб.¹¹⁰ Дер. Заболотная в 1632 г. сдавалась за 2 рубля 7 алтын 2 деньги, а в 1661 г. — 5 руб. Последняя цена прослеживается в порядных до 1690 г.¹¹¹ В 1644 г. Терентий Ортемьев взял на поряд часть дер. Ионинской за 8 гривен, в 1654 г. — за 1 руб.¹¹² Тенденцию к повышению обнаруживает и натуральная празга, хотя налицо и колебания. Так, в 1622 г. Кирилл Лыткин платил за дер. Заручьевскую празги «с трех мер севных 24 меры жита» на год; в 1637 г. он в новой порядной взял то же обязательство; в 1643 г. его братья за ту же деревню платили празги «с сеянных 3-х мер $19\frac{1}{2}$ мер», а в 1653 г. — $19\frac{1}{2}$ меры, в 1683 г. — 9 мер 3 четверика, в 1700 г. — 5 мер и 8 алтын 2 деньги.¹¹³ Изменение размера празги в данном случае объясняется приращением, обязательствами, налагаемыми на порядчика сверх празги. Например, в 1683 г. порядчику предписывалось «черного лесу расчистить, и пенье, и корень вывести мерою 6 сажень веревных... под сенокос вычистить на 10 куч». Кроме того, порядчик должен уплатить 17 руб. «свершенка» на церковное строение, свечи. «Свершенок» в 8 руб. был взят и по порядной 1653 г., в этом случае празга хлебом была меньше, чем в 1622 и 1637 гг., ибо добавочный «свершенок» не был взят. «Свершенок» указан почти в 8% порядных, самый большой — 35 руб. — как добавок к празге в 14 мер жита (порядная на дер. Троицкую 1662 г.).¹¹⁴

Празга деньгами и натурой выплачивалась осенью или в начале зимы, причем порядчик должен был сам привезти ее к церковному приказчику: зерно, перемерив, ссыпать в амбары, а деньги внести в казну.

На особом положении были те, кто брал землю из доли урожая. По общепринятой терминологии, это половники, но в цер-

¹⁰⁹ В порядной 1642 г. на пожни предписывалось — «а церковным приказчиком на всякую весну для посыпки тех пожней в срочные лета досматривать, а которую будет поженьку посыплет и приказчикам денежной празги потопляку убавити» (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 294б, с. 15).

¹¹⁰ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 394б, с. 13, 10, 8—9, 1—4, 5—7.

¹¹¹ Там же, с. 1—12.

¹¹² Гос. архив Арханг. обл., ф. 1403, оп. 1, № 70, 82.

¹¹³ Там же, ф. 1404, № 8, 14, 17, 27, 32, 47.

¹¹⁴ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 208.

ковных документах они тоже именуются порядчиками. В нашем распоряжении 12 порядных этого вида ухтоостровских церквей (Богоявленской — 8, Троицкой — 2, по одной церкви Успенья и Спасской), определяющих долю урожая, которая идет владельцу, и долю — порядчику. В 10 порядных доля порядчику назначается в $\frac{2}{3}$,¹¹⁵ церкви — в $\frac{1}{3}$, в двух порядных та и другая стороны получали по половине урожая. Иногда в раздел шло и сено, обычно в тех же пропорциях. Раздел урожая происходил или в поле (суслонами), или на гумне (вымолоченным зерном). В первом случае в порядных значилось — «дел суслонами на земле, вешать в прясла порознь, класти порознь ... молотить прежде своего хлеба»,¹¹⁶ причем за обмолотом должен был наблюдать лично церковный приказчик или «кого пошлет».¹¹⁷ Во втором случае в порядных значилось — «измолотя жито на своих гумнах, отмерить и отвезти в церковную казну ... треть».¹¹⁸

Дольщики, как и порядчики с точно фиксированной празгой, имели вполне организованное хозяйство: в 11 порядных порядчики-дольщики обязывались обрабатывать взятую землю «на своих лошадях своею силою», «сорить навоз своим скотом», лишь в одной порядной 1671 г. говорится, что порядчик пашет «на казенных конях, а хомуты и сохи казенные». Казенными являлись и косы, и топоры. Третник-порядчик привозит в деревню двое саней («сани летние и зимние»), два ужища и бороны — все, что осталось, видимо, от крестьянского хозяйства. Своего скота у третника нет, так как все сено, что накопит третник, пойдет в казну, правда, «за сенную поставку» ему будут платить 60 алтын в год. На третника налагалось «зделье» — «водитца» «с казенным скотом зиме и лете», весной скот «отдовать за пастуха», выхаживать телят. Для прокормления семьи третнику разрешалось «три дойных коров доить ... про себя». Вместе с порядной третник взял из казны 6 мер хлеба (ячменя — 4, ржи — 2) с обязательством «осенью хлеб тот отсыпать в казну».¹¹⁹ Перед нами явно обнищавший крестьянин, ставший порядчиком.

Помимо точно фиксированной празги или доли урожая, взимания «свершенка», порядчик обязан был содержать двор в жилом состоянии, возводить новые хозяйственные и жилые постройки. На возведение их затрачивались значительные мате-

¹¹⁵ В порядной 1661 г. указано — «а мне, Онкудину, на хлеб, и на вологу, и на работу, и на семя две доли ... мерять на гумне» (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1403, № 89).

¹¹⁶ Порядная 1635 г. (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1404, оп. 1, № 13; ф. 1408, оп. 1, № 254).

¹¹⁷ Там же, ф. 1403, оп. 1, № 53, 65.

¹¹⁸ Там же, № 88. — В порядной 1682 г. предписание о сдаче в казну половины урожая сопровождается моральной сентенцией — «и в той половине сказывать прямое слово, и им, приказчикам, прямому слову верить» (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 3946, сстав 5—7).

¹¹⁹ Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 279.

риальные средства. Как это соотносилось с празгой? Вот приблизительный расчет. В 1621 г. порядчик на Мининской деревне Антониево-Сийского монастыря при празге 1 руб. в год должен был «возделати нутро» в «срубленной избе» и покрыть ее «дертьем», «поставить клеть», подрубить «подсенничье новое» под сенником. Если порядчик не выполнит эти работы, он обязан уплатить 3 руб. за избу, 2 руб. — за клеть, 40 алтын — за «подсенничье», т. е. 6 рублей 6 алтын 4 деньги, что составило бы половину десятилетней празги.¹²⁰ Но ведь порядчики часто возводили не 3 постройки, а больше, иногда 5—6,¹²¹ и постройки более дорогие, чем отмечено в приведенной порядной. Так, в порядной 1670 г. за непоставленную избу порядчик должен был уплатить 6 руб.¹²² Все это позволяет считать обязанности порядчика содержать и поновлять двор добавочным прирядом, который иногда мог составить более половины празги.

Помимо обязательств материального характера, порядчик должен был образцово вести хозяйство, тщательно обрабатывать землю, оберегать урожай от потравы, городить огороды, расчищать участки из-под леса, уничтожать «кустовые» на лугах, т. е. выполнять все сельскохозяйственные работы так, «как в людях делается». Широкий диапазон обязательств, налагавшихся на порядчика, выявляет неравенство сторон, вступавших в договорные отношения.¹²³ Это подчеркивалось еще тем, что в порядную вписывались имена поручителей за порядчика, обязывавшихся восполнять все убытки, которые понесет хозяин (в нашем случае церковь) при невыполнении порядчиком его обязательств. Правда, и церковь, если она «выживала» порядчика до истечения срока «безвинно», платила оговоренную в порядной неустойку. Однако церковный приказчик всегда мог найти «вину» порядчика и убедить в этом волость, которая была верховным судьей во всех церковных хозяйственных делах. Волости порядчик подчинялся как хозяин-дворовладелец и как тяглец. Как хозяин он пользовался не только сданными по порядной деревенскими землями, но и всеми общими угодьями (лесами, выгоном, рыбными и охотничьими угодьями), он был на равном положении с воло-

¹²⁰ Образцов Г. Н. Оброчные и порядные записи..., с. 117.

¹²¹ Например, в порядной 1652 г. порядчик обязывался поставить избу, сарай, заплоты, хлев, старый сарай починить, покрыть все строения тесом (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 195). Или другой пример. Порядчик Матюшка Иванов, прося в 1673 г. оставить его на оброчной деревне Антониево-Сийского монастыря, сообщал, что за прошлые 10 лет он поставил избу, клеть на подклете, 3 хлева и 2 сенника, овин, баню, заплот, т. е. 10 построек (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 30, № 29).

¹²² Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 2946, сстав 1—4.

¹²³ Изредка в порядных оговаривались нормы общественного поведения порядчика: «быть смиренным», «ни за каким плутовством и воровством не водитца, и зерни, и картами не играть, и всякими журышными торги и товары не торговать и у себя не держать», церковному приказчику и крестьянам «поруки и убытка не привести» (Порядная 1662 г. Никольской Матигорской церкви. — Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 240).

шанами. Как тяглец он был притянут к волости палогам, службами. Почти в 90% порядных в разных вариациях повторяется фраза — «государевы подати и земские расходы платить по разрубным спискам с мирскими волостными крестьянами... службы служить, куда миром выберут». Иногда добавляется: подати платить по веревным книгам, по писцовым книгам. Почти всегда порядчик освобождается от участия в платеже старых волостных долгов. Но есть порядчики, за которых налоги государству платит церковная казна. Это, во-первых, все порядчики-дольщики (третники-половники), во-вторых, порядчики с высокой нормой празги. Видимо, уплата церкви трети урожая и тем более половины истощала хозяйство порядчика настолько, что он уже не мог платить государственных палогов, эту обязанность брала на себя волость. При 13-рублевой празге, видимо, относительно высокой, порядчики дер. Савинской в 1662 г. освобождались от уплаты налогов и земских расходов, это делал церковный староста Никольской Матигорской церкви.¹²⁴ Но и в тех случаях, когда порядчик не несет с волостью тягла и не участвует в службах, он тем не менее хозяйственно связан с нею. Защиту прав порядчика на взятую землю крестьянская волость берет на себя. В случаях нарушения меж соседями порядные рекомендуют «писать записки в мир», т. е. жаловаться волости. Здесь следует напомнить, что церковный порядчик ничем не отличался от черносошного крестьянина. Его работа на церковной земле была временной, по договору. Она прерывалась либо с окончанием срока, либо по согласию сторон. Даже при наследственном порядке в церковной деревне (как мы видели и в монастырской вотчине) крестьянин оставался свободным. Зависимость была экономической. Поэтому мы вправе считать поряд наймом, хотя он и осложнялся таким архаическим институтом, как порука.¹²⁵

Среди рассмотренных нами крестьянских хозяйств хозяйство порядчика не было последним. Конечно, беднее были те крестьяне, которые имели минимальные наделы или совсем были ли-

шены земли. Но, несомненно, порядчик был эксплуатируемым крестьянином не только потому, что платил церкви часть продукта (деньгами или натурой), но и потому, что результаты его труда по возделыванию земли, культивированию угодий, по подержанию в жилом состоянии деревенских дворов шли церкви как землевладельцу, хотя это было общественной собственностью волости. Эксплуатация церковных порядчиков не имела тех социальных последствий, которые были результатом эксплуатации порядчиков-половников на землях богатых крестьян. Богатые крестьяне, эксплуатировавшие труд половников, представляли собой нарождающийся слой деревенской буржуазии — крестьян-кулаков.

¹²⁴ Даже в таких ситуациях, когда половник передавался вместе с землей другому владельцу, когда, казалось бы, можно говорить об установлении зависимости половника от хозяина земли, решающую роль играла срочность договора. Так, в 1644 г. крестьянин Ругуевской отдал своему племяннику половину дер. Баталовской и в данной грамоте отметил: «А в два годы ему, Ивану, у прежних моих половников, у Ивана да у Якимы, с той половины половина сена по прежней записи», а после двух лет сено ставит сам Иван. При переходе земли к новому владельцу, как видим, срок пребывания половников оставался действительным (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 17, № 58). Два половничьих хозяйства переходили к покупателю при крупной поземельной сделке в Котельниче (цена земли 700 руб.) в 1699 г., вероятно, потому, что, во-первых, срок не вышел и сами половники, видимо, не возражали, во-вторых (Труды Вятск. арх. ком. 1907 г., вып. II, № 71).

¹²⁵ «Половники были, — писал Н. Рожков, — свободными людьми, с полными личными и имущественными правами... очень часто имели собственный скот и земледельческие орудия» (Рожков Н. Сельское хозяйство в Московской Руси в XVI в., с. 164).

Налоги и повинности

В предыдущих главах мы пытались обрисовать внутреннее развитие крестьянского хозяйства на Севере в XVII в. Налоги и повинности, которыми государство облагало черносошных крестьян, были важнейшим фактором внешнего характера. Как же они влияли на крестьянские хозяйства?

Характеризуя тяглую организацию Поморья в XVII в., М. М. Богословский указал на значительную мозаичность и пестроту финансовой системы. Если такие неокладные поступления в государственный бюджет, как судебные и печатные пошлины, штрафы и т. д., а из окладных — оброки за пользование регалиями, промысловое обложение, таможенные и кабацкие доходы характерны для всех областей Поморья, то прямые налоги — собственно тягло — как по принципам обложения, так и по самим размерам чрезвычайно разнообразились не только по уездам, но и по волостям.¹

М. М. Богословский, стремясь показать «разнообразие и пестроту тягла» в Поморье, приводит перечень совершенно несходных единиц обложения: в Заонежье — выть, в Коле — двор, в Двинском уезде — малая сошка, в Кевроле и на Мезени — еще более малая сошка, в Яренском уезде — сошка, «гораздо более значительных размеров»; в Вятской земле различные принципы обложения в оброчных и тяглых станах: во-первых, одной суммой по 1½ руб. с выти, во-вторых, — разными налогами с выти; разные податные единицы указал Богословский для Сольвычегодского, Устюжского и Тотемского уездов. Каждый уезд выплачивал разные сборы и был обложен разной суммой. Так, например, под понятие «дань» (1 рубль 2 алтына с выти-сошки) в Двинском уезде подпадало 7 налогов, в Сольвычегодске (6 рублей 12 алтын 2 деньги с сошки) — 12 налогов, в Устюге (6 рублей 7 алтын 2 деньги с сошки) — 7 налогов.² Разнились по уездам и местностям экстраординарные платежи и повинности, а также по сочетанию в них денежных платежей, натуральных платежей и личной службы.

Для нас существен вывод М. М. Богословского, что прямые налоги, поступавшие в Четверти и называвшиеся четвертными доходами «занимали по количеству доставляемых ресурсов второстепенное место», главная роль принадлежала «сборам экстренного характера, назначавшимся по мере нужды». Например, сборы ратных людей и денег на их содержание, объявлявшиеся во время войн, сбор на содержание московских стрельцов, сбор на содержание сибирских служилых людей. Хотя они носили почти всеобщий характер, но сбор их каждый раз проводился после специального указа, определявшего размер налога.³ Такого указа для четвертных доходов не требовалось: они собирались ежегодно сами по себе. Сбор на местные нужды вводился тоже указами правительства, но чаще всего они были краткосрочными и случайными. «Только в самом конце века, — пишет Богословский, — с введением стрелецкой подати 1679—1681 гг., заменившей собой несколько видов прежних сборов, был сделан шаг к установлению повсеместного, постоянного и однородного налога».⁴ Богословский в указанной статье исследует лишь государственные подати. Но известно, что, кроме платежей на прямые государственные нужды, крестьяне, как члены волостного мира, оплачивали многочисленные мирские расходы по волостным разрубам, существенную часть их составляли средства, взимаемые местной администрацией. В плане нашего исследования мы не можем ограничиться выяснением лишь перечня платежей по отдельным уездам, а должны сопоставить их общее количество, где это позволяют источники, с реальными доходами крестьянского хозяйства. Это даст нам возможность высказать определенное суждение о значении налогов и повинностей для крестьянского хозяйства. Больше источников такого плана сохранилось из Подвинья.

Несколько слов о приемах раскладки налогов и платежей. Как бы ни формировалась окладная сумма по количеству сох, вытей или позднее дворов,⁵ раскладка ее в волости, в низшем административно-финансовом округе, всегда происходила между дворовладельцами по их экономической состоятельности: или по количеству земли, числящейся за хозяйством, или по животам — по имущественному положению двора. Изредка платеж раскладывался по головам, по числу работников в хозяйстве. Волость еще в XVI в. создала исходные документы для такой раскладки —

³ Там же, с. 4—5.

⁴ Там же, с. 6.

⁵ Вот, например, оклад Кеврольского уезда на 1629 г.: «С Кеврольского стану с волостных земель с живущего 65 вытей с полвытью и полполчети выти» — 342 рубля 15 алтын 4 деньги. Там же «за Богданом Семеновым с Щепоткиным с детьми и с братьями в деревнях в живущем с 5 вытей без трети и без полполчети» — 29 рублей 30 алтын 1 деньга. Там же с 7 погостов «с живущих с 2-х вытей без полчети выти» — 1 рубль 21 алтын 2 деньги. Всего «денежных доходов с мелкими оброками» 381 рубль 32 алтына пол 4 деньги (ЦГАДА, ф. 137, кн. 18, ч. 2, л. 804—810 об.).

¹ Богословский М. М. Тяглая организация Поморья в XVII веке. — В кн.: Древности: Труды Археограф. комиссии Моск. археол. о-ва. М., 1913, т. III, с. 1—26.

² Там же, с. 11, 18.

веревные и оценные книги — и регулярно их поновляла в XVII в.⁶ Специально ланятые веревки через определенное количество лет перемеривали землю каждого дворохозяина деревни и волости, а комиссия окладчиков из состава волощан (в зависимости от качества почвы и удобства использования) определяла оклад каждого домохозяина, выражая его в веревках или в веревных сажнях. Таким образом в волости создавалась твердая база для раскладки налогов по земле.⁷ Имущество крестьянского двора, оцениваемое также специальной комиссией из волощан, фиксировалось определенной суммой. Согласно этой сумме и облагался дворохозяин при раскладке платежей по животам.⁸ Раскладка «по головам» имела в виду все работоспособное мужское население.⁹

Правительство и в XVI, и в XVII вв. рекомендовало придерживаться этой системы раскладки налогов. Так, в грамоте двинскому воеводе от 11 сентября 1679 г., предписывавшей брать стрелецкие деньги «по нынешним переписным книгам» с 4639 дворов — по рублю со двора, говорилось: «А те деньги збирать и в тех зборах считатьца и по промыслам, и по мирскому раскладу, чтоб богатые с убогими людьми в равенстве не были, против того как они наперед сего во всяком тягле ровнялись промеж себя».¹⁰

⁶ Копанев А. И. Веревные книги как источник по истории крестьянства Севера. — В кн.: Источниковедение отечественной истории: Сборник статей. 1975. М., 1976, с. 191—209.

⁷ Вербление и оклад, по мнению крестьян, восстанавливали справедливость в тягле. Так, крестьяне Лодомской волости в 1636 г. жаловались на крестьян Андреанова стана, что «они ... во весь Ондрианов стан ровни земной не чинят», отчего на их церковной деревне Павракульской, описанной «немерно большим тяглом в четверть выти», да еще пострадавшей от «отмоя» земли водой, это тягло и осталось. В результате деревня запустела: «Порядчики на деревню не рядятца, никто не емлет из тягла, и двор опустел». Лодомцы считают нормальным, когда в Двинском уезде «преж писцов и после писцов в волостях и в станах крестьяне меж собою земли ровнили: которые отмывало водою, и те земли ис числа выточного тягла убавливали» (РИБ, т. XXV, Лодом. акты, № 285).

⁸ Оценные книги как основание для раскладки платежей упоминаются в разрубках Куростровской волости XVI в. (Копанев А. И. Куростровские столбцы XVI в. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вологда, 1970, вып. I, № 8, 12), но они не сохранились. Примером такой оценной волостной книги является оценная книга Кемской волости 30-х гг. XVII в. В ней имущество каждого домохозяина выражалось в рублях: оценке подлежали постройки, скот, промыслы и другое имущество (Оценная книга Кемской волости опубликована нами в кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. М.; Л., 1966, с. 147—150, 186—192). — Источниковедческие замечания см.: Копанев А. И. Оценная книга Кемской волости..., с. 344—354.

⁹ В таких случаях под оклад попадали и те жители волости, которые не имели своего двора, а жили на подворьях. Они облагались «данью казачьею», «хто чезо тою казачьею данью обрубити достоин». Если такой «молодчий человек» оклад не оплачивал, то волость взимала деньги «на хозяевах, у ково которой молодчий на подворья жил» (Гос. архив Арханг. обл., ф. 1408, оп. 1, № 142).

¹⁰ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 256.

В грамоте от 20 октября того же года предписывается «оклад велеть положить на дворы смотря по тяглу и по промыслам» земскому старосте и «выборным и лучшим людям за верою и за выбором всех посадских и уездных людей ... чтоб богатые и полные люди перед бедными во льготе, а бедные перед богатыми в тягости не были».¹¹ Конечно, богатеи использовали все возможности, чтобы перевалить тяжесть платежей на волостных крестьян, об этом свидетельствуют многочисленные жалобы последних,¹² однако система волостной раскладки уменьшала такие возможности и в конечном счете сохраняла тяглоспособность крестьянина.

Размер постоянных налогов в Подвинье определился в середине XVI в.¹³ и лишь в очень незначительно увеличенной сумме зафиксирован писцовыми книгами 20-х гг. XVII в.: для Двинского уезда — писца Вельяминова, для Кеврольского — писца Прончищева. В книгах Вельяминова постоянные налоги складывались из дани по 1 рублю 20 алтын с выти, загубского оброка по 2½ деньги с выти,¹⁴ оброка и пошлей «за намесничь доход и за присуд» по 2 рубля 4 алтына с выти.¹⁵ По Кеврольскому уезду налог был несколько выше главным образом за счет «новоприбылого оброка» в 50 рублей 10 алтын 4½ деньги, наложенного на уезд «за отделение» его от Двинского уезда.¹⁶ Оклад этот не изменялся все столетие, что подтверждается книгами 70—80-х гг.¹⁷ Кроме этих постоянных «четвертных доходов», Подвинье несло в XVII в. новые, введенные в этом веке подати — солдатские и подымные (на ратных людей деньги), хлеб на жалованье московским стрельцам, а также поставляло даточных и посошных людей с лошадьми и телегами.¹⁸ В связи с введением в 1679 г. стрелецкой подати общий оклад прямых налогов по Двинскому уезду существенно снизился. Это подтверждается царской грамотой от 20 октября 1679 г., в которой приведена выписка из приходных четвертных книг об уплате налога двинянами за 1672—1680 гг. Оказалось, что в эти годы с Двины положено было 7134 рубля 9 алтын 4½ деньги на год («за стрелецкий хлеб

¹¹ Там же, ф. 5, карт. 33, № 100.

¹² Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. II, с. 291.

¹³ Аграрная история Северо-Запада России XVI в., с. 31—33.

¹⁴ Загубский оброк был введен писцами 20-х гг., уплачивали его двиняне до 1680 г., когда он был отменен царским указом (Сб. ГКЭ, т. II, с. 382).

¹⁵ Богословский М. М. Тяглая организация Поморья..., с. 11. — Дань составляли: а) платеж за белки, б) платеж за горюстаи, в) платеж за поральскую белку и морской оброк и пошлыны, г) платеж за городовое и засечное дело, д) платеж за емчугу, е) пищальные деньги, ж) ямские и приметные деньги. Все эти платежи составляли двинскую дань и в XVI в. (Аграрная история Северо-Запада России в XVI в., с. 31—32). В памяти из Новгородской чети, включенной в наказ 1645 г., размер платежа с выти в черных волостях определен в 3 рубля 13 алтын 2½ деньги (Веселовский С. Б. Акты писцового дела, т. II, вып. 1, с. 466).

¹⁶ ЦГАДА, ф. 137, кн. 18, ч. 2, л. 804.

¹⁷ Там же, Архангельск, № 15051, л. 403, 417.

¹⁸ Богословский М. М. Тяглая организация Поморья..., с. 11.

стрелецких денег по окладу положено было 6767 р. по 23 алт. по 3½ деньги, да данных и оброчных полонянничных денег, оприч конской и огородной пошлыны, по 365 р. 19 алт. 3 деньги на год». За определенный срок уплачено 43 764 рубля 31 алтын 3 деньги, в доимке оказалось 3616 рублей 1½ деньги. Объясняя недоимку, двиняне писали в челобитной царю, что они «тех денег по окладу сполна не выплачивают за пустотою, потому, что у них многие тягла запустили и взять тех денег не на ком — люди бегут в Сибирские города». Оказавшись перед фактом большой недоимки, правительство 5 сентября 1679 г. («царь указал, и бояре приговорили») вынесло общее решение «о полегчении» тягла с поморских городов. В частности, по Двинскому уезду было решено «выложить» 2495 рублей 9 алтын 4½ деньги и собрать 4639 руб., по рублю со двора.¹⁹ Перед нами «полегчение» тягла почти на 35%. Текст боярского приговора, приведенный грамотой, распространял это «полегчение» на все Поморье.

Наряду с постоянными налогами, собиравшимися ежегодно, особыми распоряжениями вводились сборы на разные государственные нужды. Сохранившиеся отписи, воеводские памяти и другие документы дают представление о перечне этих платежей, а иногда и о величине оклада с выти. В отписях Лодомской волости засвидетельствованы платежи: в 1607 г. — по 3 рубля с полтиною на месяц «ратным людям на государеву службу под Калугою»;²⁰ в 1640 г. — «ратным людям на жалование з двора» — по полтине;²¹ в 1641 г. — «за государево хлебное жалование московским стрельцам» — по 2 рубля 18 алтын 5 денег с выти;²² в 1643 г. — по 7 рублей 9 денег с выти;²³ в 1644 г. — по 5 рублей 8 алтын с выти.²⁴ В 1650 и 1651 гг. московским стрельцам на хлебное жалование собиралось по 168 руб. с сохи (с чети пашни по 7 алтын).²⁵ В эти же годы брались деньги «русским полонянником на окуп», со двора 8 денег.²⁶ В отписи Ягрышской волости Устюжского уезда 1651 г. названа уплата налога «стрельцам государева жалования» «за сибирские хлебные запасы».²⁷ Налог

«за сибирские хлебные запасы» упомянут уже в отписи из Новгородской четверти 1645 г. как регулярный платеж по памятям из Стрелецкого и Сибирского приказов.²⁸ Но в отписях Двинского уезда он именуется как налог «за хлебные запасы», без добавления слов «за сибирские».

В наказной памяти двинского воеводы приставу от 8 октября 1655 г. предписывается собрать в Емецком стане «московским стрельцам на государево жалование за хлебные запасы... с сохи по 228 рублей, а с чети по 9 алтын по 3 деньги», да «на окуп полонянников с крестьянских дворов по 4 деньги со двора, а с монастырских — по 8 денег». Кроме того, предписывалось собрать по полтине со двора «на корм государевым ратным людям на жалование за хлебные запасы».²⁹ По этой же норме проводился сбор и в 1645 г. В разрубе 1664 г. Тавренской волости стрельцам на жалование платили с обжи по 1½ рубля 6 алтын 4 деньги, тут же брался налог — поворотное — с 90 дымов, с дыму — по полполтине.³⁰ Продолжим этот ряд известий о налогах, используя отписи Нименской волости Каргопольского уезда. Согласно им, налог «московским стрельцам на жалование» платился с 1666 по 1674 г. ежегодно с выти по 12 рублей 11 алтын 4 деньги, лишь в 1674 г. он был понижен до 10 рублей 15 алтын с выти.³¹ Приведенные отрывочные данные по обширному району Поморья свидетельствуют о повсеместности «стрелецких денег» и «денег за хлебные запасы» с окладом, хотя и колеблющимся по времени и местности, но всегда более высоким, чем оклад постоянными налогами.

Но потребности государства постоянно возрастали. В военное время крестьяне поставляли даточных людей, неся при этом большие расходы. Так, в поручной крестьян Чухченемской волости «по посошном человеке» Кирилле Кукине говорится, что он является «на государеву службу под Смоленск... с лошадыю, и с телегой, и с хомутом, и с топором, и с киркою, и с заступом, и с лопатою, и со всею под наряд посошною снастью».³² В аналогичной поручной койдокурцев «по неком» Тите говорится, что для него волость установила помесичную плату по 4 и 3 руб. в зависимости от участия в военных действиях.³³ Волость, разумеется, не только материально тратилась, но и несла ответственность за посланного ею человека, чтобы он «государю не изменил». В другой военный год — 1656-й, как свидетельствует наказная память двинского воеводы Пушкина, требовалось немедленно поставить с 50 дворов одного даточного человека «на доб-

¹⁹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 33, № 100. — О сборе с Двины стрелецких денег говорит царская грамота от 12 января 1682 г., в которой указано, что стрелецкая подать — по одному рублю со двора — должна собираться по переписным книгам 1679 г. и заменить собой другие, ранее собираемые сборы (Гос. архив Арханг. обл., ф. 191, оп. 3, № 123).

²⁰ РИБ, т. XXV, Лодом. акты, № 267.

²¹ Там же, № 293.

²² Там же, № 297.

²³ Там же, № 302.

²⁴ Там же, № 312. — О тяжести этого налога можно судить по записи в оброчных книгах Кулойского посада 1641—1642 гг., когда с посада собрать оброчные деньги не удалось, так как «крестьяне в 149 году разбеглись врозь от збору нашим ратным людям на жалование, что збирало с посаду з двора по 2 рубли на 146 — и на 147 год» (Сб. ГКЭ, т. 1, № 608, с. 799).

²⁵ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 1.

²⁶ Там же, № 3.

²⁷ Там же, № 8.

²⁸ Веселовский С. Б. Акты писцового дела, т. II, вып. 1, с. 467.

²⁹ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 191. — Наряду с общими налогами взимались частные сборы. Например, в 1657 г. с двинских монастырей брали по 3.5 деньги с двора «за топорки и за бердыши, за железо и за дело» (там же, ф. 5, карт. 21, № 172).

³⁰ ГПБ, РО, ф. 759, Тавренские акты, № 88.

³¹ Архангельский краеведческий музей, № 3576—3584.

³² РИБ, т. XXV, Лодом. акты, № 283.

³³ Там же, № 285.

рых конях», «с годовым запасом» в действующую армию. Иногда вместо даточных людей собирали деньги — по 40 руб. за человека.³⁴ В марте 1656 г. Антониево-Сийский монастырь поставил с 325 дворов трех «даточных слуг конных», а за остальных «трех человек конных» заплатил 140 руб. (20 руб. из них за «перехожие» 25 дворов — по 26 алтын 4 деньги со двора).³⁵ Богатые крестьяне пытались откупиться от своей очереди. В марте 1655 г. крестьянин Тавренской волости Лука Сергеев нанял за себя «на государеву службу в солдаты» соседа и обязал его называть себя на службе именем нанимателя. При этом Сергеев «рядил ему, Лариону, за ту солдатскую службу» 7 руб., выдав предварительно 2 руб., остальные — после окончания службы. В записи оговаривается, что в случае «похода с Вязьмы» и удлинения срока службы плата будет увеличена.³⁶ В 1658 г. на Двине проводился крупный набор «в московские стрельцы на вечное житье» с «дву дворов по человеку». С этой целью сюда был послан голова московских стрельцов Анафасий Левшин.³⁷ В связи с царским указом 1678 г. о наборе рекрут из дворцовых и помещичьих крестьян — с 25 дворов по человеку — был введен налог с монастырских, патриарших, церковных и «всяких тяглых людей», т. е. черносошных, по рублю со двора «на жалование ратных людей».³⁸ Судя по отпискам Антониево-Сийского монастыря, эти деньги наряду со стрелецкими собирались в Поморье регулярно в 80-х гг.³⁹ Двинской летописец под 1680 г. сообщает о присылке на Двину грамоты, вводящей налог «за сухарные деньги и за всякие оброки» — по рублю со двора.⁴⁰ Этот налог с 80-х гг. постоянно фигурировал в двинских порядных как одна из обязанностей порядчика.

Соображениями оборонного характера диктовалось строительство укреплений и городов на Севере. Двинские крестьяне привлекались к строительству Архангельска, укреплений Соловецкого монастыря, стен Холмогорской крепости. По памяти воеводы Пушкина в ноябре 1655 г., заготавливался лес на ремонт Холмогорского острога — 16 050 жердей и 1720 тесниц, — которые должны были поставить двинские крестьяне.⁴¹ В мае 1656 г. было предписано на ремонт острога набрать с черносошных волостей по

2 человека с выти, а с церковных — по 50 человек с сохи. Велено: «которые места можно починить ... а что невозможно, а те места велено делать внове», башни починить, ров почистить.⁴²

Поддерживать «государеву дорогу» от Москвы до Холмогор возлагал на население Судебник 1589 г.⁴³ В XVII в. дорожная повинность в Поморье умножилась в связи с прошедшим по его территории основными путями в Сибирь. Как и другие повинности, дорожная в XVII в. осуществлялась волостями. В июле 1686 г. земский судейка, сотский и крестьяне Сийского стана сообщали посланному пушкарю: «Мы на той, на государеве, летней проезжей дороге от Сийской волости до Брилина Наволока в Прилуке на 10 верстах на ручьях и на грязях в прошлые годы мосты мостили и на той дороге по сторонам лесы и навесы чистили», а в настоящий год с июля крестьяне обещались провести все дорожные работы сполна.⁴⁴ О выполнении дорожной повинности в том же объеме сообщили тому же пушкарю крестьяне Ракульской волости.⁴⁵ Аналогичную повинность несли и другие волости Поморья. С дорожной повинностью связана повинность ямская — предоставление подвод лицам царской администрации, иностранным послам, служилым людям и т. д. Поселения, расположенные вдоль рек, обязаны были поставлять суда с гребцами.

Повинности, связанные с обеспечением государственных нужд, накладывались на уезды в зависимости от их географического положения. Так, восточные уезды (вятские, Кеврола, Яренск) поставляли подводы под государственные грузы и для служилых людей до Верхотурья; плотников, чтобы в Верхотурье строить суда для перевозки грузов в Сибирь; выборных голов и целовальников для наблюдения за провозом сибирского хлеба и т. д. Уезды, расположенные по речным системам, обеспечивали поставку судов и т. д. О специфических двинских повинностях сообщает нам челобитная земских властей царю 1634 г.:⁴⁶ 1) поставка кречетов в Москву, обходившаяся в 700 руб.; 2) посылка 12 барок на Березовое устье Двины «на заставу для сторожи и корабельного приходу» — 400 руб.;⁴⁷ 3) поставка судов для стрельцов и под запасы, отправляемые на Колу, — 200 руб.; 4) предоставление судов для служилых людей, отправлявшихся в Кевролу, Мезень и другие места, — 500 руб.; 5) предоставление 40 и более дощаников для перевозки «государевых грузов» и казны, привезенных иностранными купцами в Архангельск, —

³⁴ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 21, № 82.

³⁵ Там же, № 124.

³⁶ ГПБ, РО, ф. 759, Тавренские акты, № 67.

³⁷ ПСРЛ, т. 33, с. 176. — Но это был, конечно, не первый набор стрельцов. За два года до набора, в 1656 г., воевода посылал приставов разыскивать бежавших «з государевы службы с Москвы Иванова приказу Нелидова холмогорских стрельцов». В другой памяти от 30 августа 1656 г. воевода запрещал крестьянам и монастырским старцам нанимать на работы «новоприборных стрельцов Зимина приказу Волкова». Властям предписывалось их доставлять в Холмогоры (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 21, № 137, 144).

³⁸ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 32, № 176.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ПСРЛ, т. 33, с. 185.

⁴¹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 21, № 78, сстав 1.

⁴² Там же, кол. 47, оп. 2, № 194.

⁴³ Судебники XV—XVI вв., ст. 223.

⁴⁴ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 31, № 172.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Богословский М. М. Тяглая организация Поморья..., с. 12.

⁴⁷ К стрельцам на Подужемском и Березовском устьях, «которые стоят на карауле», была обращена память воеводы летом 1657 г. с предписанием не задерживать монастырские суда, идущие с солью и рыбой (Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 197). В 1674 г. на Березовом устье «на караулах» построены три раската «для корабельного приходу» (ПСРЛ, т. 33, с. 158).

6000 руб. Итак, население Двинского уезда только на выполнение специфических повинностей тратило 7800 руб., т. е. сумму, в полтора раза более высокую, чем оклад стрельцами деньгами.

К окладным сборам относились таможенные и кабацкие сборы. Как бы не организовывалась администрация таможенных и питейных сборов: способом верного управления, способом откупа частными лицами или арендой целым обществом, — правительство всегда требовало от управителей не снижать уже достигнутых сборов (за прошлые годы) и, примерясь к ним, назначало всегда более высокую сумму. Поэтому всякое понижение доходов вызывало подозрение правительства и вело к расследованию причин. Так, в царской грамоте 1655 г. констатировалось, что в 1654/55 г., когда на Двине «таможенную пошлину и кружечных дворов прибыль... збирал на веру» голова гостиной сотни Иван Мельцов «с товарищи», обнаружился недобор денег, и предписывалось о причинах недобора «сыскать большим повальным обыском».⁴⁸ Приведенные в грамоте суммы недобора по сравнению с таковыми двух предыдущих лет позволяют установить доход государства по этим статьям. За три года в Двинском уезде было собрано:

Таможенные сборы	Кабацкие сборы
1652/53 г. 7117 рублей 19 алтын 3 деньги	11213 рублей 13 алтын 3 деньги
1653/54 г. 6430 рублей 19 алтын 2 1/2 деньги	6908 рублей 30 алтын 4 деньги
1654/55 г. 5222 рубля 9 1/2 деньги	6757 рублей 28 алтын 2 1/2 деньги

О причинах уменьшения таможенных доходов опрошенные обычно отвечали «неведением», падение же кабацких сборов объясняли уменьшением числа «питухов» по случаю неурожая. Таможенные доходы составлялись из пошлин с товаров, кабацкие — с доходов от вышнего вина, т. е. там плательщиками были торговые люди, здесь — двинское население, в подавляющем большинстве крестьяне. Как видно, правительство в 50-х гг. собирало кабацких доходов почти столько же, сколько оно брало с населения налогов до введения стрельцкой подати в 1679 г., и в полтора раза больше оклада стрельцами деньгами с Двины. Стремясь обеспечить кабацкий доход, правительство устраивает в Подвинье разветвленную сеть кабаков. Из случайно сохранившихся допросов целовальников 1678 г. (года головы таможенных и кабацких сборов Дорофея Мельцева, деятельность которого расследовалась) выясняется местонахождение 14 кружечных дворов: 4 — в Холмогорах (кружечный двор, прибыточная стойка,

⁴⁸ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 192. — «Голова» действовал с помощью целовальников. В Поморье в таможенные целовальники чаще всего выбирали крестьян. Так, в 1658 г. архангельский таможенный голова жаловался, что холмогорские целовальники — «люди все пахатные» и товаров осматривать не умеют (ДАИ, т. 3, № 52).

красный кабак, четвертная стойка), 4 — в Архангельске (кружечный двор, алтынная стойка, красный кабак, банный кабак), 2 — в Волоке Пинежском (кружечный двор, кабак), 4 — в волостях вдоль Двины (в Емце, Ступине, Неноксе, Ракуле).⁴⁹ Кружечные дворы имелись и в других волостях, ибо они давали доход государству, выкачивая средства из карманов крестьян. Упоминаются случаи, когда местные власти собирали недобор с местного населения в кабаках в качестве штрафа за сдержанность в питье «государевых вин».⁵⁰ «Курение» вина населением строго запрещалось. Иногда правительство соглашалось закрыть кабак в той или иной местности, но за это брало окуп с населения. Так, закрывая в 1661 г. кружечный двор в Тавренском стане (по челобитью крестьян), правительство предписало населению платить в приказ Большого Дворца «против откупов и с наддачами» по 13 рублей 21 алтыну в год.⁵¹

Раз ответственность «за недобор» кабацких денег падала на население, то питейные сборы можно считать одним из налогов XVII в.

Поборы с населения в пользу царской администрации поглощали значительную долю крестьянского бюджета. Обычно эти поборы рассматриваются как злоупотребления. Правительство официально их запрещало. Например, 5 июня 1678 г. был издан указ с предписанием «воеводам и приказным людям на себя не собирать» никакие поборы. Он был разыскан дьяками в Посольском приказе в Устюжском столе и являлся ответом на челобитье посадских людей Великого Устюга, Соли Вычегодской, Тотмы и Чаронды, т. е. крупнейших посадов Поморья.⁵² Эти запреты правительство повторяло и в воеводских наказах, но на деле терпело злоупотребления, если они не слишком вредили казне. Механизм феодального государства XVII в. позволял представителям власти на местах буквально обогащаться за счет населения. Этим власти и пользовались. Иллюстрацией могут служить челобитные двинян на своих воевод.⁵³ Оказывается, воевода 1670 г. Афанасий Иванович Нестеров брал с двинян в год «повытно» 400 четей хлеба, да, сверх хлеба, 50 руб., да с земских старост — 1300 руб., да корму с Земского двора на 500 руб. Если считать стоимость 400 четвертей хлеба в 200 руб., то окажется, что воевода взимал с управляемых 2050 руб. в год, т. е. почти треть общего годового оклада, наложенного на Двину в 70-х гг. Далее челобитчики утверждали, что «тоже выходило» и последующим

⁴⁹ ИРЛИ, Древлехранилище, кол. К. П. Гемп, № 31—35, 37—41, 43—44. — Допрошены 22 целовальника, избранных в 20 двинских волостях.

⁵⁰ В 1647 г. двинской голова сообщал, что из-за малого приезда торговых людей и запрета стрельцам покупать и пить кабацкие напитки будет недобор денег. Царь не выслушал объяснения и пригрозил «взять на голове недобор вдвое» (ДАИ, т. 3, № 34). По указу 1674 г. недобор следовало взыскивать с земских людей (ПСЗ, т. III, № 1579).

⁵¹ ГИБ, РО, ф. 759, Тавренские акты, № 76.

⁵² Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 107.

⁵³ Там же.

воеводам.⁵⁴ Но особенно отличился поборами воевода Богдан Иванович Ордин-Нащокин (с 12 июля 1679 г. по 8 февраля 1681 г.). Он «доправил» более, чем предыдущие воеводы: 1506 руб., да на корм за два года 700 руб. и более, дважды взял по 395 четей ячменя и по 50 руб., да от «попоровки», т. е. от какого-то содействия, 210 руб. вместе с дьяком. «И как поехал с Двины, то подводы стали в 100 руб. и более». Полугодовое правление воеводы Ордина-Нащокина обошлось около 3000 руб., что составило $\frac{2}{3}$ общего оклада Двины стрелецкими деньгами. Терпение двинян лопнуло, когда приехавший на Двину новый воевода Никита Семенович Урусов (8 февраля 1681 г.) стал брать доходы «против прежнего». Земские судейки окопосадных волостей составили челобитную, с которой в Москву отправлен был ухто-стровец Сережка Грибанов. В ответной царской грамоте от 3 августа 1681 г. после изложения обстоятельств дела по челобитной и приводится указ от 5 июня 1678 г. Оказала ли действие эта грамота, неизвестно. Злоупотребления двинских воевод не являются неким исключением. Вятские воеводы, например, установили обязательные для населения взносы в свою пользу: «все-дневные харчи», «конский корм», «пивные и винные вари», взимали при вступлении в должность «въезжее» по 300—400 руб. Когда в 1635 г. воевода увеличил «въезжее» до 500 руб., вятчане восстали, потребовали с отъезжавшего воеводы возврата «въезжее» и грозили избить приказных. После этого воеводы не решались требовать «въезжее», но грабеж населения с их стороны продолжался в разных формах, о чем свидетельствует Расходная книга хлыновского земского старосты Ивана Репина за 1678—1680 гг.⁵⁵ Особенно грабительски действовали воеводы в нерусских районах. Так, воевода Римский-Корсаков ухитрился за 2 года взять с удмуртов одной Верхотепецкой доли 1090 руб. в виде взяток, что равнялось стоимости 10 900 пудов хлеба.⁵⁶

Но если крупные злоупотребления и пресекались правительством, то мелкие поборы со стороны должностных лиц были повсеместным явлением. Сознывая свое полномочие на местах, приказные всех рангов «вымучивали» у населения деньги различными способами. При любом соприкосновении с властями: ходатайствовал ли о чем, просил ли отложить срок уплаты какого-либо сбора, нуждался ли в подписи под документом и т. д. — крестьянин (чаще представитель волости) должен был давать

взятки деньгами и натурой. Так, в марте 1696 г. Тавренская волость платила собранную сумму подымных денег в Шенкурске. Денежный сборщик вынужден был сделать подношения начальнику — хлеба на 6 денег, да «в бумажке» 3 алтына 2 деньги, княгине — 2 алтына 4 деньги, люди его взяли 10 денег, дневальным приставам — 2 деньги, дьяку — хлеба на 6 денег и «в бумажке» 3 алтына 2 деньги, за отписки взяли 6 алтын 4 деньги, подьячему, что деньги считал, — 8 денег, воскового — 4 деньги. Да истратил он на харч и подводы 7 алтын 4 деньги. Выходит, чтобы только сдать налог, волость затратила 180 денег, в переводе на хлеб — 13—15 пудов.⁵⁷ То же в далеком Яренском уезде. В «Росписи Усть-Вымского целовальника расходу на весь год» под 21 ноября 1692 г. отмечено, что «приезжал с Еренска» воевода Г. Р. Украинцев в Усть-Вым: почести несли ему — 8 алтын 2 деньги, жене его — 5 алтын, детям его — 3 алтына 2 деньги, племяннику — 3 алтына 2 деньги, посадским за двор — 2 алтына 2 деньги, приставам — 1 алтын, рыбы и икры три раза пошено — 24 алтына, караульщикам — 3 алтына 2 деньги. Приезд воеводы обошелся в $1\frac{1}{2}$ рубля 4 деньги, или около 25 пудов хлеба. Усть-вымский целовальник 4 раза ездил в Яренск и каждый раз являлся с подарками к воеводе, к его жене — всего истратил 252 деньги. Во время одной из поездок заплатил воеводе 32 алтына «от ямского расчета попоровки», т. е. за какое-то содействие при выплате ямских денег.⁵⁸

У волостного мира были и другие расходы: оплата подвод и кормов (вытей) для приезжавших в волость представителей уездных властей, оплата разъездов представителей волости по отправке налогов, по возбуждению всевозможных ходатайств перед воеводой, а то и перед центральным правительством, покрытие волостных расходов при отправке ее выборных на должности целовальников в отдаленные местности, оплата земских выборных в своей волости (судьи, старосты, трапезники в церкви и т. д.), расходы на нанятых веревщиков, на содержание волостной канцелярии и т. д.

Все сборы, и постоянные, и экстраординарные налоги, и воеводские поборы, и собственные расходы волости, зафиксированные в росписях расходов волостных должностных лиц, волость раскладывала на своих членов. Раскладка была трудным делом, так как задевала всех волощан и происходила на волостном сходе.

В сохранившихся отписях Андреанова стана о взимании платежей с Павракульской церковной деревни запечатлено 4 раз-руба 1644 г.⁵⁹ 30 января были разрублены деньги в полугодовой

⁵⁴ После А. И. Нестерова до Б. Н. Ордина-Нащокина на Двине сменилось 5 воевод, трое из них умерли на воеводстве (один правил 2 месяца, другой — 10, третий — 11) и не могли, конечно, преуспеть в поборах, так что утверждение двинян, что всем воеводам «тоже выходило», можно считать преувеличением (ПСРЛ, т. 33, с. 181—184).

⁵⁵ Дуплов Н. Н. Документы по истории Удмуртии XV—XVII веков. Ижевск, 1958, с. 44—45.

⁵⁶ Там же, с. 46.

⁵⁷ ГПБ, РО, ф. 759, Тавренские акты, № 158.

⁵⁸ Роспись усть-вымского целовальника находится в Архиве ЛОИИ СССР (кол. 82, № 164). Аналогичные росписи за 1673—1674, 1699 гг. см.: там же, кол. 254, № 82—89, 90, 116.

⁵⁹ РИБ, т. XXV, Лодом. акты, № 311—319.

верховский расход — по 1 рублю 19 алтын с выти и на становые расходы — по 6 алтын с выти; 8 февраля — на государеву дань п оброк; посошный хлеб и служилым людям на жалованье — по 5 рублей 8 алтын с выти, в кеврольский оброк — по 5 алтын с выти, в московскую посылку — по 20 алтын с выти, на становой расход — 1 рубль 10 алтын 2 деньги; 17 марта собирались деньги по февральскому раскладу; 18 апреля — в уплату по кабале — по полтине с выти, по росписи старосты — по 3 рубля 22 алтына с выти, по другой росписи — по 2 руб. с выти, в верховские расходы — по 1 рублю 19 алтын с выти, на становые расходы — по 3 алтына без деньги с выти; 20 апреля деньги брались по этому разруб; 1 декабря разложен расход на государева посланника, на посошный хлеб и становые расходы — по 2 рубля 26 алтын 2½ деньги с выти. В итоге мы получаем, что только по этим четырем разрубам было разложено государственных налогов по 5 рублей 13 алтын с выти, а расходов становых — 13 рублей 31 алтын 1 деньга. В состав становых расходов, вероятно, входили исполняемые станом повинности: поставка подвод по разным случаям, обеспечение кормом представителей администрации, заявлявшихся в стан, оплата выборных к разным «государевым службам», оплата земских властей и т. д.⁶⁰ Под верховскими расходами, видимо, можно понимать расходы, возникавшие всякий раз при соприкосновении с администрацией в уезде. «Росписи старосты»,⁶¹ т. е. фиксация текущих расходов, выносились на разруб, и эти суммы составляли значительную долю платежей с выти. Так выглядели волостные разрубы. Как доходил этот разруб до отдельного волощанина, мы можем судить по сохранившимся (очень редким) сводным отписям о налогах отдельного дворохозяина. Вот, например, что было взято в разные сроки с крестьянина Кивокурской волости Устюжского уезда Ивана Федорова с. Катаева в 1651 г.:⁶²

Платеж	Верхняя соха	Нижняя соха
Государевых дворовых денег ратным людем на жалованье с двора 2 гривны, да в отвоз 2 деньги.	2 гривны 2 деньги	2 гривны 2 деньги
Ямские и ружные деньги, что разрубили по 12 алтын с белки.	1 рубль 20 алтын 4 деньги	31 алтын 3 деньги
На московскую посылку и на всеземский устюжский расход в судебню, что разрубили по гривне с белки.	15 алтын	8 алтын 4½ деньги
Государева дань, что разрублено по 5 алтын 2 деньги с белки.	24 алтына	14 алтын
Полонянничьих денег по 4 деньги со двора.	4 деньги	4 деньги
Государев вытный оброк с пошлыми и с санными по сотной Выпеславцова с дер. Фоминской, а Шестинское тож (в верхней сохе), с дер. Дудыревской (в нижней сохе).	1 рубль 32 алтына 1 деньга	30 алтын 1 деньга
Государева московского запаса, в конские пошленные деньги, что разрублено обоим по 16 алтын с белки.	2 рубля 5 алтын 2 деньги	1 рубль 8 алтын 4 деньги
Государева сибирского запаса и верхотуринским судовым плотникам в наем, что разрублено обоим по 8 алтын с белки.	1 рубль 2 алтына 4 деньги	21 алтын
На прошлые годы десятые доли стрелецкие деньги, и за пустые волости сибирской запас, и в Приказ сбору ратных людей, и на пропавший на 159-й ямские деньги в другой набор по 1 рублю с сошки, и на нынешний 160-й год в судебню, в другой набор на мирской всеземской расход по рублю же с сошки, и воеводе и дьяку в посошное, и всего того разрублено по 8 алтын с белки.	1 рубль 20 алтын 4 деньги	21 алтын

Вот что заплатил «в разных месяцах и числах» крестьянин Катаев. Видимо, это зажиточный крестьянин — владелец земли в двух деревнях. Уплатил он в обеих сохах 15 рублей 5 алтын 4½ деньги. По отписям о сборе налогов с того же Катаева в 1653 г. видно повышение платежей на наем «сибирских судовых плотников», «ямских денег» и «сибирских хлебных запасов».⁶³ С. Б. Веселовский считает указанные разряды платежей очень тяжелым бременем для населения. Например, подвода до Верхотурья стоила 6—7 руб., а отправлять приходилось тысячи пудов хлеба.⁶⁴

Итак, налоговые статьи отдельного плательщика с большой четкостью отражают тяглую организацию Поморья. Крестьянин платил постоянные налоги: дань, оброки, устанавливаемые специальными указами платежи на погашение государственных нужд, особенно важной ямской в Сибирь,⁶⁵ и нес сборы на во-

⁶⁰ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 150.

⁶¹ Веселовский С. Б. Сошное письмо. М., 1915, т. I, с. 128—135.

⁶² Там же, с. 128.

⁶⁰ Вот как определял становые расходы разруб Кивокурской волости: «В становую издержку дьячком и приставу в наем и на устюжских приставов на корм и на подводы и всего ... (разложили по столько-то)» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 150).

⁶¹ Приведем некоторые записи из «росписи» усть-вымского целовальника Г. М. Баженова 1673 г.: в ноябре дал 40 алтын Акинфею Горяинову за лучину, починку печи, за мытье горниц и т. д., т. е. за поддержание в порядке «боярского двора»; целовальнику, собирающему дань, — 1 алтын 2 деньги; за починку кубка на «боярском дворе» — 4 деньги; «займовали» 100 руб., в почесть несли 6 алтын, за «отвоз казны» сыну боярскому — 8 руб., за возку дров и сена на боярский двор — 3 руб.; за очистку боярского двора — 2 алтына; дьякону за приложение руки — 4 деньги. Далее следовала сумма за корм стрельцов, приставов и др., приезжавших в волость, оплату посыльных и т. д. (Архив ЛОИИ СССР, кол. 254, № 90).

⁶² Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 59. — Земли Катаева находились в двух подразделениях волости: в верхней сохе, где был его двор в дер. Фоминской, «а Шестинской тож», числилось 4½ окладные единицы — белы, в нижней сохе, где у него был двор в дер. Дудыревской, — 2½ с осьминой белы. В каждой сохе действовал особый сборщик: в верхней — Иван Семелов, в нижней — Юрий Андреев.

лостные нужды, причем в значительном размере. Если перевести сумму налогов и сборов, уплаченных Катаевым, на стоимость хлеба, то окажется, что налоги равнялись стоимости более 200 пудов хлеба. Как покрывал налоговую сумму крестьянин — реализацией ли продукта своего хозяйства, доходами ли от промыслов или торговлей, — нам неизвестно. Не можем мы высчитать и долю, которую составлял налог в доходах его хозяйства, ибо мы не знаем ни количества его земли, ни других отраслей его хозяйства.

С. Б. Веселовский высчитал величину налогов, падавших на соху в разных уездах Поморья, и установил относительную тяжесть налогообложения разных районов. «Самое легкое обложение было в Перми с Солью Камской и Кайгородком и на Вятке с пригородами. В Перми соха платила 48 руб. четвертных налогов и должна была возить сибирский хлеб. На Вятке тягла соха платила 53 рубля 9 алтын $4\frac{1}{2}$ деньги четвертных доходов и возила сибирский хлеб, а оброчная соха платила 100 руб. четвертных денег, но была свободна от возки сибирского хлеба». На втором месте по тяжести обложения были Каргополь, Турчасов, Чаронда и Тотма. Уездная соха здесь платила 120—125 руб. четвертных доходов. «Несколько тяжелее этих городов была обложена Вым-Яренская, и, наконец, самое тяжелое обложение было в Сольвычегодском и Устюжском уездах и на Двине. Здесь уездная соха платила от 150 до 200 рублей четвертных доходов». С Двины брался хлеб, а Сольвычегодск и Устюг возили сибирский хлеб.⁶⁶ Исходя из данных обложения сохи прямыми налогами, никак нельзя вывести тяжесть обложения отдельного крестьянского двора, так как его бюджет отягощался другими платежами, в том числе и мирскими.

И все-таки у нас есть некоторые возможности высчитать, конечно очень приблизительно, долю доходов, идущую на налоги и другие платежи. Исходя из нормы высева и урожая, а также цен на хлеб, мы установили, что в 20-х гг. XVII в. двинской крестьянин платил государству от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ доли дохода с обрабатываемой обжи.⁶⁷ В денежном выражении это составляло 234 деньги с обжи. Попробуем, употребив тот же прием, определить платежи с обжи в середине XVII в., используя данные разрубов Андреанова стана 1644 г. По этим разрубам, как мы установили, с выти крестьяне платили 19 рублей 11 алтын 5 денег. Поскольку двинская выть, по авторитетному заявлению писцов, «сходилась» с трехобожной сопкой, мы можем высчитать размер платежей с условной обжи — 6 рублей 14 алтын $4\frac{1}{2}$ деньги. Сравнивая сумму налогов 20-х гг. с суммой налогов, выведенной нами для 40-х гг., получаем увеличение платежей почти в два раза. Правда, следует учитывать, что в число платежей в первом случае входили только окладные налоги, во вто-

ром — и обязательные окладные налоги, и становые расходы (сюда включаются, вероятно, и расходы на поставку ямских подвод), и верховые расходы, оплата прежних кабал и т. д. Следовательно, если мы удвоим прежнее отношение, т. е. будем считать, что в средние века двинской крестьянин платил от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ доли земледельческого дохода, мы будем где-то близки к истине. Это соотношение, нам кажется, можно подтвердить теми документами, в которых размер налога указывается из расчета на четверть пашни. Так, в 1650 и 1651 гг. на Двине платили «московским стрельцам на хлебное жалование» по 7 алтын с чети пашни.⁶⁸ Если при урожае сам-4 с четверти можно собрать 18 пудов хлеба (посев $4\frac{1}{2}$ пуда), то при цене 10 алтын за меру доход составит 40 алтын, т. е. уплата одной введенной в XVII в. подати поглощает почти $\frac{1}{6}$ дохода. Близкое отношение выводится и для 1655 г., когда расклад на ту же подать составил 9 алтын 3 деньги.

Постоянные жалобы крестьян на непомерность налогов и повинностей, на жестокие правящие, а также вынужденные решения властей о снятии недоимок и даже уменьшении тягла-оклада (как это имело место при введении стрелецких денег на Двине) доказывают возрастание в XVII в. налогового гнета. Огромное число экстренных сборов военного характера, сборов и натуральных повинностей, связанных с освоением Сибири, показывает, что все главные внешнеполитические успехи и внутреннее строительство государства обеспечивались крестьянским трудом.

⁶⁸ Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, карт. 20, № 1.

⁶⁶ Там же, с. 136.

⁶⁷ Аграрная история Северо-Запада России XVI в., с. 33—36.

Волость

В предыдущих главах постоянным фоном изложения была волость. Она ведала земельным фондом, как крестьянский коллектив защищала его от захватнических устремлений феодалов, путем разработанных форм учета закрепляла за каждым крестьянским хозяйством его надел, фиксируя изменения в его составе. В рамках волости развивалось крестьянское хозяйство, с обязательным севооборотом, с регулируемым оброчными держаниями, иногда с перераспределяемыми сенокосами, с общим выпасом скота и т. д. Наконец, волость играла решающую роль в раскладке налогов и повинностей и сборе их. Именно на ней покоилась сложная громада фискальной организации и через нее доходила до каждого плательщика. Круговая порука волощан обеспечивала государственный интерес фиска.

В заключительной главе работы хотелось бы осветить взаимоотношения волости и администрации.

Мнение М. М. Богословского, что XVII век — это век упадка земского самоуправления и торжества на местах — в уездах — административно-бюрократического управления, возглавляемого воеводами, справедливо лишь отчасти. Оно в большей степени относится к органам самоуправления на уровне уезда и не может быть принято полностью в отношении низшего звена — волости. Волости добивались полноты самоуправления: они использовали его как средство борьбы с царской бюрократией. Об этом свидетельствуют многочисленные жалобы волостей на воевод и приказных, обвиняющие их в насилиях, поборах и т. д. Особенно характерны жалобы на нарушение администрацией принципа выборности земских властей. «Да и земских старост, — пишут дворяне, — выбирают, мимо мирских людей, своею волею, кто им понадобится», а не так, как прежде, когда «выбирали земских старост мирские люди всяк своей волости поочередно».¹ Стремление волости отстоять право выборности означает заинтересованность крестьян в самоуправлении. И вряд ли прав Богословский, когда выдвигает блестящий афоризм: «Посадские люди и черные крестьяне не пользовались самоуправлением, а его отбывали,

как тяжелую повинность».² Многочисленные акты, составленные волостью (веревные и оценные книги, разruby, всевозможные поземельные разделы и отводы, допросы, судные дела, челобитные по самым различным вопросам, явки и т. д.), свидетельствуют об активной деятельности волостных общин не только в фискальной области, но и в судебной, и в хозяйственной. Антиисторичным кажется нам заявление Богословского, что представители земства в XVII в. «способны только, коленопреклоненно окружая трон, протягивать к нему дрожащими руками жалобные челобитные».³ Но ведь челобитные, по признанию самого Богословского, оказывали влияние «на направление правительственной деятельности»⁴ и чаще всего понуждали правительство ограничивать своеволие администрации. К этим мерам Богословский относит уменьшение власти воевод в финансовом управлении (устранение от таможенной и питейной администрации, изъятие из их ведомства стрелецкой подати) и ограничение судебной власти в отношении черного тяглого населения.⁵ К такого же рода мерам можно отнести восстановление выборности подьячих и городничих в Вятке. Вятчане жаловались, что местная администрация ставит подьячих к таможенным и кабацким сборам и к земским делам «без мирского выбора», а городничих «выборных... не принимает», а «посылает к ним из дворянских детей и из подьячих». Такие «невыборные» подьячие и городничие чинят вятчанам «налоги и обиды, и теснения большие», «берут взятки». Жалобы возымели действие: Две царские грамоты 1682 г. запрещали эту практику и предписывали ставить подьячих и городничих только «мирским выбором».⁶ Разумеется, это была существенная победа выборного принципа, и, конечно, достигнута она настойчивостью, а не «дрожащими руками».⁷

При характеристике крестьянского землевладения мы отмечали его дуализм: существование частной собственности двора и наличие общих земель. Благодаря теснейшим хозяйственным связям частного надела и общих земель создавалась экономическая основа волости как общины. Существенной особенностью общины XVII в., да и более раннего времени, было отсутствие переделов, столь свойственных общине позднего времени. Однако в последнее время высказано мнение, в частности Л. С. Прокофьевой, что и в XVII в. в северной общине имели место

² Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. II, с. 310.

³ Там же, с. 311.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Труды Вятск. арх. ком. 1905 г. 1905, вып. I, отд. III, с. 7—8.

⁷ В 1686 г. три волости Тавренского стана единодушно заявили земскому судье, что они согласны бить челом «О всяких мирских нуждах и зябели». Такого рода «одиначные записи» свидетельствуют о коллективных действиях нескольких волостей, иногда станов (ГПБ, РО, ф. 759, Тавренские акты, № 141).

¹ Архив ЛОИИ СССР, кол. 47, оп. 2, № 107.

переделы.⁸ Решающим доказательством этого для автора являются события в Андреановом стане в 60-х гг. XVII в.: попытки провести здесь передел земли. Как известно по публикации Н. В. Устюгова,⁹ 116 крестьян стана подали челобитную с просьбой разрешить «сравнить орамые земли и поженные сениные покосы — добрые, и середние, и худые», чтобы «никому в землях и переплате лишние тягости не было». Воевода Иван Милославский и дьяк Ларион Ермолаев разрешили провести «ровнение», сославшись на то, что в ряде двинских волостей проводилось верстание в случаях, когда часть земель отдельных волощан «льдом содрало, и водою отмыло, и песком посыпало». Тогда этот урон «разводился» на всю волость, а потерпевшие уравнивались с теми, кто не пострадал. Никакого, следовательно, передела в данном случае не было. Но в Андреановом стане было проведено не равнение, а передел. Так как это было «не за обычей», то 22 богатых дворохозяина «земель своих под ровень» не дали. Не достигнув уступчивости силой, воевода обратился в Новгородскую четверть и получил оттуда отповедь. Дьяк Алмаз Иванов писал воеводе: «Велеть крестьянам тяглыми своими участками владеть по крепостям и по писцовым книгам, за кем сколько земли написано в писцовых книгах... А такова образца, чтоб по челобитью одного стану и без государева указу поволить вервить и землю ровнять, не бывало. И тех, которые мужики земли не вервили и в запись не писались, свободить». Как видим, категорично изложенное мнение дьяка Алмаза Иванова совсем не подтверждает вывод Л. С. Прокофьевой. Невозможно подтвердить источниками и положение Л. С. Прокофьевой, что «на Севере существовало уравнивание земли в форме вервления». Все сохранившиеся монастырские и волостные веревные книги фиксируют состояние земельного владения каждого дворохозяина на момент вервления. Они и составлялись регулярно, чтобы отразить возможные изменения. Никакого передела при этом не происходило. Вот как определяется программа вервления в книге Архангельской вотчины, на которую ссылается Прокофьева: «Досмотрить и извервить... при владельцах» «тяглые и оброчные, горные и луговые, пашенные и сенокосные, и поскотинные, и дворовые земли, и пашенные леса... которые во владении за крестьяны». ¹⁰ Где же здесь указания на передел? В программе вервления лишь фиксация наличного владения крестьянина. Сомнительно толкование Прокофьевой выражения «складывать с тягла в умет» как аналогичного выражению «отрезать, что у кого за тяг-

лом земли в остатке», которое встречается в поверстных книгах XVIII в. Нет, в веревных книгах умет не означал «отрезать землю», а лишь означал, что в оклад тягла плохая земля идет с убылью. В той же веревной книге Архангельской вотчины сказано: «Добрые и середние земли писали все налицо без умету, а плохие земли из 10 сажень в жило 6 сажень, а в умет 4 сажени». ¹¹ Прокофьева признает вслед за Ефименко, что «вервление не обеспечивало равенства между дворами», но ее это не смущает, так как уравнивание «на этой стадии» имело целью «поставить крестьян-общинников в сравнительно равные условия в отношении пользования землей и прежде всего в отношении выплаты податей». ¹² «Равные условия» предполагали именно «уравнивание земли», но его-то и не было. Так возможно ли считать вервление переделом? Документы показывают, что равных податей не было, они разнились как разнились земельные наделы крестьян. Все это позволяет поставить под сомнение попытки найти переделы в общине XVII в.

Как возникали хозяйственные связи, создававшие общину? О далеких временах, когда община возникла из разросшейся семьи или из договорных обязательств первых колонистов Севера, у нас данных нет. Появление общин в позднее время уже отражено в источниках. М. М. Богословский указал на ряд случаев, когда образование волости, ее начало, доступно наблюдению по сохранившимся источникам. Особенно наглядно этот процесс отражен в писцовых и переписных книгах Вятского края, «куда в XVII в. идет сильный поток колонизации». ¹³ Здесь новые волости обычно возникали не в результате естественного прироста населения, приводившего иногда к разделу старой волости на две новые, а в результате притока новых поселенцев. Именно так во второй половине XVII в. в Хлыновском уезде возникла крупная (из 148 деревень, по описи 1678 г.) волость Слободка Филиппова, совсем неизвестная переписным книгам 1646 г. ¹⁴ Очень ярко источники рисуют процесс возникновения Опшанской волости. Группа вятских крестьян с неким Михейкой Обуховым во главе получила от правительства царя Алексея разрешение в Вятском уезде в Ченецком стане «на новом месте на Опшане реке под пашню и под сениные покосы раменную землю и лес разчищать и дворами селиться». Первоначальное сообщество крестьян расчищало леса, поставило церковь, призвало поселенцев. ¹⁵ Так сложилась волостная территория, возникли и общинные институты, базирующиеся на хозяйственной основе.

⁸ Прокофьева Л. С. Крестьянская община в центре и на севере в XVII—первой четверти XVIII в. — В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера, Верхнего Поволжья и Приуралья до Великой Октябрьской социалистической революции: Сборник статей. Киров, 1979, с. 13—23.

⁹ Устюгов Н. В. К вопросу о земельных переделах на Русском Севере в середине XVII в. — Истор. архив, 1950, т. V, с. 4—49.

¹⁰ Материалы по истории крестьянского хозяйства..., с. 367.

¹¹ Там же, с. 368.

¹² Прокофьева Л. С. Крестьянская община..., с. 22.

¹³ Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. I, с. 33.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 34.

Совьинская волость в XVII в.

Здесь мы предлагаем историю вятской Совьинской волости, возникшей в XVII в. Для изучения истории волости мы располагаем источниками двух видов: государственного происхождения — писцовые книги и волостного — «Расходная книга совьинского целовальника» за год — с сентября 1674 г. по август 1675 г.¹⁶ Первые позволяют проследить образование территории волости с начала ее возникновения в первом десятилетии XVII в. и до конца столетия, вторые — вскрыть внутреннюю жизнь мира и его взаимоотношения с местным управлением.

Первое описание Совьинской волости дошло до нас в писцовых книгах И. Б. Доможирова и подьячего Ивана Кокушкина 1629 г. в составе описания Верховского стана Слободского уезда.¹⁷ Тогда в волости было 12 деревень, 3 починок, 2 займища и погост с церковью Алексея Божия. Один починок пахался наездом, два займища пустовали. Всего в волости насчитывалось 42 двора, из них 4 на погосте и один бобыльский. Писцовая книга перечисляла в волости 69 людей. По числу жителей и поселений, теснившихся вокруг погоста, это была очень небольшая волость, начавшая свою жизнь незадолго до описания. Об этом свидетельствуют, во-первых, то, что о всех деревнях писец говорит как о бывших починок («деревня... что был починок»), во-вторых, то, что в большинстве деревень (в 8) живут основатели их, в одной — сыновья основателя. Выходит, к 1629 г. от активного хозяйствования не устранилось первое поколение, начавшее расчищать деревенские поля от леса.

Дальнейшее развитие Совьинской волости фиксирует перепись В. П. Отяева 1646 г.¹⁸ Согласно ей, в волости были один погост, 13 деревень, 2 займища и 4 починок, дворов — 87, жителей мужского пола — 280 человек.¹⁹ Сравнивая данные описаний 1629 и 1646 гг., мы видим, что волость за 17 лет территориально почти не изменилась, существуют те же самые селения (отмечены как вновь возникшие два займища и один починок), однако селения стали крупнее, многодворнее. Общее число дворов волости выросло в два раза.

Переписная книга 1678 г. зафиксировала в Совьинской волости один погост, 2 деревни, 13 деревень, «что были починок»,

¹⁶ Преображенский А. А. Расходная книга земского целовальника Совьинской волости Вятского уезда 1674—1675 гг. — Археограф. ежегодник за 1966 г. М., 1968, с. 407—424.

¹⁷ Писцовая книга И. Б. Доможирова опубликована в «Трудах Вятской архивной комиссии 1916 г.» (1917, вып. III—IV), описание Совьинской волости приведено там же на с. 124—130. — М. М. Богословский ошибочно считал, что Совьинская волость впервые появляется в переписных книгах 1678 г. (Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. I, с. 19, Приложение, с. 38).

¹⁸ ЦГАДА, ф. 137, Орел, кн. 1, л. 783—797.

¹⁹ В итоговые данные включены сведения из дополнительной описи Совьинской волости, произведенной Отяевым 6 месяцев спустя.

15 починок, 3 займища и один пустой починок, т. е. 34 «живущие» селения. В них описано 89 жилых дворов (считая 5 дворов церковников) и 29 пустых дворов. Мужское население в волости достигло 367 человек (считая и 15 церковников). О расширении волостной территории за 30 лет (после описи Отяева) свидетельствует увеличение почти в два раза числа поселений. Выставка полутора десятков починок раздвинула хозяйственно освоенную землю в волости.²⁰

Образование волостной территории даже на самых первых порах, когда вокруг погоста теснилось 12 деревень-починок, уже требовало регулирования поземельных и хозяйственных отношений. Занятие и расчистка новых земель приходцами могли руководиться на первых порах слободчиком, но с умножением поселений вокруг погоста поземельные связи между крестьянами усложнялись, необходимость в коллективных действиях по регулированию их обуславливала какие-то формы самоуправления. Потребность в этом увеличивалась с истечением податных льгот, которые, вероятно, были даны слободчику. Распределение тягла и сбор его были постоянной заботой родившейся волости. Волостная церковь потребовала определенных материальных затрат, что также могло быть обеспечено волостью-коллективом. Как религиозно-культурная организация церковь сразу же стала духовным центром волости.

Постепенно сложившееся волостное самоуправление и его деятельность хорошо прослеживаются по «Расходной книге совьинского целовальника». В записях целовальника в хронологической последовательности отмечены все волостные расходы, которые он и другие выборные понесли при исполнении разных земских дел: при вступлении в должность, при уплате налогов и т. д. Эти расходы были в основном двух статей: а) выборным на разъезды, на корм и т. п., б) на приношения приказным людям.²¹ Фиксация расходов предельно точна, с описанием обстоятельств, лиц, времени. А. А. Преображенский справедливо назвал этот документ «своеобразным дневником крестьянской волости».²²

Начнем рассмотрение показаний этого «дневника», относящихся к структуре самоуправления волости и взаимоотношениям его с приказной администрацией.

Согласно Расходной книге, во главе Совьинской волости стоял целовальник. Его помощниками были денежный сборщик и рас-

²⁰ Переписная книга 1678 г. в списке XVIII в. хранится в ГПБ, IV, 543 (Совьинская волость описана на л. 277—286).

²¹ Совьинская волость входила в Слободской уезд. Здесь приказная власть сосредоточивалась в руках городского приказчика, в его распоряжении был аппарат Судной избы, состоявший из 2—3 подьячих, сторожей и др. В Слободском были всеуездный земский староста и посадский целовальник, в их распоряжении находился аппарат денщиков и рассылок, выбранных волостями.

²² Преображенский А. А. Расходная книга..., с. 408. — Далее ссылаемся на листы, указанные в публикации.

сылка. Они выбирались волостью: целовальник — на год,²³ сборщик — на полгода,²⁴ рассылка, именуемый целовальником «своим рассылкой», — видимо, также на год.

Волостной выбор утверждался администрацией, которой предоставлялись выборные документы, а целовальник давал присягу. Так, целовальник Загребин был «выслан» «к вере» в Слободской и «явился» сначала к городовому приказчику,²⁵ а затем в Судную избу, после чего отправлен в Хлынов к воеводе.²⁶ Здесь, в Приказной избе, один из подьячих «приводил» его «к вере» (л. 92, 92 об.). Во всех инстанциях — и у городского приказчика, и у воеводы, и в Приказной избе — целовальник приносил подарки «в почесть». Так вступал в должность выборный волостной целовальник. Денежный сборщик к присяге не приводился. Относительно его городовому приказчику в Слободском подавался лишь «выбор», т. е. волостной приговор (л. 96). О подаче «выбора» на рассылку указаний нет. Обязанности волостного писаря исполняло нанятое волостью лицо — «подрядный дьячек».²⁷ В волости были еще сотник и пятидесятские. Так, в марте 1675 г. денщик Павел Чурин приезжал в Совье «по сотника, и по пятидесятников, и по крестьян» (л. 119); в июле другому денщику сотник и пятидесятские потребовались в связи с делом стрелецкой жены Оксиньи Лаптевой, которая была «сослана» из Совья в Слободской «за сотником и за пятидесятники за Василием Голышевым с товарищами» (л. 128). Сотник Василий Голышев назван и в другой записи (л. 119). Аппарат сотника, как видно из июльской записи, выполнял полицейские функции и был, несомненно, выборным.²⁸

Выборность должностных лиц волостного управления, засвидетельствованная Расходной книгой, предполагает регулярные

²³ С 1 сентября 1674 г. эту должность занимал Тимофей Загребин, а в августе 1675 г. был избран новый целовальник — Сава Кудрявцев, на которого был представлен выбор в Хлынов (с. 130).

²⁴ Сборщиком с 1 сентября 1674 г. был Фома Копанев, с марта — Яков Ситников.

²⁵ Городовым приказчиком в Слободском был Исая Дмитриев.

²⁶ Воеводой в Хлынове был Василий Поликарпович Нарышкин.

²⁷ О размере письменного делопроизводства волости можно судить по тому, что за год было куплено около трех дестьев бумаги (л. 92 об., 95 об., 98, 105 об., 112 об., 113, 117).

²⁸ Вот какие рекомендации высказаны в воеводской памяти крестьянам Верховажской четверти при выборе местных должностных лиц 1686 г.: надлежало выбрать четвертного и заказного старост, земских судей и целовальников, губных дел сотников и пятидесятских, на кружечные дворы (на 2) голов и целовальников. К Приказной избе избрать целовальников и приставов. Выбранные головы и целовальники кружечных дворов должны явиться в Шенкурск, на остальных — прислать «выборы» (аналогичным образом поступали в Солянской волости). В заключение памяти говорится: «Выборных людей выбирать на сходе всем миром, а не скопом, и не заговором, и не семьями, не заочи, и те бы выборные люди, ково в какую службу выберут, были тут на сходе», и «выбор на них писали при них же, а не заочи, не так, как в прошлых годах выбирали» (ГПБ, ОР, ф. 759, Тавренские акты, № 140).

волостные сходы, где происходили выборы и составлялись выборные документы. Та же Расходная книга свидетельствует о постоянном контроле волости за деятельностью выборных. Финансовый отчет о расходах целовальника за год (чем и является Расходная книга) предъявлялся волости и утверждался ею, т. е. волостным сходом или избранной им комиссией. Обычай записывать в книге двух-трех и более свидетелей, присутствовавших при денежной плате, гарантировал волость от злоупотреблений (приписок). В экстраординарных случаях целовальник получал особые разрешения волости на расход. Например, в марте целовальник записал, что, «приехав из Слободского на Совье, собирал на погост крестьян для скаски старых солдат разных полков и для совету — что от того дать городовому приказчику», т. е. поставил перед сходом вопрос, как подавать «сказку» о солдатах (беглых?) и чем умиловить начальство (л. 117). Последний вопрос — о приношениях — часто был предметом обсуждения крестьянских сходов. Так, в октябре 1674 г. целовальник «по приговору совьевских крестьян купил в торгу тюшу баранью, дал две гривны, колачей на шесть денег, неся калачи и тюшу Исая Дмитриеву в почесть» (л. 97 об.); в марте 1675 г. «по мирскому велению» дал городовому приказчику рубль (л. 117); в июне «мирским приговором» были определены покормежные деньги одному волощанину, задержанному в Слободском (л. 124); в июле миром определены расходы на поездку целовальника в Слободской по поводу сказок «о стрелецких женах» (л. 128). Решение волостного схода о тех или иных платежах сопровождалось, вероятно, их раскладкой и на волощан.

Расходы почти всегда производились в связи с обращением волости по своим делам к воеводской администрации. Поэтому по записям в Расходной книге мы можем установить, как часты были эти обращения и по каким вопросам. Общее представление о частоте обращений дают следующие цифры: за год целовальник ездил по делам 50 раз (39 — в Слободской, 11 — в Хлынов), сборщик — 14, подрядный дьячок — 10 раз. Так как обычно сборщик и дьячок ездили вместе с целовальником, то получается, что почти каждую неделю выборные из волости появлялись перед воеводской администрацией.хлопоты по делам, как правило, занимали несколько дней. Так, целовальник прожил в городе 140 дней, т. е. $\frac{2}{5}$ года, а если к этому добавить время, затраченное на переезд из Совья и обратно (30 верст), занимавший не менее одного дня, то время, проведенное целовальником вне волости, приблизится к полугоду. В книге в качестве свидетелей расходов названо более 100 волостных крестьян, которые или случайно находились в городе, или вызывались специально, так как иногда им волость платила деньги на прокорм. В записи от 4 июля целовальник, объясняя уплату покормежных денег четырем волощанам, пишет, что двоих он «задержал... для всяких земских дел», а других двоих «задержал... в Слободском для порук и для новосок» (л. 125 об.). Как видим, находившиеся в городе волощане по-

могали целовальнику в хлопотах по земским делам, выступали перед администрацией в качестве поручников в выполнении тех или иных требований, участвовали в процедуре всяких «приношений». Например, из записи от 24 июля узнаем, что в Слободском были задержаны 5 совьинских волощан, чтобы «подрядить» (видимо, закупить) «мозжевелевые ягоды» для воеводского двора (л. 127 об.), которые в августе и были отправлены в Хлынов (л. 129).

Итак, как волостные выборные, так и в значительной части рядовые крестьяне находились в постоянных сношениях с местной властью.

Какие же дела были предметом этих сношений? Ответ на этот вопрос важен для освещения внутренней жизни волости и ее роли и места в системе государственного управления.

Поморские волости, как уже сказано, несли обременительные личные службы, поставляя целовальников для различных государственных статей. Вятские волости обслуживали главным образом «сибирский запас». В декабре 1674 г. с Совьинской волости потребовали «двух человек в целовальники к оброчному и покупному хлебу» (л. 104). Уступив челобитью и приношениям волости, городской приказчик согласился на одного целовальника, на которого в Слободской и послан был «выбор» (л. 104 об.). В январе в волости был выбран и отправлен в Слободской целовальник для Соли Камской (л. 106). В том же январе совьинский целовальник хлопотал в Приказной избе в Хлынове и у воеводы, чтобы с волости брали не двух, а одного ношульского целовальника («чтоб одному быть с Совья Раменья, а не двум»). Хлопоты, видимо, шли не очень успешно, потому что целовальнику пришлось с приношениями идти к воеводе, «чтоб отставил ношульского другово целовальника» (л. 107, 108). Было ли удовлетворено ходатайство волости, неизвестно. 16 января целовальник ездил в Слободской «считаться» с земским старостой и с целовальниками других волостей «о усольском целовальнике, с коево стана доведетца дать целовальника» (л. 108). В результате «счета» очередь пала на Совье («и довелось с Совьинской волости»), которая и выбрала на эту должность своего крестьянина Лариона Зязева. В феврале в волости собирали «подможные деньги» усольскому целовальнику Лариону Зязеву (л. 111 об.). В марте из Совьинской волости «правили сторожа» в тюрьму (л. 116 об.). Помимо целовальников для различных служб и, как видим, отдаленных, волость должна была посылать денщиков в слободскую Судную избу, которые исполняли эту должность по полугодиям (л. 93, 114, 116, 117).

Сам выбор волощан на должности происходил отнюдь не гладко. Крестьяне стремились уклониться от различных повинностей, не являлись на сходы. Например, когда выбирали целовальника для Соли Камской, волостному целовальнику и сборщику пришлось ехать в дер. Голышево «по крестьян», видимо, саботировавших выборы, потому что очередь на этот раз пала

на их деревню (л. 106). Выбранные прятались по деревням, о чем свидетельствуют записи о розыске одного из выбранных специальным посыльным из Слободского (л. 104 об.).

Еще больше хлопот для выборных волостных властей доставлял сбор с волости налогов и других платежей. Судя по Расходной книге совьинского целовальника, уплата главного налога — стрелецких денег — была предметом его постоянных забот. Сразу же после избрания, 18 сентября, целовальник вместе со сборщиком и дьячком поехали в Слободской «отдавать список с приемного списка стрелецким деньгам». При передаче списка дали городовому приказчику гривну, сыну его — 2 деньги и человеку его — 2 деньги, да в Судной избе подьячим — 2 алтына (л. 93 об.). В сентябре же целовальник вновь хлопочет об отсрочке уплаты стрелецких денег перед городовым приказчиком, который угрожал «послать в волость по всех крестьян», а самого целовальника «без денег не велел отпустить» (л. 94 об.). Дело уладилось уплатой приказчику гривны, да его человеку 2 денег. 29 октября целовальник вновь «бьет челом о сроке в стрелецких деньгах», «неся» приказчику «явчего гривну». На другой день добавлена еще рыба «в почесть». Несмотря на это, целовальник с двумя выборными были посажены в тюрьму и выпущены «из-за решетки» по ходатайству подьячего Судной избы, который взял за это гривну (л. 97, 97 об.). Но и городской приказчик не оплошал, получив с целовальника еще «от стрелецких денег ... рубль», а его сын — 10 денег (л. 97 об.). 8 ноября целовальник, сборщик и дьячок ездили в Слободской «отдавать в уплату стрелецких денег», но не всей суммы, так как в этот же приезд целовальник «по мирскому приговору нес рубль» городовому приказчику, «чтобы в Слободской совьевских крестьян не велел поставить по порушной записи для правежа стрелецких денег всех до одного человека» (л. 98). 18 ноября целовальник вновь просит «строку во стрелецких деньгах у городского приказчика» и приносит ему обычную гривну, а сыну — 4 деньги, человеку его — 2 деньги. Однако приказчик, продолжая вымогательство, запретил ему возвращаться домой. Лишь повторная просьба об отпуске («просился в волость») с соответствующими приношениями имела успех. После трехдневной задержки целовальник выехал домой (л. 99). 23 ноября вновь платили стрелецкие деньги, городовому приказчику принесли гривну, человеку его — 2 деньги, да в Судной избе подьячим «от письма» и «праздничного» (был Екатеринин день) — гривну, а сторож взял 2 деньги (л. 100). 12 декабря совьинский целовальник, сборщик и дьячок вновь платили стрелецкие деньги, вновь несли явочное (гривну) городовому приказчику и добавочный «рубль денег от стрелецких же денег» и четверть репы (л. 103). 28 декабря городской приказчик, получив от волости «праздничное Рождественское» (получили сам приказчик, его жена и сын), видимо, стремясь к вымогательству, решил не отпускать из Слободского выборных, намереваясь на них «доправить» за всю волость «стрелецкие деньги».

Лишь богатые приношения (приказчику — рубль, жене — гривну, племяннику — 2 деньги, дворовому — 2 деньги) привели к отсрочке. 16 января целовальник вновь просил у городского приказчика «строку» в стрелецких деньгах «и чтоб не посылал денщика в волость». Приказчик снова получил гривну. 28 января целовальник со сборщиком едут в Слободской, чтобы заплатить стрелецкие деньги. Принесли гривну приказчику, 2 алтына подьячим и 2 деньги сторожу, они внесли привезенные деньги. Однако приказчик «метал» выборных «за решетку, для того что стрелецкие деньги не собраны». Выборным пришлось вновь «просить сроку» и, как водится, нести приказчику при этом гривну (л. 109, 109 об.). В феврале целовальник и сборщик через особого посыльного (денщика) были доставлены в Слободской, где по приказу городского приказчика стояли на правеже три дня и уплатили стрелецкие деньги до последней копейки, для чего целовальник взял деньги взаймы. Примечательно, что «от правежу» за двух человек (целовальника и сборщика) денщик взял 4 алтына (л. 110 об.). В марте целовальник со сборщиком ездили в Хлынов, чтобы уплатить стрелецкие деньги. Начали действия свои с посещения воеводы, принесли ему гривну, тут же с выборных «взяли» 4 деньги «жилыцы верховые» и 16 денег «на весь двор». Однако подьячие Приказной избы стрелецких денег не взяли, несмотря на приношения. Только после личного ходатайства слободского городского приказчика («к воеводе ходил», взял гривну) от воеводы последовало распоряжение — принять деньги. Однако и после этого подьячий Федор Мартынов, приняв деньги, отказался выдать отпись. Не помогло и специальное челобитие выборных (с приносом калачей на 16 денег), подьячий дал отпись лишь тогда, когда «доправил» на волость «2 рубли явтяных денег» (л. 114 об., 115). Мытарства, которые терпели волостные выборные от властей, постоянно добиваясь отсрочек в уплате стрелецких денег, отражают трудное положение выборных и в волости, где они должны были собирать налоги с плательщиков. Что такие сборы проходили со скрипом, очевидно из того, что в волость выколачивать стрелецкий налог неоднократно приезжали посыльные из города. Так, в октябре в Совье приезжал судной избы денщик, «ездил по волости, правил стрелецкие деньги» и «поручил» крестьян «стать в Слободской на правеж» (л. 97), и лишь особое ходатайство волости перед городовым приказчиком предотвратило расправу. 12 декабря на Совье «правят крестьян в стрелецких деньгах» двое посыльных из Слободского (л. 102 об.). 1 февраля денщик Ванька Пашкин приезжал в волость вновь «править» стрелецкие деньги.

Итак, основной налог платился волостью в течение всего года, и волость, видимо, так и не могла погасить недоимку. Выборные занимали всегда страдательную позицию, отвечали спиной.

Большое число платежей совершал совьинский целовальник по так называемым «разводным». Это платежи, которые падали на Совьинскую волость по раскладке земских властей (Слобод-

ского, Хлынова) для покрытия самых различных земских расходов — содержание воеводского²⁹ и земского управления, покрытие трат на всевозможные земские акции (челобитные), на выполнение различных служб, возлагаемых правительством, и т. д.³⁰

Денежные платежи по разводным поступали обычно к выборным земским властям, которые в деле выколачивания денег ничем не отличались от приказных чинов.

9 сентября, т. е. сразу же после избрания, целовальник «ездил в Слободской с уплатою по разводным к Слободскому земскому старосте Семену Котенину», которому преподнес вместе с платежом «в почесть на 8 денег вина» (л. 93). 8 октября в Совье приезжал «земской россылка» «по разводным для денег», вытребовав целовальника в Слободской, где последний просил отсрочки платежа, причем старосте и земскому дьячку было куплено на 8 денег пива (л. 95 об., 96). Но, видимо, «строку» не дали. Наоборот, земский староста С. Котенин забрал целовальника в Хлынов, где он «по два дни стоял по разводным на правеже» (л. 96). Примечательно, что сторож тюрьмы Иван Галелеев тоже взял деньги — «от правежа взял 8 денег» (л. 96). 18 ноября целовальник с дьячком и с рассылкою «отвозил старосте денег по разводу» (л. 99), при уплате опять купил пива старосте и дьячку, да его рассылка взял 2 деньги (л. 99). В 20-х числах ноября стоял 3 дня на правеже; два дня «по разводным» деньгам, один — из-за положенных на волость подвод. И опять же «от правежа» взяли с него 20 алтын (л. 100 об., 101). 6 декабря он вновь в Слободском, вновь на правеже: «Иван Галелеев правил по два дни по разводным 17 рублей, от правежа взял 10 денег, в тюрьму метал». Целовальник просил «строку» и хлопотал об отпуске домой (в волость), за что тюремный сторож Галелеев взял с него гривну. Целовальник при этом «поил» земского старосту, дьячка и рассылку вином, стоившим 16 денег (л. 102). 12 декабря Галелеев вновь получил 10 алтын «от sprawy разводных денег», а земские власти вновь пили за счет волости (л. 103, 103 об.). 14 декабря «разводные деньги» целовальник платил земскому старосте, купив традиционное вино на 8 денег (л. 103 об.). Та же ситуация повторилась 16 января (л. 108). 30 января целовальника вновь вызвали в Слободской «для уплаты по разводным». Но деньги были уплачены не все, ибо угроза правежа была и здесь откуплена вином и алтынами в пользу земского старосты и его аппарата (л. 110). В мае «разводные деньги» платились вновь и выпрашивалась отсрочка (л. 121 об.), то же повторилось 20 июня (л. 124). 27 июня специальный посыльный доставил целовальника в Слободской, где он был посажен в тюрьму «и стоял на правеже по

²⁹ Например, совьинский целовальник в июле был «метан» в тюрьму «для денег по разводным в воеводском праздничном» (л. 127 об.). Вероятно, это было покрытие расходов, павших на слободские волости в связи с июльским приездом в Слободской воеводы Нарышкина (л. 124 об.).

³⁰ Богословский М. М. Земское самоуправление..., т. II, с. 154—155.

разводам», и, конечно, просил «строку» (л. 124, 124 об.). В июле целовальник вновь стоял на правеже по «разводным деньгам», причем земский староста действовал по приказу городского приказчика (л. 127 об.).

Платежи «по разводам», как и стрелецкие деньги, собирались в волости с большим трудом. Об этом свидетельствуют частые приезды в волость представителей земских властей из Слободского. В октябре «по разводным» приезжал земский рассылка и ходил по волости «для правежа» два дня (л. 95 об.). 6 декабря тот же рассылка собирал ямские деньги (разведенные на волости) и «зазывал крестьян на погост с деньгами» (л. 101 об.). 14 декабря на Совье действовали два посыльных по выколачиванию денег «по земским разводным» (л. 102 об.), в феврале денщик из Слободского «правил» ямской оброчный хлеб (л. 113 об.). 11 марта новый посыльный «правил» деньги на крестьянах земскому старосте (л. 116). 24 марта земский рассылка Гаврила Платунов вновь явился в волость для сбора денег «по разводным» (л. 118). Тот же рассылка приезжал в волость с той же целью дважды в апреле (л. 119, 119 об.), один раз — в мае (л. 121), один раз — в июне (л. 124). Все эти наезды наносили волости ущерб: надо было кормить посыльных, оплачивать их проезд, давать хоженое, терпеть всевозможные злоупотребления. Но волость не могла своевременно собрать наложенные на нее земские суммы и несла дополнительные тяготы.

Кроме стрелецких и разводных денег, целовальник собирал и другие платежи. Так, в ноябре по поручной хлыновского таможенного сторожа целовальник должен был «стать в Хлынов с пивявочными пошлинными деньгами», а сторож хлыновской земской избы Иван Галелеев обязал целовальника заплатить «подымные положняничные деньги» (л. 100), которые и были уплачены в январе (л. 108). В июне таможенному голове были внесены «пивявочные пошлины» (л. 122 об.). 30 августа земскому старосте в Слободском платились «извозные деньги», расходы на подводы (л. 128 об.). Все эти платежи сопровождалась всевозможными приношениями.

Помимо сбора и уплаты налогов, волостные выборные осуществляли полицейские функции. Об этом можно судить по многочисленным сказкам, поданным волостью воеводской администрации. В сентябре совьинский целовальник, сборщик и дьячок подали сказку городскому приказчику «о начальных людях и о солдатах выборного Агеева полку Шепелева». Видимо, в вымогательских целях городской приказчик задержал в Слободском 11 крестьян из Совья и добился вместе со сказкой 2 гривен приношения (л. 94). Дело касалось каких-то беглых солдат, которых изловить, видимо, не удалось. В ноябре с волости вновь потребовали сказки «о солдатах Агеева полку Шепелева» и «о измайловском беглом солдате», в волость были отправлены «солдатских списков памяти» (л. 98). В марте вопрос о составлении новой сказки обсуждался на мирском сходе. Целовальник записал:

«Приехав из Слободского на Совье, собирал на погост крестьян для скаски старых солдат розных полков» (л. 117). При отдаче ее городской приказчик получил рубль, а «люди его» — 4 деньги (л. 117). В начале апреля совьинский целовальник подавал «сказку о кирпичниках». Подьячий Приказной избы Григорий Каркин, получив полтину в качестве приношения, «сказку не принял, а просил дву рублей» (л. 119). Обращение целовальника к другому подьячему Приказной избы Андрею Рязанцеву («несли гривну») — «били челом, чтобы он замолвил Григорию Каркину за нас, чтоб скаску принял» (л. 119, 119 об.), — не имело последствий, ибо и 20 апреля Каркин, взяв вновь полтину, сказки о кирпичниках не принял (л. 120 об.). В том же апреле волость подавала сказку о старых солдатах тому же Каркину. И вновь возникли трудности. И вновь волость обратилась к Рязанцеву («нес ему рыбы на 2 алтына»), «чтобы пособил промыслить скаскою о старых солдатах, и он, Андрей, велел от тое скаски Григорию Каркину нести полполтины» (л. 120 об.). Но при этом приношении Каркин «скаски не принял» (л. 121). Лучше устроилось со сказкой об оброчном хлебе. Каркин сразу принял, получив полтину, по прямому указанию подьячего Федора Мартынова, взявшего в свою очередь рубль, а люди его — 2 гривны (л. 120 об.). Правда, и в этом случае целовальник предварительно обращался («нес гривну») к А. Рязанцеву, «чтоб сказал, как промыслить скаскою оброчного хлеба» (л. 120 об.). К Рязанцеву волость обратилась вновь в феврале, когда она хлопотала в Хлынове, «чтобы оброчного хлеба с Верховской волостью не вместе разводить»; Рязанцев смотрел челобитную (получил калач), а затем «выкладывал, сколько доведетца того хлеба отпустить, от выкладки взял гривну» (л. 112). Отделение от верховцев в платеже оброчного хлеба и в других платежах было выгодно Совьинской волости, об этом хлопотали старый и новый целовальники в конце августа (л. 131). В июне Совьинская волость должна была подать земскому старосте «хлебную роспись» («сколько отпущено оброчного хлеба в Ношуль»), но не выполнила этого. Целовальник должен был стоять на правеже в Слободском, уплатив 4 деньги «от правежа» (л. 123 об.). 30 августа целовальник ездил в Слободской со сказкой «о стрелецких женах», которую вместе с обычной гривной предъявил городскому приказчику. Последний приказал поставить целовальника «в сказке» «на правеж», который был смягчен уплатой «2^х денег от поноровки» денщику, осуществлявшему правеж (л. 128 об.). Но и после этого городской приказчик сказку не принял. И только новые приношения ему, его сыну и его человеку (со смиренным вопросом «та ли подать, или вновь писать») умилили представителя власти — он принял волостную сказку (л. 128 об., 129). В июле Судная изба запрашивала, весь ли оброчный хлеб «отпущен», и брала с воложан поручные записи (л. 125 об.).

Перечень приведенных сказок (о беглых солдатах, о кирпичниках, о стрелецких женах, об оброчном хлебе и т. д.) отражает

многообразные обязательства, возлагавшиеся администрацией на волость: она должна выловить беглых солдат, собрать кирпичников-мастеров, видимо, для государственного строительства, собрать оборочный хлеб и доставить его на Ношульскую пристань и т. д.

Следовательно, по сказкам можно судить о деятельности внутреннего управления волости, которая отнюдь не сводилась к выполнению повинностей и сбору и уплате налогов. О полицейских действиях волости есть прямые указания в записях целовальника. Например, 29 августа целовальник отметил, что Судной избы сторож взял 2 деньги «воскового от памяти, что сыскивать соловетцких сумятников» (л. 130). Эта запись свидетельствует о беспокоействе правительства по поводу расширения классовой борьбы в стране.

В своей деятельности совьинский целовальник соприкасался с выборными других волостей. Выше уже говорилось, что совьинский целовальник «считался» с земским старостой и целовальниками других волостей об усольском целовальнике — «с какого стана доведетца дать целовальника» (л. 108), разумеется, это был не единственный случай. «Счеты», т. е. установление очередности между волостями в несении повинностей, были по существу обычным явлением для крестьянского самоуправления. Не исключено, что целовальник принимал участие в земских разводах сумм в уезде, хотя прямых указаний в нашем документе нет. «Для земского совету» совьинский целовальник был взят специально присланным денщиком в мае (л. 121 об.). Некоторые повинности целовальники разных волостей выполняли сообща. Например, отвоз можжевельных ягод на воеводский двор совьинский целовальник просил отсрочить «докамест иные целовальники повезут» (л. 128 об.). Несомненно, все выборные целовальники обязаны были принимать участие в выборах земского старосты, земского посадского целовальника и его аппарата, а также ряда должностных лиц приказного аппарата. Так, в конце августа в Совье был прислан из Слободского денщик Гаврила Платунов «для земских выборных людей к новому году» (л. 130 об.), вероятно, для подготовки предстоящих выборов. Одновременно он увез с собой совьинского целовальника «в Слободской для выбирания приказных людей» (л. 130 об.).³¹ Разумеется, в этом «выбирании» участвовали представители всех волостей уезда. Правда, существовал и другой способ выборов, так сказать, заочный, когда волость только подписывала выборный документ, составленный в городе. Именно в этом смысле можно толковать следующую запись целовальника от конца августа: «Приходил на Совье Бажен Быков для сносных памяти в выбор по вятских головах, таможенном и кружечных дворов, и поларешных целовальниках и по караульном, езда взял гривну» (л. 130 об.). «Сносная память», вероятно,

тот документ, в котором были обозначены выборные головы, целовальники и сторожа, подлежащий подписи в волости, но, конечно, никого не выбиравшей.³² Такое толкование «сносной памяти» подтверждается записью целовальника по поводу «избрания» вятского хлебного головы: «Хлыновской земской избы сторож Иван Галелеев приездил из Хлынова на Совье Раменье, прикладывать руки к выбору по вятскому хлебному голове Федоте Мерзине, да к приговорам хлыновскому земскому старосте о поносках» (л. 117 об.). Подпись «по хлебному голове» имела целью связать волость круговой порукой, подпись же под приговорами земскому старосте «о поносках», определявших, видимо, размер приношений представителям административной власти, означала согласие волости принять какую-то долю расходов на себя.

Кроме приношений, связанных с ведением разных дел перед воеводской администрацией, волость платила воеводе и его аппарату «праздничное» и приносила всевозможные подарки. Так, в сентябре в Слободской приезжал сын воеводы Ефим Васильевич Нарышкин. Ему целовальник принес «в почесть гривну» (л. 94 об.). Особенно богатые поборы взимались с крестьян на рождественские праздники. В Слободском городском приказчику целовальник преподнес полоть свиного мяса (12 алтын), масло и яйца (полтина), жене его — 3 алтына 2 деньги, сыну — 6 денег (л. 104 об.), подьячим — гривну, денщикам на артель — 3 алтына 2 деньги, сторожу — 2 деньги. В Хлынове круг лиц, требовавших «праздничного», значительно шире. Воевода В. П. Нарышкин получил полоть свиного мяса (11 алтын), 5 «безмен масла коровья» (11 алтын), сотню яиц (4 алтына), деньгами: сыну воеводы — 6 алтын, трем племянникам воеводы — 10 алтын, человеку воеводы — гривну, дворецкому — 5 алтын, на весь двор — полполтины, верховным жильцам — гривну, ключнику — гривну, конюхам — 10 денег (л. 107). Кроме двора воеводы, «праздничное» получали все приказные воеводской канцелярии. Один подьячий получил полоть свиного мяса (10 алтын), 4 «безмена масла коровья» (8 алтын), второй — также полоть мяса (10 алтын), 5 «безмен масла» (10 алтын 2 деньги), да деньгами сыну его — 10 денег, да человеку его — 2 деньги, третий — 2 гривны, четвертый — одну гривну. Четвертым был подьячий Андрей Рязанцев. Он удовольствовался самым небольшим «праздничным», потому что в Совьинской волости у него была своя деревня, где сидели 2 половника. «Праздничное» с волости взяли и приставы — «на артель» 16 алтын. Всего «праздничного» на рождество целовальник уплатил 4 рубля 25 алтын (л. 106—107 об.). Если учесть, что одна баранья туша стоила 2 гривны (л. 97), то

³¹ Выбор приказных людей, как мы отмечали, был восстановлен в 1682 г. по жалобе вятчан: воеводы эту практику нарушали, ставя городничими и подьячими им угодных, «без земского выбору».

³² «Сносная память» могла и не развозиться по волостям, а предъявляться к подписанию в городе. Так, в ноябре совьинский целовальник был задержан в Хлынове «два дни для отъезда воеводского и для сносных памятей» (л. 101 об.).

получается, что волость уплатила в качестве «праздничного» в декабре—январе 24 бараньи туши. Целое стадо баранов надо было забить, чтоб удовлетворить лишь один праздничный платеж. Разные чины воеводского управления брали «праздничное» на Екатеринин день, на пасху, на Алексеев день, но эти платежи были небольшими.

Целовальник должен был приезжать в Слободской в торжественных случаях прихода «чудотворных» икон, приезда воеводы. Например, в сентябре целовальник был в Слободском «для приезда великого чудотворца Николая Шестаковского и Усть-Чепецкого» (л. 94), а в июле — «для приезда великого чудотворца Николая и для воеводского приезда» (л. 124 об.). На время пребывания воеводы целовальник должен был оставаться в городе для представительства. Кроме всяких приношений воеводе и сопровождавшим его приказным, Совьинская волость поставила одного человека на поварню, «как варили пива к Николину приезду и к воеводскому» (л. 126).

Как видно из записей целовальника, в его обязанность входило обеспечить любого посыльного кормом, предоставлять им подводы для разъездов по волости, оплачивать проезд в волость и обратно. Заботился целовальник и о всех проезжающих через волость приказных. Так, в июле через Совье в Лекму ехали из Хлынова «для сыска дела» подьячий Приказной избы и пристав, им было куплено хлеба и «харчев... мяса свиного... ягод» на 24 деньги, а при обратном проезде — на 12 денег (л. 126 об.—127). Вступал целовальник и в сношения с выборными других волостей. Так, чтобы пользоваться помещением Верховского стана, целовальник купил вино «в почесть верховскому целовальнику с крестьяны, чтоб дали денег принимать в их избе» (л. 101). Сделка осуществлялась в традиционных формах межволостной попойки.

Целовальник оставался на виду у властей и после его «года». Так, совьинский целовальник «после года» был вызван в Слободской «считать земского старосту... Котенина» и занимался этим делом 4 дня (л. 131). После «года» целовальник улаживал все незавершенные дела: дал сказку о том, что все стрелецкие жены «отпущены» за его «год», и считался со старостой по пошуйским отписям «в извозных в выдочных деньгах, что выдают из Приказной избы на провоз оброчному хлебу» (л. 131 об.). Заключительным делом целовальника, вероятно, был финансовый отчет перед волостью, главным документом в расходной части и явилась данная Расходная книга.

Сухие записи Расходной книги, фиксирующие волостные траты при вершении различных дел, представляют богатый материал для характеристики и структуры волостного управления и повседневной деятельности его. Исполнение служб, налагаемых на волость приказной администрацией, сбор и уплата государственных налогов и земских платежей, исполнение полицейских функций — все это отражено в книге с большой наглядностью и с массой ценных

бытовых подробностей. Как ни в одном документе, в Расходной книге раскрывается «механизм взаимоотношений» земских властей «с лицами царской администрации».³³ Суть этих взаимоотношений — полное подчинение земского самоуправления приказной администрации во главе с всеильным воеводой. Через волостное самоуправление царские правители осуществляли всю полноту власти над каждым крестьянским двором, над каждым волощанином.

Через выборных, без каких-либо затрат, воеводское управление обеспечивало государственный интерес: собирало налоги, припуждало население нести повинности, поддерживало правопорядок и т. д. Вместе с тем вся структура волостного самоуправления, базировавшегося на круговой поруке, была удобной формой для организации настоящего, ставшего бытом деревни феодального грабежа и произвола со стороны администрации. Это засвидетельствовано и нашей Расходной книгой. «Как на ладони, — писал А. А. Преображенский в предисловии к публикации, — предстает перед нами поистине ужасающая и угнетающая картина откровенного, узаконенного грабежа народа. Начиная от воеводы, его семьи и двора, кончая самой малой сошкой административного аппарата, вроде сторожей или посыльных, — все стремятся поживиться за счет крестьян. Берут всем — деньгами, калачами, мясом и прочей снедью. Берут каждодневно и грубо, подвергая представителей крестьянской волости оскорблениям, унижению и истязаниям».³⁴

И действительно, при всяком обращении волостных выборных к приказной администрации — для утверждения при вступлении в должность, при поставке волощан к тем или иным повинностям, при уплате налогов или челобитях об отсрочке их, при подаче сказок, касающихся волости, — приказные чины всех рангов стремились урвать свой кусок. Бюрократические придирки, волокита, грубое вымогательство пускались в ход. Заключение в тюрьму, правеж — повседневная реальность для выборных. Правда, и здесь можно было откупиться. За приношения сокращалось тюремное сидение, за алтыны оказывалось снисхождение на правеже. Так, в июле в Хлынове совьинский целовальник стоял на правеже в подводах, которые волость должна была поставить для дворовых людей воеводы. С него взяли правежного 8 денег, кроме того, он уплатил денщику и его товарищу 10 денег, «чтобы правежом не изувечил» (л. 126).

Расходная книга позволяет определить, чего стоило волости ее самоуправление. Годовой управленческий расход целовальника Загребина составил 45 руб. — сумма значительная, если учесть, что волость состояла из 80 крестьянских дворов. Она составила более половины стрелецких денег. При пересчете на цены, ука-

³³ Преображенский А. А. Расходная книга..., с. 408.

³⁴ Там же.

занные в Расходной книге, волость должна была продать или 375 сотен яиц (4 алтына сотня), или 140 полотей мяса (по 11 алтын полоть), или 180 бараньих туш (по 2½ гривны туша), чтобы покрыть этот расход. И все это должны были произвести 80 хозяйств волости! Какие же статьи расхода? Четвертая часть расходов — 11 рублей 10 алтын — шла на приношения городскому приказчику. Сын его и племянники получили 65 денег. Подьячие Слободской судной избы взяли 1 рубль 10 алтын, «человек» (видимо, холоп) городского приказчика — 76 денег. Приношения воеводе составили относительно небольшую сумму, вместе с семьей он получил 2 руб. Зато подьячие Приказной хлыновской избы взяли с совьинской волости более 5 руб. По сравнению с приказными чинами выборные земские власти ограничивались обычно угощениями со стороны волости. Так, на угощения слободского земского старосты Семена Котенина с его штатом целовальник израсходовал около 1½ руб. Конечно, выборный земский аппарат, как и воеводский — приказной, содержался за счет населения, расходы на тот и другой «разводились» по волостям и собирались с большим трудом.

Обеспечение деятельности выборного управления волости составляло также крупную статью расхода. Оплата проезда целовальника, сборщика, подьячего и других волощан, привлекаемых к земскому делу, обеспечение их кормом, постоем в городе и так далее за год составили 17 рублей 23 алтына. К этой сумме следует добавить 108 денег (т. е. 18 алтын), уплаченных целовальником городским писцам за составление разных документов: челобитных, сказок и т. п. 4 рубля 5 алтын израсходовала волость на оплату проезда и разъездов по волости, а также на корм и постой представителей приказного и земского управления, посылаемых в Сове.

Обзор расходов, связанных с деятельностью волостного самоуправления в одной из северных волостей, показывает, каким бременем ложилось оно на волощан. Приказная администрация управляла через волость уездом, не затрачивая никаких средств. Наоборот, волощане по требованию приказных чинов оплачивали все акции правительства.

Деятельность земского управления Совьинской волости, его взаимоотношения с приказной администрацией не были исключением. Они типичны для XVII в., что доказывается материалом о земских старостах и целовальниках, приведенных по Усть-Вымской, Тавренской и другим волостям. Детальный разбор исторической жизни одной небольшой волости исследовательски оправдан. Благодаря ему предельно оголились система управления и полная зависимость земства от приказной бюрократии и очевидная необходимость земства, как органа управления страной, в период, когда чиновничество еще не стало единственной правящей силой на Руси. Выборные волостные власти, опираясь на волость, на волостной сход, были своего рода амортизаторами давления на крестьян крепостнического государства. Поэтому крестьянские

общины коллективно, иногда целыми уездами выступали против воевод за сохранение постоянно подавляемых основ самоуправления.

Изучение жизни черносошного крестьянства обширного района Севера в XVII в. позволяет сделать некоторые выводы.

В век становления в России государственной системы крепостного права черносошное крестьянство осталось незакрепощенным. Норма Уложения 1649 г. о прикреплении черносошных крестьян к наделам не была осуществлена. Крестьяне в XVII в. покидали свои наделы, уходили из центральных уездов Поморья в восточные и еще далее, в Сибирь, свободно переходили в половники и порядчики, лишившись надела, жили в своих волостях во дворах состоятельных крестьян в качестве подворников, соседей, подсоседников, наймитов и просто нищих. Сыск черносошных крестьян и возвращение их, провозглашенные правительством, оставались малодейственными.

Северный крестьянин боролся за свой черносошный статус, связывая это с требованиями возвращения захваченных феодалами земель в черные земли. Классовый конфликт крестьянина и крепостника пронизывал всю жизнь. Нигде в России крестьянин не добился большего успеха, чем крестьянин Севера, отстаивший границы своих земель и свой незакрепощенный статус.

Как собственник средств производства — земли, промысловых угодий — крестьянин вел свое хозяйство рационально и своим трудом в сложных почвенно-климатических условиях сохранил плодородие разработанных его предками земель и поднял огромные массивы земледельческих площадей.

Мобилизация крестьянских земель, зафиксированная источниками XVII в., привела к концентрации земли и угодий в руках выделившихся из волостной общины крестьян-богачей и имела следствием образование значительного слоя безземельных крестьян или малоземельных, для которых основным средством жизни становился труд по найму в хозяйствах богатых крестьян. Половничество, получившее значительное развитие в черносошных районах, было одной из форм найма. Так, в земледельческом хозяйстве развивались капиталистические формы эксплуатации. В крестьянстве вырастали элементы капитализма. Богатые черносошные крестьяне переходили в посад, становились членами центральных торгово-купеческих корпораций.

Черносошный крестьянин нес огромную тяжесть государственных налогов и повинностей, которые в течение XVII в. постоянно росли и, таким образом, обеспечивал все внутренние и внешние акции правительства.

Оглавление

Введение	3
Глава I. Крестьянское землевладение на Севере	8
Законодательство о черных землях	11
Отношение крестьян к законодательным запретам	16
Законодательство об оброчных землях	18
Мобилизация крестьянских земель	24
Землевладение приходских церквей	32
Захват феодалами крестьянских земель	37
Борьба черпосолных крестьян за землю	41
Правовое положение черпосолного крестьянства	56
Глава II. Деревня	~~67~~
Дворность, населенность двора	67
Деревня в поземельном отношении	76
Реальное распределение земли	84
Структура земель деревни	99
О теории долевой деревни	102
О складоческой деревне	110
Глава III. Занятия крестьян	121
Земледелие	120
Животноводство	138
Промыслы	150
Глава IV. Социальное расслоение деревни (деревенские богаты и беднота)	163 ✓
Глава V. Налоги и повинности	192
Глава VI. Волость	208
Совышская волость в XVII в.	212
Указатель имен	228
Указатель географических названий	235
Предметный указатель	241